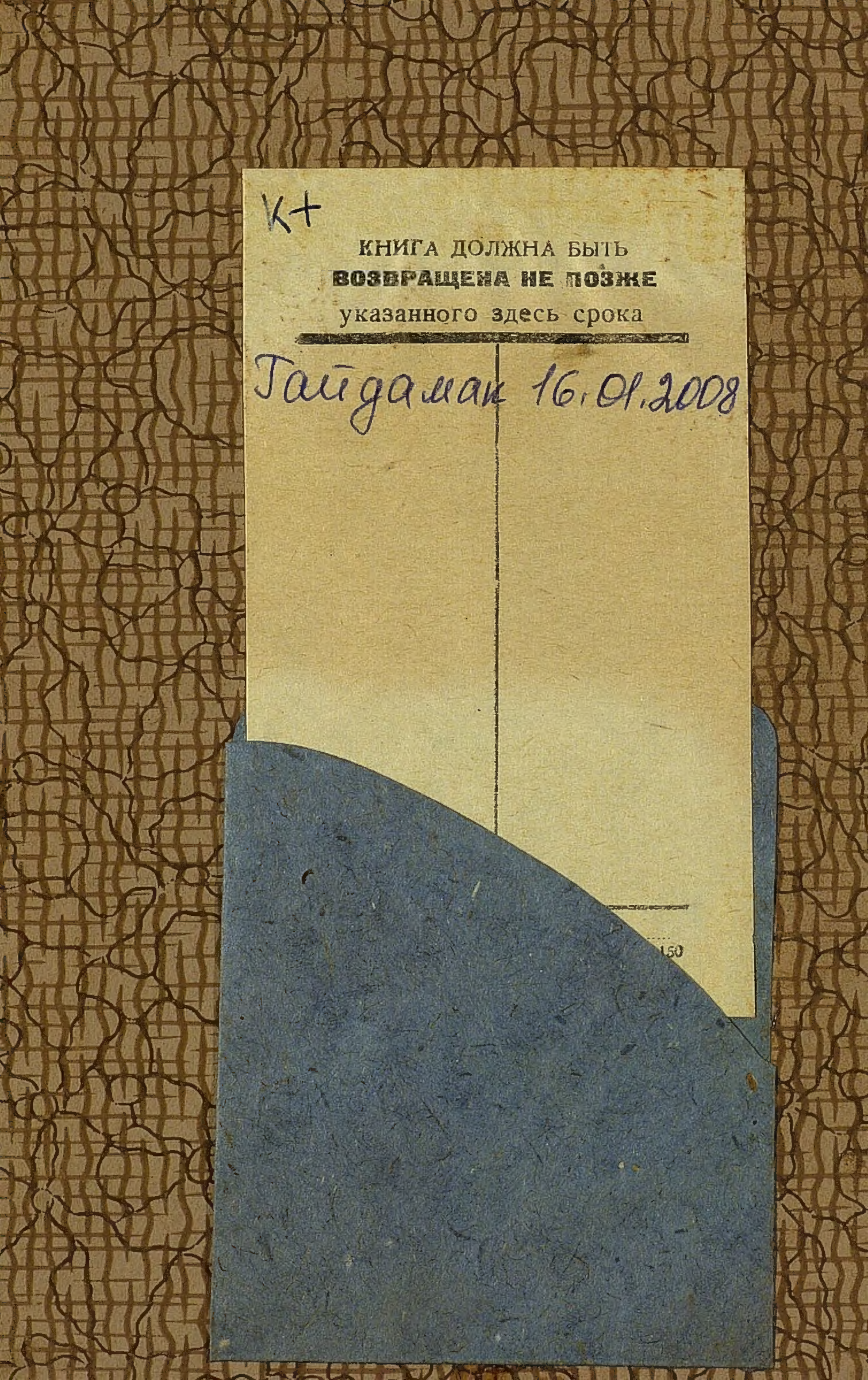
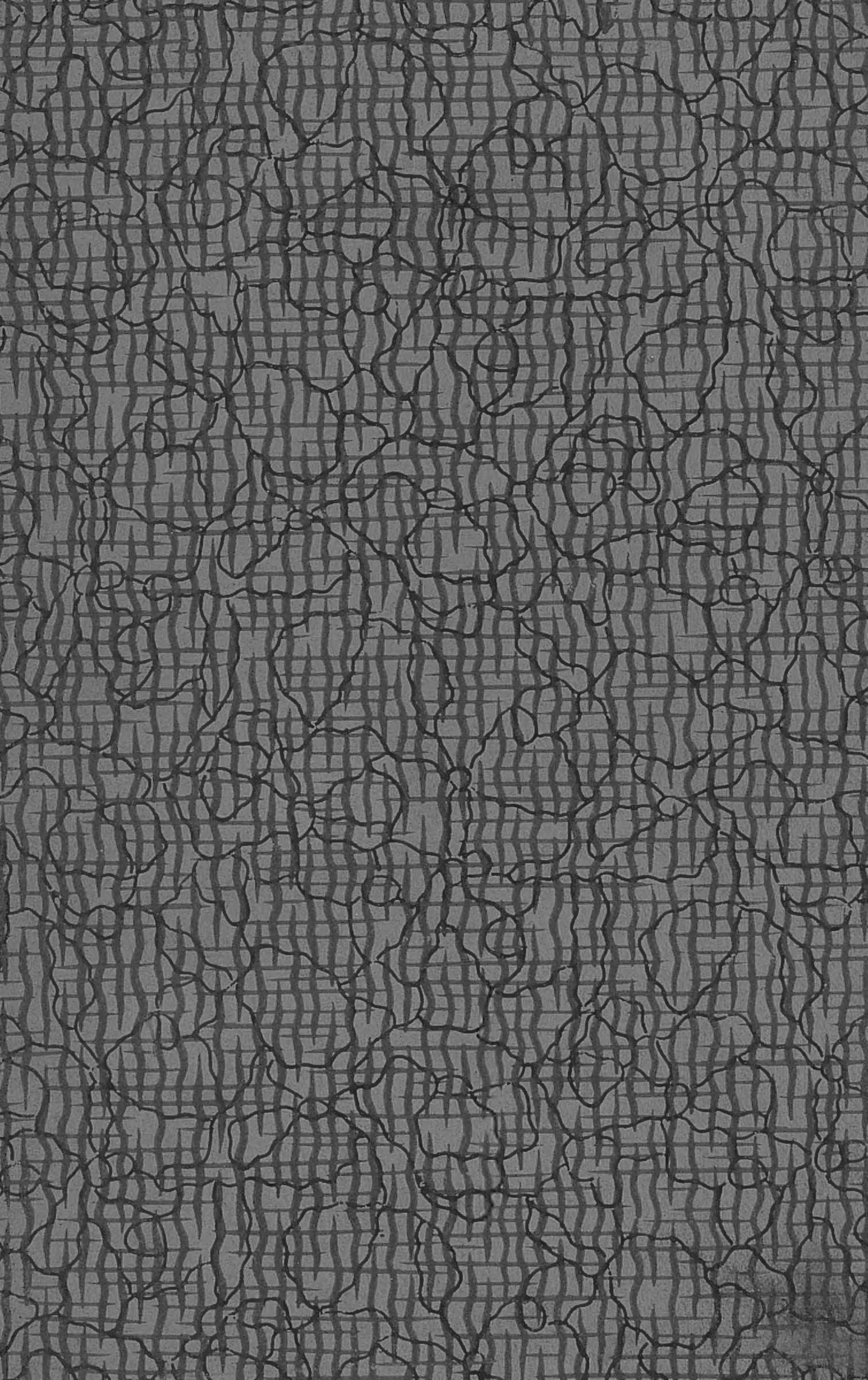
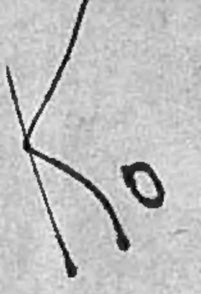
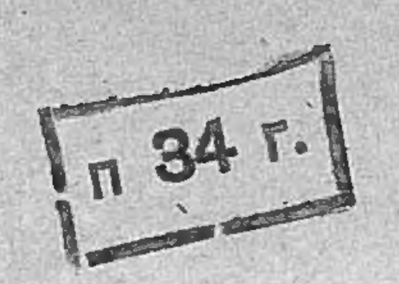

947
K 72H

К+
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока
Гайдамак 16.01.2008

ОЧЕРКЪ ТОРГОВЛИ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ОЧЕРКЪ ТОРГОВЛИ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

СОСТАВИЛЪ

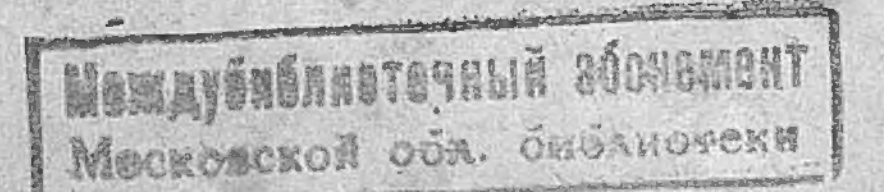
Н. Костомаровъ.

ИЗДАНІЕ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

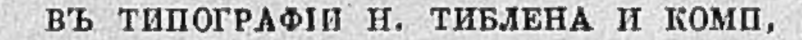

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С-Петербургъ, 18 декабря 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

ГЛАВА I.

Совокупность мѣстныхъ особенностей и вѣковыя обстоятельства исторіи наложили своеобразное очертаніе на всѣ проявленія жизни народа, населявшаго Россію. Плоскость пространства, суровый климатъ, отдаленность отъ театра умственной и гражданственной дѣятельности цивилизованнаго человѣчества, близость къ кочующимъ племенамъ, отъ которыхъ Россія должна была защищать первые начатки своей образованности, слишкомъ слабые не только для того, чтобъ обновить жизнь другихъ, но и для того, чтобъ развиваться своенародно при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ; наконецъ, долговременное иго татарское, изъ подъ котораго Россія освобождалась медленно, не путемъ открытаго сопротивленія и борьбы, но пользуясь игрою случая и выборомъ обстоятельствъ,—все это вмѣстѣ приготовило для Россіи тотъ образъ, въ которомъ бытъ ея явился въ XVI вѣкѣ, когда она, освободившись отъ чуждаго завоеванія, установилась на основаніи государственнаго единства и начала новый періодъ своей исторіи, опредѣляемый названіемъ московскаго. Эти условія жизни отразились, между прочимъ, и на нашей торговлѣ. Количественное богатство матеріаловъ страны, болѣе дѣвственной и обширной, чѣмъ плодоносной; скудость рукодѣльныхъ произведеній; трудъ производителя, тяжелый, вынуждаемый

чаще всего внѣшними побужденіями необходимости и неизбѣжности, иногда тою отвагою, которая рождается вслѣдствіе терпѣнія, рѣдко изобрѣтательностью и сознательною надеждою на успѣхъ; неудобства путей сообщенія, подвергавшія торговцевъ невыразимымъ лишеніямъ и опасностямъ; незнаніе техники чужеземныхъ произведеній; невѣдѣніе способовъ ихъ пріобрѣтенія и сбыта своихъ собственныхъ; недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ и чужой добросовѣстности, а вслѣдствіе того, стремленіе обманомъ предупредить обманъ; задержки и препятствія, которыя на каждомъ шагу полагались торговой дѣятельности,—вотъ черты, отличавшія русскую торговлю и составлявшія ея исключительный характеръ.

Паденіе Новгорода, убивъ древній порядокъ раздѣльности и вѣчеваго порядка удѣльнаго періода, не осталось безъ важныхъ измѣненій въ торговлѣ. Іоаннъ III, переселивъ во внутренность Московіи знатнѣйшія новгородскія фамиліи, разрушилъ вѣковую корпорацію новгородскихъ гостей, которые до того времени составляли какъ-бы компанію, державшую въ своихъ рукахъ всю торговую дѣятельность древняго русскаго міра и исключительно управлявшую торговлею съ Западомъ. Но собственно Новгородъ, въ смыслѣ его мѣстности, еще долго не терялъ прежняго значенія; подъ властію Москвы, онъ, по-крайней-мѣрѣ, до открытія бѣломорскаго пути, не перестаетъ быть важнѣйшимъ пунктомъ торговыхъ сношеній Россіи съ Европою. Въ Новгородѣ былъ главный обмѣнъ русскихъ сырыхъ произведеній на иноземныя рукодѣльныя. Съ разныхъ сторонъ Россіи стекались туда купцы; москвичи, тверитяне, смольняне, съ медомъ, воскомъ, мѣхами, солью, рыбою, лѣсомъ, пенькою, льномъ, угольями (1), и возвращались съ сукнами, матеріями, драгоцѣнными металлами (2). Покупаемые или вымѣниваемые русскіе товары отправлялись изъ Новгорода двумя путями: въ Ивань-

---

(1) Акты Археограф. Эксп. 1- 324. (2) Ibid. 1. 398. 700.

Городъ и въ Псковъ, а изъ Пскова въ Ригу и Литву ([1]). Изъ иностранныхъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ въ началѣ XVI вѣка, первое мѣсто занимали фламандцы, за ними литвины. Такое стеченіе купцовъ давало ему значеніе перваго торжища во всей Россіи ([2]).

Изъ городовъ, сосѣднихъ съ Новгородомъ, занимало важное мѣсто Бѣлоозеро, переволочный торговый пунктъ между Новгородомъ и сѣверовостокомъ Россіи; тамъ былъ постоянный торгъ или ярмарка, куда съѣзжались купцы тверскіе, новгородскіе и другихъ городовъ, а равно и изъ монастырей, занимавшихся тогда большою торговлею. Сами бѣлоозерскіе торговцы производили значительные закупы разныхъ оптовыхъ товаровъ, напримѣръ, соли съ Сѣвернаго моря, и перепродавали купцамъ другихъ городовъ. Въ XVI вѣкѣ не только самый городъ, но и прилежащія къ нему населенія начали принимать торговый характеръ; но московское правительство, наблюдая свои выгоды, и опасаясь, что, при расширеніи торговыхъ пунктовъ, трудно будетъ слѣдить за собираніемъ пошлинъ, въ 1497 году уничтожило торги въ селахъ, исключая одного города и волости Углы ([3]).—Судьба Пскова была подобна судьбѣ Новгорода. Паденіе вѣча въ 1510 году сопровождалось такими же переселеніями псковскихъ купеческихъ фамилій во внутренность Московскаго государства и замѣщеніемъ ихъ москвитянами. И здѣсь угасла вѣковая торговая корпорація мѣстныхъ старожиловъ, а новыя общественныя условія не дозволили новому купечеству современемъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ было прежнее. Василій Іоанновичъ уничтожилъ вмѣстѣ съ гражданскою свободою Пскова и торговую вольность его, ввелъ тамгу и пошлины, лежавшія на торговлѣ въ Московскомъ государствѣ, которыхъ никогда не знали въ Псковѣ ([4]). Такимъ образомъ, выгоды, которыя извлекали

([1]) Собраніе Гос. Гр. I. 89—91. ([2]) Angl. Navig. 10. ([3]) А. А. Э. I. 100. ([4]) Псков. лѣт. 180.

псковскіе купцы, бывшіе, по положенію своего отечества, факторами между Европою и Россіею, не оставались уже для нихъ исключительнымъ достояніемъ, а переходили въ руки правительства. Но Псковъ не пересталъ быть городомъ важнымъ для торговли. Онъ стоялъ на распутіи торговаго обмѣна. Мы выше замѣтили, что часть товаровъ, выходившихъ изъ Новгорода, проходила въ Псковъ. Самый Псковъ имѣлъ три пути сбыта и привоза: первый до Ивань-города—вѣроятно, водяной, второй къ Ригѣ, третій въ Литву ([1]). Главные иностранные купцы, торговавшіе въ Псковѣ, были ливонцы, скупавшіе въ этомъ городѣ огромное количество воску и меду. Эти два матеріала изъ всей обширной Россіи приходили преимущественно въ Псковъ и оттуда шли въ Ригу, которая снабжала ими всю Европу ([2]).

Въ Москву въ XV вѣкѣ стекалось множество европейскихъ купцовъ изъ Польши и Германіи ([3]) для покупки мѣховъ, которые въ московской торговлѣ занимали первое мѣсто между вывозными товарами ([4]). Торговля эта происходила въ гостиномъ дворѣ; онъ, въ началѣ XVI вѣка, помѣщался въ обширномъ каменномъ зданіи, котораго лавки поражали глаза разнообразіемъ привозимыхъ товаровъ. Самое торговое время въ Москвѣ была зима, по причинѣ болѣе удобнаго сообщенія, въ особенности для пріѣзжавшихъ изъ Литвы чрезъ Смоленскъ, потому что лѣтняя дорога этого пути находилась постоянно въ самомъ дурномъ положеніи. Лѣтнимъ путемъ служила Москва-рѣка, судоходная верстъ за сорокъ выше Можайска; по ней проходили въ Москву суда съ товарами и пригоняли лѣсъ, но вообще этотъ путь не былъ вполнѣ удобенъ по причинѣ извилистаго русла рѣки и зимній путь считался лучшимъ. Въ XVI вѣкѣ не всѣ иностранцы имѣли право торговать въ Москвѣ; туда пріѣзжали преимущественно поляки; нѣмцы, шведы и ливон-

---

([1]) Herberst. Hist. ruthen. script. I. 51—52. ([2]) Кампензе (изд. Калистр. и Семенова), 31. ([3]) Контарини (изд. Калилстратова и Семенова), 111. ([4]) Herberst. (изданіе Старчевскаго) 40.

цы ѣздили въ Новгородъ (1). Каждый торговецъ, привозившій въ Москву свои товары, долженъ былъ показать ихъ таможеннымъ чиновникамъ, которые составляли имъ подробную опись и оцѣнку и представляли на благоусмотрѣніе государя; если великій князь пожелаетъ купить въ свою казну что-нибудь изъ привезенныхъ товаровъ, то купецъ не имѣлъ права торговать, пока не окончится выборъ для великокняжеской казны. Такія задержки и стѣсненія, вѣроятно, были причиною того, что вообще иноземные купцы охотнѣе ѣздили въ Новгородъ, гдѣ это правило не наблюдалось въ такой строгости, и если существовало, то ограничивалось нѣкоторыми статьями, а потому-то англичане, пріѣхавшіе въ Россію, нашли Новгородъ въ торговомъ отношеніи значительнѣе царской столицы (2).

На сѣверовостокъ отъ Москвы, въ первой половинѣ XVI вѣка, имѣлъ торговое значеніе Дмитровъ (3), потому что изъ него открывался важный путь въ Волгу: суда шли по Яхромѣ въ Сестрью, изъ Сестры въ Дубну, а Дубною входили въ Волгу. Такимъ образомъ, товары, привозимые изъ восточныхъ странъ, могли доходить водою въ Дмитровъ, а оттуда сухопутьемъ перевозились въ Москву. Дмитровъ, между прочимъ, былъ средоточіемъ рыбной торговли, имѣвшей въ тотъ вѣкъ важное значеніе внутри края; по вышеупомянутому пути доставлялась рыба изъ Шексны (4). Въ окрестныхъ селахъ Кимрѣ и Рогачевѣ образовались также торговые пункты для хлѣба, соли и скота (5). Далѣе на устьѣ Шексны образовался рыбной рынокъ множество купцовъ съѣзжались туда изъ разныхъ краевъ Россіи для скупа шекснинской рыбы, которая славилась повсюду; между прочимъ, монастыри посылали туда своихъ людей и крестьянъ для покупки значительныхъ партій рыбы.

На устьѣ Мологи существовала первая въ то время въ Россіи

---

(1) Ibid. 41. (2) Angl. Navigat. 10. (3) Herberst. 52. (4) А. А. Э. I. 309. (5) Ibid. 213.

ярмарка. Она была близъ прежняго Холопьяго-городка, построеннаго, какъ говорило преданіе, новгородскими рабами, которые въ отсутствіе господъ воспользовались ихъ супружескими правами, а по возвращеніи господъ бѣжали на устье Мологи и тамъ построили укрѣпленіе и защищались въ немъ отчаянно, но наконецъ были взяты силою (1). Подъ именемъ Холопьяго-городка еще въ XVI вѣкѣ существовало поселеніе; въ разстояніи же нѣсколькихъ верстъ отъ него, при самомъ устьѣ Мологи, стояла на скалѣ церковь; въ виду ея простирался широкій лугъ, на которомъ собиралась знаменитая ярмарка. Преданія, сохранившіяся о ней въ концѣ XVII вѣка, когда она давно уже несуществовала, уступивъ мѣсто другимъ торжищамъ, даютъ ей очень важное значеніе. Торгъ продолжался ежегодно въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Широкое устье Мологи до того было заграждено судами, что люди безъ перевозовъ переходили по судамъ съ одного берега на другой. Купцы разныхъ странъ — нѣмцы, поляки, литовцы, греки, итальянцы и персіяне раскладывали на обширномъ лугу свои товары, удивлявшіе красотою узорочья незнакомую съ фабричною и искусственною производительностью Россію. Семьдесятъ кабаковъ съ питьемъ разливали веселость въ толпѣ. Оборотъ на этой ярмаркѣ былъ такъ великъ, что сборщики пошлинъ пріобрѣтали въ казну великаго князя до 180 пудовъ серебра. *Бывшіе тогда въ память свою намъ повѣдаша яже отъ отцовъ своихъ слышаша*, говоритъ описывавшій невиданную уже имъ ярмарку діаконъ Каменевичъ-Рвовскій, писавшій въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія (2). Герберштейнъ, посѣщавшій Россію тогда, когда ярмарка Холопьяго-городка еще существовала, говоритъ, что туда стекались шведы, поляки, литовцы, но преимущественно татары и турки (3). Торгъ этого торжища былъ преимущественно мѣновой, такъ, что почти обходилось безъ серебра и золота. Пріѣзжіе купцы про—

(1) Herberst, 51. (2) Ист. Гос. Рос. IV. Пр. 323. (3) Herberst., 40.

мѣнивали сшитыя одежды, ткани, ножи, топоры и посуду на сырыя произведенія края, въ особенности на мѣха ([1]). Это извѣстіе современника показываетъ, что сказаніе конца XVII вѣка преувеличено, но тѣмъ не менѣе послѣднее служитъ доказательствомъ, что ярмарка Холопьяго-городка дѣйствительно была очень важною въ свое время, когда оставила въ грядущихъ вѣкахъ такую память о своемъ существованіи.

Въ сѣверовосточной Россіи Вологда и Устюгъ были города уже съ торговымъ значеніемъ. Край вологодскій былъ богатъ льномъ и саломъ, и Вологда была сборнымъ пунктомъ этихъ произведеній, отправляя ихъ въ Новгородъ ([2]). Въ Устюгѣ былъ мѣновой торгъ мѣхами, которые добывались на Двинѣ и на Вагѣ, а также привозимы были сосѣдними восточными инородцами: югрою, вогуличами, печерянами, пермяками и отчасти русскими промышленниками, которые сами ходили въ глубины сѣверовосточныхъ лѣсовъ ([3]). Изъ Бѣлоозера приходили въ Устюгъ, чрезъ Кубенское озеро, суда съ хлѣбомъ и разными произведеніями природы и рукодѣлья для обмѣна съ инородцами на мѣха; между прочимъ, Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь каждогодно отправлялъ въ Устюгъ суда съ товарами, преимущественно съ кожею ([4]). Торговое плаваніе отъ Устюга до Холмогоръ по Двинѣ существовало въ началѣ XV вѣка и въ Холмогорахъ была ярмарка, на которой торговали мѣхами ([5]). Смѣльчаки-промышленники спускались изъ Холмогоръ въ Сѣверное море, направляли путь вдоль праваго берега, входили въ Мезенскую губу, проплывали по Мезенѣ, потомъ по Пезѣ, а оттуда короткимъ волокомъ переходили въ рѣку Цильму и входили въ широкую Печору, по которой достигали Пустозерска. Нѣкоторые ходили въ Уссу, а оттуда волокомъ переправлялись въ Сысву, спускались въ Обь и доходили даже до Иртыша ([6]). Само собою разумѣется, что этотъ путь былъ продолжителенъ и исполненъ опасностей и

([1]) Herberst., 53. ([2]) Angl. Navig. 10. ([3]) Пав. Іов. ([4]) Доп. Ак. Ист. I. 236. ([5]) Angl. Navigat. 10. ([6]) Herberst. 55.

большихъ затрудненій. Тамъ промышленники ловили пушныхъ звѣрей или вымѣнивали мѣха у туземцевъ; другіе вымѣнивали моржей для зубовъ, цѣнныхъ въ то время въ торговлѣ; иные привозили изъ отдаленныхъ краевъ рѣдкихъ птицъ—соколовъ и кречетовъ, составлявшихъ любимую забаву знатныхъ ([1]). Въ землѣ самоѣдовъ, не далеко Мезеня, въ селеніи Лампожнѣ, была ярмарка, на которую съѣзжались изъ Холмогоръ разные купцы, для вымѣна шкуръ и мѣховъ отъ самоѣдовъ, какъ это свидѣтельствуетъ грамота Іоанна IV, въ 1547 г., гдѣ сказано: «Самоѣды пріѣзжаютъ въ Лампожны торговати съ русаки». Нѣкоторые изъ Устюга предпринимали промышленныя и торговыя путешествія въ Вятку и Пермь: путь ихъ лежалъ изъ Устюга по рѣкѣ Югу, а потомъ волокомъ они переходили въ Вятку; этотъ путь, однако, не считался безопаснымъ, потому что купцы претерпѣвали несчастія отъ разбоевъ воинственныхъ черемисъ ([2]). Въ вятскомъ краѣ привлекала промышленниковъ ловля бобровъ въ рѣкахъ и бѣлокъ въ дремучихъ лѣсахъ: этимъ промысломъ занимались татары и продавали свою добычу русскимъ купцамъ. Такимъ образомъ, ловля бобровъ происходила въ XVI вѣкѣ въ рѣкѣ Чепцѣ и озерѣ того же имени ([3]). Кромѣ мѣховъ, русскіе торговцы покупали въ вятскомъ краѣ лошадей, которыя тогда уже пріобрѣли извѣстность ([4]).

Какъ ни затруднительны, какъ ни опасны были путешествія въ глубинѣ суроваго, негостепріимнаго, дикаго сѣверовостока, однако, польза, какую получали отъ нихъ торговцы, была столь велика, что заставляла ихъ отваживаться на все; въ XVI вѣкѣ въ короткое время торговцы могли составить огромный капиталъ отъ такихъ поѣздокъ, потому что они вымѣнивали цѣнные пушные мѣха на совершенную бездѣлицу; напримѣръ, за желѣзный топоръ пермскій дикарь давалъ столько мѣховъ, сколько можно было, связавъ ихъ вмѣстѣ, продѣть въ отверстіе топора, куда

([1]) Раф. Барбер. 49. ([2]) Herberst. 57. ([3]) Акты Археограф. Эксп. I. 217. ([4]) Herberst. 56.

вкладывается топорище ([1]). Эта торговля знакомила сѣверо-восточныхъ дикарей съ первыми зачатками цивилизаціи, ибо русскіе привозили имъ хлѣбъ, одежды, посуду ([2]). Тогда-какъ одни промышленники, выплывая изъ Двины въ море, отправлялись на востокъ, другіе отправлялись по морю, на западъ, въ землю лопарей, и вымѣнивали рыбу за первые предметы гражданственнаго быта ([3]). По берегамъ Ледовитаго моря русскіе промышленники занимались ловлею бѣлыхъ медвѣдей, моржей, рыбы и вываркою соли. Каргопольцы, порошане, устьмошане, мерехшане ѣздили къ морю лѣтомъ на судахъ, зимою на саняхъ и привозили оттуда большой запасъ соли, которую складывали въ Турчасовѣ и Порогѣ, гдѣ наемные козаки набирали ее въ рогожи. Они продавали ее, между прочимъ, бѣлоозерскимъ купцамъ ([4]). Соль вываривалась въ большомъ количествѣ въ вотчинахъ Соловецкаго монастыря и составляла важный доходъ его, пріобрѣтаемый торговлею ([5]). И другіе монастыри имѣли тамъ соляныя варницы, напримѣръ монастырь св. Николая у Непоксы.

Изъ городовъ волжскаго бассейна, Ярославль, Нижній и Балахна, въ первой половинѣ XVI вѣка, были торговыми городами. Страна, прилегавшая Ярославлю, славилась своимъ хлѣбородіемъ, а потому городъ Ярославль былъ мѣстомъ хлѣбнаго закупа ([6]). Въ Нижнемъ и Балахнѣ существовали торжища ([7]): это видно, между прочимъ, изъ привилегіи, данной Данилову монастырю въ Переяславлѣ, на безпошлинную отправку разныхъ произведеній изъ монастырскихъ имѣній на продажу въ Нижній и Балахну ([8]). Казань еще въ XV вѣкѣ ([9]) передавала Россіи мѣха, получаемые изъ Джагатая, и, вѣроятно, чрезъ Казань доставлялись въ Россію бухарскія шелковыя ткани ([10]). Изъ мѣховъ, доставляемыхъ въ Россію Казанью, славились преимущественно бѣлки, которыхъ ловили на Яикѣ, куда русскіе еще не

([1]) Пав. Іов. 41. ([2]) Herberst. 78. ([3]) Ibid. ([4]) А. А. Э. I. 1768. ([5]) Herberst. 52. ([6]) Ibid. ([7]) А. А. Э. I. 214. ([8]) Ibid. 212. ([9]) Барбар. 96. ([10]) Ibid. 57.

успѣли проникнуть (1). Что въ XV вѣкѣ русскіе купцы ѣздили также въ Казань, это видно изъ грамоты митрополита Іоны въ 1461 г. къ казанскому царю, въ которой онъ проситъ покровительства къ своимъ людямъ, отправленнымъ въ Казань *съ рухлядью*; митрополитъ напоминаетъ казанскому царю, что онъ всегда былъ благосклоненъ къ русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Казань для торговли (2). Торговля, съ татарами не всегда была безопасна; такъ въ 1523 году въ Казани перебили всѣхъ русскихъ купцовъ (3). Но русскіе вели постоянную съ ними торговлю; доставляли татарамъ европейскія шерстяныя матеріи, отъ нихъ получали лошадей, которыя были тогда въ большомъ уваженіи (4). Татары обыкновенно вели съ русскими мѣновую торговлю, но иногда продавали свои товары на чистую монету (5). По извѣстію Барбаро (6), въ XV вѣкѣ русскіе посылали суда свои по Волгѣ въ Астрахань за солью. Въ концѣ XV вѣка, между Москвою и Астраханью ходили караваны. Путешествіе это было очень затруднительно, по недостатку пристанища, продовольствія и частымъ разбоямъ на пути. Поэтому купцы старались везти свои товары тогда, когда астраханскій царь посылалъ московскому великому князю подарки, что случалось почти каждый годъ. Съ этимъ посольствомъ отправлялось до трехъ сотъ русскихъ и восточныхъ купцовъ съ товарами, а татары за караваномъ гнали стада лошадей, которыя служили имъ не только для продажи въ Россію, но и для пищи во время дороги, потому что они не брали съ собой хлѣба. Караванъ шелъ по правой сторонѣ Волги, но иногда сначала по лѣвой, для избѣжанія нападенія отъ татаръ Золотой Орды; самое опасное мѣсто было тамъ, гдѣ Волга въ своемъ теченіи сближается съ Дономъ. Потомъ караванъ переправлялся на правую сторону Волги на плотахъ и шелъ по степи до жилыхъ предѣловъ Россіи. Путь его лежалъ чрезъ Рязань и Ко-

---

(1) Herberst. 41. (2) А. А. Э. I. 120. (3) Ист. Г. Рос. VII. 124. (4) Пав. Іов. 27. (5) Контар. 92. (6) Барбаро (изд. Каллистр. и Сем.) 95.

ломну. Дорогъ совершенно не было. Негдѣ было укрыться отъ дождя и зноя. Путники ночевали подъ открытымъ небомъ, ограждаясь повозками въ видѣ укрѣпленія. Для предосторожности ставили трехъ часовыхъ: одного на правой, другаго на лѣвой сторонѣ табора, третьяго позади. Каждую минуту можно было ожидать нападенія. Глаза не встрѣчали въ этой безбрежной степи ничего, кромѣ верблюдовъ и растерянныхъ лошадей, или татаръ въ повозкахъ. Такъ передаетъ намъ картину этого путешествія очевидецъ Контарини, который ѣхалъ въ Москву съ караваномъ съ 10 августа по 23 сентября (1). Въ Астрахани, въ XV—XVI вѣкахъ, до покоренія ея Іоанномъ, была ярмарка, куда съѣзжались армянскіе и персидскіе купцы (2). Астрахань была тогда важнѣйшимъ пунктомъ торговли Венеціи съ востокомъ. Торговля эта шла чрезъ Тану или Азовъ, отстоявшій на восемь дней пути отъ Астрахани. Но уже въ послѣдней половинѣ XV вѣка Контарини замѣтилъ, что Астрахань представляла новыя мазанки среди старыхъ красивыхъ развалинъ (3). Она не могла поправиться со времени разрушенія ея Тамерланомъ.

Другой путь Россіи на югъ былъ Дономъ до Азова, и по Азовскому морю до Кафы. (4) Мѣстомъ отправки русскихъ произведеній, выходившихъ изъ Руси этимъ путемъ, и пунктомъ складки привозимыхъ былъ Данковъ, городъ обширный и замѣчательный. Плаваніе по Дону до Азова совершалось въ двадцать дней (5). Въ 1499 году мы встрѣчаемъ еще другой пунктъ нагрузки на рѣкѣ Мечѣ, на урочищѣ, называемомъ Каменнымъ Конемъ (6). Азовъ былъ наполненъ торговцами, и не только выгоды привлекали иноземцевъ въ тотъ городъ, но и свобода и веселость жизни (7). Впрочемъ, донская торговля не могла достигнуть большаго размѣра, потому что Донъ не во всякое время былъ судоходенъ, а только весною и въ дождливое осеннее

---

(1) Конт. 92—103. (2) Пав. Іов. 68. (3) Контар. capit. VII. 170—174. (4) Барбаро, 60. (5) Раф. Барбер. 13. (6) Пст. Г. Р. VI. 268. (7) Herberst. 46.

время ([1]). Третій путь Россіи на югъ былъ по Днѣпру. Вязьма была главнымъ пунктомъ, гдѣ нагружались и разгружались суда съ товарами ([2]). Водяной путь оканчивался Кіевомъ: отсюда товары шли до Кафы караваномъ по степи. Это путешествіе сопровождалось большими опасностями отъ татарскихъ набѣговъ, а потому торговля по днѣпровской системѣ не могла имѣть большаго успѣха ([3]).

Таковы были главные пункты и главные исходы нашей торговли до прибытія англичанъ. Пути сообщенія находились вообще въ самомъ невыгодномъ состояніи и ужасали иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію. Вся Московія (говоритъ Павелъ Іовій) была непроходима въ лѣтнее время по причинѣ грязи и дурныхъ дорогъ; весною таящіе снѣга превращали поля въ совершенныя болота и въ дождливое лѣто лужи стояли по дорогамъ до осени. Не говоря уже о такихъ путяхъ, какъ, напримѣръ, на сѣверо-востокъ или въ Астрахань, гдѣ путешественникъ каждый разъ отправлялся какъ бы для открытія новыхъ земель, самые обыкновенные торговые пути были въ дурномъ состояніи. Дорога изъ Новгорода къ Ивань-городу — важнѣйшій путь сбыта русскихъ произведеній за границу—шла по узкимъ, невыносимымъ тропинкамъ, посреди лѣсовъ и степей; не было ни гостинницъ, ни дворовъ, гдѣ-бы путешественникъ могъ отдохнуть; окрестности казались безлюдною пустынею; только кое-гдѣ мелькали деревушки ([4]). Дорога отъ Новгорода въ Москву шла по дикой пустыни ([5]). Путь отъ Вильны до Москвы чрезъ Смоленскъ былъ непроходимъ лѣтомъ и только одна дорога изъ Пскова въ Ригу была самая удобная и населенная ([6]).

Изъ всѣхъ статей русской торговли, мѣха занимали въ то время важнѣйшее мѣсто. Торговля съ Россіею, несмотря на всѣ затрудненія, занимала умы въ Европѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Вопервыхъ, въ Европѣ была тогда чрезвычайная мода на мѣха

([1]) **Ibid. 45.** ([2]) **Ibid. 41.** ([3]) **Контар. 135.** ([4]) **Раф. Барб. 9** ([5]) **Пав. Іов. 70.** ([6]) **Ibid.**

([1]), а Россія могла доставлять этотъ товаръ; вовторыхъ, при неточности тогдашнихъ географическихъ свѣдѣній, торговцы Европы вздумали проложить путь въ Индію чрезъ Россію и тѣмъ подорвать монополію Италіи и Португаліи. Генуэзецъ Павелъ Іовій предполагалъ, что стоило только перевести товары изъ Индіи волокомъ въ рѣку Оксъ (Аму-Дарью), которая по его мнѣнію впадала въ Каспійское море, и потомъ провозить ихъ Волгою, по Россіи, а потомъ до Бѣлаго моря, и оттуда въ Европу ([2]). Эта-то надежда, основанная на недостаточности географическихъ свѣдѣній, привела къ намъ предпріимчивыхъ англичанъ.

ГЛАВА II.

Въ Англіи образовалось общество подъ названіемъ Мистерія (The Mistery). Его основателемъ былъ знаменитый Себастіанъ Каботъ, открывшій Сѣверную Америку. Ближайшая цѣль этой компаніи была—открытіе новаго пути въ Китай и Индію чрезъ сѣверныя страны стараго полушарія; къ тому побуждало стремленіе Англіи подорвать монополію Португаліи и Испаніи во всемірной торговлѣ. Эта компанія въ 1552 году снарядила три корабля: «Бона-эсперанца» (120 тоннъ), «Бона-конфиденція» (90 т.) и «Эдуардъ Бонавентура» (160 т.). Главнымъ командиромъ экспедиціи былъ Гугъ Виллоуби, помощникомъ его Ричардъ Ченслеръ. Это была первая экспедиція англичанъ въ полярныя страны. 11 мая 1553 г. три корабля снялись съ якорей у Гетфорда. Два изъ нихъ, «Эсперанца» и «Конфиденція», подъ начальствомъ Виллоуби, отдѣлились отъ третьяго, осенью 1553 года попали въ сувой около Святаго носа и, загнатые непогодою въ Нокуевскую губу, были заперты льдомъ. Адмиралъ погибъ со всѣмъ экипа-

([1]) Chensl. Hacl. 280. ([2]) Пав. Іов. 59.

жемъ отъ холода и голода. Весною на слѣдующій годъ русскіе рыболовы нашли тѣла несчастныхъ мореходцевъ съ ихъ кораблями.

Третій корабль экспедиціи, «Эдуардъ Бонавентура», присталъ 24 августа 1553 года къ устью Двины и высадился у посада, называемаго Непокора. Оттуда командиръ корабля отправился въ Холмогоры, явился тамъ воеводѣ Фофану Макарову и земскому судьѣ; они послали къ царю Ивану Васильевичу съ донесеніемъ о прибытіи странниковъ, а между тѣмъ перевели корабль въ безопасную Унскую губу. Не дожидаясь царскаго позволенія, которое должно было послѣдовать въ отвѣтъ на донесеніе холмогорскаго начальства, Ченслеръ самъ поѣхалъ на саняхъ въ Москву и получилъ желаемое царское дозволеніе на дорогѣ. Допущенный къ царской аудіенціи, Ченслеръ подалъ царю Ивану Васильевичу грамоту отъ имени Эдуарда VI, написанную ко всѣмъ вообще владыкамъ сѣверныхъ странъ, куда судьба бросила бы посланную экспедицію. Англійскій король просилъ благосклонно принять отправленныхъ мореходцевъ. Іоаннъ Васильевичъ обласкалъ странниковъ какъ нельзя лучше и отвѣчалъ Эдуарду VI дружелюбною грамотою, въ которой изъявлялъ позволеніе англійскимъ торговцамъ торговать въ Россіи свободно безъ всякихъ задержекъ. Ченслеръ уѣхалъ изъ Москвы въ мартѣ 1554 года и возвратился въ отечество прежнимъ путемъ. Тогда въ Лондонѣ образовалось другое общество или торговая компанія съ цѣлью торговли съ Россіею и открытія неизвѣстныхъ земель на сѣверѣ. Компанія эта перемѣняла свое названіе; такимъ образомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ она называлась *компаніею для торговли съ Россіею, Персіею и сѣверными странами,* вообще же въ сокращенномъ образѣ выраженія она называлась *русскою компаніею.* Патентъ королевы Маріи (1) утвердилъ ея организацію. Первенствующее лицо компаніи назывался говерноръ: Себастіанъ Каботъ былъ назначенъ въ эту должность на

(1) Hacl. 298—307.

всю жизнь, а по смерти его члены компаніи должны были выбрать другаго голосами. Сверхъ того, компанія ежегодно выбирала двадцать-восемь правительственныхъ главныхъ членовъ; изъ нихъ четверо назывались консулами, а двадцать-четыре—ассистентами. Въ отсутствіе говернора три консула съ двѣнадцатью ассистентами управляли компаніею. Торговыя и судебныя дѣла требовали рѣшенія пятнадцати голосовъ, включая въ это число голоса говернора и двухъ консуловъ; если-же говернора не было на-лицо, то для составленія законнаго рѣшенія нужно было не двухъ, но трехъ консуловъ. Компанія имѣла право покупать и вообще пріобрѣтать земли, не болѣе однако, какъ на 60 ф. стерлинговъ въ годъ, издавать свои правила и учрежденія, если только они не были противны законамъ государства, наказывать членовъ компаніи, налагать на нихъ пени и для того имѣть въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жительствовать члены, полицейскихъ чиновниковъ, называемыхъ сержантами, плавать по морю, но подъ англійскимъ флагомъ, строить и снаряжать свои корабли, нанимать матросовъ, торговать во всѣхъ портахъ, дѣлать завоеванія и пріобрѣтать страны и города въ новооткрытыхъ земляхъ, пользоваться ласковымъ пріемомъ русскаго государя и противодѣйствовать всякому совмѣстничеству не только торгующихъ въ Россіи иностранцевъ, но и англійскихъ подданныхъ, не принадлежащихъ компаніи.

Въ 1555 году Ричардъ Ченслеръ отправился самъ въ Москву въ качествѣ посла, былъ принятъ отлично и выхлопоталъ у Іоанна льготную грамоту для англійской компаніи [1]. Русскій царь давалъ ей право свободной и безпошлинной торговли оптомъ и въ разницу, дозволилъ заводить дворы въ Холмогорахъ и Вологдѣ, безъ платежа съ нихъ податей, подарилъ дворъ въ оскве у церкви св. Максима, дозволилъ имѣть собственный судъ и расправу, а если кто-нибудь войдетъ съ ними въ торговое состояніе, то судъ принадлежалъ царскому казначею;

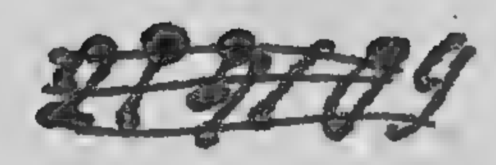
[1] Hacl. 265 — 298. С-Петербургскія Вѣдомости 1857 г., № 64.

ни таможенники, ни воеводы и намѣстники не смѣли вмѣшиваться въ ихъ торговыя дѣла и задерживать ихъ; они могли держать у себя русскихъ прикащиковъ, но не болѣе одного въ каждомъ дворѣ; царь обѣщалъ имъ справедливость, въ случаѣ какого–нибудь оскорбленія со стороны русскихъ.

Когда Ченслеръ отправился въ отечество, съ нимъ поѣхалъ посланникъ Іоанна Васильевича къ англійской королевѣ, Непея. У береговъ Шотландіи корабль «Эдуардъ Бонавентура» потерпѣлъ крушеніе. Ченслеръ утонулъ, а Непея благополучно избѣгнулъ опасности, прибылъ въ Лондонъ и пользовался тамъ чрезвычайно радушнымъ пріемомъ. Такъ основалось торговое сношеніе Англіи съ Россіею.

Съ тѣхъ поръ каждый годъ приходилъ въ Россію большой поѣздъ англійскихъ кораблей съ товарами. Они плавали вокругъ Норвегіи и Швеціи и доплывали къ устью Двины, стараясь всегда совершить это путешествіе въ благопріятное лѣтнее время, до наступленія морозовъ на Сѣверномъ морѣ. Компанія не ограничивалась торговлею съ Россіею, но хотѣла продолжать первоначальные свои планы открытія новыхъ путей на востокъ. Лѣтомъ 1555 года, Стефанъ Борро, съ товарищами, изъ Колы совершилъ путешествіе до Оби, посѣтилъ Печору, Новую землю и Вайгачъ (1). Познакомившись съ берегами Сибири и увидѣвши невозможность проникнуть этимъ путемъ туда, куда бы хотѣлось, англичане начали искать другаго направленія. Въ 1557 году явился къ царю одинъ изъ членовъ компаніи, Антоній Дженкинсонъ, уже бывшій передъ тѣмъ въ Россіи. Онъ предложилъ царю открыть торговую дорогу Россіи съ Китаемъ, чрезъ Бухарію. Это казалось тѣмъ возможнѣе, что въ то время было слышно, что изъ Китая ходятъ въ Бухару караваны. Дженкинсонъ былъ человѣкъ бывалый, образованный; востокъ уже былъ ему извѣстенъ, ибо онъ передъ тѣмъ жилъ въ азіятскихъ турецкихъ владѣніяхъ. Іоаннъ далъ ему дозволеніе на

(1) **Hacl. 313.**

проѣздъ до Астрахани, велѣлъ всѣмъ воеводамъ на пути оказывать путешественнику всевозможнѣйшія пособія, снабдилъ Дженкинсона рекомендательными письмами къ закаспійскимъ владѣтелямъ, подражая въ этомъ случаѣ англійскому правительству, такимъ же образомъ познакомившему его съ англичанами. Путешествіе это совершено по водѣ Москвою-рѣкою съ Коломны, оттуда Окою до Нижняго Новгорода, а потомъ Волгою въ Астрахань. Дженкинсонъ оставилъ Москву 23 апрѣля 1558 года, а въ Астрахань прибылъ 14 іюля. Изъ Астрахани онъ поплылъ по Каспійскому морю, счастливо достигъ Бухары, но тутъ узналъ, что Китай еще слишкомъ далеко и что караваны, ходившіе между Китаемъ и Бухарою, уже перестали ходить. Онъ отказался отъ своихъ плановъ и воротился въ Москву, куда прибылъ въ сентябрѣ 1559 года (1).

Въ 1561 году Дженкинсонъ снова прибылъ въ Москву и предложилъ новый проектъ: проектъ торговли съ Персіею. Въ это время случился въ Москвѣ персидскій посланникъ. Дженкинсонъ, снова напутствуемый Иваномъ Васильевичемъ, отправился съ персидскимъ посланникомъ по Волгѣ, достигъ до Астрахани и поѣхалъ оттуда въ Персію; но это путешествіе было столь же неудачно, какъ и бухарское. Персія была передъ тѣмъ въ войнѣ съ Турціею. На это разсчитывала компанія, думая, что непріязненныя отношенія къ этой державѣ поставятъ Персію въ необходимость получать европейскіе товары чрезъ Россію. Вышло на этотъ разъ не такъ, какъ хотѣли англичане и русскіе. Персія опять получала товары черезъ Турцію. Во всякомъ случаѣ, предпріимчивость Дженкинсона не осталась безъ важныхъ результатовъ для Россіи впослѣдствіи.

Въ 1567 году королева Елисавета утвердила торговлю англичанъ съ Россіею новымъ патентомъ компаніи. Въ этомъ патентѣ она предоставила и другимъ подданнымъ своимъ, непри-

(1) **Jenkins. Hacl. 362.**

надлежащимъ компаніи, торговать въ Россіи въ разныхъ мѣстахъ, кромѣ порта св. Николая. Бѣломорскій путь предоставлялся компаніи потому, что, какъ думали на Западѣ, былъ открытъ людьми, составлявшими компанію. Компанія должна была вести торговлю неиначе, какъ на англійскихъ корабляхъ и непремѣнно держать на нихъ матросовъ англійскихъ, а не другихъ націй (1). Иванъ Васильевичъ опредѣлилъ права компаніи другою льготною грамотою, выданною Дженкинсону и послѣ утвержденною при посольствѣ Рандольфа въ Россію (2). Компанія по прежнему могла торговать въ Россіи безпошлинно и свободно, но обязана была показывать привозимые товары въ царскую казну, для выборки изъ нихъ того, что понадобится:— старое русское право, соблюдаемое еще въ XV вѣкѣ въ Москвѣ. Члены компаніи могли торговать черезъ Россію съ Востокомъ, но также съ соблюденіемъ подобнаго условія доставки привозимыхъ съ Востока товаровъ для выборки въ царскую казну; имъ дозволено въ русскихъ городахъ заводить конторы и подворья, а въ Вологдѣ канатную фабрику (3); въ Вологдѣ отведено мѣсто для иску желѣзной руды; судъ между купцами компаніи и русскими отданъ опричникамъ, а въ случаѣ вины англійскихъ купцовъ и вообще лицъ, принадлежавшихъ къ вѣдомству компаніи, царь предоставлялъ себѣ право арестовать ихъ и налагать секвестръ на ихъ имущества, равно разбирать долговыя дѣла черезъ своихъ совѣтниковъ. Не позволялось заимодавцу посадить должника англичанина въ тюрьму, но велѣно брать за него поручительство въ уплатѣ; дозволялось англійскимъ купцамъ посылать свои коммиссіи въ русскіе города для защиты отъ воровъ и разбойниковъ; купцы компаніи могли держать русскихъ работниковъ; допускалось хожденіе англійской монеты въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ; дозволялось англичанамъ для своихъ торговыхъ поѣздовъ брать ямскихъ лошадей, давъ только знать

---

(1) Hacl. 415—418. (2) Hacl. 425—429. (3) Hist. Russ. Monum. II. 367.

чиновникамъ, сколько они ихъ берутъ, чтобы не было убытка казнѣ. Царь предоставлялъ англійской компаніи исключительно Холмогоры, рѣку Печору, рѣку Обь, Колу, Мезень, Печенгу, Соловецкій островъ и всѣ гавани двинскія и на сѣверъ отъ Двины, такъ-что никакой корабль, хотя бы и англійскій, не могъ приставать туда, если не принадлежалъ англійской компаніи. Наконецъ англичане не имѣли права, безъ особаго дозволенія королевы, приставать къ Нарвѣ и Ивань-Городу и никакой иностранецъ и непринадлежавшій компаніи англичанинъ не имѣлъ права проходить чрезъ Россію въ Персію, Бухарію, Индію и Китай; члены компаніи имѣли право сами ловить такихъ путешественниковъ и конфисковать ихъ имущества (1). Пользуясь такими важными правами, компанія захватила важнѣйшія мѣста въ Россіи. Въ 1567 году въ Москвѣ у св. Максима была главная контора англичанъ; въ Холмогорахъ у нихъ открыта была прядильная фабрика, заведенная купцомъ Ричардомъ Греемъ; въ Новгородѣ, Псковѣ, Ярославлѣ, Казани, Астрахани, Костромѣ, Ивань-Городѣ, Корелѣ были у нихъ подворья, гдѣ они продавали свои товары (2). Торговля съ русскими была для нихъ также выгодна, какъ торговля русскихъ съ сѣверо-восточными инородцами; напримѣръ въ 1557—1562 годахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ одинъ купецъ, Христофоръ Гудсонъ, продалъ сукно, по его собственному сознанію, стоившее со всѣми издержками втрое менѣе того, за сколько оно было имъ продано (3). Захвативъ въ свои руки торговые пути, произвольно возвышая цѣны на свои произведенія, понижая на русскія, англичане оказывали презрительное обхожденіе русскому народу и черезъ то возбудили противъ себя неудовольствіе; нерѣдко самъ царь, ихъ покровитель, раздѣлялъ его. Уже въ 1569 году онъ жаловался на англичанъ послу Рандольфу (4). Тоже было въ 1572 году. Царь разгнѣвался на членовъ компаніи и по этому

---

(1) Hacl. 418. (2) Hacl. 426. (3) Ж. М. Н. Пр. 1856 № 2,96. (4) Hacl. 225 — 229.

поводу пріѣзжалъ въ Москву старый знакомецъ Дженкинсонъ (1). Многіе казненные Іоанномъ въ припадкѣ его страсти къ мучительству остались должными компаніи, и англичане не знали, съ кого получать долги свои; сверхъ того, за многіе товары не были выплачены деньги изъ казны. Іоаннъ хотя удовлетворилъ требованія компаніи, но ограничилъ торговлю ея Москвою и городами собственно московскими, а въ Казань и Астрахань англичане могли ходить только съ царскаго дозволенія и должны были платить половину положенной таможенной пошлины (2). Послѣ несчастной Ливонской войны, когда Іоаннъ уступилъ Швеціи Нарву, и другимъ европейцамъ дозволено было торговать въ Сѣверномъ морѣ, англичане, постоянно стремясь къ тому, чтобъ вытѣснить совмѣстниковъ и распоряжаться самовольно торговымъ бытомъ Россіи, сильно негодовали на это; съ своей стороны русскіе обвиняли ихъ въ плутовствѣ, жаловались, что они продаютъ гнилыя сукна и матеріи, сносятся съ царскими непріятелями и называютъ русскихъ глупцами и невѣждами. Посланникъ англійскій, Томасъ Боусъ, не смотря на то, что въ началѣ былъ принятъ дурно, началъ было преклонять царя снова на сторону англичанъ, но Іоаннъ умеръ внезапно. Одинъ изъ заклятыхъ враговъ англичанъ и благопріятель нѣмцевъ въ торговлѣ, дьякъ Щелкаловъ, сказалъ тогда англійскому послу: англійскій царь умеръ (3).

Англичане домагались вытѣснить окончательно изъ Россіи голландцевъ, фламандцевъ и нѣмецкихъ купцовъ, желали торговли исключительно для себя. Но противники ихъ также дѣйствовали и, какъ увѣряли англичане, склоняли дьяковъ въ свою пользу подарками. Царь Ѳедоръ отпустилъ Боуса ласково, а вслѣдъ за тѣмъ послалъ въ Лондонъ гонца Бекмана, предлагая возвратить всѣ прежнія привилегіи англичанамъ, если королева Елисавета дозволитъ также свободную торговлю въ Англіи рус-

---

(1) Hacl. 452. (2) И. Г. Р. IX Прим. 382. (3) Hacl. 521.

скимъ. Елисавета замѣтила, что это несовмѣстно съ выгодами Англіи, но не отвергала совершенно предложенія и домагалась прежде всего исключительно торговли въ Россіи для компаніи, закрытія входа въ Россію всѣмъ иностранцамъ купцамъ и даже англичанамъ, непринадлежавшимъ къ компаніи (1). Съ отвѣтомъ на такое предложеніе царь отправилъ въ Лондонъ англійскаго гостя, жившаго въ Россіи, Іеронима Горсея. Въ письмѣ царя было сказано, что нельзя выгнать изъ Россіи купцовъ различныхъ государствъ издавна здѣсь торговавшихъ, единственно изъ угожденія нѣсколькимъ англичанамъ, съ которыми королева не хочетъ равнять своихъ подданныхъ. Елисавета, узнавъ, что русскій государь находится въ рукахъ своего любимца, Бориса Годунова, обратилась къ нему; любимецъ заранѣе думалъ воздвигнуть себѣ тронъ, а потому и считалъ нужнымъ расположить въ свою пользу Англію, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ отдать русскую торговлю и весь зависящій отъ нея бытъ русскаго общества въ руки англичанъ. Въ 1587 дана англичанамъ новая привилегія, которою царь позволялъ англійской компаніи торговать свободно и безпошлинно, но не иначе, какъ оптовою торговлею, а отнюдь не въ развѣсъ и не въ аршинъ, а винами не въ разливку; повелѣвалъ не брать въ кабалу русскихъ людей; не позволять подъ своимъ именемъ торговать русскимъ; членамъ компаніи позволялось ходить чрезъ Россію въ прочія земли только съ тѣмъ, чтобъ брать товары отъ казны и промѣнивать и продавать ихъ для казны. Такимъ образомъ, русское правительство, по-видимому, исполняя требованіе англичанъ, тѣмъ не менѣе хотѣло обратить данныя льготы въ свою пользу. Эта жалованная грамота обезпечивала имущество разбитыхъ бурею кораблей. Право держать подворья для компаніи предоставлено въ городахъ: Москвѣ, Холмогорахъ, Ярославлѣ, Вологдѣ и у морскаго пристанища у пудожерскаго устья,

---

(1) Ист. Г. Рос. X. 29.

о дворахъ другихъ городовъ не упоминается; нѣтъ въ числѣ такихъ городовъ даже Новгорода и Пскова ([1]).

Англія не была довольна этими правами, потому что хотѣла полнаго преобладанія. Какъ видно, англійское правительство, требуя для компаніи исключительныхъ правъ, таило за этимъ другіе болѣе обширные виды политическаго преобладанія въ Россіи. Съ этой цѣлью Елисавета и не хотѣла допускать въ Россіи торговли другихъ англичанъ, непринадлежащихъ компаніи. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ позволить англичанамъ вообще торговать въ Россіи, то естественно цѣны на продукты, ихъ количество, сбытъ, — все это подвергалось бы вліянію обстоятельствъ, но компанія, состоящая изъ тѣснаго кружка купцовъ, имѣющая исключительное право торговли во всей странѣ, могла управлять всѣми торговыми дѣлами этой страны произвольно и назначать какія ей угодно цѣны; владѣя капиталами, могла увеличивать и уменьшать количество вывозныхъ и ввозныхъ статей, давать направленіе торговымъ путямъ, — однимъ словомъ, обращать всю торговлю чужой страны въ исключительную пользу своей націи. Компанія не связана была прямо съ остальнымъ англійскимъ народомъ; компанія знала одно правительство, отъ правительства зависѣло ея существованіе, ея права, слѣдовательно, обязанная исключительно правительству, она должна была сдѣлаться его органомъ и орудіемъ. Утвердить въ Россіи монополію компаніи, значило подчинить Россію англійскому правительству. Русскіе купцы видѣли, что англичане подчиняютъ ихъ себѣ и что выгоды ихъ начинаютъ зависѣть отъ чужеземцевъ, и роптали; иностранные торговцы были также ожесточены противъ англичанъ, нехотѣвшихъ давать ходу другимъ народамъ. Вскорѣ снова возникли недоумѣнія между русскимъ правительствомъ и компаніею.

([1]) Ibid. Прим. 53

Англійскіе гости въ XVI вѣкѣ составляли одно цѣлое тѣло. Каждый членъ компаніи производилъ торговыя операціи и займы на имя всей корпораціи. Это повлекло къ недоразумѣніямъ. Одинъ изъ членовъ компаніи, Антонъ Мершъ, задолжалъ болѣе 23,000 р. Гости отказывались платить за него на томъ основаніи, что онъ занималъ на свое имя, а не на имя цѣлаго общества и притомъ указывали на то, что царскіе приказные люди выдали ему особую льготную грамоту на торговлю, безъ вѣдома и спроса гостей, что нѣкоторые русскіе купцы, стакнувшись съ Мершемъ, торговали съ нимъ тайно отъ прочихъ гостей, дали ему на себя кабалы съ умысломъ, что Мершъ никогда не заплатитъ, а будутъ платить за него прочіе гости (1). Ррусскіе же представляли, что все, взятое Антономъ Мершемъ, должно быть выплачено всѣми членами компаніи, къ которой принадлежалъ англійскій банкротъ. Это послужило поводомъ къ пріѣзду посла, доктора Флетчера, въ 1588 г. Споръ былъ продолжителенъ съ обѣихъ сторонъ. Англичане жаловались, что русскіе покупали у нихъ товаръ въ долгъ и, не заплатя денегъ, отдавали товаръ назадъ; другіе же, надѣлавши долговъ, не платили ихъ (2), а приказные люди не давали англичанамъ управы и даже подстрекали русскихъ не платить долговъ своихъ (3). Англичане жаловались и на самое русское правительство, за то, что ограбили Джона Копеля, одного изъ членовъ англійской компаніи. Русскіе бояре возражали, что Джонъ Копель не былъ англичаниномъ, а родомъ изъ Любека, жилъ въ Россіи, ложно именуя себя англійскимъ гостемъ, и оказался виновнымъ въ сношеніяхъ съ шведскимъ и датскимъ правительствами, жаловались, что англичане нанимаютъ русскихъ работниковъ и употребляютъ ихъ на противозаконныя дѣла; такъ одинъ ярославецъ Вахрумъ, живучи у англійскаго

(1) Ст. сп. Флетч. 9. Врем. И. М. О. И. и Др. VIII. (2) Ibid. 27. (3) Ст. сп. Флетч. 41.

гостя, былъ у него лазутчикомъ и тайно перевозилъ за-границу черезъ литовскія земли англичанъ ([1]); указывали на то, что англичане, желая отстранить совмѣстничество другихъ націй, покушаются на мѣры насильственныя: перехвачено было письмо Горсея, котораго такъ еще недавно правительство облекало своимъ довѣріемъ, къ другому англичанину Тромболу; въ этомъ письмѣ излагается намѣреніе задержать корабль купца Бѣлоборода, которому правительство дѣлало препорученія, признавая ихъ держать втайнѣ отъ англичанъ ([2]): на этотъ разъ ѣхали на кораблѣ Бѣлоборода гамбургскіе купцы, враги англичанъ. Правительство нашло такой замыселъ въ высшей степени преступнымъ. Флетчеръ оправдывалъ своихъ единоземцевъ, доказывалъ, что торговля съ Англіей приноситъ Россіи выгоды, что привилегіи англичанамъ слѣдуетъ возстановить ради того, чтобъ не прекратилась дружба между англійскою королевою и русскимъ царемъ ([3]). Главное требованіе его, не допускать другихъ иноземцевъ въ Бѣлое море и въ Новгородъ безъ воли королевы, кромѣ членовъ компаніи, требованіе, справедливость котораго англичане доказывали тѣмъ, что тѣ, которые нашли новый торговый путь, должны пользоваться имъ исключительно, — это требованіе было отвергнуто. Бояре, бывшіе на переговорахъ съ англійскимъ посольствомъ, доказывали, что несправедливо запирать для всѣхъ море, изъ угожденія какимъ-нибудь десяти человѣкамъ ([4]). Равномѣрно отвергнуто было домагательство способствовать англичанамъ въ отысканіи новыхъ земель и китайскаго пути, но позволено ѣздить свободно изъ Москвы въ Персію, Бухарію и Шемахію, не платя пошлинъ съ товаровъ. Этого права не имѣли другіе иностранцы въ Россіи, и царь давалъ его англичанамъ изъ особенной любви къ королевѣ ([5]). Также только подъ предлогомъ особаго расположенія къ англій-

([1]) Ibid. 30. ([2]) Памятн. Дипл. Снош. I. 1214. ([3]) Ст. сп. Флетч. 48. ([4]) Ibid. 46. ([5]) Ист. Г. Рос. X. 204.

ской королевѣ царь дозволялъ англичанамъ имѣть свои дворы въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, тогда какъ торговцы другихъ націй, напримѣръ подданные султана, королей польскаго и французскаго должны были ставить свои товары на общихъ гостиныхъ дворахъ (1). Русское правительство обѣщало справедливую управу для англичанъ, въ чемъ только они себя найдутъ обиженными, и принять мѣры, чтобъ царскіе чиновники не дѣлали англійскимъ купцамъ никакихъ стѣсненій (2). Впрочемъ, правительство не согласилось на домогательство англичанъ имѣть право всякаго должника изъ русскихъ, задолжавшаго англійскимъ гостямъ, преслѣдовать посредствомъ своего гостинаго прикащика и отбирать у него имущество безъ суда, а предоставило англичанамъ взыскивать съ должника обыкновеннымъ порядкомъ, по суду и управѣ, чрезъ приказныхъ людей (3). Дѣло Мерша трудно было рѣшить; оно кончено тѣмъ, что русскій царь согласился чтобы англичане заплатили половину требуемой суммы: двѣнадцать тысячъ рублей (4). Чтобы на будущее время избѣгнуть недоразумѣній относительно того, кого слѣдуетъ считать гостемъ и кого не слѣдуетъ, Флетчеръ далъ предложеніе, чтобы всѣ англійскіе гости, торговавшіе въ Россіи, должны были состоять подъ вѣдѣніемъ гостинаго прикащика, который имѣлъ у себя списокъ гостей и вообще всѣхъ лицъ, принадлежавшихъ къ вѣдомству компаніи, другой экземпляръ того же списка долженъ находиться въ посольскомъ приказѣ. Прикащикъ могъ вычеркнуть имена тѣхъ, которые у него записаны въ спискѣ, и тотчасъ же эти имена были вычеркиваемы изъ экземпляра, хранившагося въ посольскомъ приказѣ. Такимъ образомъ, компанія отвѣчала только за дѣла тѣхъ, которыхъ имена находились въ обоихъ экземплярахъ гостинаго списка, и помѣщались въ жалованной грамотѣ (5). Въ эту категорію

(1) Ст. сп. Флетч. 17. (2) Hist. Russ. Monum. II. 406. (3) Ст. сп. Флетч. 31. (4) Ист. Г. Рос. X. Прим. 337. (5) Ст. сп. Флетч. 23.

входили не только гости, но и всѣ, которые у нихъ жили и служили. За ихъ поступки, исключая уголовныхъ, отвѣчала вся компанія, и всякій заемъ, сдѣланный кѣмъ бы то ни было, лежалъ равно на всѣхъ членахъ. Флетчеръ напрасно хотѣлъ отмѣнить правило въ отношеніи служившихъ у членовъ компаніи людей: русскіе не согласились и имена всѣхъ людей компаніи должны были быть вписанными въ списокъ вмѣстѣ съ гостями. Англичане домогались, чтобъ судъ надъ членами компаніи былъ отданъ правителю государства Борису Годунову, но имъ отвѣчали, что Годуновъ озабоченъ государственными дѣлами, судъ будетъ отданъ его приказнымъ людямъ, впрочемъ вершить дѣла окончательно будетъ самъ Борисъ (1). До сихъ поръ англичане имѣли право держать русскихъ прикащиковъ и скупщиковъ, но теперь оно было у нихъ отнято подъ предлогомъ противозаконныхъ поступковъ жившаго у нихъ ярославца Вахруша (2). Въ самомъ же дѣлѣ правительство хотѣло этимъ запрещеніемъ остановить исключительное господство англичанъ въ торговлѣ, подрывавшее русскихъ купцовъ и самые доходы правительства. Также точно правительство не согласилось на просьбы англичанъ давать имъ ямскія подводы для торговыхъ поѣздокъ, объясняя, что ямы учреждены для государственныхъ, а не для торговыхъ дѣлъ; удобство поѣздокъ предоставлено было добровольному уговору съ извощиками. Правительство разрѣшило англичанамъ покупать всѣ русскіе товары невозбранно, но опредѣлило, что воскъ не иначе можетъ идти за-границу, какъ въ промѣнѣ на сѣру, порохъ и селитру (3).

Изъ донесенія Іеронима Горсея, писаннаго около этого времени, видно, что англичане снова получили право безпошлинной торговли, но англійскіе купцы должны были заплатить 500 фунт. стер. за пошлины прошлыхъ годовъ и пожертвовать

---

(1) Ст. сп. Флетч. 27. (2) Ibid. 30. (3) Ibid. 6

350 фунт. стерл. на постройку новой каменной стѣны въ Москвѣ ([1]).

Тогда Флетчеръ подавалъ своему правительству предложеніе, въ случаѣ царь разгнѣвается на англійскихъ гостей, послать военные корабли къ берегамъ Печоры и захватить русскіе товары тамошней ярмарки, оборотъ которой простирался до 16,000 футовъ стерл. ([2]). Но Елисавета, казалось, очень дорожила дружественными отношеніями къ Россіи и какъ–бы въ угодность русскому царю запретила сочиненіе Флетчера о Россіи; въ самомъ же дѣлѣ это сочиненіе вообще написано въ такомъ духѣ, который не могъ нравиться властолюбивой Елисаветѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, торговля съ Россіею приносила Англіи неисчислимыя выгоды и въ настоящемъ и въ будущемъ. Современные англичане сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не представляла такой важной будущности, какъ въ Россіи. Какъ Россія нуждалась въ произведеніяхъ природы, чуждыхъ ся сѣверному климату, и въ произведеніяхъ искусствъ и ремеслъ, которыя еще чужды были русскому народу, такъ равно вся западная Европа нуждалась въ произведеніяхъ Сѣвера. До того времени торговля Европы съ Россіею производилась чрезъ Данію, Швецію, Любекъ, Гамбургъ, Лифляндію и Польшу. Англія была чужда выгодъ, которыя приносила эта торговля. Но открытіе сѣвернаго пути давало англичанамъ новое, независимое отъ участія другихъ странъ, сообщеніе съ Россіею. Англія могла получать изъ Россіи и, какъ надѣялась, изъ Персіи и вообще съ Востока нужныя для Европы статьи, не опасаясь соперничества ни Даніи, ни Швеціи, ни Германіи, которыхъ совмѣстничество было бы неизбѣжно въ торговлѣ балтійской; даже въ случаѣ войны, задерживавшей торговлю, Англія спокойно могла бы совершать свои торговыя операціи чрезъ Ледовитое море. Проложеніе пути чрезъ Россію въ Пер-

---

([1]) **Hist. Russ. Monum. II. 399 — 400.** ([2]) **Ист. Г. Росс. X. Прим. 344.**

сію, о которомъ тогда всѣ мечтали, указывало англичанамъ надежду на то преобладаніе въ торговлѣ, которымъ пользовались тогда Португалія и Испанія. Англичане думали доставлять въ Европу восточныя произведенія скорѣе черезъ Астрахань, Волгу и сѣверныя страны Россіи, чѣмъ Венеція, Генуа, Мессина, Рагуза путемъ Средиземнаго моря. Такъ разсуждали въ тотъ вѣкъ англичане ([1]).

Не смотря на дружелюбныя сношенія правительства, торговля въ Россіи встрѣчала однако безпрерывныя недоразумѣнія. Въ 1592 году Лордъ Борлей, отправляя въ Москву новаго агента компаніи, Джона Мерика, жаловался Борису, что русскіе чиновники въ двинскомъ портѣ, имѣя право, по договору, выбирать предварительно англійскіе товары для царской казны, сулятъ англійскимъ купцамъ чрезвычайно низкія цѣны, такъ что англичанамъ невозможно продавать свои товары сообразно ихъ требованіямъ; тогда чиновники обязываютъ англійскихъ купцовъ продавать всѣ товары непремѣнно въ теченіе трехъ недѣль, и такимъ образомъ припуждаютъ поневолѣ отдавать товары въ казну съ убыткомъ ([2]). На слѣдующій годъ Елисавета обращалась къ Борису съ письмомъ о покровительствѣ англійскимъ купцамъ, чрезъ своего посланника Томаса Мильда. Правитель въ самыхъ дружескимъ выраженіяхъ обѣщалъ всю свою готовность къ исполненію желанія королевы ([3]). Вступивъ на престолъ, Борисъ оказывалъ англичанамъ постоянное покровительство, но не только не распространялъ ихъ правъ, стѣснительныхъ для другихъ иностранцевъ, а еще старался даровать торговцамъ другихъ націй свободу торговли въ Россіи. Посланникъ короля Іакова I, Джонъ Смитъ, просилъ для англичанъ свободнаго прохода въ Персію и Китай, но получилъ уклончивый отвѣтъ; царь изъяснялъ ему, что въ Персіи господствуютъ безпорядки, путешествіе очень

([1]) Hist. Russ. Monum. II. 379—381. ([2]) Ibid. 408. ([3]) Ibid. 413.

опасно, и онъ, заботясь объ англійскихъ гостяхъ, не можетъ позволить имъ отваживаться на явныя опасности (1).

По возстановленіи порядка въ Россіи, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, англійскіе купцы получили подтвержденіе своихъ привилегій на безпошлинную торговлю (2), съ уговоромъ доставлять въ царскую казну сукна, матеріи и прочія рукодѣльныя произведенія, непремѣнно по той цѣнѣ, по какой они продаются въ собственномъ ихъ отечествѣ (3), прибывая къ Архангельску объявлять и записывать предъ таможенными головами и цѣловальниками свои товары, отнюдь не брать чужихъ товаровъ вмѣсто своихъ, не вывозить шелку за-границу и не привозить табаку. Въ 1619 году имъ воспрещено было держать закладней изъ русскихъ людей (4). Привилегіи англичапамъ даны на двадцать-три человѣка (5); но они торговали въ числѣ семидесяти. Захвативъ въ руки свои всю торговлю и стремясь къ монополіи, они раздражали русскихъ гостей. Англичане искусно поддерживали высокую цѣну своихъ и низкую русскихъ товаровъ (6). Они придерживали привозимые товары и непускали ихъ въ продажу, пока, отъ недостатка ихъ въ оборотѣ, цѣны на нихъ поднимались; тогда только англичане начинали ихъ продавать и тотчасъ же переставали, когда товары начинали дешевѣть. Такимъ образомъ, то подымая, то понижая цѣны, они наживали огромные проценты на свои капиталы (7). Они всюду разсылали своихъ агентовъ для закупки русскихъ товаровъ и такъ какъ пользовались правомъ не платить пошлинъ, чрезвычайно стѣснительныхъ не столько по суммѣ платежа, сколько по самой процедурѣ, то естественно могли всегда имѣть перевѣсъ предъ русскими закупщиками; притомъ, владѣя большими капиталами, они давали мелкимъ торговцамъ

---

(1) Ист. Г. Рос. XI. 72. (2) Доп. къ Ак. Ист. III. 149. (3) Ibid V. 183 (4) Собр. Гос. Гр. III. 214. (5) Ак. Арх. Экс. IV. 14. (6) Доп. V. 187. (7) Собр. Г. Гр. III. 454.

и промышленникамъ чистыя деньги впередъ, брали съ нихъ кабалы и такимъ образомъ мелкіе торговцы были уже обязаны доставлять свои товары и произведенія непремѣнно англичанамъ: не платя пошлинъ, англичане всегда могли имъ дать выгоднѣе цѣну, чѣмъ русскіе оптовые торговцы. Такой порядокъ, какъ и замѣтилъ англійскій посланникъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, былъ выгоденъ для мелкихъ и небогатыхъ торгашей и для народа вообще, но раззорителенъ для русскихъ оптовыхъ торговцевъ ([1]).

Правда, англичане не могли добиться исключительной торговли въ Россіи, но послѣ увидѣли, что совмѣстничество нѣмцевъ, голландцевъ, датчанъ для нихъ не страшно, напротивъ и его можно обратить въ свою пользу. Закупая русскіе товары, они продавали ихъ въ Архангельскомъ портѣ купцамъ другихъ націй, которые въ нихъ нуждались и тѣмъ же порядкомъ покупали у нихъ ихъ привозимые товары, а потомъ перепродавали русскимъ съ барышемъ; такимъ образомъ русскіе купцы никакъ не въ силахъ были тягаться съ ними и не могли ничего ни купить у иностранцевъ, ни продать имъ безъ посредства англичанъ. Случалось, что русскій гость, рѣшившись на конкурренцію съ англичанами, посылалъ свои товары въ Архангельскъ; но члены компаніи сговорятся и понизятъ цѣну, а напротивъ цѣнность иностранныхъ товаровъ повысятъ, такъ что русскій торговецъ принужденъ бываетъ уѣхать назадъ, истратившись напрасно за провозъ ([2]). Сверхъ того, англичане привозили сукна и матеріи худаго достоинства и вмѣсто того, чтобъ продавать по условію въ казну по заморской цѣнѣ, продавали съ выгодою, прибавляя цѣнность товара ([3]). Всѣ эти причины въ совокупности побудили въ 1646 г. русскихъ гостей подать челобитную на англичанъ: изложивъ всѣ обстоятельства, служившія къ

([1]) Carlisle Relat. 137. ([2]) Ак. Ар. Эк. IV. 15 — 18. ([3]) Доп. 318. V.

подрыву русскаго купечества, они просили ограничить ихъ произволъ изданіемъ такихъ учрежденій, которыя бы передали торговлю въ руки русскихъ купцовъ. Алексѣй Михайловичъ въ 1649 году придрался къ политическому перевороту, низведшему короля Карла на эшафотъ, и въ качествѣ карателя народа, который «убилъ до смерти государя своего Карлуса (1),» закрылъ для него входъ въ Россію, ограничивъ торговлю его только Архангельскимъ портомъ (2). Послѣ воцаренія Карла II, прибылъ въ Москву англійскій посолъ графъ Карлейль съ предложеніемъ возобновить прежнія торговыя сношенія и выдать компаніи подтвержденіе старинныхъ привилегій. Уже нельзя было отговариваться смертію Карла, ибо графъ Карлейль извѣщалъ, что новый король все простилъ своимъ подданнымъ; русское правительство прямо высказало свои обвиненія на англичанъ, именно, что они умышленно привозятъ въ Россію дурные товары, что продаютъ въ казну товары вовсе не по заморской цѣнѣ, какъ было постановлено въ условіи, съ которымъ единственно имъ позволили торговать свободно и безпошлинно, и что, пользуясь отъ Россіи важными льготами, они не хотѣли участвовать въ платежѣ пятинной деньги, наложенной на всѣхъ вообще торговыхъ людей для содержанія войска (3). На это англійскій посолъ возражалъ, что напротивъ англійскіе гости говорятъ, что они доставляли въ Москву товары дешевле, чѣмъ доставляли ихъ голландцы и гамбургцы, именно по той цѣнѣ, по какой они продавались въ Англіи, но съ трудомъ получали деньги, а получая ихъ, принуждены были давать чиновникамъ подарки и взятки (4); что же касается до тѣхъ, которые не хотѣли участвовать въ платежѣ пятинной деньги, то они уже умерли, а нынѣшніе обѣднѣли отъ потери привилегій. Когда бояре говорили, что ограниченіе англичанъ сдѣлалось по чело-

(1) Ibid V. 187. (2) Соб. Гос. Гр. III. 486. (3) Carlisle. 136. (4) Ibid. 174.

битью русскихъ торговыхъ людей, посолъ замѣтилъ, какъ выше было сказано, что русскіе гости для того желаютъ вытѣснить англичанъ, чтобъ самимъ захватить въ свои руки торговлю; но не то сказали бы мелкіе торговцы, еслибъ спросили ихъ (1). Вопреки выраженію русскихъ гостей, будто англичане *оголодили* (2) русское царство, вывозя отсюда съѣстные припасы, Карлейль припомнилъ, что во время голода англичане привозили въ Россію хлѣбъ и продавали его по умѣренной цѣнѣ, стараясь объ избавленіи отъ ужаснаго бича страны, которая ихъ пріютила. Но всѣ старанія графа Карлейля остались напрасны; все, чѣмъ могъ Алексѣй Михайловичъ усладить для англичанъ свой горькій отказъ, было оставленіе имъ надежды на возвращеніе прежнихъ правъ, которыхъ дѣйствительно не думали болѣе возвращать никогда (3).

Голландцы постоянно пользовались значительными правами, хотя меньшими, чѣмъ англичане, ихъ соперники. При Іоаннѣ Васильевичѣ, Өеодорѣ Іоанновичѣ, Борисѣ Годуновѣ и Васильѣ Шуйскомъ, они составляли компанію гостей и пользовались жалованными грамотами царей (4). Подобно англичанамъ, они имѣли свои дворы въ Архангельскѣ, Москвѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Усть Колѣ и освобождались отъ обязанности становиться на гостиныхъ дворахъ (5). Царь Михаилъ Өеодоровичъ въ 1614 году подтвердилъ прежнія права грамотою, выданною тремъ факторамъ гостиной голландской компаніи. Они могли постоянно пріѣзжать въ Архангельскъ и Колу и торговать всякими товарами, по вольной цѣнѣ; дворы ихъ освобождались отъ всякихъ пошлинъ и тягла; они не подлежали суду бояръ и воеводъ по городамъ, исключая уголовныхъ дѣлъ; въ торговыхъ и вообще во всякихъ гражданскихъ, они судились въ посольскомъ приказѣ. Во уваженіе къ потерямъ, которыя компанія понесла въ продолженіе

(1) Ibid. 137. (2) Ак. Ар. Эк. IV. 15. (3) Самуилъ Коллинсъ. Чтенія Им. Мос. Общ. Ист. и Др. 1846. I, 38 (4) Ак. Ар. Эк. III. 20—21. (5) Доп. III. 194.

смутнаго времени, царь далъ имъ право на безпошлинную торговлю въ теченіе трехъ лѣтъ, а послѣ того они должны были платить половину установленной въ Россіи торговой пошлины (¹). Голландцы, какъ англичане и другіе иноземцы, должны были, прибывши къ Архангельску, прежде всего продавать лучшіе товары въ казну и не производить частной торговли до совершеннаго закупа для казны (²). Въ XVI вѣкѣ, когда устье Двины было исключительною собственностью англичанъ, голландцы, фламандцы и датчане торговали черезъ Ревель, Ригу и Дерптъ (³); но вскорѣ Бѣлое море было открыто и для другихъ народовъ: тогда голландскіе корабли каждогодно прибывали въ Архангельскъ съ грузомъ. Такъ было въ XVII вѣкѣ (⁴). Между ними и англичанами господствовала постоянная вражда; голландцы, говорилъ Самуилъ Коллинсъ, налетаютъ какъ саранча и всюду бросаются, куда манятъ ихъ выгоды; они отбиваютъ у англичанъ хлѣбъ. Они старались унизить и осмѣять англичанъ, рисовали на нихъ карикатуры, сочиняли пасквили, изображали Англію въ видѣ безхвостаго льва, съ тремя опрокинутыми коронами, или въ видѣ множества собакъ, съ обрѣзанными ушами и хвостами (⁵). Англичанинъ жалуется, что голландцевъ принимаютъ лучше, чѣмъ англичанъ, потому что они, подкупая подарками бояръ, располагаютъ правительство въ свою пользу. Неудовольствіе русскихъ купцовъ на иностранцевъ, торговавшихъ въ Россіи, которое мы видѣли преимущественно относительно англичанъ, распространялось и на голландцевъ. Въ 1629 году новгородскіе гости жаловались на торговаго голландца, что онъ торгуетъ всякими товарами врознь и посылаетъ русскихъ людей, служащихъ у него прикащиками, въ заонежскіе погосты, для скупа хлѣба и рыбы, съ цѣлью отправки за границу (⁶). Въ челобитной 1646 года, московскіе торговцы высказали негодо-

---

(¹) Ак. Ар. Эк. III. 20 — 21. (²) Доп. IV. 143. (³) Hacl. 287. (⁴) Ак. Арх. Эк. passim. (⁵) Коллинсъ. 38. (⁶) Ак. Ар. Эк. III. 264.

ваніе свое на голландцевъ. Голландцевъ они обвиняли такъ же, какъ и ихъ враговъ англичанъ, въ умышленномъ повышеніи и пониженіи цѣнъ на товары. Какъ англичане, такъ равно и голландцы, дорожили неопытностью русскихъ. Когда какой-то ярославецъ, торговый человѣкъ, ѣздилъ съ пушными товарами въ Амстердамъ, тамошніе купцы, сговорясь, не купили у него товаровъ ни на одинъ рубль, и русскій купецъ долженъ былъ воротиться съ своимъ грузомъ въ Архангельскъ; едва онъ вступилъ на русскую почву, какъ тѣ же самые голландскіе купцы, которые плыли съ нимъ изъ Амстердама, купили у него весь его пушной товаръ по высокой цѣнѣ. Русскіе укоряли ихъ въ неблагодарности. «Вы торгуете у насъ свободно, говорили они, и мы не составляемъ противъ васъ заговоровъ.» Голландцы чистосердечно отвѣчали, что это сдѣлано было именно для того, чтобъ русскіе не ѣздили къ нимъ; иначе они, голландцы, потеряютъ свои выгоды, коль скоро русскіе станутъ пріѣзжать къ нимъ (1). При Алексѣѣ Михайловичѣ, голландцы были сравнены съ другими иностранцами, но послѣ паденія англичанъ, голландцы пользовались въ Россіи большими выгодами; по крайней мѣрѣ голландскіе купцы могли брать жалованныя грамоты и торговать въ Россіи, не страшась грозныхъ совмѣстниковъ. Ихъ товары въ это время покупались съ бо́льшею охотою, чѣмъ англійскіе (2).

Ганзеатическіе города, послѣ паденія Новагорода, не имѣли уже того преобладанія въ русской торговлѣ, какъ въ средніе вѣка. Стремленіе Іоанна III ввести въ Россію иноземные пріемы гражданственности, возбуждало зависть въ ливонцахъ и въ купцахъ ганзеатическихъ городовъ. Нѣмцы боялись образованности въ Россіи; для нихъ гораздо выгоднѣе было имѣть дѣло съ народомъ, стоящимъ только на степени земледѣльческаго развитія. Ревельскій городовой совѣтъ, по

---

(1) Ibid. IV. 19. (2) Коллинсъ. 38.

наущенію Ганзы, задерживалъ иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ, ѣхавшихъ въ Россію по приглашенію великаго князя; нѣмцы преслѣдовали ихъ на морѣ въ качествѣ морскихъ разбойниковъ (1). Слѣдствіемъ такихъ поступковъ со стороны Ганзы и Ливоніи была непріязнь къ нимъ русскаго правительства. По поводу задержанія и грабежа псковскихъ купцовъ въ Дерптѣ и Ригѣ и нападенія русскихъ на предѣлы Ливоніи, началась опустошительная война съ орденомъ, задерживавшая ходъ торговыхъ сношеній (2). Въ 1492 году Іоаннъ III построилъ Ивань-Городъ: это возбудило досаду не только ордена въ политическомъ отношеніи, но и городовъ въ торговомъ: имъ опасно казалось образованіе новаго порта, когда прежде иностранные товары приходили въ Россію черезъ ливонскіе города. Въ Ревелѣ сожгли двухъ русскихъ торговцевъ; въ отмщеніе за то, Іоаннъ уничтожилъ ганзеатическую контору въ Новѣгородѣ, столь долгое время приносившую Ганзѣ неисчислимыя выгоды, задержалъ купцовъ, и, засадивъ ихъ въ тюрьму, конфисковалъ ихъ имущества. То былъ важный ударъ для торговли Ганзы съ русскими. Дѣло по поводу этаго происшествія тянулось и при Василіѣ Іоанновичѣ; по ходатайству императора Максимиліана, великій князь, хотя изъявлялъ охоту дозволить возобновить торговыя сношенія съ Ганзою, но отказывалъ въ удовлетвореніи убытковъ, понесенныхъ купцами въ Новѣгородѣ (3). Въ 1539 году правившіе въ малолѣтство царя Ивана Васильевича бояре подтвердили торговый договоръ съ Ганзою (4). Въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Іоанна IV, ганзейская торговля въ Россіи находилась не въ цвѣтущемъ состояніи. Тому причиною было соперничество англичанъ, отстранявшихъ всѣми силами иностранныхъ торговцевъ, внутреннее ослабленіе союза чрезъ взаимныя несогласія (5), соперничество съ ливонскими горо-

(1) Mullers Russ. Samml. 481. (2) Псковс. Лѣт. 151. (3) Пам. Диплом. снош. I, 158. (4) Ист. Г. Рос. VIII. 57. (5) Supplem. ad Hist. Monum. 249.

дами (1), искавшими извлечь для себя личныя выгоды изъ этой торговли, и наконецъ тяжелыя и продолжительныя военныя обстоятельства въ прибалтійскомъ краѣ. По утишеніи Ливонской войны, ганзеатическіе города тщетно думали возобновить древнюю новгородскую контору (2). На пяти сеймахъ никакъ не могли согласиться послать въ Москву посольство для ходатайства о возстановленіи конторы; ливонскіе города сильно этому препятствовали, желая, чтобы торговля съ Россіею непремѣнно шла черезъ нихъ. Наконецъ въ 1593 году Любекъ, отъ лица соединенныхъ съ нимъ семидесяти-двухъ городовъ, отправилъ въ Москву посломъ Захарія Майера, съ предложеніемъ возобновить дружескія торговыя связи съ Россіею, даровать нѣмецкимъ купцамъ право производить торговлю въ Россіи свободно и безпошлинно, и держать собственныя подворья. Царь Ѳеодоръ далъ имъ жалованную грамоту, по которой позволено имъ торговать свободно въ Иванъ-Городѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ, съ платежемъ пошлины, взимаемой съ прочихъ торговцевъ (3). Эта грамота исполнялась плохо, ибо на другой же годъ любечане жаловались, что таможенное начальство во Псковѣ беретъ съ нихъ пошлинъ болѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ по жалованной грамотѣ. Въ 1603 г. Любекъ, съ другими союзными городами, снова обратился къ царю, и царь дозволилъ имъ свободно торговать въ Россіи, Новѣгородѣ и Псковѣ, приплывать съ кораблями въ Архангельскъ и Холмогоры за грузомъ, продавать товары и возвращаться назадъ, обѣщалъ ввести одинакіе вѣсы и мѣры, содержать ганзейскихъ купцовъ подъ своимъ покровительствомъ. Любечане опять домогались безпошлинной торговли, но имъ отвѣчали, что если позволить торговать безъ платежа пошлинъ имъ, то слѣдуетъ позволить тоже и другимъ; однако, въ знакъ особаго расположенія, царь опредѣлилъ, чтобъ они платили только половину обыкновенной пошлины, какъ и

---

(1) Ibid. 272. (2) Ibid. 272. (3) Supplem. 240.

голландцы ([1]). Но вскорѣ подъ фирмою Любека начали пріѣзжать торговцы изъ другихъ городовъ, и царь отмѣнилъ платежъ половинной пошлины, а опредѣлилъ, чтобъ и любечане платили полную наравнѣ съ другими ([2]). Въ смутное время торговля съ Ганзою упала. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ганзейскіе города просили снова о свободной торговлѣ въ Россіи и вмѣстѣ съ ними за нихъ ходатайствовали Нидерландскіе Штаты ([3]), но права по этой просьбѣ, вновь данныя городамъ, были нарушены ими же, неизвѣстно какъ ([4]). Купцы ганзейскіе получили запрещеніе ѣздить въ Россію; только нѣкоторые изъ нихъ подкупали дьяковъ и брали жалованныя грамоты ([5]). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1652 году, дана новая грамота Любеку на право торговли съ платежемъ пошлинъ въ Россіи наравнѣ съ другими; сверхъ того, купцамъ позволено пріѣзжать въ Москву, привозить узорочные товары для царской казны и ефимки, которые слѣдовало брать у нихъ по ходячей цѣнѣ ([6]). Въ XVI вѣкѣ торговля ганзейскихъ городовъ совершалась чрезъ Ливонію ([7]), въ XVII черезъ Архангельскъ. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, гамбургцы ежегодно приплывали къ Архангельску ([8]), а нѣкоторые вели въ Россіи торговлю сухопутьемъ отъ Архангельска ([9]).

Изъ другихъ Европейскихъ сосѣднихъ державъ, Швеція является въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею, однако часто прерываемыхъ войнами. Такимъ образомъ, при Іоаннѣ III торговля со Швеціею пришла въ упадокъ. Василій возобновилъ торговую взаимность народовъ договоромъ съ Густавомъ Вазою, которымъ предоставлена свобода шведскимъ купцамъ торговать во всей Россіи ([10]), и имѣть свое подворье въ Новѣгородѣ. Правительница Елена въ 1537 году заключила съ тѣмъ же государемъ договоръ, утверждавшій взаимную торговлю. Въ царствованіе

([1]) Ibid. 259 — 264. ([2]) Пол. Соб. Зак. I, 207. ([3]) Supplem. 268 ([4]) П. С. З. I, 207. ([5]) Ак. Ар. Эк. IV, 17 ([6]) П. С. З. I, 207. ([7]) Supplem. 268. ([8]) Доп. V, 289, ([9]) Кильбург. 156. ([10]) Ист. Г. Рос. VII, 144.

Іоанна IV съ тѣмъ же государемъ установленъ договоръ, по которому русскимъ купцамъ позволялось ѣздить чрезъ Швецію въ европейскія страны на шведскихъ корабляхъ, а шведамъ дозволено торговать въ Новѣгородѣ, Москвѣ, Казани и Астрахани и проходить въ Индію и Китай ([1]). Но вообще въ царствованіе Іоанна торговля съ Швеціею была въ упадкѣ отъ совмѣстничества англичанъ и отъ военныхъ обстоятельствъ. Между пограничными жителями обѣихъ сторонъ въ XVI вѣкѣ не переставали драки, грабежи и убійства ([2]). Въ 1595 году дана шведамъ привилегія на свободную торговлю въ Россіи. Шведскіе купцы, какъ изъ собственно шведскихъ, такъ изъ финляндскихъ и эстляндскихъ городовъ, могли свободно плавать по Ладожскому озеру и приставать повсюду своими судами, равно подниматься по Нарвѣ, входить въ Чудское озеро и достигать Пскова. Сверхъ того, шведскимъ купцамъ дано право торговать въ Москвѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ во всей Россіи на востокѣ, сѣверѣ, югѣ, западѣ, и не только въ мѣстахъ, уже принадлежавшихъ русскому государству, но и въ тѣхъ, которыя впередъ могутъ быть когда-нибудь присоединены къ Россіи, держать свои подворья не только въ Новгородѣ, Псковѣ и Москвѣ, гдѣ они ихъ уже имѣли, но въ другихъ городахъ, гдѣ до того времени ихъ не было. Слѣдовало только наблюдать, чтобъ это право принадлежало буквально шведамъ, а не торговцамъ другихъ націй, подъ шведскою фирмою, по этому на русскихъ границахъ не слѣдовало основывать новыхъ пристаней; за то шведы обязывались пропускать торговцевъ всѣхъ націй; которые будутъ везти товары для царской казны, съ тѣмъ только, чтобъ на такіе товары были взяты выписи въ Ревелѣ или Выборгѣ. Съ своей стороны, шведское правительство дозволяло русскимъ купцамъ ѣздить съ товарами въ Швецію, Финляндію и Эстляндію и торговать свободно. Относительно платежа пошлинъ положено, чтобъ какъ

([1]) Ист. Рос. Соловьева, VI 34, 138. ([2]) Доп. I, 142.

шведскіе купцы въ Россіи, такъ и русскіе въ Швеціи, платили пошлины, установленныя въ обоихъ государствахъ [1]. Эти привилегіи были возобновлены и послѣ Столбовскаго мира. Въ Новгородѣ вообще позволено было торговать только тѣмъ изъ иностранныхъ торговцевъ, которые будутъ имѣть жалованныя грамоты; одни шведскіе торговцы могли торговать тамъ безпрепятственно и держать свою контору [2]. Тогда по Ладожскому озеру и Пейпусу происходило плаваніе торговыхъ шведскихъ судовъ, а суда русскія ходили въ Выборгъ, Ревель [3] и Стокгольмъ, называвшійся у русскихъ *стекольнымъ городомъ* [4]. Въ это время многіе русскіе изъ края, уступленнаго Швеціи, разсѣялись по русскимъ селеніямъ новгородскаго края и вели выгодную для себя и для жителей Россіи контрабандную торговлю, но на это обратило вниманіе правительство въ 1628 году [5]. Между вывозимыми изъ Швеціи товарами первое мѣсто занимало желѣзо, какъ въ массѣ, такъ и въ издѣліяхъ. Русскіе возили въ Швецію, между прочимъ, хлѣбъ; въ 1649 году запрещено было возить хлѣбъ въ Швецію; но этотъ вывозъ былъ такъ выгоденъ для русскихъ, что крестьяне продолжали контрабандную торговлю [6]. Впрочемъ, вообще торговля Россіи съ Швеціею не была значительна, ибо возраставшая въ большомъ размѣрѣ торговля на Бѣломъ морѣ съ англичанами, голландцами и Гамбургомъ убивала торговлю какъ съ Швеціею, такъ съ Даніею и Пруссіею. Мы имѣемъ извѣстіе (7) подъ 1630 годомъ, что въ балтійскіе порты Нарву и Ивань-Городъ не приходило почти никакихъ грузовъ [8]. Въ половинѣ XVI вѣка война съ Швеціею прервала торговыя сношенія. По Кардисскому договору, шведскимъ купцамъ предоставлено торговать свободно по всей Россіи, но преимущественно въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ, Ярославлѣ, Холмогорахъ, Переяславлѣ, Тихвинѣ, Перновѣ и Александровской пустынѣ [9].

---

(1) Suppl. 242 — 244. (2) Ак. Ар. Эк. III. 265. (3) Пол. Соб. Зак. I. 511. (4) А. Истор. II, 129. (5) Ак. Ар. Эк. III. 261, (6) Доп. V. 219. (7) Доп. V. 219. (8) Соб. Г. Гр. III 309. (9) Доп. IV. 272.

Они могли имѣть свои подворья въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Переяславлѣ, а изъ шведскихъ городовъ, предоставленныхъ по договору для пріѣзда русскихъ купцовъ, были Стокгольмъ, Рига, Выборгъ, Ревель, Ижора, Корела, Ругодивъ (Нарва), Канцы; изъ нихъ въ Стокгольмѣ, Ригѣ, Ревелѣ и Ругодивѣ, русскіе могли строить торговые дворы (1). Впрочемъ, Кардисскій договоръ въ отношеніи торговли есть повтореніе условій 1595 года, Въ платежѣ пошлинъ торговцы обоихъ народовъ подвергались мѣстнымъ условіямъ, безъ всякихъ особыхъ привилегій. Во второй половинѣ XVII вѣка нѣсколько разъ было то запрещаемо, то вновь разрѣшаемо вывозить хлѣбъ и съѣстные припасы въ Швецію. Такъ въ 1685 году запрещено вывозить лѣсъ, свиное и говяжье сало и мясо въ Швецію, но на слѣдующій годъ, по просьбѣ олонецкаго земскаго старосты, снова позволено. Сухопутная торговля съ Швеціею шла черезъ Олонецкъ, гдѣ устроена была таможня (2).

Бракосочетаніе Іоанна III съ Софіею Палеологъ имѣло значеніе передачи интересовъ угасшей Греціи обновлявшейся Россіи. Это событіе освѣжило и скрѣпило древнюю связь Россіи съ Греціею, и Греція вмѣстѣ съ тѣмъ передала Россіи ненависть къ своимъ завоевателямъ. Поэтому между русскимъ и турецкимъ правительствомъ никогда не могло существовать согласія, напротивъ постоянно господствовала тайная непріязнь; однако взаимныя нужды связывали обѣ націи торговыми сношеніями, тѣмъ болѣе, что торговый классъ въ Турціи состоялъ изъ грековъ, пользовавшихся особымъ сочувствіемъ въ Россіи. Вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя встрѣчаемъ пріѣзды въ Россію съ товарами не только грековъ, но даже и турковъ. Въ 1499 году Іоаннъ III посылалъ въ Турцію пословъ и исходатайствовалъ свободу торговли русскимъ купцамъ во владѣніяхъ султана, гдѣ они до того времени подвергались разнаго рода

(1) Пол. Соб. Зак. I. 544. — Доп. IV. 270—272. (2) Ак. Ист. V. 238.

стѣсненіямъ и насиліямъ (1). Въ государствованіе Василія турки и греки пріѣзжали въ Москву для торговли: такъ турецкій посолъ Искандеръ, родомъ грекъ, три раза ѣздилъ въ Москву для покупки товаровъ (2); тоже повторялось и въ малолѣтство Ивана Васильевича (3); въ 1576 и 1580 годахъ были подобныя торговыя посольства, султановы послы пріѣзжали въ Москву для покупокъ (4). Въ царствованіе Іоанна Васильевича, не смотря на нерасположеніе Россіи къ Турціи, турецкіе подданные торговали въ Москвѣ, какъ и подданные русскаго государя въ Турецкихъ владѣніяхъ (5). При Θеодорѣ Іоанновичѣ торговля съ Турціею была обезпечена договоромъ 1594 года, но торговыя сношенія не приняли большаго размѣра, по причинѣ возникавшихъ тогда непріязненныхъ отношеній между державами. Въ это время путь между Россіею и Турціею былъ уже не безопасенъ отъ нападеній запорожцевъ. Такимъ образомъ въ 1564 году кіевскіе черкасы на Овечьихъ водахъ погромили турчанъ и армянскихъ торговыхъ людей, изъ турецкихъ подданныхъ (6).

Греки всегда пользовались особыми привилегіями, платили меньше пошлинъ и получали ласковый пріемъ отъ правительства (7). Это дѣлалось изъ уваженія къ ихъ единовѣрію съ русскими. Греки и молдоване каждогодно привозили въ столицу драгоцѣнные камни, жемчугъ, металлическія издѣлія и вообще разныя женскія украшенія и конскіе приборы. Русскіе также получали отъ нихъ драгоцѣнныя турецкія ткани и матеріи (8). Пріѣзжая въ Москву, эти греческіе торговцы подносили въ даръ царю лучшіе изъ своихъ товаровъ, и вообще были обязаны, явившись въ столицу, прежде всего показать свои товары для выборки въ царскую казну: только тогда давалось имъ позволеніе торговать въ городѣ (9). Во вниманіе

(1) Ист. Г. Рос. VI. 268. (2) Ак. Ар. Эк. I. 143. (3) Ист. Солов. VI. 41. (4) Ист. Г. Рос. IX, прим. 133. (5) Ист. Г. Рос. IX, 259. (6) Ibid. Прим. 103. (7). Carlisle, 73. (8) Врем. II, 83. (9) Кошихъ. 117.

къ ихъ единовѣрію, пріѣзжіе греки получали помѣщеніе, *кормъ* отъ казны хлѣбомъ и мясомъ, свѣчи и дрова (1). Нѣкоторые изъ греческихъ торговцевъ жили въ Москвѣ постоянно, на особомъ греческомъ подворьѣ (2). Въ половинѣ XVII вѣка греки и волохи торговали въ Путивлѣ, пограничномъ на югѣ городѣ Московскаго государства (3). Послѣ торговаго устава 1667 года, когда русскіе купцы успѣли выпросить у правительства стѣснительныя для иностранцевъ торговыя учрежденія, и греки подверглись платежу пошлинъ наравнѣ съ другими иноземцами (4). Впрочемъ, если они торговали на золотые и ефимки, то освобождались отъ платежа пошлинъ, съ обязанностію отдавать монеты въ казну и брать изъ нея русскія деньги (5). Не смотря на это уравненіе съ другими иноземцами, греки дозволяли себѣ контрабандныя выходки и оттого въ 1672 году приказано осматривать ихъ построже (6). Торговля съ греками тогда упала; пріѣзжали въ Россію только мелкіе торговцы, продававшіе поддѣльныя стекла за драгоцѣнные камни, поэтому они потеряли право торговли (7). Въ 1676 году имъ позволено снова торговать въ Путивлѣ (8). Но они опять были обвинены въ противозаконныхъ разъѣздахъ съ товарами по проселкамъ, почему снова послѣдовали распоряженія о строжайшемъ надзорѣ за ними (9).

Въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ русскіе вели торговлю съ восточными народами, бухарцами, персами, шамаханцами, крымцами, калмыками (10). Торговля съ Хивою, Бухаріею и Шамахіею перешла къ намъ по завоеваніи Астрахани, гдѣ издавна она находила себѣ истокъ и гдѣ по прежнему сосредоточивалась, когда уже Астрахань сдѣлалась русскимъ городомъ. Въ 1557 — 1558 годахъ владѣтели Хивы и Самарканда присла-

---

(1) Коших. 89. (2) Кильбург. 13. (3) Соб. Г. Гр. IV, 202. (4) Пол. Соб. Зак. I, 227. (5) Соб. Г. Гр. IV, 202. (6) Пол. Соб. Зак. I, 885. (7) Пол. Соб. Зак. II, 75. (8) Ibid. (9) Пол. Соб. Зак. II, 104. (10) Кильбург. 10.

ли къ покорителю Астрахани Іоанну Васильевичу пословъ для обезпеченія правъ своихъ торговцевъ и торговля Россіи съ ихъ землями утверждена была взаимнымъ договоромъ. Астрахань начала наполняться купцами изъ Шамахіи, Дербента, Юргенджа и другихъ восточныхъ городовъ. Въ послѣдующіе годы царствованія Іоанна IV торговля была обезпечена новыми договорами съ Шамахинскимъ царемъ въ 1563 году, а съ бухарскими владѣтелями въ 1567 и 1569, и *государь грамоты къ ихъ государемъ послалъ о купечествѣ* ([1]). Съ тѣхъ поръ установилась правильная торговля съ этими странами. Между Астраханью и Караганскимъ пристанищемъ дважды въ годъ было торговое сообщеніе на государевыхъ бусахъ, на которыхъ юргенджскіе и бухарскіе купцы приплывали въ Астрахань, платя за помѣщеніе на бусахъ во время проѣзда; другіе же ѣздили въ Астрахань, степью ([2]). Они останавливались въ Астрахани съ своими товарами на особомъ подворьѣ, которое называлось бухарскимъ ([3]). Русскіе купцы съ своей стороны ѣздили компаніями или артелями въ Хиву и Бухарію: эти путешествія были не безопасны; такъ въ 1646 году татары ограбили нашихъ купцовъ, ѣздившихъ въ Хиву, за это арестовали въ Астрахани съ товарами хивинцевъ и бухарцевъ ([4]). При Михаилѣ Θеодоровичѣ возникла конкурренція между астраханскими мѣстными купцами и хивинцами. Русскіе подговаривали воеводъ не брать на суда хивинцевъ, чтобъ заставить ихъ продавать дешевле свои товары ([5]). Это показываетъ, что торговля русская была очень важна для Хивы, и что въ Астрахани было много хивинскихъ купцовъ, ибо въ противномъ случаѣ купцы страшились бы стѣснять ихъ. Алексѣй Михайловичъ расширилъ эту торговлю, давъ въ 1668 году, по просьбѣ юргенджскаго хана, привилегію на свободное прибытіе хивинскихъ купцовъ въ Астрахань, обѣщалъ имъ покровительство правительства,

(1) Ист. Г. Рос. VIII. Прим. 415. Т. IX. прим. 258. (2) Доп. IV, 234. (3) Ак. Ист. III, 253 (4) Ак. Ист. IV, 50. (5) Ак. Ист. III. 474.

обезпеченіе со стороны мѣстныхъ властей, и дачу подводъ *по достоинству ихъ товарныхъ промысловъ и пошлиннаго сбора* (1). Чрезъ руки бухарцевъ къ намъ доходили и индійскіе товары. Бухарцы, кромѣ Астрахани, вели торговлю въ Сибири и торговали на гостиномъ дворѣ въ Тобольскѣ; они снабжали Сибирь рукодѣльными потребностями жизни и торговля съ ними была очень важна въ Сибири, какъ видно изъ челобитной сибиряковъ въ 1595 году, въ которой они просятъ какъ милости, чтобъ къ нимъ приходили изъ Бухаріи торговые люди съ товарами (2). Бухарцы, торгуя въ Тобольскѣ, составляли тамъ нѣкотораго рода компанію, почему въ дѣловыхъ бумагахъ употребительно выраженіе *тобольскіе бухарцы.* Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ имъ льготу ѣздить для торговаго промысла въ Казань, Астрахань, въ Архангельскъ къ пристани, и въ приморскіе города съ правомъ не быть задержанными судомъ, исключая долговыхъ обязательствъ и уголовныхъ дѣлъ, нанимать подводы, покупать суда и вообще быть безопасными отъ притѣсненій воеводъ. Въ 1686 году эта грамота была подтверждена снова (3). Торговля съ бухарцами въ Тобольскѣ въ половинѣ XVII вѣка была стѣснена тѣмъ, что бухарцамъ не позволено было вывозить главнаго и почти единственнаго произведенія сибирскаго края — пушныхъ товаровъ (4).

Ни съ какою страною торговля не имѣла въ тотъ вѣкъ такого значительнаго вліянія на умы, какъ торговля съ Персіею, ибо, какъ мы сказали, на нее смотрѣли какъ на средство произвести совершенное измѣненіе въ торговыхъ сношеніяхъ цѣлаго міра. Этотъ взглядъ, безъ сомнѣнія, раздѣляли тогда и русскіе, а потому русское правительство находилось постоянно въ дружелюбномъ отношеніи къ персидскому; притомъ два государства—Россію и Персію—связывала обоюдная непріязнь къ Тур-

(1) Пол. Соб. Зак. I, 742. (2) Соб. Г. Гр. II. 129. (3) Пол. Соб. Зак. II. 816. (4) Доп. IV. 361. Ibid. 353.

ціи. Еще до прибытія англичанъ у насъ были сношенія съ Персіею, и въ Москву пріѣзжали персидскіе посланники по торговымъ дѣламъ: это видно изъ того, что Дженкинсонъ поѣхалъ въ Персію вмѣстѣ съ персидскимъ посланникомъ, возвращавшимся тогда изъ Москвы. При Өеодорѣ Іоанновичѣ, во время царствованія шаха Аббаса, образовались болѣе тѣсныя и самыя дружественныя отношенія двухъ государствъ, поддерживаемыя взаимною ненавистію къ туркамъ. При Михаилѣ Өеодоровичѣ царь каждогодно отправлялъ въ Персію своихъ посланниковъ, которые, поддерживая торговыя сношенія подданныхъ обѣихъ державъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ закупщиками товаровъ для царя и пользовались при персидскомъ дворѣ всѣмъ нужнымъ содержаніемъ (1). Въ 1634 году, основана была голштинская компанія, которая получила право торговли съ Персіею черезъ Россію на десять лѣтъ съ платою шестисотъ ефимковъ въ годъ и съ воспрещеніемъ вывозить изъ Россіи такіе товары, которыми торговали русскіе, какъ-то: издѣлія шелковыя, бумажныя и металлическія; эта компанія, по своему ограниченію и притомъ по большому количеству пошлинъ, какимъ подвергались ея члены въ Россіи, не могла приносить выгодъ (2). При Алексѣѣ Михайловичѣ торговля съ Персіею приняла большій размѣръ: шахъ Аббасъ II въ 1664 году далъ русскимъ привилегію на свободную торговлю во всѣхъ персидскихъ владѣніяхъ безъ платежа пошлинъ, найма за подводы и платы за стоянку на гостиныхъ дворахъ и въ лавкахъ съ товарами; сверхъ того шахъ приказывалъ мѣстнымъ властямъ своего государства оказывать русскимъ купцамъ особую почесть (3). Средоточіемъ персидской торговли для Россіи была Астрахань (4), которая вела эту торговлю черезъ Дербентъ (5). Персидскіе купцы, пріѣзжая въ Астрахань, становились на

(1) Olear. Reisebeschreibung. изд. 1656. 225. (2) Ак. Ист. III, 330. (3) Пол. Соб. Зак. I, 603. (4) Кильбургъ. 122. (5) Ак. Ист. II, 21.

особомъ дворѣ, называемомъ гилянскимъ ([1]). Они прибывали въ Астрахань по Каспійскому морю на государевыхъ бусахъ; у иныхъ были товары отъ шаха, а у иныхъ свои собственные. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (1628 года) съ первыхъ, во уваженіе къ шаху, не брали пошлинъ, а вторые были обложены пошлинами, довольно высокими ([2]). Нѣкоторые персидскіе купцы отправлялись изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ до Казани ([3]), а иные доплывали до Москвы и тамъ предоставлялось имъ стоять съ товарами на посольскомъ дворѣ ([4]). Наравнѣ съ греками они пользовались правомъ получать *поденный кормъ* — хлѣбомъ и мясомъ, равно сѣно и дрова ([5]). Казна выбирала для себя лучшіе ихъ товары, обыкновенно вознаграждая за то мѣхами; на возвратномъ пути они пользовались правомъ брать гребцовъ на суда безденежно и также во время дороги получали содержаніе ([6]). Персидскіе товары были въ большомъ ходу въ Россіи; въ Москвѣ былъ особый персидскій гостиный дворъ съ лавками ([7]). Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, который велъ значительную персидскую торговлю, подобно своему отцу, безпрестанно посылалъ въ Персію посланниковъ къ шаху съ цаловальниками и приказывалъ закупать персидскіе товары, которые препровождались въ Шамаху, а оттуда въ Баку, гдѣ нагружались въ бусы и отправлялись въ Астрахань ([8]). Главнымъ вывознымъ изъ Персіи товаромъ былъ шелкъ-сырецъ и его-то правительство брало исключительно въ свои руки, такъ, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ русскіе, покупая или вымѣнивая шелкъ-сырецъ, привозили его въ Москву и сдавали въ казну государя, а казна продавала европейскимъ купцамъ ([9]). Въ 1667 году правительство, по соглашенію съ персидскимъ шахомъ, по-

---

([1]) Ак. Ист. III, 253. ([2]) Ак. Ист. 259. ([3]) Коших. 116. ([4]) Соб. Г. Гр. IV, 13. ([5]) Коших. 89. ([6]) Ibid. 116. ([7]) Кильбург. 127. ([8]) Ак. Ист. IV, 238. ([9]) Соб. Г. Гр. IV, 277.

ручило это дѣло *армянской* компаніи: основатели ея были персидскіе подданные армяне Стефанъ Ромоданскій и Григорій Лушковъ. Эта компанія обязывалась закупать въ Персіи и возить въ Россію шелкъ, который до того времени въ большомъ количествѣ шелъ въ Европу другими путями. Складочнымъ мѣстомъ шелковой торговли была Астрахань, куда компанія подрядилась возить свой товаръ двумя путями: по морю и сухопутьемъ черезъ городъ Терскъ. Въ случаѣ, если бы продажа шелка не могла состояться въ Астрахани, армянамъ предоставлялось везти шелкъ въ Москву и далѣе въ порубежные города: Новгородъ, Смоленскъ и Архангельскъ, наконецъ, при *накопившемся* количествѣ шелка, имъ позволялось ѣздить и заграницу, съ тѣмъ, однако, чтобъ непремѣнно возвращаться чрезъ Россію и платить на возвратномъ пути пошлины. Эта компанія торговала и другими товарами, какъ-то верблюжьею шерстью. Правительство обязывалось давать ея членамъ для обереганія отъ разбоевъ во время плаванія по Волгѣ ратныхъ людей и вознаграждать ихъ въ случаѣ потопленія судовъ или убытка, происшедшаго отъ небреженія провожатыхъ. Компанія не освобождалась отъ разныхъ поборовъ и пошлинъ (1), но могла возить съ собой безпошлинно до десяти пудовъ разной домашней рухляди и съѣстныхъ припасовъ, въ томъ числѣ вино и табакъ, которыхъ однако не могла продавать (2). Привилегія, данная компаніи, возбудила завистъ русскаго купечества. Гости жаловались, что у нихъ отнимаютъ хлѣбъ, доказывали, что, до основанія армянской компаніи, русскіе гости сами покупали у восточныхъ купцовъ товары и доставляли въ царскую казну, а потомъ брали ихъ изъ казны на коммиссію и перепродавали иностранцамъ, а полученную за то звонкую золотую и серебряную монету сполна доставляли въ казну; тогда какъ теперь получившая права компанія, продавая пер-

(1) Соб. Г. Гр. IV, 205. (2) Ibid. IV. 206.

сидскіе товары иностранцамъ, отвозитъ золото и серебро въ свое отечество; европейскіе товары переходятъ къ восточнымъ народамъ черезъ руки армянъ, а восточные товары достаются европейцамъ чрезъ тѣ же руки; напротивъ, они бы переходили черезъ русскія руки и доставляли пользу, какъ казнѣ, такъ и купечеству, еслибъ персидская торговля сосредоточивалась исключительно у русскихъ гостей и они были бы посредниками между Востокомъ и Европою (1). Эти представленія имѣли только отчасти успѣхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; въ 1673 году заключенъ новый договоръ съ армянскою компаніею въ прежнемъ смыслѣ, но съ нѣкоторыми отмѣнами, а именно: армяне не могли уже ѣздить съ персидскими товарами за границу, *коль скоро съ тѣми государствами какія ссоры будутъ*. Эта послѣдняя оговорка была поставлена только для вида, сущность же дѣла была та, что правительство, настроенное гостьми, хотѣло ограничить ихъ поѣзды за границу и собирать ихъ товары въ Россію. Сверхъ того, правительство уже болѣе не обязывалось давать вознагражденія за товары, погибшіе отъ потопленія или отъ небреженія провожатыхъ; но въ первомъ случаѣ давало имъ единственно ту льготу, что потонувшіе товары освобождались отъ платежа за нихъ пошлинъ, а во второмъ предоставляло имъ искать судомъ на тѣхъ, которыхъ небрежность и неисполнительность была виною понесенныхъ убытковъ. Такимъ образомъ правительство представленіемъ гостей воспользовалось на столько, на сколько могло принести выгоды самому себѣ. Для большаго успѣха въ дѣлѣ съ компаніею, правительство выпросило у шаха грамоту, которая воспрещала его подданнымъ продавать шелкъ мимо армянской компаніи, и обязывала армянъ возить его единственно въ Россію (2). Закоренѣлая вражда съ Турціею была причиною такой сговорчивости шаха въ пользу Россіи. Персія не хотѣ-

(1) Ibid. IV, 277—279. (2) Соб. Г. Гр. IV, 280—283.

лось, во что бы то ни стало, чтобъ персидскіе товары, особенно шелкъ, проходили въ Европу чрезъ Турцію и доставляли послѣдней средства къ выгодамъ. Притомъ отправка до Персидскаго залива шелку, который родился въ Гилянѣ, стоила дороже, чѣмъ отправка до Астрахани Каспійскимъ моремъ. Русскіе, говоритъ одинъ иностранецъ (1), не умѣли, однако, пользоваться неисчислимыми выгодами, какія представляла имъ торговля съ Персіею, и стѣсняли ее. Персидскіе купцы при въѣздѣ въ Астрахань подвергались обременительному для нихъ пересмотру всего товара, перепискѣ, оцѣнкѣ. Если они хотѣли ѣхать въ Россію, то платили, сверхъ заплаченныхъ уже съ товаровъ пошлинъ, еще проѣзжія пошлины. При всякомъ переѣздѣ изъ города въ городъ ихъ пускали не иначе, какъ пославши напередъ туда, куда они ѣдутъ, роспись ихъ товарамъ. Если они не успѣли распродать въ Россіи всѣхъ товаровъ, то, возвращаясь въ отечество, платили отъѣзжія пошлины (2).

Русскіе неохотно допускали иностранцевъ пользоваться чрезъ Россію выгодною торговлею съ Персіею. При Іоаннѣ IV только англичанамъ и отчасти шведамъ дозволено чрезъ Россію посѣщать Персію и восточные страны; прочіе иностранные купцы не имѣли права даже торговать безъ особаго дозволенія съ Казанью и Астраханью (3), которые считались хотя принадлежащими Русскому царству, но не Московскому государству. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ хотя дано право на торговлю съ Персіею голштинской компаніи, но съ высокими пошлинами. При Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно послѣ торговаго устава 1667 года, правительство стремилось, сколько возможно, отстранить иностранцевъ отъ восточной торговли. Но желаніе пріобрѣтать больше выгодъ для казны, заставляло поручить значительнѣйшую часть этой торговли армянской компаніи. Правительство не надѣялось и не могло получить столько выгодъ

(1) Кильбургъ. 122. (2) Ак. Ист. III, 259. (3) Ст. сп. Флетч. 47.

отъ русскихъ купцовъ, сколько отъ армянъ; ибо при покровительствѣ, какое оказывалъ русской торговлѣ шахъ, можно было предполагать, что весь персидскій шелкъ перейдетъ въ Россію. Шахъ много давалъ для подданныхъ царя; надобно же было и въ Россіи дать что-нибудь для подданныхъ шаха. Видя, что Россія не сладитъ съ мыслью извлечь пользу изъ торговли шелкомъ, голландскій посолъ предлагалъ позволить голландцамъ торговать съ Персіею и съ армянами и обѣщалъ Россіи цвѣтущее состояніе ея торговли. На это гости, постоянно стараясь отстранить иностранцевъ отъ преобладанія въ русской торговлѣ, возражали, что лучше вмѣсто цвѣта пусть голландцы покажутъ плодъ, а по ихъ мнѣнію, гораздо будетъ выгоднѣе для Россіи, если сами русскіе станутъ скупать шелкъ у персіянъ и перепродавать его европейцамъ, тѣмъ болѣе, что этотъ матеріалъ очень нуженъ для западной Европы. Голландцы не могли добиться дозволенія, по крайней мѣрѣ на два года въ видѣ опыта, торговать съ персіянами черезъ Россію. Гости возражали, что если въ теченіе двухъ лѣтъ голландцы не нанесутъ вреда русской торговлѣ и даже доставятъ ей видимую пользу, то дозволеніе будетъ вредно потому, что договоръ продолжится на дальнѣйшій срокъ и окрѣпнетъ, а потомъ голландцы овладѣютъ русскою торговлею навсегда, какъ сдѣлали въ восточной Индіи. Въ случаѣ крайности гости соглашались только дозволить въ Архангельскѣ армянамъ торговать съ иноземцами, но отнюдь не въ цѣлой Россіи (1).

Россіи суждено было только предупредить другихъ европейцевъ въ географическихъ открытіяхъ, которыя послѣ, однако, въ наукѣ остались не за русскими. Такъ прежде путешествія Ченслера по Бѣлому морю, которое англичане называли *открытіемъ* сѣвернаго пути, русскіе дьякъ Григорій Истома, а потомъ Власовъ совершили морскія путешествія вокругъ Норве-

(1) Соб. Г. Гр. IV, 338—339.

гіи (¹). Также точно казакъ Дежневъ открылъ Беринговъ проливъ прежде Беринга, имя котораго осталось за отдаленнымъ проливомъ (²). Такъ предпріимчивый тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ посѣтилъ Индію прежде открытія туда пути португальцами (³). Съ первой половины XVI вѣка начинаются у насъ сношенія съ Индіею, правда не важныя, но замѣчательныя по характеру рѣдкости. Въ 1533 году (⁴) прибыло въ Москву посольство отъ индійскаго султана Бабура, и хотя это посольство не установило прочныхъ сношеній Россіи съ Индіею, но русское правительство изъявило желаніе, чтобъ *люди промежъ ихъ ѣздили.* Послѣ покоренія Астрахани, въ числѣ восточныхъ народовъ, толпившихся въ этомъ городѣ, были индійцы, пріѣзжавшіе туда чрезъ Персію (⁵). Первое посольство въ Индію было въ 1646 году. Царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ великому шаху посломъ князя Козловскаго и съ нимъ двоихъ купцовъ, казанскаго Сыроѣпина и астраханскаго Тушкалова. Купцы эти имѣли наказъ извѣдать страну въ торговомъ отношеніи, ея произведенія, ея вывозныя статьи, цѣнность ихъ, торговлю съ западными европейцами, таможенное устройство и пути сообщенія. Имъ дано 5,000 руб. для покупокъ тамошнихъ произведеній. Но эта торговая экспедиція не достигла своей цѣли. Персидскій шахъ, бывши во враждѣ съ великимъ моголомъ, не пропустилъ русскихъ гонцовъ. Притомъ же Персія конечно должна была завистливо смотрѣть на возникающія сношенія Россіи съ Индіею, ибо индійскіе товары, состоявшіе преимущественно во врачебныхъ потребностяхъ и пряностяхъ, шли чрезъ Персію. Шахъ вѣжливо отдѣлался отъ просьбы дать русскимъ гонцамъ провожатыхъ, указывая на опасный путь по причинѣ междоусобій и безпорядковъ. Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ ограничить свое

(¹) Herberst, 77. (²) Доп. IV, 15. (³) Ист. Г. Рос. VI, прим. 629. (⁴) Ibid, VII, 158. (⁵) Труды и Лѣтоп. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древ. VII, 124.

желаніе сблизиться съ Индіею единственно тѣмъ, что приказалъ астраханскимъ воеводамъ доставлять индійскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ въ Астрахань, бо́льшія удобства передъ другими восточными торговцами. Индійцы получали право посѣщать не только Астрахань, но столицу и внутренніе города Россіи. Такимъ образомъ въ январѣ 1650 г. два индійскіе купца Солокна и Лягунтъ продавали въ Ярославлѣ разныя ткани, кушаки, ковры, платки, фаты, шелкъ, набранные ими отчасти въ Индіи, отчасти въ Персіи. Въ столицѣ они познакомили русскихъ съ индійскою матеріею камкою. Въ 1651 году русскіе гости просили царя дозволить имъ отправлять свои товары въ Индію и устроить, при посредствѣ персидскаго правительства, свободное сообщеніе Россіи съ Индіею черезъ Персію. Алексѣй Михайловичъ позволилъ гостю Шорину отправить двухъ гостиныхъ прикащиковъ Родіона и Ивана Никитиныхъ съ русскими товарами и снабдилъ ихъ грамотами къ персидскому шаху и великому моголу. Но и это торговое посольство не достигло своей цѣли, отчасти снова отъ неблагорасположенія Персіи, отчасти же въ самомъ дѣлѣ отъ безпорядковъ въ Индіи, возникшихъ по смерти великаго могола между его сыновьями, оспаривавшими другъ у друга наслѣдство. Въ 1663 году прибыли въ Москву индійскіе армяне съ грузомъ товаровъ и поднесли Алексѣю Михайловичу въ даръ разныя украшенія: корону, перстни, запону, нашивки, матеріи, ладонъ, благовонія и фрукты. Царь взялъ у нихъ не все, но часть, и по средней оцѣнкѣ выдалъ имъ настоящую цѣну въ 10,472 руб. соболями, сукнами и другими товарами, но не деньгами. Армяне были не довольны такимъ пріемомъ, потому что обыкновенно царская щедрость награждала подносителей даровъ вдвое противъ настоящей цѣны самыхъ даровъ. Армяне заключили съ правительствомъ договоръ доставлять въ аптекарскій приказъ лекарства, особенно чепучинный корень (Radix chinae), но правительство не согласилось, чтобъ привозъ этихъ товаровъ былъ освобож-

денъ отъ пошлинъ. Въ 1669 году царь, не оставляя мысли о постоянной торговлѣ съ Индіею, задумалъ отправить туда русскій караванъ. Предпріятіе это было столь ново, что надлежажало предварительно отправить кого—нибудь для изслѣдованія пути, а потому Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Бухарію, Хиву и Балкъ посланникомъ Бориса Пазухина, для извѣданія пути въ Индію. Пазухинъ возвратился въ 1673 году. Онъ доносилъ, что центромъ, куда нужно будетъ послать караванъ, долженъ быть Джанабадъ, индійская столица. Путь къ нему идетъ отъ Астрахани моремъ, до караганскаго пристанища, оттуда въ теченіе трехъ недѣль до Хивы, изъ Хивы въ теченіе трехъ недѣль до Балка, отъ Балка на Парванъ, оттуда на Чарикуръ, Кабулъ, Пишауръ, Аттокъ, Ротасъ, Лагоръ, Султанпуръ и Джанабадъ, что выходило отъ Астрахани пути четыре мѣсяца съ половиною верблюжьимъ ходомъ. Спрошенные по поводу этого донесенія индійцы, случившіеся въ то время въ Москвѣ, совѣтовали держать другой путь изъ караганскаго пристанища въ Юргенджъ, Бухару, а оттуда въ Балкъ, изъ Балка въ Кабулъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ въ 1675 году отправленъ чрезъ Бухарію, по указанію индійцевъ, караванъ подъ начальствомъ посла астраханца Маметъ-Исупа Касимова съ разными товарами, состоящими преимущественно въ мѣхахъ, предназначенныхъ для подарковъ властителю индійскому Эвреинзебу. Пропущенные дружелюбно бухарскимъ и балкинскимъ властителями, русскіе достигли Кабула въ 1676 году. Вассалъ Эвреинзеба Мекреметъ-Ханъ, управлявшій Кабуломъ, донесъ о прибытіи гостей своему властителю, но тотъ принялъ новость вовсе не такъ, какъ ожидали. Онъ не захотѣлъ быть въ сношеніяхъ съ Россіею, отговариваясь тѣмъ, что прежде не было такихъ сношеній и что магометанская вѣра препятствуетъ дружиться съ христіанами. Мекреметъ-Ханъ не позволилъ русскимъ продавать товары, опечаталъ какъ подарки царскіе, такъ и товары купцовъ, привезенные для продажи, взялъ товары эти по той цѣнѣ, по какой ему было

угодно, и еще съ вычетомъ пошлинъ, да при этомъ таможенные чиновники замѣтили, что у нихъ и холопи не носятъ такихъ дурныхъ соболей, какіе русскій царь присылаетъ въ подарокъ ихъ государю. Впрочемъ индійскій шахъ выдалъ имъ въ видѣ подарка двѣ тысячи рупій, подтверждая, чтобъ русскіе немедленно удалились изъ его владѣній. Съ этихъ поръ, какъ видно, индійцы перестали пользоваться въ Россіи такимъ гостепріимствомъ какъ прежде, ибо въ 1684 году одинъ индіецъ жаловался на притѣсненія его единоземцамъ, которыя дѣлали астраханскіе воеводы, а въ 1688 году, по просьбѣ гостей, право индійцевъ торговать въ Россіи ограничено одною Астраханью. Неудачи въ устроеніи торговыхъ сношеній съ Индіею не удержали русское правительство еще разъ въ 1695 году попытаться послать въ Индію купца Семена Маленькаго съ товарищами, съ наказомъ продать тамъ русскіе товары и купить для царской казны индійскихъ произведеній. Эта новая экспедиція была удачнѣе. Наши купцы безпрепятственно достигли Индіи и получили отъ намѣстника индійскаго шаха грамоту на безостановочный пропускъ. На возвратномъ пути моремъ изъ Сурата они были ограблены морскими разбойниками (¹).

Покореніе восточной Сибири повело Россію къ торговымъ сношеніямъ съ отдаленнымъ Китаемъ. Они возникли не ранѣе половины XVII вѣка. Первый гонецъ въ Китай былъ Ярыжкинъ, Въ 1654 году было посольство въ Китай Ѳедора Байкова, сибирскаго казака Малинина и бухарца Бабурель–Бабаева съ товарами (²). Байковъ воротился въ Тобольскъ въ 1658 году. Послѣ него ѣздилъ тарскій сынъ боярскій Иванъ Перфильевъ, а въ 1675 году Николай Спафарій. Такимъ образомъ возникли торговыя сношенія съ Китаемъ. Начало ихъ Языковъ относитъ къ Спафарію, но Кильбургеръ, писавшій въ 1674 году, приписываетъ ихъ Байкову. Главный пунктъ этой торговли былъ

(¹) Труды и Лѣтоп. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древ. VII. 125—167.
(²) Ак. Ист. IV, 202.

въ Тобольскѣ. Годъ отъ году она принимала бо́льшіе размѣры. Китайскіе купцы привозили туда пестрыя ткани, одноцвѣтную китайку, разные драгоцѣнные камни, фарфоръ, чай, бодьянъ, хину, ревень, бобровую струю, шелкъ, который оказался лучше и крѣпче персидскаго и шамаханскаго. Право купцовъ пріѣзжать въ Россію ограничивалось Тобольскомъ. Отсюда купленные и вымѣненные товары развозились по Россіи; часть ихъ направлялась въ Москву, другая въ Архангельскъ для передачи иностранцамъ (1). Въ 1689 году, бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ былъ посломъ въ Китаѣ, заключилъ съ китайскимъ правительствомъ мирный договоръ, по которому установлено правильное и постоянное сношеніе съ Китаемъ. Съ тѣхъ поръ русскіе начали ѣздить въ Китайскую Имперію съ русскими товарами и промѣнивали ихъ на китайскіе. Вскорѣ, для предотвращенія контрабандной торговли, правительство стѣснило свободныя поѣздки въ Китай и приказало неиначе пускать русскихъ торговцевъ въ Китай, какъ съ грамотою, выданною изъ Сибирскаго Приказа; слѣдовательно, купецъ, желавшій изъ Сибири отправиться въ Китай, долженъ былъ прежде обратиться въ Москву и выхлопотать себѣ грамоту, что́ составляло для него источникъ многихъ издержекъ, проволочекъ и затрудненій. Купецъ, получившій наконецъ грамоту, долженъ былъ ѣхать непремѣнно черезъ Иркутскъ и Нерчинскъ, и возвращаться тѣмъ же путемъ, чтобъ платить пошлины съ вывозимыхъ и привозимыхъ товаровъ (2). Правительство хотѣло, чтобъ китайская торговля сосредоточивалась въ его рукахъ и производилась чрезъ его посредство. Въ 1694 году опредѣлено каждогодно посылать въ Китай купцовъ отъ правительства для торговли съ китайцами (3). Въ 1695 году отправлены въ Китай священныя принадлежности для основанія русской церкви, учреждаемой для русскихъ купцовъ, пребывающихъ въ Китаѣ (4). Въ 1696 году

(1) Кильбург. 132 (2) Ак. Ист. V, 373. (3) Ibid. V, 519. (4) Ibid. V, 445.

купецъ Спиридонъ Лангусовъ получилъ отъ казны порученіе везти въ Китай мѣха и промѣнивать на золото и разныя ткани (1). Торговымъ пунктомъ китайской торговли избранъ Нерчинскъ; туда прибывали и отбывали караваны съ русскими и китайскими товарами (2).

Вообще русская власть въ отношеніи торговли съ иностранцами, съ одной стороны, нуждаясь сама въ произведеніяхъ заграничныхъ и сознавая, что русскій народъ стоитъ на слишкомъ низкой степени промышленнаго развитія для того, чтобъ производить то, что привозили ему иностранцы, давала имъ въ Россіи большія торговыя права, иногда не безопасныя для будущаго, какъ, напримѣръ, привилегіи англичанъ; съ другой же стороны, она оказывала недовѣріе къ иностранцамъ, боясь, чтобъ не употребили во зло покровительства и гостепріимства, оказываемаго имъ въ Россіи. Иностранцы заслуживали и то и другое. Они наполняли казну царей и домы знатныхъ особъ предметами изысканной жизни, привозили имъ одежды, украшенія, лакомства, но они постоянно, на каждомъ шагу не скрывали самого очевиднаго презрѣнія къ русскому народу, смотрѣли на Россію, какъ на страну дикую и необразованную и потому-то особенно имъ полезную. Пребываніе у насъ иностранцевъ не оказывало ни малѣйшаго благодѣтельнаго вліянія ни на улучшеніе нравовъ, ни на просвѣщеніе, ни на благосостояніе народа; иностранцы всѣми способами старались отклонить Россію стать въ уровень съ западными странами, чтобъ самимъ не терять выгодъ, которыя они получали отъ нашего государства. Съ своей стороны власть, сохраняя неприкосновенность православнаго ученія и древняго гражданскаго порядка, установившагося въ Россіи, отстраняла всякое нравственное сближеніе русскихъ съ иностранцами. Вообще, торговые иностранцы въ Россіи пользовались бо́льшею благосклонностію правительства до половины XVII вѣка, чѣмъ

(1) Ibid. V, 470. (2) Ibid. V, 473.

послѣ того до Петра. Объ англичанахъ и говорить нечего; но и торговцы другихъ народовъ—голландцы, шведы, персы, греки—всѣ имѣли какія-нибудь льготы или привилегіи, показывавшія, что власть дорожитъ сношеніями съ иноземными державами (1). Между прочимъ, всѣ иностранцы пользовались особымъ отъ русскихъ судопроизводствомъ, ибо ихъ не предавали пыткамъ; но въ половинѣ XVII вѣка, въ 1661 году, персіяне, тезики (азіятскіе турки) и греки (объ иноземцахъ другихъ націй неизвѣстно) подвергались торговой казни за продажу табаку (2). Кромѣ льготъ, предоставляемыхъ торговцамъ извѣстныхъ націй по договорамъ съ правительствами вообще, нерѣдко цари въ знакъ особыхъ милостей давали лицамъ и обществамъ изъ европейскихъ торговцевъ льготныя привилегіи. Царь Іоаннъ Васильевичъ даровалъ дерптскимъ купцамъ право безпошлинной торговли въ Новгородѣ, Псковѣ и Ивань-городѣ, съ оговоромъ, что если они повезутъ свои товары въ Москву, Казань, Астрахань, или другіе города Россіи, то должны платить пошлины на равнѣ съ русскими (3). Царь Борисъ въ 1598 году далъ жалованныя грамоты нѣмцамъ Игнатію Поперзаку и Андрею Витину, позволилъ имъ торговать въ Новгородѣ, Псковѣ, Ивань-городѣ безпошлинно, даровалъ право ѣздить обратно изъ Россіи въ Литву, Ливонію и Германію. Какъ внутри государства въ вышеупомянутыхъ городахъ, такъ и при отъѣздѣ за границу и пріѣздѣ въ Россію они освобождались отъ пошлинъ (4). Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ подобныя же грамоты нѣмцамъ, Буку и Ивану Юрьеву: они могли торговать всякими товарами безпошлинно, но съ условіемъ, не возить вмѣсто своихъ чужихъ товаровъ и не давать русскимъ людямъ торговыхъ коммиссій (5). Были заграничные торговые дома, долго торговавшіе въ Россіи и пріобрѣвшіе особенное расположеніе правительства. Таковъ былъ въ XVII вѣкѣ гамбургскій торговый домъ Марселисовъ. По дан-

(1) Ст. Сп. Флетч. Врем. VIII, 25. (2) Соб. Г. Гр. IV, 77. (3) Suppl. 234. (4) Соб. Г. Г. II, 151. (5) Соб. Гр. Гр. III, 66—68.

нымъ имъ жалованнымъ грамотамъ, они и ихъ прикащики не освобождались отъ платежа пошлинъ, не могли торговать въ раздробь, а непремѣнно оптомъ, но за то могли имѣть свои дворы въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Колѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Москвѣ (но не въ другихъ городахъ), и разъѣзжать по всей Россіи съ товарами; воеводы не смѣли судить ихъ и придираться къ нимъ; въ случаѣ какого-нибудь иска на нихъ, они отвѣчали въ посольскомъ приказѣ (1). Въ XVII вѣкѣ пользовалась особымъ расположеніемъ царей торговая фамилія Келдермановъ, жившихъ въ Москвѣ. Они оказывали услуги царямъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Андрей Келдерманъ при Михаилѣ Өеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ трижды былъ посылаемъ въ Англію, сынъ его Томасъ—въ Голландію, къ императору Леопольду и къ венеціанскому дожу. Царь довѣрялъ ему въ Архангельскѣ надсмотръ за продажею шелка и препоручалъ покупки разныхъ товаровъ для царскаго обихода; въ 1671 году наименовалъ его почетнымъ именемъ повѣреннаго Московскаго государства и чести достойнаго, а въ 1685 году этотъ титулъ внесенъ въ его жалованную грамоту (2). Многіе брали жалованныя грамоты отъ приказовъ, подкупивъ дьяковъ и приказныхъ людей,—въ томъ вѣкѣ это было легко; посулы и поминки могли тронуть сердца блюстителей администраціи и хранителей царской прибыли; такимъ путемъ иноземцы получали грамоты на разныя льготы: иногда на торговлю съ пошлинами, а иногда даже и безъ пошлинъ (3). Нерѣдко иностранцы, получивъ такія грамоты, передавали ихъ другимъ, и послѣдніе спокойно торговали подъ именемъ тѣхъ, кому даны грамоты, называя себя то ихъ братьями, то племянниками, то прикащиками; ибо всякая такая жалованная грамота распростиралась не только на одно лицо, но и на тѣхъ, которые состояли съ нимъ въ одномъ торговомъ капиталѣ и даже на тѣхъ, которые у нихъ служили.

---

(1) Ibid. III, 372. (2) Соб. Г. Гр. IV, 401, 403. (3) Ак. Ар. Эк. IV, 17.

Такимъ образомъ, жалованная грамота, данная одному лицу, давала права, въ ней означаемыя, цѣлой компаніи, произвольно составленной. Были и такіе иностранцы, которые не задавали себѣ труда брать жалованныхъ грамотъ изъ приказа, а торговали себѣ, какъ хотѣли (¹). Россія была широка, мало населена,—поймать трудно; а въ случаѣ и поймаются—посулы и поминки выручатъ. Вообще же побужденіе брать жалованныя грамоты зависѣло не отъ однихъ торговыхъ причинъ; если жалованная грамота не давала торговцу безпошлинной торговли, то освобождала его отъ мѣстныхъ судовъ, а передавала всякій судъ съ нимъ Посольскому приказу; это уже было не маловажно. Всѣ вообще иноземцы и состояли въ вѣдѣніи Посольскаго приказа; но когда случалось какое-нибудь дѣло, какая-нибудь жалоба иностранца на русскаго,—дѣло производилось въ томъ приказѣ, въ которомъ вѣдомъ былъ отвѣтчикъ. Такой приказъ требовалъ къ своему суду иностранцевъ, и тутъ-то начиналось судебное *волокитство*, и происходила для нихъ въ *торгахъ безпромыслица*, особливо тогда, когда отвѣтчикъ самъ служилъ въ приказѣ, а это случалось часто: подъячій, напримѣръ, наберетъ у иностранца въ долгъ, и не платитъ, а иностранецъ долженъ тягаться съ нимъ въ томъ же приказѣ, гдѣ сидитъ самъ подъячій, а съ нимъ его пріятели, которые не только не думаютъ удовлетворить иноземца, но еще и сами хотятъ поживиться на его счетъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1628 году, однимъ только англичанамъ вообще дана была грамота на право быть судимыми единственно въ Посольскомъ приказѣ; другіе иноземные торговцы подвергались суду тѣхъ приказовъ, гдѣ былъ отвѣтчикъ. Исключались изъ этой категоріи тѣ, которые имѣли особыя жалованныя грамоты. По Уложенію, всѣ иноземцы, жившіе въ Россіи, должны были судиться тѣмъ же судомъ, какъ и подданные Московскаго государства (²). Въ 1653 году дана была грамота голландцамъ и вообще всѣмъ торговымъ иноземцамъ на

(¹) Соб. Г. Гр. IV, 18. (²) Улож. Г. X, § 1.

право быть судимыми въ одномъ Посольскомъ приказѣ; но послѣ того возникали челобитныя отъ иноземцевъ: они жаловались, что ихъ по прежнему тягаютъ въ другіе приказы. По этому, въ 1664 году подтверждено было распоряженіе 1653 года (1).

Между иноземцами и русскими господствовала непріязнь, переходившая часто въ явныя ссоры. Такъ въ Архангельскѣ, когда иноземные корабли приставали къ берегу, и къ нимъ подходили русскіе досчаники и барки, всегда почти между гостьми и домашними происходила драка; нерѣдко доходило и до смертоубійства (2); это, впрочемъ, не мѣшало врагамъ торговать между собою тайкомъ и вмѣстѣ обманывать правительство (3). Болѣе недружелюбны были отношенія иностранцевъ къ начальствовавшимъ лицамъ; послѣднія жаловались, что иноземцы бываютъ дерзки и не даютъ осматривать своихъ товаровъ. Въ особенности же споры происходили по поводу выбора товаровъ для царской казны, ибо иностранцамъ не позволялось продавать своихъ товаровъ прежде, чѣмъ сдѣлаютъ выборки для казны. Тогда иноземцы, вопреки требованіямъ начальства продавать въ казну самые лучшіе товары, скрывали ихъ, чтобъ тайкомъ продавать въ частныя руки, а чиновникамъ показывали на выборъ товары похуже и назначали высокую цѣну: иноземные торговцы вообще находили, что имъ невыгодно и непріятно было имѣть дѣло съ казною, а еще болѣе съ чиновниками, которые всегда готовы были къ нимъ придраться. Но въ особенности не терпѣли иноземныхъ торговцевъ русскіе оптовые торговцы-*гости* и богатые *купчины*. Они не могли не скорбѣть, видя, какъ иностранные торговцы отнимаютъ у нихъ хлѣбъ, занимаясь тѣмъ, чѣмъ бы по всѣмъ правамъ, какъ они думали, слѣдовало заниматься русскимъ: скупаютъ русскіе товары у мелкихъ торговцевъ, тогда какъ этотъ скупъ долженъ бы исключительно принадлежать гостямъ, торгуютъ въ розницу, и притомъ или вовсе не платя пошлинъ, или платя ихъ меньше чѣмъ русскіе, да въ добавокъ

(1) Доп. IV, 339. (2) Ibid. 142. (3) Ibid. 143.

не подвергаясь различнымъ повинностямъ, которыя отбывали русскіе торговые и промышленные люди. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ на Земскомъ Соборѣ 1642 года гости и торговые люди въ своей сказкѣ жалуются, что нѣмцы, кизильбашцы (персіяне) и всякіе иноземцы торгуютъ всякими товарами, какъ въ столицѣ, такъ и по всѣмъ городамъ и черезъ то *въ городѣхъ всякіе* люди *обнищали* (1). Въ 1646 году русскіе гости подавали челобитную, въ которой излагали всѣ обстоятельства, вредныя для казны и торговли, проистекающія отъ правъ, которыми пользовались въ Россіи иностранные торговцы. Постигавшія англичанъ обвиненія, въ умышленномъ повышеніи и пониженіи цѣнъ на товары для своекорыстныхъ видовъ, касались тогда въ большей или меньшей степени вообще торговцевъ всѣхъ иностранныхъ націй. Гости хотѣли захватить въ свои руки торговлю. Когда иностранцы, говорили они, приходили единственно въ порты, а не торговали въ Россіи,—русскіе товары были дороже, а иностранные дешевле; теперь вышло наоборотъ: русскіе продаются за безцѣнокъ, а иностранные дорожаютъ и притомъ еще иностранцы привозятъ къ намъ что похуже (2). Такой протестъ гостей, лицъ, близкихъ къ правительству и часто служившихъ ему въ торговыхъ и финансовыхъ операціяхъ, мало по малу расположилъ правительство въ ихъ пользу и противъ иностранцевъ. По торговому уставу 1653 г. иностранцы, торговавшіе въ Россіи, обложены были высшею пошлиною, чѣмъ русскіе торговцы: именно. вмѣсто десяти денегъ двумя алтынами съ рубля, кромѣ, однако, Архангельска, да сверхъ того по четыре деньги съ рубля за товары, которые они повезутъ изъ Россіи къ порту (3). Но еще болѣе ограничены были льготы иностранныхъ торговцевъ, торговавшихъ по Россіи, по торговому уставу 1667 года. Они были обложены по гривнѣ съ рубля (20 денегъ), слѣдовательно двойною въ сравненіи съ русскими купцами, такъ называемою *проѣзжею* пошлиною, какъ за товары, которые они ве-

(1) Соб. Г. Гр. III, 395. (2) Ак. Ар. Эк. 16—18. (3) Пол. Соб. Зак. 1,304.

зутъ внутрь государства, такъ и за тѣ, которые будутъ вывозить изъ Россіи за-границу; независимо отъ того они должны были платить двухъ-алтынную пошлину съ рубля, наложенную на нихъ уставомъ 1653 года (¹). Сверхъ того, они обязаны были, пріѣхавъ въ какой-нибудь городъ, продавать свои товары непремѣнно мѣстнымъ купцамъ, и не иначе какъ оптомъ, равно должны были покупать и вымѣнивать русскіе товары не иначе, какъ у мѣстныхъ торговцевъ, а отнюдь не у пріѣзжихъ; еслижъ бы открылось, что иноземецъ продалъ свой товаръ иногородцу или купилъ русскій товаръ у иногородца, пріѣхавшаго въ городъ, то такой товаръ, какъ у того, такъ и у другаго, отбирался на государя. Имъ запрещалось въ Россіи торговать между собою, за исключеніемъ московскихъ купцовъ иностраннаго происхожденія, которые могли пріѣзжать съ товарами и за товарами во всѣ ярмарки и въ порубежные города. Иностранцы не могли торговать въ розницу ни подъ какими условіями. Наконецъ стѣсняя болѣе и болѣе иноземцевъ въ торговлѣ, уставъ 1667 года постановилъ брать съ нихъ пошлины даже и за тѣ товары, которые они привезли изъ за-границы и уже оплатили, но которые, не бывъ проданы въ Россіи, увозятся за границу снова. Вообще весь этотъ уставъ клонится къ тому, чтобъ вытѣснить иностранцевъ изъ торговли внутри Россіи, ограничить ихъ торговыя операціи портами и поставить въ такое отношеніе, чтобъ выгода въ торговлѣ оставалась на сторонѣ гостей, которымъ такимъ образомъ предоставится возможность и свобода захватить въ свои руки оптовую торговлю Россіи (²). Хотя это слишкомъ ограничило иностранныхъ торговцевъ, но не уничтожило ихъ стремленія къ преобладанію въ русской торговлѣ. Иностранцы были стѣснены во внутренней торговлѣ Россіи, но не отстранены отъ нея. Въ Россіи жили иностранные торговцы, которые были полезны царю, исполняли его порученія, которыхъ нельзя было возложить на гостей, и потому получали

(¹) Ibid. I, 686, 687. (²) Соб. Г. Гр. IV, 197—199.

особыя права торговать внутри Россіи и съ иностранцами въ Архангельскѣ ([1]). При посольствахъ отъ европейскихъ государей пріѣзжали торговые люди съ товаромъ, которымъ дозволялось торговать на Посольскомъ дворѣ ([2]). Царь Алексѣй Михайловичъ уступалъ гостямъ, потому что они умѣли показать ему, какъ ихъ интересы совпадаютъ съ интересами казны, но дорожилъ торговыми сношеніями съ Европою и не отступалъ отъ своихъ приказаній таможеннымъ начальникамъ: обходиться съ иноземцами вѣжливо и *привѣтъ къ нимъ держать, чтобъ ихъ не отогнать* ([3]). Москвитяне, замѣчаетъ англійскій посланникъ ([4]), охотно терпѣли всѣхъ европейцевъ въ своей странѣ, лишь бы они были протестанты; только католики и жиды подвергались изгнанію.

ГЛАВА III.

Открытіе бѣломорскаго пути произвело важное измѣненіе въ путяхъ и пунктахъ русской торговли, До того времени главнымъ мѣстомъ сношеній съ Европою были Нарва или Ивань-Городъ (Ругодивъ) на Балтійскомъ морѣ, но послѣ основанія англійской компаніи этотъ портъ началъ упадать и упадалъ болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ развивалась бѣломорская торговля ([5]). Главнымъ приморскимъ торговымъ городомъ сдѣлались Холмогоры ([6]). Здѣсь было первое складочное мѣсто привозныхъ товаровъ ([7]). Кромѣ того, что преимущество положенія края прибрежнаго къ судоходной рѣкѣ и близкаго къ морю, благопріятствовало процвѣтанію этого города, вся окрестность его изобиловала многими статьями тогдашняго вывоза: мѣхами, льномъ, пенькою. Охотники привозили въ Холмогоры въ большомъ коли-

---

([1]) Доп. II, 743. ([2]) Пол. Соб. Зак. II, 323. ([3]) Доп. III, 194. ([4]) Carlisle 73. ([5]) Ст. Сп. Флетч. 16. ([6]) Ак. Ар. Э. I, 408. ([7]) Торг. кн. Врем. VIII.

чествѣ звѣриныя шкуры, изъ Лампожни доставляли оленьи кожи и зубы моржей, съ Сѣвернаго моря соль и ворвань (1). Англичане избрали этотъ незначительный до того времени городокъ пристанью, построили на-скоро нѣсколько красивыхъ домовъ по англійскому образцу (2) и завели прядильную фабрику, покупая для нея матеріалы въ Россіи, посредствомъ своихъ агентовъ (3). Торговля въ Холмогорахъ была преимущественно оптовая и мѣновая; хотя англичане и занимались розничною торговлею въ Россіи, но въ другихъ городахъ. Металлъ принимался въ Холмогорахъ какъ товаръ, а не какъ номинальное выраженіе цѣнности. Если русскій продавалъ англичанину свои товары и получалъ за нихъ звонкую монету, то взвѣшивалъ ее и принималъ по сравненіи вѣса и стоимости съ своими деньгами, тѣмъ болѣе, что въ XVI вѣкѣ и русская монета имѣла значеніе товара, котораго стоимость каждый опредѣлялъ вѣсомъ и достоинствомъ, также какъ и всякую другую вещь (4).

Когда Холмогоры были главнымъ торговымъ пунктомъ бѣломорской торговли, далѣе къ устью Двины стоялъ одиноко Архангельскій монастырь; близь него былъ построенъ англійскій гостиный дворъ, а при немъ четыре дома. Тамъ была первая, вступательная пристань (5); тамъ купеческія суда разгружались и оттуда товары на досчаникахъ шли до Холмогоръ, а иногда прямо до Вологды. Въ 1584 году вокругъ монастыря и стоявшихъ около него строеній построенъ городъ, то есть, стѣна, и названъ Архангельскъ (6). Вскорѣ въ этотъ новопостроенный городъ перешла холмогорская торговля. Неудивительно, что онъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ истока и притока торговли въ Россіи. Многіе купцы изъ торговыхъ городовъ: Москвы, Ярославля, Вологды, Костромы, Яренска, Сольвычегодска построили тамъ себѣ домы, нѣкоторые перешли туда на постоянное жи-

---

(1) Chensl. Hacl. 280. (2) Randolf. Hacl. 422. (3) Rich. Gray. Hacl. 338. (4) Торг. кн. Врем. VIII. (5) Randolf. Hacl. 422. (6) Ист. Гос. Рос. X. 30, Прим. 135.

тельство, оставаясь безвыѣздно въ продолженіе двадцати и тридцати лѣтъ, тогда какъ ихъ агенты (покручепики) закупали по Россіи товары и доставляли къ порту (1). Другіе, если не жили сами, то завели тамъ дворы, каждогодно посѣщая Архангельскъ въ торговое время. Между тѣмъ туда же стекались промышленники и съ другихъ сторонъ, какъ, напримѣръ, съ *Мурманскаго* моря съ рыбою и солью (2).

Въ половинѣ XVII вѣка въ Архангельскъ приходило каждогодно отъ тридцати до сорока купеческихъ иностранныхъ (англійскихъ, голландскихъ, гамбургскихъ, бременскихъ) кораблей (3). Обыкновенное время торговли былъ исходъ лѣта и это время называлось ярмаркою. Было ли прежде положительно опредѣлено время начала и окончанія этой ярмарки, неизвѣстно; но въ 1663 году иноземцы жаловались, что время для ярмарки въ Архангельскѣ очень коротко. Тогда, по ихъ просьбѣ, установленъ былъ трехмѣсячный срокъ, именно: мѣсяцы іюнь, іюль и августъ, и притомъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ указаннаго срока не было торговли въ Архангельскѣ. Но въ 1664 году русскіе торговцы разныхъ городовъ били челомъ, что иноземные корабли приходятъ въ Архангельскъ поздно, къ 15 августа, а русскіе торговцы, рано являясь въ Архангельскъ, терпятъ убытки отъ простоя, поэтому разрѣшено продолжать архангельскую ярмарку и послѣ 1 сентября до прихода послѣднихъ кораблей (4). Въ 1667 году время ярмарки опять ограничено первымъ числомъ сентября, подъ тѣмъ предлогомъ, что многія суда, уплывая поздно изъ Архангельска къ Вологдѣ бываютъ застигнуты льдомъ и оттого портятся товары (5). Это сдѣлано собственно въ видахъ сбереженія царскихъ товаровъ (6). Тоже подтверждено въ 1674 году. Но въ самомъ дѣлѣ, не смотря на запрещенія, торгъ всегда оканчивался не ранѣе конца сентября. Иностран-

---

(1) Доп. IV. 143. (2) Ibid. III. 116. (3) Кильбург. 154. (4) Доп. IV, 379. (5) А. Истор. IV, 517. (6) Соб. Г. Гр. IV, 201.

ные купцы, приготовляясь къ отплытію въ Архангельскъ, дѣлали въ маѣ и іюнѣ закупы товарамъ, назначеннымъ въ Россію, и потомъ уже отправлялись въ Архангельскъ, не ранѣе какъ въ половинѣ іюля. Зная это и московскіе купцы выѣзжали изъ Москвы въ Архангельскъ на почтовыхъ во второй половинѣ іюля и никакъ не могли прибыть на мѣсто ранѣе двухъ недѣль. Самый дѣятельный торгъ происходилъ въ августѣ, но расплата и разсчеты продолжались до конца октября и это было болѣе всего причиною продолжительности ярмарки. Иностранцы разсчитывали, что они дѣлаютъ оборотъ своего капитала въ торговлѣ съ Россіею въ теченіе пяти мѣсяцевъ, именно: въ маѣ и іюнѣ закупаютъ товары, въ іюлѣ и августѣ привозятъ въ Архангельскъ, а въ концѣ сентября возвращаютъ капиталъ съ процентами (1). При Θеодорѣ Алексѣевичѣ, въ 1679 году, разрѣшено продолжать архангельскую ярмарку на безсрочное время и всѣмъ, которые не успѣютъ продать и промѣнять своихъ товаровъ во время ярмарки, позволялось сложить ихъ въ амбары и лавки и торговать по произволу (2).

Каждогодно, вмѣстѣ съ открытіемъ торжища, правительство назначало для него торговое начальство. Главнымъ лицомъ былъ гость, опредѣленный для сбора пошлинъ и управленія торговыми дѣлами; когда ярмарка оканчивалась, то и онъ уѣзжалъ въ Москву съ собранною казною и таможенными книгами для отдачи думному дьяку Новгородской Чети. Когда начали посылать такихъ начальствовавшихъ лицъ — неизвѣстно; но обычай этотъ былъ наблюдаемъ уже въ царствованіе Михаила Θеодоровича (3). Подъ начальствомъ гостя было двое таможенныхъ головъ и выборные цѣловальники (4). Таможенные головы выбирались изъ торговыхъ людей московской гостиной сотни, а изъ цѣловальниковъ двое были изъ гостиной сотни, двое изъ суконной и

---

(1) Кильбург, 154 — 156. (2) Ак. Ист. V, 69. (3) Пол. Соб. Зак, II, 222. (4) Доп. III, 200.

сверхъ того еще нѣсколько—*сколько пригоже* — изъ мѣстныхъ жителей (1). Но въ 1658 году замѣчено, что цѣловальники послѣдняго сорта выбраны были изъ пахотныхъ людей, ничего не смыслившихъ въ торговлѣ, а потому поставлено впредъ выбирать шесть цѣловальниковъ изъ торговыхъ людей городовъ: Ярославля, Вологды, Устюга, Костромы, Яренска и Сольвычегодска (2). Вскорѣ это число цѣловальниковъ было удвоено. Въ 1667 году постановлено, чтобъ предъ открытіемъ ярмарки гость выѣзжалъ въ Архангельскъ съ однимъ таможеннымъ головою и шестью цѣловальниками, по два человѣка изъ городовъ: Каргополя, Устюга и Сольвычегодска, а другой таможенный голова или товарищъ гостя долженъ былъ ѣхать въ Вологду также съ шестью цѣловальниками, по два человѣка изъ городовъ: Ярославля, Костромы и Вологды, и находиться тамъ во все время нагрузки и сплава въ Архангельскъ купеческихъ судовъ съ товарами, а по окончаніи сплава ѣхать въ Архангельскъ; тамъ все таможенное начальство должно находиться вмѣстѣ въ продолженіе всей ярмарки (3). Сверхъ того, имъ придавались подъячіе для веденія торговыхъ дѣлъ и записки пошлинъ (4).

Въ Архангельскѣ устроена была корабельная пристань и при ней таможенный дворъ (5). Еще въ 1635 году устье Двины съ обѣихъ сторонъ было ограждено стрѣлецкими караулами, которые останавливали плывущія суда (6). Въ 1667 году всякій иностранный корабль на самыхъ устьяхъ Двины встрѣчалъ шанцы, гдѣ былъ построенъ дворъ. Командиръ плывущаго корабля долженъ былъ объявить находящемуся въ этомъ дворѣ приказному человѣку названіе корабля, имя хозяина, имена торговцевъ, прибывшихъ или посылающихъ свои товары въ Россію на этомъ кораблѣ, и подать роспись самымъ товарамъ. Приказ-

(1) Ibid III. 185. (2) Доп. IV. 143 — 144. (3) Соб. Г. Гр. IV 191. (4) Доп. V. 200. (5) Ibid. III. 204. (6) Ак. Ар. Эк. III, 391.

ный человѣкъ дѣлалъ съ этой росписи выписку (копію) и отдавалъ шкиперу, а самый подлинникъ оставлялъ у себя; корабль слѣдовалъ къ Архангельску и ставши на якорь, предъявлялъ копію, данную приказнымъ человѣкомъ, гостю, который записывалъ ее въ книги, а потомъ дѣлалъ повѣрку и еслибы оказалось что–нибудь лишнее противъ выписи,—то отбиралъ это лишнее на государя (¹). Въ 1689 году начальствовавшій Архангельскомъ и корабельною гаванью стрѣлецкій полковникъ долженъ былъ разспросить прибывающихъ чрезъ вожей или же таможенныхъ цѣловальниковъ: нѣтъ ли въ той странѣ, откуда они приходятъ, мороваго повѣтрія, и только послѣ такого разспроса допускать новоприбывшій корабль къ Архангельску. При этомъ слѣдовало каждому кораблю напоминать, чтобъ не бросали песку и каменьевъ, служившихъ баластомъ, въ Двину и не засоривали ея устья (²).

Какъ только корабль станетъ на якорѣ, таможенное начальство дѣлало осмотръ: нѣтъ ли на кораблѣ пушекъ, огнестрѣльнаго снаряда и военныхъ людей. Если бы отыскалось подобное, то таможенные начальники обязаны сдѣлать допросъ: для чего корабли привели съ собою военныхъ людей и привезли военные снаряды?

Иностранцы легко могли отговариваться тѣмъ, что это дѣлается для предохраненія во время плаванія, но тогда корабль долженъ былъ стоять за устьемъ, а не подходить къ городу (³). У иностранцевъ, съ нѣсколькими кораблями, приходившими изъ одной и той же страны, былъ одинъ корабль конвойный, вооруженный, и этотъ корабль долженъ былъ не входить въ устье, а стоять въ морѣ (⁴); но въ 1685 году, по просьбѣ голландцевъ, гамбургцевъ и торговцевъ другихъ націй, позволено было входить въ устье и конвойнымъ кораблямъ (⁵). Потомъ тамо-

---

(¹) Соб. Г. Гр. IV, 191. (²) Ак. Ист. V, 309. (³) Доп. III, 198. (⁴) Пол. Соб. Зак. II, 675. (⁵) Ibid. II, 677.

женники пересматривали всѣ товары въ тюкахъ, сундукахъ, кипахъ, считали ихъ и дѣлали *примѣрный вѣсъ*; при этомъ не обходилось безъ споровъ, часто жаркихъ съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ въ 1667 г., голландцы и гамбургцы жаловались на таможеннаго начальника гостя Шорина, что онъ ставитъ неправильный вѣсъ, беретъ за модель для вѣса (приметываетъ) самые большіе тюки, заключаетъ по ихъ вѣсу о вѣсѣ другихъ, гораздо меньшихъ, и притомъ кладетъ въ вѣсъ веревки, самыя коробки и тюки. Гости имѣли наказъ вѣсить по согласію съ иноземными торговцами, но однако примѣняясь, чтобъ государевой казнѣ было *прибыльнѣе*, и такъ, чтобъ можно было взять по болѣе вѣсовыхъ пошлинъ.

Сообразно вѣсу и счету производима была вмѣстѣ съ цѣловальниками оцѣнка (¹). Иноземцы должны были объявлять цѣну своимъ товарамъ по совѣсти и еслибъ оказалось, что они сказали не дѣйствительную цѣну, то ихъ товары отбирались въ казну (²). При этомъ товары раздѣлялись на вѣсчіе (вѣсомые) и невѣсчіе (невѣсомые). Тогда спрашивали иноземныхъ торговцевъ: желаютъ ли они оставаться и торговать въ Архангельскѣ или ѣхать далѣе, и, сообразно ихъ отвѣту, облагали ихъ пошлинами. Вопросъ о желаніи ѣхать внутрь государства относился къ тѣмъ, которые на это имѣли право по жалованнымъ грамотамъ.

Торговля съ русскими происходила двумя способами: или на самыхъ корабляхъ безъ разгрузки иностранныхъ товаровъ, или же послѣ разгрузки въ гостиныхъ дворахъ. Русскіе могли подвозить на судахъ свои товары въ гавань, входить на иностранные корабли и тамъ производить мѣновую и покупную торговлю. При такомъ торгѣ должны были присутствовать таможенные головы, а если торгъ былъ не на слишкомъ большія суммы, то цѣловальники (³). Таможенные чиновники

(¹) Доп. III, 188. (²) Соб. Г. Гр. IV. 198. (³) Доп. III. 102.

ходили на иноземные корабли въ сопровожденіи вооруженныхъ служилыхъ людей — сотниковъ съ стрѣльцами — для оберегапія русскихъ торговцевъ и для рѣшенія споровъ, которые безпрестанно возникали между русскими и иностранными торговцами; въ случаѣ же важныхъ ссоръ, таможенное начальство обращалось къ воеводѣ (1).

Когда иностранный корабль хотѣлъ разгружаться, то объ этомъ объявляли гостю, начальнику таможни, который составлялъ роспись товарамъ, записывалъ каждый товаръ въ книги особою статьею, именно какой товаръ, сколько его и кому принадлежитъ. Въ 1667 году гостю съ товарищами приказано было смотрѣть, чтобъ на иностранныхъ товарахъ, получающихъ право разгрузки, были наложены клейма, съ обозначеніемъ, въ какихъ городахъ эти товары дѣлались и у какихъ фабрикантовъ. Это постановлено было въ предупрежденіе продажи дурныхъ товаровъ и ихъ поддѣлки (2). Для выгрузки иностранныхъ товаровъ, равно какъ и для нагрузки русскихъ на иностранные корабли, употреблялись *дрягили*, работники, опредѣленные для такого запятія отъ правительства. Они получали царское жалованье, за которое обязаны были носить царскіе товары, и сверхъ того отъ всякаго подъема съ частныхъ лицъ брали по двѣ деньги (3). Они также стояли у вѣсовъ и взвѣшивали товаръ по требованіямъ. Впослѣдствіи они брали съ торговцевъ заработную плату по взаимному договору, а въ 1680 году постановлено было быть дрягилямъ безъ жалованья, а у иноземцевъ брать то, что дадутъ, безъ уговора (4). Выгруженные товары ставились въ общемъ гостиномъ дворѣ; но англичане и голландцы имѣли привилегіи держать собственные дворы и амбары. Въ 1649 году, какъ на общемъ гостиномъ дворѣ, такъ и на англійскомъ и голландскомъ, поставлены были цѣловальники, бравшіе пошлины съ торга, а съ ними стояли на караулахъ стрѣльцы и дѣти боярскіе,

(1) Ibid. III, 198. (2) Соб. Г. Гр. 297. (3) Доп. III, 149. (4) Пол. Соб. Зак. II. 326.

которые должны были смотрѣть, чтобъ никто не вносилъ и не выносилъ товаровъ безпошлинно. Эти караульные отнюдь не должны были мѣшаться въ таможенные сборы. Сверхъ того, два цѣловальника стояли у воротъ гостинаго двора и также наблюдали, чтобъ никто не вносилъ и не вывозилъ товаровъ, не записавъ въ таможенныя книги. До 1658 караульныхъ на гостиномъ дворѣ назначали воеводы, но оказалось, что воеводы посылали ихъ туда для *кормленья*, что они брали съ русскихъ и иноземныхъ купцовъ поминки и пропускали контрабанду, а если цѣловальнику и удавалось захватить кого-нибудь съ тайными товарами, то караульные не допускали вести его въ таможню, а требовали, чтобъ прежде сдѣланъ былъ докладъ воеводѣ, который умышленно протягивалъ дѣло, пока торговцы, давшіе взятки, успѣвали прятать свои товары и такимъ образомъ избавляться отъ преслѣдованія. Поэтому въ 1658 году велѣно было стрѣлецкимъ головамъ и сотникамъ отводить пойманныхъ съ контрабандою прямо къ таможенному головѣ, а не къ воеводамъ (1).

Вообще торговля какъ на корабляхъ, такъ и въ гостиныхъ дворахъ была оптовая: иностранцамъ запрещено было торговать въ розницу; сукна можно было продавать только кипами и поставами, шелковыя матеріи косяками, вѣсчіе товары пудами, а питья бочками (2). Поэтому такая торговля легко сохраняла свой мѣновой характеръ. Съ мѣноваго торга, брались пошлины такъ же, какъ и съ товаровъ, продаваемыхъ на деньги; мѣнявшіеся товарами должны были объявлять цѣну своихъ товаровъ, и если таможенные начальники замѣчали хитрость, то могли цѣнить товары сами и притомъ *большею, а не меньшею* цѣною (3). При всякой торговой сдѣлкѣ, иностранецъ обязанъ былъ записывать свой торгъ въ книги и прикладывать свою руку (4). Въ 1667 году, по предложенію иностранца Марсе-

(1) Доп. IV, 144. (2) Ibid. V 194. (3) Доп. III, 188. (4) Соб. Т. Гр. IV, 198.

лиса, постановлено, чтобъ для каждаго изъ торговавшихъ въ Россіи народовъ — именно, голландцевъ, англичанъ, гамбургцевъ, бременцевъ, былъ въ архангельской таможнѣ особый подъячій, и у него особыя книги, гдѣ-бы записывалось количество привозимаго товара и получаемыя пошлины (1). При запискахъ въ книги покупокъ, продажъ и мѣнъ очень часто происходили недоумѣнія и споры; такъ въ 1665 году голландскіе купцы жаловались, что гости не допускаютъ ихъ записывать въ книги своихъ торговъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто-бы продавцы объявили слишкомъ дешевую цѣну продаваемымъ товарамъ (2). Такая же жалоба послѣдовала отъ голландцевъ и гамбургцевъ въ 1685 году. Они жаловались, что гость и товарищи его съ мѣноваго торга берутъ пошлины выше той цѣны, которая выставлена въ выписяхъ, данныхъ русскимъ купцамъ на ихъ товары въ тѣхъ городахъ, откуда они ихъ привозили. Но такая жалоба оказалась несправедливою, и правительство приказывало цѣнить товары такъ, какъ они продавались въ Архангельскѣ, принимая во вниманіе издержки привоза отъ того мѣста, откуда ихъ привезли въ Архангельскъ (3). При отплытіи иностраннаго корабля за-границу хозяинъ его или начальникъ долженъ былъ явиться въ таможню, и гость или товарищи его давали ему свидѣтельство (выпись) за таможенною печатью, съ которымъ иностранцы свободно могли пройти черезъ устье въ море. Вмѣстѣ съ тѣмъ, таможенное начальство должно было сообщать объ отходѣ караблей воеводѣ и дьяку; городское начальство обязано было наблюдать за отплывающими, чтобъ за ними не оставалося пошлинъ, казенныхъ и частныхъ долговъ (4).

Русскіе купцы, привозившіе въ Архангельскъ свои товары на судахъ, должны были прежде всего подать въ таможню выпись,

---

(1) Доп. V, 287. (2) Ibid. V, 206. (3) Пол. Соб. Зак. II, 677. (4) Доп. III, 192; V, 188.

данную имъ при нагрузкѣ ихъ суденъ въ Вологдѣ, и никто не смѣлъ выносить на берегъ ничего, прежде предъявленія этой выписи. Таможенное начальство записывало выпись въ книгу и выдавало *память* на выгрузку, а между тѣмъ, цѣловальники отправлялись на судно и повѣряли: дѣйствительно-ли товары въ томъ количествѣ и въ томъ видѣ, какъ записаны въ выписи, и если бы оказалось что-нибудь лишнее, то конфисковалось. Впрочемъ, для вѣсовыхъ товаровъ допускался привѣсокъ. Послѣ мѣны или покупки товаровъ и платежа пошлинъ, русскій купецъ долженъ былъ записать въ книгу свой торгъ вмѣстѣ съ иностранцемъ, приложить руку и взять отъ таможеннаго начальства выпись за таможенною печатью для представленія въ томъ мѣстѣ, куда его товаръ послѣдуетъ (¹).

Покупаемые русскими купцами въ Архангельскѣ иностранные товары нагружались въ досчаники, которые иногда принадлежали самимъ хозяевамъ товаровъ, а иногда другимъ лицамъ, занимавшимся судовымъ промысломъ, преимущественно жителямъ Вологды, куда отправлялись товары. До уничтоженія привилегій англійской компаніи, ходили досчаники, принадлежавшіе этой компаніи; въ началѣ ихъ было не болѣе трехъ, но въ 1646 году число ихъ возросло до сорока (²). Хозяинъ товара являлся къ гостю и подавалъ роспись товарамъ, которые онъ хочетъ везти изъ Архангельска; въ росписи означено было его имя и имя владѣтеля судна, на которое нагружали товаръ. Таможенное начальство записывало роспись въ книги, подписывало самый оригиналъ, прикладывало къ нему печать, потомъ производило осмотръ, и если все оказывалось вѣрно, то дозволяло нагружать судно, а если бы случилось, что товару болѣе, чѣмъ сколько написано въ росписи, то конфисковало лишнее. Такъ какъ часто случалось, что на одно судно складывались товары разныхъ купцовъ, то хозяинъ судна обязанъ былъ составить и

(¹) Соб. Г. Гр. II. 191. (²) Ак. А. Эк. IV. 17.

принести гостю оптовую роспись всему товару, какой у него на суднѣ. Таможенное начальство подписывало ее, прикладывало печать, свѣряло съ частными росписями товаровъ, принесенными прежде каждымъ изъ купцовъ, и если роспись, представленная хозяиномъ судна, не противорѣчила росписямъ, принесеннымъ хозяевами товаровъ, то судно могло отправляться (1). Непроданные русскіе товары, отправляемые назадъ, не подлежали пошлинамъ, но ихъ слѣдовало заявить въ таможнѣ и записать въ *оста́лые*. Впрочемъ, купецъ могъ складывать непроданные товары въ Архангельскѣ до будущей ярмарки, но не иначе, какъ взявши на нихъ выписи изъ таможни (2).

Кромѣ Архангельска, торговая пристань на сѣверѣ существовала въ Колѣ, гдѣ поэтому былъ и таможенный дворъ (3). Жители Колы промѣнивали англичанамъ и датчанамъ рыбу на сукна и металлы и возили вымѣненное по морю въ Двину до Холмогоръ, а впослѣдствіи до Архангельска, съ цѣлью промѣнять эти иностранные товары на хлѣбъ (4). Въ Кеми каждогодно въ день св. Петра собирался торгъ съ лопарями. Привозили туда англичане, норвежцы, датчане свои товары и промѣнивали лопарямъ на ворвань, мѣха и рыбу. Въ этомъ торгѣ, какъ кажется, датчане имѣли перевѣсъ. Туда присылался таможенный русскій чиновникъ для собранія пошлинъ (5). Въ Варзужской области близъ Архангельска производилась торговля рыбою и таможенные головы посылали туда цѣловальниковъ для наблюденія надъ правильнымъ ходомъ торговли и для взятія десятой пошлины (6). Нѣкоторые иноземные корабли ходили въ устье Печоры и приставали въ Пустозерскѣ для торговли, но это запрещалось строго, и пустозерскій воевода въ 1664 году получилъ приказаніе не давать иноземнымъ кораблямъ пристанища (7). Другіе плавали по берегамъ моря и приставали къ

---

(1) Соб. Г. Гр. IV. 192, 196. (2) Соб. Г. Гр. IV. 192. (3) Доп. III, 146. (4) Ibid. I, 213. (5) Fletch. The Russ. Commonwealth. 185. (6) Доп. III, 203. (7) Ibid. IV, 133.

селамъ, вели контрабандную торговлю саломъ, рыбою и кожами (1), а чтобъ избѣгнуть преслѣдованія, подкупали волостныхъ цѣловальниковъ и брали отъ нихъ выписи, въ которыхъ было написано, что съ нихъ взята пошлина, но сколько и за что именно — не означено; съ такою фальшивою выписью иностранцы являлись въ Архангельскъ и въ случаѣ придирки къ нимъ со стороны таможеннаго начальства, отдѣлывались тѣмъ, что показывали выпись. Въ 1667 году было снова подтверждено, отнюдь не допускать иноземныхъ кораблей къ какому бы то ни было береговому поселенію, исключая Архангельска и Колы (2). Впрочемъ, недалеко отъ самой корабельной пристани, въ Архангельскѣ происходила контрабандная торговля. Иностранные корабли не становились въ гавани, а избирали себѣ мѣсто между островами въ Двинскомъ устьѣ; ночью русскіе на паузкахъ (родъ лодокъ) подплывали къ нимъ съ товарами; иностранцы нагружали ими свои корабли, а русскимъ передавали свои товары. Въ 1646 году, въ предупрежденіе такихъ злоупотребленій, правительство хотѣло устроить на островахъ каменныя башни и протянуть черезъ рукава устья желѣзныя цѣпи; но посадскіе, которыхъ, какъ мѣстныхъ жителей, спрашивали объ удобствѣ исполненія проекта, увѣряли, что вовсе не знаютъ удобныхъ для этого мѣстъ; въ самомъ же дѣлѣ они боялись прекращенія контрабанды, которою занимались (3). Въ 1649 году строго постановлено, чтобъ иноземные корабли отнюдь не становились внѣ корабельной гавани (4). Въ 1658 г. состоялся проектъ устроить пловучія надолобы, которыя были бы замкнуты желѣзными цѣпями, и ставить у надолобъ сильный караулъ изъ стрѣльцовъ, которые денно и нощно должны тамъ стоять, пока продолжается ярмарка, а когда ярмарка окончится тогда бревна, разомкнувъ, складывать на берегу. Такими же надолобами предпамѣревались оградить самую гавань, чтобъ не

(1) Ibid. III, 195. (2) Ibid. V, 197. (3) Доп. III, 61. (4) Ibid. III, 204.

допускать русскія суда подплывать къ иноземнымъ ([1]). Этотъ проэктъ, вѣроятно въ нѣкоторой степени исполненъ, какъ видно изъ торговаго устава 1667 года, гдѣ говорится о шанцахъ и караулахъ. Сверхъ этихъ контрабандныхъ выходокъ, иноземцы стакивались съ русскими купцами, нанимали ихъ себѣ прикащиками и, избѣгая таможенной бдительности, отправляли свои товары въ Холмогоры, гдѣ продавали безпошлинно, показывая видъ, какъ-будто-бы товары были уже куплены русскими въ Архангельскѣ, въ Холмогорахъ же таможенное начальство состояло изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ цѣловальниковъ, которыхъ назначали изъ Архангельска и съ которыми легко было сладить ([2]). Въ самомъ Архангельскѣ на гостиныхъ дворахъ происходила тайная безпошлинная торговля: цаловальники и дѣти боярскіе, стоявшіе на караулѣ, легко поддавались вліянію взятокъ, которыя имъ давали купцы, и пропускали ихъ товары, неоплаченные пошлиною ([3]). Большія злоупотребленія дѣлались иноземцами, торговавшими внутри Россіи, въ отвозѣ ими товаровъ изъ Архангельска въ Москву, особенно въ первой половинѣ XVII вѣка. Иноземцы отговаривались въ Архангельскѣ, что будутъ платить пошлины въ Москвѣ при продажѣ, брали съ собой больше товаровъ, чѣмъ сколько записывали въ росписяхъ, и на дорогѣ торговали безпошлинно. Иные покупали товары у пріѣзжихъ иноземцевъ и сказывались ихъ коммиссіонерами, увѣряя, будто-бы они везутъ товары не отъ себя, а отъ нихъ. Отпущенные изъ Архангельска, они сбывали эти товары не въ Москвѣ, куда дана имъ проѣзжая грамота, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ 1658 году, по поводу открывшихся злоупотребленій такого рода, велѣно пересматривать въ подробности товары, которые иноземцы повезутъ въ Москву, тогда какъ прежде того ихъ записывали только оптовыми числами ([4]). Пріѣзжающіе въ Архангельскъ иноземцы получали предувѣдомленія,

---

([1]) Ibid. IV. 142. ([2]) Ibid V. 192; ([3]) Ibid. III, 194. ([4]) Доп. 143.

что за контрабандную торговлю у нихъ отнимутъ на государя товары, и сверхъ того при многочисленномъ стеченіи народа назовутъ позорнымъ именемъ воровъ (1).

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ воеводы имѣли нѣкоторое вліяніе на торговыя дѣла въ Архангельскѣ, но при Алексѣѣ Михайловичѣ они были переданы совершенно въ распоряженіе гостя и его товарищей—таможеннаго начальства. Воеводы не вмѣшивались въ торговыя дѣла. Ихъ отношеніе ограничивалось только тѣмъ, что безъ ихъ вѣдома не долженъ былъ становиться на якорь и отходить иноземный карабль. Но иногда административная власть имѣла болѣе вліянія на торговыя дѣла въ Архангельскѣ. Такимъ образомъ, въ 1689 году стрѣлецкій полковникъ Ружинскій, бывъ начальникомъ корабельной гавани, свидѣтельствовалъ приходившіе корабли, вѣдалъ поплавную и морскую заставы, разставлялъ у амбаровъ, чулановъ и лавокъ на гостиномъ дворѣ караульныхъ и даже цѣловальниковъ, смотрѣлъ за правильнымъ производствомъ торговли, чтобъ мѣняли и продавали оптомъ, а не въ розницу, чтобъ на гостиныхъ дворахъ не сидѣли съ огнемъ, чтобъ русскіе ночью не вели съ иноземцами контрабандной торговли, и чтобъ иноземцы не плавали по сторонамъ и не покупали тайкомъ русскихъ товаровъ, а оказавшихся виновными представлялъ воеводѣ въ съѣзжую избу. Ему предоставлено было разбирательство дѣлъ между торговцами, судъ по долговымъ обязательствамъ и взиманіе судебныхъ пошлинъ (2).

Доходъ, доставляемый таможнею казнѣ, до 1689 года не превышалъ суммы 72,000 р., ибо въ перечневыхъ росписяхъ этого года говорится, что до такой суммы сборъ не доходилъ въ теченіе двадцати лѣтъ слишкомъ со времени установленія Новоторговаго устава. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы сумма эта увеличивалась почти до 75,000 р. (74,936), но потомъ стала упадать, изъ чего можно заключить, что сумму 70,000 р. мож-

---

(1) Ibid. III. 189. (2) Ак. Ист. V. 307—310.

но признать среднею цифрою дохода казны съ архангельской таможни. Сборъ былъ русскими деньгами, золотыми и ефимками. Большая часть сбора употреблялась на мѣстѣ для царскихъ покупокъ и на издержки для содержанія таможни, и вообще гость привозилъ въ Москву небольшую часть сбора въ звонкой монетѣ (1).

Кораблеплаваніе въ Архангельскѣ развило особый, свойственный краю промыселъ корабельныхъ вожей; это были русскіе лоцманы, хорошо знавшіе мѣстность какъ на морѣ, такъ особенно на Двинѣ. Они нанимались водить суда изъ моря по Двинѣ до Архангельска, а равно и выводить, и брали зато хорошія деньги. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дополняли собою полицію, ибо слѣдили за контрабандными поступками и доносили о нихъ. Составляя какъ-бы особый, замкнутый въ себѣ самомъ цехъ, вожи долго пользовались монополіею, причиняли иноземцамъ большія притѣсненія, вымогали большую плату, выдумывали разныя прицѣпки и придирки, и всячески отстраняли другихъ архангелогородцевъ отъ участія въ кораблеводствѣ, стараясь, чтобъ этотъ промыселъ оставался исключительно за ихъ артелью. Но въ 1671 году правительство позволило всѣмъ безъ исключенія опредѣлятся въ лоцманы и договариваться съ иноземцами (2). Въ 1685 году подтверждено, чтобъ этотъ промыселъ отнюдь не стѣснялся откупами и подрядами, но чтобъ каждый, кто хотѣлъ, могъ наниматься у иноземцевъ. Вожи были въ вѣдомствѣ таможеннаго начальства (3).

Морская торговля на Сѣверномъ океанѣ совершалась исключительно на иностранныхъ корабляхъ: русскіе если и отправлялись за-границу этимъ путемъ, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, то на отходящихъ чужеземныхъ судахъ. Проэктъ пост-

---

(1) Перечн. роспись тамож. сбора, хранящ. въ рукоп. въ Румянц. муз. (2) Ак. Ист. IV, 472. (3) Пол. Соб. Зак. II, 677.

роенія русскаго купеческаго флота явился, какъ кажется, не ранѣе 1666 года, по предложенію служившаго въ Россіи иноземца Густава фонъ-Кемпена (1). Но онъ остался проэктомъ.

На востокъ отъ Двины на одномъ изъ острововъ Мезеня—Лампаранскомъ, по-прежнему, производился торгъ въ селеніи Лампожнѣ, съ самоѣдами, югрою и другими сѣверовосточными иноземцами. Послѣ прибытія англичанъ, какъ видно, въ Лампожнѣ было двѣ ярмарки въ годъ; на нихъ съѣзжались купцы изъ Холмогоръ и другихъ городовъ съ сукнами, оловянною и мѣдною посудою и проч. и привозили оттуда кожи, мѣха и рыбій зубъ. Путь отъ Холмогоръ до Лампожни производился на оленяхъ (2).

Изъ Архангельскаго порта водяной торговый путь шелъ по Двинѣ до Устюга Великаго, а оттуда Сухоною и Вологдою до города Вологды. Этотъ путь заключалъ въ себѣ тысячу–сто верстъ и проходилъ мимо торговыхъ городовъ: Холмогоръ, Устюга, Сольвычегодска и Тотьмы (3). Изъ этихъ городовъ, Тотьма при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлалась мѣстомъ значительной продажи заграничныхъ товаровъ и обмѣна сибирскихъ (4). Плаваніе отъ Архангельска до Вологды совершалось въ досчаникахъ, насадахъ и болѣе мелкихъ судахъ, смотря по грузу. Досчаникъ имѣлъ до десяти саженъ и болѣе (5). Обыкновенные русскіе насады, плававшіе по Двинѣ и Сухонѣ, были длинныя и широкія плоскодонныя суда, сверху покрытыя. Они шли надъ водою не выше четырехъ футовъ; для легкости, при постройкѣ, въ нихъ вовсе не клали желѣза: все было сдѣлано изъ одного дерева. При попутномъ вѣтрѣ употреблялись паруса, но въ противномъ случаѣ плаваніе было очень затруднительно, особенно когда плыли противъ

---

(1) Соб. Г. Гр. IV, 679. (2) Ж. М. Н. Пр. 1856 г. II, 94. (3) Hacl, 408. (4) Доп. III, 105, 107. (5) Ак. Арх. Экс. I. 432.

теченія; тогда гребная работа оказывалась недостаточною; къ носу судна привязывали длинные канаты, иногда ихъ привязывали къ бревнамъ; люди, идя по берегу, тянули судно вверхъ по рѣкѣ (1). Это составляло промыселъ рабочихъ людей, которые поэтому толпами собирались на берегахъ и нанимались у судохозяевъ. Иногда нужно было до трехъ сотъ человѣкъ, чтобъ тянуть большое нагруженное судно. Лошадей не употребляли. Во время плаванія судовъ нерѣдко случались несчастія отъ неловкости и непредусмотрительности. Во время путешествія Карлейля, англичане были свидѣтелями, какъ двѣ барки столкнулись вмѣстѣ и при этомъ утонуло семь человѣкъ (2).

Вологда послѣ Архангельска была важнѣйшимъ мѣстомъ сѣвернаго края. Англичане, по открытіи Бѣломорскаго пути, угадали важность этого города и хотѣли сдѣлать его средоточіемъ торговли. Отсюда былъ удобный путь въ Холмогоры водою (3). Вологда въ XVI вѣкѣ сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ англійскихъ товаровъ (4), и до построенія Архангельска самымъ главнымъ, ибо товары, нагружаясь въ устьѣ Двины съ кораблей на суда, шли прямо въ Вологду, и весь путь по Двинѣ и Сухонѣ былъ исключительно въ рукахъ англичанъ (5). Англичане обратили особенное вниманіе на русскій ленъ, какъ на главный продуктъ вывоза; а какъ страна около Вологды особенно производила ленъ, то это тѣмъ болѣе утвердило ихъ въ намѣреніи основать въ Вологдѣ главный торговый пунктъ, ибо ленъ до того времени стекался въ Новгородъ, гдѣ англичане должны были выдерживать конкурренцію съ торговцами другихъ городовъ, между тѣмъ, какъ въ Вологдѣ они были исключительно господами этой торговли. Вслѣдъ за льномъ большая часть и другихъ товаровъ шла въ Вологду; равномѣрно и ввозимые товары, на которые вымѣнивались русскіе, можно было

---

(1) Jenkins, Hacl. 348, (2) Carlisle, 27 — 36. (3) Hass, Hacl, 287. (4) Killingsworth, Hacl, 293. (5) Раф. Барбер. 40.

всего удобнѣе найти въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ быстро процвѣтавшая Вологда, подрывала старый Новгородъ ([1]). Въ XVI вѣкѣ въ Вологдѣ были деревянныя строенія и городъ не отличался ни красотою, ни многолюдствомъ ([2]); но въ половинѣ XVII века англичане находили его большимъ и многолюднымъ ([3]). Онъ былъ обиленъ каменными домами, и самые вологодцы пріобрѣли себѣ славу каменщиковъ и кирпичниковъ.

Послѣ построенія Архангельска, Вологда сдѣлалась перевозочнымъ путемъ между Москвою и внутренностью Россіи съ одной стороны и Архангельскомъ и Европою съ другой. Въ продолженіе зимы товары на санныхъ подводахъ стекались въ Вологду со всей Россіи ([4]). Это было самое дѣятельное время года для Вологды ([5]). Товары приходили преимущественно изъ Москвы, но также изъ Ярославля и Костромы ([6]). Эти товары лежали въ Вологдѣ въ складкѣ до полой воды; съ наступленіемъ навигаціи начиналась ихъ нагрузка въ досчаники и насады и отправка до Архангельска. Обыкновенная плата за провозъ съ пуда была 15 коп. ([7]). Равнымъ образомъ, въ Вологду пріѣзжали иностранцы и дѣлали большой закупъ для отправки въ Архангельскъ ([8]). Весною пріѣзжалъ въ Вологду одинъ изъ товарищей гостя начальника таможни въ Архангельскѣ, обыкновенно одинъ изъ членовъ московской суконной сотни, а съ нимъ цѣловальники отъ торговыхъ городовъ. Они наблюдали за нагрузкою товаровъ. Товары въ бочкахъ, кипахъ, ящикахъ и т. п. нагружались на суда, а таможенный начальникъ подписывалъ роспись товарамъ, отправляемымъ съ судномъ, по которой судно могло разгружаться у Архангельска ([9]).

На время ярмарки въ Архангельскѣ, Вологда теряла свой торговый характеръ, но пріобрѣтала его снова, когда досчаники

([1]) Hass. Hacl. 287. ([2]) Jenkins. Hacl. 349. ([3]) Carlisle, 38. ([4]) Соб. Г. Гр. IV, 191. ([5]) Carlisle, 38. ([6]) Соб. Г. Гр. IV. 141. ([7]) Кильбург. 186. ([8]) Доп. IV. 141. ([9]) Соб. Г. Гр. IV, 191.

и насады прибывали съ грузомъ *заморскихъ* товаровъ. До половины XVII вѣка таможня въ Вологдѣ устраивалась только временно на лѣто. Пользуясь этимъ, иностранцы пріѣзжали зимою въ Вологду и накупали тамъ русскихъ товаровъ, которые съ намѣреніемъ были оставляемы въ городѣ. Иностранцы покупали ихъ и отправляли по льду и, такимъ образомъ, избѣгали платежа пошлинъ. Но правительство, узнавъ о такомъ злоупотребленіи, оставляло цѣловальниковъ постоянно на зиму (1). Тогда зимній провозъ контрабандныхъ товаровъ до Архангельска сталъ опасенъ, а провозить ихъ, оплачивая пошлинами, не представляло выгоды, ибо за провозъ зимнимъ путемъ платили по 25 к. съ пуда и болѣе (2). Зимній путь остался господствующимъ для товаровъ, отправляемыхъ изъ Вологды въ Москву и обратно (3). Нѣкоторые же, поспѣшая, отправляли товары и осенью, если успѣвали рано воротиться изъ Архангельска; но колесный путь сопряженъ былъ съ большими затрудненіями по причинѣ дурныхъ дорогъ (4). Ранѣе другихъ товаровъ отправлялись царскіе товары, купленные въ Архангельскѣ для царскаго обихода, и они ранѣе всѣхъ доходили до Москвы, ибо ихъ возили на ямскихъ и земскихъ подводахъ, что составляло повинность жителей (5).

Торговый путь изъ Вологды въ Москву лежалъ на Ярославль, Ростовъ, Переяславль (6). По этой дорогѣ устроено было четырнадцать ямовъ (7). Каждый ямъ отстоялъ отъ другаго на тридцать и на сорокъ верстъ. О скорости зимняго пути на этой дорогѣ можно судить по тому, что Дженкинсонъ выѣхалъ изъ Вологды 1 декабря, а прибылъ въ Москву 6 того же мѣсяца (8). Карлейль говоритъ (9), что между Вологдою и Москвою въ его время было только три перемѣны лошадей: въ Ярославлѣ, Переяславлѣ и Троицкѣ, и англійское посольство ѣхало отъ

(1) Доп. IV, 141. (2) Кильбургъ. 140. (3) Раф. Барбер. 40. (4) Killingsworth. Hacl. 293. (5) Доп. III. 206. (6) Hacl. 408. (7) Ibid. (8) Jenkins Hacl. 349. (9) Carlisle. 50.

Вологды до Москвы семнадцать дней. Впрочемъ, торговцы везли свои товары на ямахъ только по особымъ привилегіямъ; обыкновенно товары отправлялись обозами, только царскіе товары, какъ выше сказано, поспѣвали на перемѣнныхъ подводахъ. Однако самые обозы ѣхали не мѣшкотно: они дѣлали отъ пятидесяти до семидесяти верстъ въ одну упряжку ([1]). Лѣтній путь по этой дорогѣ былъ очень затруднителенъ, по причинѣ лѣсовъ, болотъ и дурныхъ дорогъ ([2]). Поэтому существовалъ другой путь, по которому представлялось болѣе возможности совершить лѣтнее путешествіе по водѣ. Герберштейнъ говоритъ, что ѣхали сухопутьемъ изъ Москвы въ Ростовъ, а оттуда водою, то есть, Которастью, Волгою и Костромою, переходили семь верстъ волокомъ и входили въ какую-то небольшую рѣку (вѣроятно Лежу) и такимъ образомъ доходили до Вологды и Сухоны ([3]). Независимо отъ Москвы, многіе товары изъ Архангельска отправлялись въ Ярославль, а оттуда сплавлялись въ Нижній, а равно изъ Нижняго стекались въ Ярославль и изъ Ярославля отправлялись въ Вологду. Такъ сбывались иностранцамъ разныя произведенія восточнаго края — кожи, овчины, икра, рыба, известь ([4]).

Москва была средоточіемъ торговой дѣятельности для всей Россіи. Значеніе ея возвышалось тѣмъ, что правительство само занималось торговыми операціями, и самъ царь, какъ выразился одинъ англичанинъ, былъ первый купецъ въ Россіи. Царская казна получала лучшіе узорочные товары, металлическія вещи и всякія драгоцѣнности; все, что европейцы привозили лучшаго въ Россію, шло въ царскую казну. Лучшіе русскіе мѣха и, сверхъ того, разные продукты сѣвера, напримѣръ, моржовая кость и проч. были достояніемъ казны. Цари жаловали изъ своихъ сокровищницъ товарами и продавали ихъ иноземцамъ и русскимъ. Въ Москвѣ жили знатные и богатые, слѣдова-

([1]) Das Grosse Reich von Moscovien. 179. ([2]) Herberst. 53. ([3]) Ibid. 77. ([4]) Доп. III. 145.

тельно, большая часть привозныхъ товаровъ сбывалась въ столицѣ. Изъ Москвы отправляемы были въ провинціи на службу начальники и служилые люди и дѣлали себѣ закупы. Въ Москвѣ жили богатѣйшіе оптовые торговцы — гости и гостиные люди, и потому значительнѣйшая часть вывозныхъ товаровъ собиралась здѣсь для слѣдованія къ Архангельскому порту. Сильная правительственная централизація, соединявшая всю Россію, отразилась и на торговлѣ: торговля всей Россіи управлялась Москвою; Москва давала ей вѣсъ, мѣру, монету, направленіе. Московскіе гости и торговые люди были ближе къ правительству, чѣмъ торговцы другихъ городовъ, и потому переходъ въ московскіе списки торговыхъ людей изъ другихъ городовъ былъ почетенъ и совершался неиначе, какъ по милости правительства ([1]). Всѣ эти обстоятельства условливали торговый характеръ нашей столицы. Торговля Москвы не теряла своей дѣятельности круглый годъ, но вообще оживлялась зимой, послѣ привоза свѣжихъ заграничныхъ товаровъ изъ Архангельска. Иностранные торговцы — греки, персы, армяне, шведы, поляки, англичане посѣщали столицу. Нѣмцы составляли значительную часть въ народонаселеніи. Впрочемъ, въ числѣ знатныхъ торговцевъ, въ 1674 году было не болѣе десяти нѣмецкихъ семействъ. Такъ какъ русская торговля была большею частью мѣновая, то это было, по замѣчанію одного иностраннаго купца ([2]), въ числѣ причинъ, что въ Москвѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, можно было купить произведенія Италіи, Франціи, Германіи, Турціи, Персіи почти за ту же цѣну, какъ въ ихъ отечествѣ, и это побуждало чужеземцевъ, посѣщавшихъ нашу старую столицу, называть ее счастливѣйшимъ мѣстомъ въ мірѣ.

Вся столица наполнена была признаками торговли, и ея особенность, поражавшая иностранцевъ, состояла въ томъ, что для

([1]) Ак. Ист. IV. 65. ([2]) Кильбургъ. 176.

каждаго рода товаровъ въ Москвѣ были особые ряды и рынки. Средоточіемъ московской торговли въ XVII вѣкѣ былъ Китай-городъ, обнесенный красною стѣною; внутри этой стѣны вовсе не было домовъ — находились одни ряды лавокъ. Въ тысячашестьсотъ-семидесятыхъ годахъ онѣ были по большой части каменныя; однѣ принадлежали казнѣ и отдавались въ оброчное содержаніе, а другія составляли собственность частныхъ лицъ. Тамъ было три гостиные двора: Старый, Новый и Персидскій. Новый дворъ былъ большое четыреугольное каменное зданіе, двухэтажное, въ верхнемъ и нижнемъ ярусахъ помѣщались лавки со сводами. Онъ построенъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1662 году. Въ срединѣ зданія находился большой дворъ въ сто восемьдесятъ квадратныхъ футовъ, гдѣ по срединѣ висѣли большіе городскіе вѣсы. Этотъ внутренній дворъ обыкновенно былъ въ родѣ биржи, ибо торговые люди приходили сюда для сдѣлокъ. Зимою онъ былъ загроможденъ санями съ товарами до такой степени, что невозможно было просунуться. Лавки принадлежали казнѣ и отдавались въ оброчное содержаніе отъ 18 до 25 руб. въ годъ. Нѣкоторыя же лавки были съ царскими товарами и открывались для торговли въ извѣстныя времена. Старый гостиный дворъ былъ не такъ нарядѣнъ, какъ Новый и лавки отъ казны отдавались дешевле, напримѣръ, отъ 6 до 12 р. въ годъ (¹). Въ этомъ дворѣ продавались большею частію оптомъ мелкіе товары (²). Третій гостиный дворъ назывался Персидскій, и назначенъ былъ исключительно для персидскихъ товаровъ. Тамъ было двѣсти сводообразныхъ лавокъ, гдѣ сидѣли персіяне, армяне и русскіе. Прежде продажа персидскихъ товаровъ на Персидскомъ дворѣ была дѣломъ казны, и для этого сидѣли въ лавкахъ гости и ихъ прикащики, которымъ довѣрялась казенная продажа, но потомъ торговля разрѣ-

(¹) Кильбург. 175 — 177. (²) Das Gr. Reich v. Moscov. 118.

шена каждому русскому (1). Надъ самой Неглинной находился Шведскій гостиный дворъ (2). На Срѣтенской улицѣ въ XVI вѣкѣ были два гостиные двора: Литовскій и Армянскій (3). Греки торговали на особомъ Греческомъ дворѣ, а у св. Максима-Исповѣдника (на Варваркѣ), до уничтоженія привилегіи англійской компаніи, былъ знаменитый Англійскій дворъ — средоточіе европейской торговли для Россіи въ свое время. Сверхъ того, Посольскій дворъ, гдѣ останавливались иноземныя посольства, пріѣзжавшія къ царю, былъ также мѣстомъ торговли; въ свитѣ посланниковъ обыкновенно прибывали купцы съ товарами и вели съ русскими торговлю на Посольскомъ дворѣ (4). На гостиныхъ дворахъ торговали только оптомъ и вообще большими партіями; всѣ пріѣзжіе обязаны были складывать свои товары единственно въ гостиныхъ дворахъ, нанимая тамъ лавки и амбары (5). Розничная продажа товаровъ происходила въ *рядахъ*, и этихъ рядовъ было много въ Москвѣ, потому что каждому товару назначенъ былъ свой рядъ и свое мѣсто. Близъ рынка, называемаго *Вшивымъ*, былъ лоскутный рядъ или ветошный (6). Но это названіе не шло къ нему, потому что тамъ можно было покупать очень цѣнныя вещи (7). Неподалеку отъ Кремля былъ Охотный рядъ, гдѣ продавались съѣстные припасы и живыя животныя. Были ряды: пряничный (8), птичій, харчевенный (9), крашенинный (10), суконный (11), свѣчной (12), коробейный (13), соляной, медовый, восчаный (14), домерный, гдѣ продавались бубны, домры и барабаны, сурожскій, гдѣ, между прочимъ, продавались шелковыя матеріи (15), житный и мучный ряды (16). Послѣдніе, въ первой половинѣ XVII вѣка, находились въ той

---

(1) Кильбург. 127. (2) Das Gr. Reich v. Moscov. 119. (3) Ак. Ист. II. 9. (4) Пол. Соб. Зак. II, 323. (5) Ibid. (6) Ак. Ист. III. 343. (7) Кильбург. 180. (8) Ак. Ист. V. 35. (9) Ibid. III 108. (10) Расх. Кн. Никона. Времен. XIII. (11) Расх. Кн. Никона. Времен. XIII. 4. (12) Ibid 19. (13) Ibid. 34. (14) Пол. Соб. Зак. II, 323. (15) Расх. Кн. Ник. 12. (16) Пол. Соб. Зак. II. 326—328.

части города, которая называлась Царь-городъ, здѣсь же преимущественно жили хлѣбники и калачники съ своими мастерскими; здѣсь же были мясныя скамьи, гдѣ продавалось мясо; около нихъ былъ рынокъ, куда пригонялся скотъ, назначенный для убоя; тутъ же стояли царскіе кружечные дворы съ питьемъ (1). Въ Китай-городѣ былъ *свѣжій рыбный рядъ* (2). Наконецъ, всѣ ремесленники, серебрянники, мѣдники, скорняки, продавцы румянъ и даже кнутовъ и тростей имѣли свои особые ряды въ Москвѣ (3). Улица отъ Персидскаго двора до Москвы-рѣки шла мимо овощнаго ряда, гдѣ торговали всякаго рода овощами лѣтомъ въ лавкахъ, а зимою въ погребахъ; она упиралась въ рыбный рынокъ, находившійся на берегу Москвы-рѣки противъ Козьяго болота. Зимою здѣсь лежала горами замороженная рыба, привезенная на саняхъ изъ Новгорода, Ярославля, Астрахани и другихъ мѣстъ. Лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ вонь была до того нестерпима, что иностранецъ не могъ пройти мимо, не зажимая себѣ носа, но русскіе, по замѣчанію иноземцевъ, не чувствовали этого вовсе (4). Впрочемъ, не только здѣсь, но и въ Китай-городѣ, средоточіи московской торговой дѣятельности, была грязь и нестерпимая вонь (5). Передъ Кремлемъ, на Красной площади, находился главный рынокъ, гдѣ можно было закупать всякія домашнія потребности (6). Этотъ рынокъ постоянно былъ наполненъ и торгующими и праздношатающимися. Близъ полукруга, устроеннаго для торжественныхъ церемоній во время праздника Входа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, было особое мѣсто, гдѣ женщины продавали свои издѣлія домашней работы (7). Около самаго Кремля было разставлено множество *шалашей, рундуковъ, скамей, вековъ*, гдѣ мелочные торговцы торговали всякой всячиной; тоже встрѣчалось и по другимъ улицамъ и пе-

(1) Olear. 147. (2) А. И. III. 287. (3) Olear. 147. Кильбург. 52. (4) Кильбург. 60—64. (5) А. И. III. 117. (6) Das Gr. Reich. v. Moscov. 119. (7) Olear. Reisebeschr. 147.

реулкамъ; но при Θеодорѣ Алексѣевичѣ было приказано ихъ снести, потому что они загораживали дорогу проѣзжимъ и подрывали торговлю въ рядахъ (1). Близъ главнаго рынка былъ рядъ винныхъ погребовъ: въ концѣ XVII вѣка иностранцы насчитывали ихъ до двухсотъ: въ однихъ продавались иноземныя вина, въ другихъ меды и проч. (2). Нѣкоторыя лавки и торговыя помѣщенія принадлежали частнымъ лицамъ, другія—казнѣ и отдавались въ оброкъ изъ Большаго прихода торговымъ людямъ съ грамотою, въ которой прописывались правила, какъ пользоваться ими (3).

Базары въ Москвѣ происходили обыкновенно по средамъ и пятницамъ. Лѣтомъ они отправлялись на большомъ рынкѣ, близъ церкви Василія-Блаженнаго, а зимою на льду (4). Во время торговаго сходбища тамъ была чрезвычайная давка, и надобно было, идя по базару, держать руки въ карманахъ (5). Въ Москвѣ, кромѣ рынковъ Главнаго и Рыбнаго, было нѣсколько другихъ рынковъ или торжковъ, преимущественно надъ рѣкою у пристаней, гдѣ останавливались суда. Такимъ образомъ существовало нѣсколько хлѣбныхъ и сѣнныхъ торжковъ (6). У Яузы былъ древесный рынокъ, на которомъ продавались лѣсъ, дрова и готовыя срубленныя избы: этотъ послѣдній промыселъ рассраспространился въ Москвѣ отъ безпрерывныхъ пожаровъ (7). На Ивановской площади происходилъ торгъ людьми; русскіе продавали плѣнниковъ своимъ и чужимъ и совершали купчія крѣпости, которыя писались площадными подъячими (8). Важное мѣсто въ московской торговлѣ занимаетъ, близъ города, конская площадка, гдѣ продавались пригонныя лошади, особенно татарскія, которыхъ изъ Астрахани въ Москву пригоняли ежегодно до 36,000 (9).

---

(1) Полн. Соб. Зак. II, 76. (2) Das Grosse Reich v. Mosc. 118. (3) Улож. Гл. XVII. (4) Jenkins. Hacl. 350. Das Gr. Riech v. Mosc. 119. (5) Кильбург. 180. (6) Полн. Соб. Зак. II, 326—328. Das Gr. Reich. v. Mosc. 120. (7) Olear. 149. (8) Соб. Г. Гр. IV, 145. (9) Главиnихъ. У Мейерб. Аделунга. 167.

Если мы къ этому прибавимъ, что по всей Москвѣ были разсѣяны мелкія лавки, то легко себѣ представить торговый характеръ нашей старой столицы, который не покидалъ ея даже и въ праздники, ибо, не смотря на благочестіе русскихъ, они даже и въ праздничные дни не переставали торговать; но зато каждый день, и въ праздники и въ будни, послѣ обѣда, лавки запирались, а передъ лавочками лавочники лежали на улицѣ: вся Москва спала мертвымъ сномъ послѣ каждаго обѣда (1).

Изъ Москвы шло шесть торговыхъ путей: одинъ вологодскій, о которомъ мы говорили; за нимъ слѣдуютъ новгородскій, поволжскій, сибирскій, смоленскій и украинскій. Новгородскій путь лежалъ черезъ Тверь, Торжокъ, Вышній-Волочокъ и Валдай на разстояніи 435 верстъ (2).

Не смотря на то, что открытіе бѣломорскаго пути подрывало значеніе Новгорода, онъ долго еще оставался болѣе или менѣе значительнымъ торговымъ городомъ. При началѣ двинской торговли англичане нашли Новгородъ большимъ и многолюднымъ городомъ, не менѣе Москвы (3). Онъ имѣлъ свою монету и это право оставалось у него еще долго: послѣ возвращенія отъ шведовъ, при Михаилѣ Өеодоровичѣ, въ Новгородѣ былъ устроенъ денежный дворъ (4). Когда англичане привозили и увозили товары черезъ Вологду, русскіе купцы торговали съ нѣмцами и шведами и возили товары черезъ Новгородъ въ Нарву (5) и Ніенъ (С, Петербургъ). Во второй половинѣ XVI вѣка въ Новгородѣ было четыре гостиныхъ двора: 1) на Торговой сторонѣ, 1) на Софійской, 3) на Псковской, 4) на Тверской (6). Дворъ на Торговой сторонѣ былъ исключительно предоставленъ нѣмцамъ, и обнесенный острогами, представлялъ видъ твердыни (7). Сверхъ того въ XVII вѣкѣ въ Новгородѣ былъ особый дворъ

---

(1) Olear. 206. (2) Hacl. 408.—Врем. XIII. Расх. н. 4. (3) Chensl. Hacl. 28. (4) Врем. III, Разр. Кн. 81. (5) Доп. I, 924. (6) Ак. Ар. Эк. I, 398 (7) Врем. III, Разр. Кн. 77.

для чухновъ и латышей, пріѣзжающихъ изъ Орѣшка, Яма, Копорья. ([1]) Тяжелые товары складывались въ гостиныхъ дворахъ за городомъ, и легкіе въ тѣхъ, которые были устроены въ городѣ ([2]). Гостиные дворы находились въ завѣдываніи головъ, которые смотрѣли за порядкомъ, начальствовали надъ дворниками и производили судъ между становившимися на гостиныхъ дворахъ какъ русскими, такъ и иноземцами ([3]). Сельскія произведенія—съѣстные припасы, сѣно, овесъ, кожи, уголь, соль, хлѣбъ въ зернѣ, лѣсъ и проч.—привозились на судахъ, а потому въ Новгородѣ существовали главныя пристани: у Ильинской улицы, у Ивановской улицы подъ рыбнымъ рядомъ и подъ ивановскимъ дворомъ ([4]). На этихъ пристаняхъ могли вести торговлю не разгружаясь ([5]). Въ гостиныхъ дворахъ торговля производилась оптовая, и пошлины, означаемыя въ грамотахъ, касались объемистыхъ партій, напримѣръ тысячей и сотенъ мѣховъ, кадей, лукнъ, пудовъ и тому подобн.; равномѣрно сукна и матеріи продавались большими штуками, поставами и косяками ([6]). Въ гостиномъ дворѣ въ Новгородѣ, какъ и въ Москвѣ, пріѣзжимъ предоставлялась торговля исключительно; по этому существованіе нѣсколькихъ гостиныхъ дворовъ показываетъ, что Новгородъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли произведеній края и что съ разныхъ сторонъ торговцы привозили для сбыта скупленные ими въ своихъ городахъ русскіе товары и скупали въ Новгородѣ для своихъ городовъ иностранные. Мѣстные купцы возили свои оптовые товары къ себѣ въ дворы, гдѣ у нихъ были построены амбары и лавки. Подобно какъ въ Москвѣ, и въ Новгородѣ были также *ряды*, гдѣ находились въ связи между собою лавки, предназначенныя для продажи какого-нибудь одного товара, какъ напримѣръ были ряды: *саадашный*, гдѣ продавалось все, что касалось до вооруженія, рядъ *сѣдельный*, гдѣ

([1]) Ibid. 75. ([2]) Ibid. 79. ([3]) Ibid. 75. ([4]) Ак. Ар. Эк. I. 401. ([5]) Ак. Ар. Эк. I. 326. ([6]) Собр. Гос. Гр. IV. 96.

можно было купить все что относилось до верховой ѣзды, *ссребряный*, *иконный*, *суконный*, въ которомъ продавались сукна и матеріи, и гдѣ были лавки богатѣйшихъ гостей; рядъ *книжный*, гдѣ сидѣли попы и дьяконы ([1]). Сверхъ того, по всему посаду встрѣчались лавки съ мелочнымъ товаромъ и самый мостъ на Волховѣ, въ XVI вѣкѣ, былъ застроенъ лавками и жилищами при нихъ ([2]). Было въ Новгородѣ нѣсколько торговыхъ площадей, гдѣ торговали лѣсомъ, сѣномъ, лошадьми ([3]); разнаго рода промышленники, напримѣръ, квасники, рукавичники, желѣзники, скорняки, сапожники, холщевники ([4]) торговали своими произведеніями при своихъ мастерскихъ. Изъ иностранныхъ торговцевъ многіе часто посѣщали Новгородъ, другіе жили тамъ постоянно: то были нѣмцы, шведы, литвины. Права ихъ въ XVII вѣкѣ, между прочимъ, были ограничены тѣмъ, что они не могли входить въ каменный городъ, и торговали только въ земляномъ. Въ 1632 г. хотя позволено было имъ ходить и въ каменный, но для домашнихъ дѣлъ, а не для торговли ([5]). Новгородцы также посѣщали заграничные края для торговыхъ цѣлей. Борисъ Ѳедоровичъ дозволилъ всѣмъ новгородскимъ людямъ ѣздить въ нѣмецкіе и литовскіе города ([6]). Въ XVII вѣкѣ бывали частыя поѣздки торговцевъ изъ Новгорода за границу, и не только сами новгородцы, но осташковцы, ярославцы, москвичи, отправляя товары за границу, должны были везти ихъ черезъ Новгородъ ([7]) и возвращаться черезъ него назадъ. Нерѣдко изъ Москвы нанимали извозчиковъ большими обозами черезъ Новгородъ вплоть до Нарвы, съ платою по 16 коп. съ пуда. Эти обозы состояли изъ множества саней, запряженныхъ каждыя въ одну лошадь; на каждыя сани взваливали по три берковца московскаго вѣса, а если товаръ былъ очень тяжелъ, то по три берковца нарвскаго.

([1]) Врем. VIII. Оп. им. Тат. 32. ([2]) Раф. Барб. 9. ([3]) Врем. III, Разр. Кн. 125. ([4]) Доп. I, 80. II, 77. ([5]) Ак. Ар. Эк. I. 286. ([6]) Доп. I, 246. ([7]) Ак. Ар. Эк. III. 462.

Война Ливонская и лишеніе Балтійскаго моря не могли оставаться безъ вредныхъ послѣдствій для торговаго значенія Новгорода, которое и безъ того страдало отъ англійской конкурренціи. Наружное спокойствіе подъ правленіемъ Бориса, покровительствовавшаго мирной торговлѣ, было вскорѣ нарушено смутами эпохи самозванцевъ. Новгородъ подпалъ подъ чужую власть. Послѣ восприсоединенія его къ Россіи, правительство хотѣло оживить торговое значеніе не только Новгорода, но и цѣлаго края, прилежащаго къ нему: поэтому дозволено всѣмъ пріѣзжающимъ изъ внутреннихъ областей Россіи и иностранцамъ торговать въ Новгородѣ во всякое время невозбранно, а иноземцамъ позволено даже ѣздить съ товарами по новгородскимъ пригородамъ, въ Псковъ и по псковскимъ пригородамъ (1). Въ XVII вѣкѣ, особливо, когда шведы завели здѣсь главную контору, Новгородъ сдѣлался центромъ металлической торговли, которая въ немъ была тогда значительнѣе, чѣмъ въ XVI-мъ: свинецъ, мѣдь, желѣзо, получаемые изъ-за границы, шли черезъ Новгородъ (2). Важнымъ предметомъ вывоза, между прочимъ, былъ хлѣбъ, такъ, что русская хлѣбная торговля преимущественно направлялась въ эту сторону (3). При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ новгородцы привозили въ Москву иностранные товары; это показываетъ, что торговля Новгорода тогда поднялась, ибо вмѣсто нѣмцевъ, привозившихъ въ Москву иностранныя питья, начали ихъ привозить новгородцы (4). Конецъ XVII вѣка, поднимая старый балтійскій торговый путь, какъ бы приготовлялъ реформу Петра Великаго, которая убила Архангельскъ и перенесла къ берегамъ Балтійскаго моря средоточіе торговли и администраціи.

Пути сообщенія Новгорода съ заграничными краями шли, первый на сто шестьдесятъ пять верстъ до Нарвы (5), другой до Ніена. Въ XVII вѣкѣ въ зимнее время брали до Нарвы отъ

---

(1) Кильб. 140. (2) Врем. III. Разр. Кн. 76 — 77. (3) Ак. Ист. IV, 103. (4) Врем. III, Разр. Кн. 77. (5) Пол. Соб. Зак. II, 149. (6) Hacl. 408.

двухъ съ половиною до трехъ копѣекъ съ пуда, въ лѣтнее отъ четырехъ до шести копѣекъ; до Ніена, зимою отъ трехъ до четырехъ съ половиною копѣекъ, лѣтомъ отъ четырехъ до пяти копѣекъ (1). Кромѣ сухопутной дороги изъ Новгорода въ Нарву, былъ туда же путь водяной по Лугѣ и Мшагѣ, впадающей въ Шелонь, которая вливается въ Ильмень. Пространство между Лугой и Мшагой въ семь верстъ переѣзжали волокомъ. Третій путь шелъ на Псковъ, а оттуда въ Ригу двѣсти верстъ чрезъ Нейгаузенъ, Говенъ, Венденъ и Нейшлотъ (2) въ Литву.

Тогда какъ англичане дали русской торговлѣ преобладающее направленіе къ Бѣлому морю, Псковъ образовался отдѣльнымъ пунктомъ торговаго сношенія Россіи съ Ливоніею и черезъ нее съ Германіею. Въ царствованіе Іоанна IV военныя обстоятельства Ливоніи на продолжительное время задерживали торговую дѣятельность этого города. Послѣ того, смутныя времена Россіи отражались неблагопріятно и на немъ, какъ на другихъ западныхъ городахъ Россіи. Когда спокойствіе возстановилось, Псковъ опять сдѣлался важнымъ мѣстомъ закупа русскихъ товаровъ и отправки ихъ въ Германію; товары эти были: ленъ—главное произведеніе псковскаго края, пенька, кожи, сало и красная юфть, которую выдѣлывали въ самомъ Псковѣ (3). Эти товары составляли исключительный предметъ вывозной торговли въ Псковѣ и обозначались общимъ именемъ русскихъ товаровъ (4). Они отправлялись въ Ригу, Ревель и Дерптъ; нѣмцы были главными ихъ закупщиками, но при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и англичане успѣли проникнуть во Псковъ; пользуясь своими правами, они дѣлали тамъ значительный закупъ льна, вѣроятно для отправки въ Архангельскъ. Такимъ образомъ, въ 1619 году, одинъ англійскій гость получилъ право покупать самъ и черезъ своихъ агентовъ ленъ въ Псковѣ и воеводы обязаны были давать ему

(1) Кильбург. 140 (2) Hacl. 480. (3) Доп. V. 34, 37. (4) Ibid.

дворъ въ городѣ (1). Гостиный дворъ для пріѣзда иноземныхъ купцовъ былъ не въ самомъ городѣ, но подъ городомъ (2). Туда привозили на оптовую продажу разныя матеріи, сукна, металлическія издѣлія, жемчугъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ казна брала съ купцовъ лучшія вещи вмѣсто пошлинъ, а также покупала ихъ (3).

Военныя обстоятельства при Алексѣѣ Михайловичѣ снова ослабили торговлю Пскова. Но болѣе всего препятствовала надлежащему развитію торговли и благосостоянія этого города домашняя, закоренѣлая вражда богатыхъ съ бѣдными, которая составляла отличительную черту Пскова. Эта вражда существовала въ былыя времена республики, какъ неотъемлемое качество всѣхъ республикъ, до сихъ поръ извѣстныхъ въ исторіи. Послѣ паденія свободы Пскова, великій князь московскій перевелъ туда на жительство москвичей и эти москвичи сдѣлались людьми сильными; природные псковитяне остались *маломочными* и небогатыми. Послѣдніе ненавидѣли первыхъ, уже не столько какъ высшее сословіе, но какъ пришельцевъ, поселенныхъ между ними съ тѣмъ, чтобъ унизить ихъ древнее отечество. Псковская лѣтопись упоминаетъ о враждѣ богатыхъ съ бѣдными подъ 1544 годомъ (4). Тоже встрѣчаемъ мы болѣе, чѣмъ черезъ сто двадцать лѣтъ, въ Псковѣ. Правительство замѣчая упадокъ торговли въ Псковѣ и безпорядки, возмущавшіе спокойствіе города, приказало собратъся въ земской избѣ выборнымъ людямъ и сдѣлать постановленія. По этому предмету постановленія составлены были такъ, что вообще клонились къ выгодамъ богатыхъ и къ ущербу бѣдныхъ, потому что выборные были изъ *первыхъ* или *лучшихъ*, какъ они назывались. *Маломочные*, то есть небогатые посадскіе люди, будучи не въ состояніи долго выдерживать застоя товаровъ, отдавали ихъ за дешевую цѣну ино-

---

(1) Соб. Гос. Гр. III, 216. (2) Доп. V. 20. (3) Ак. Ар. Эк. III. 209. (4) Пол. Собр. Рус. Лѣт. IV, 299.

земцамъ, тѣмъ болѣе, что, нуждаясь въ деньгахъ, брали отъ иноземцевъ деньги впередъ и подряжались поставлять въ срокъ товары, а за то, что брали впередъ деньги, дѣлали значительныя уступки. Нѣкоторые же нанимались у иноземцевъ коммисcіонерами, брали отъ нихъ деньги и ѣздили дѣлать для нихъ закупы, а черезъ то подрывали русскихъ оптовыхъ торговцевъ. По этому, въ 1665 г. выборные люди въ земской избѣ постановили: чтобъ маломочные торговцы не забирали впередъ отъ иноземцевъ денегъ, не подряжались поставкою товаровъ, не принимали у нихъ коммиссій и вообще не сносились бы непосредственно съ иностранными купцами, чтобъ такимъ образомъ, внѣшняя торговля была исключительно въ рукахъ оптовыхъ торговцевъ. Но чтобъ, въ то же время, не лишить и бѣдныхъ тѣхъ средствъ, которыя они имѣли при свободномъ торговомъ обращеніи съ иностранными закупщиками, постановили, что маломочные могутъ быть коммиссіонерами у богатыхъ псковитянъ, а отнюдь не у иностранцевъ. Для этого лучшіе люди расписали во всемъ посадѣ и въ псковскихъ пригородахъ (Торопцѣ, Великихъ Лукахъ, Островѣ), сохранявшихъ еще древнюю зависимость отъ главнаго города, маломочныхъ по *свойству* и *знакомству*, обозначивъ ихъ промыслы и занятія и давали имъ ссуды изъ земской избы. На эти ссуды маломочные могли покупать товары, исключительно русскіе, и въ декабрѣ и въ маѣ доставлять ихъ въ земскую избу, гдѣ *сидятъ лучшіе люди, у кого они будутъ въ запискѣ.* Для мѣновой торговли съ иностранцами учредили въ Псковѣ двѣ безпошлинныя ярмарки: одну въ январѣ съ 9-го числа, другую въ маѣ, также съ 9-го числа, на двѣ недѣли, но за указными недѣлями предоставленъ еще льготный мѣсяцъ. Эти ярмарки должны были отправляться въ гостиныхъ дворахъ: въ двухъ изъ этихъ дворовъ продавались иноземные товары, а въ третьемъ, устроенномъ въ городѣ, русскіе: ленъ, пенька и кожевенныя произведенія. Пріѣзжіе въ Псковъ русскіе купцы могли торговать съ иноземцами только

въ это время и то отъ лица псковскихъ купцовъ, именно взявши отъ какого-нибудь мѣстнаго купца записку; при томъ обязаны были продавать товары не иначе, какъ по цѣнѣ, установленной въ земской избѣ, а отнюдь не произвольно. При продажѣ иноземцамъ русскихъ товаровъ, двѣ трети уплаты могли приниматься иноземными товарами, а одна треть непремѣнно чистыми деньгами. ефимками, которые торговцы обязаны были приносить въ устроенный въ Псковѣ денежный дворъ и получать за нихъ русскія деньги: за одинъ фунтъ ефимковъ семь рублей. Этою денежною промѣною казна замѣняла для себя выгоды, какія могла бы получать отъ пошлиннаго сбора съ товаровъ во время ярмарки. Въ другое время года не позволялось торговать этими товарами съ иноземцами. Ярмарка, какъ кажется, относилась исключительно къ такъ–называемымъ пяти большимъ товарамъ: салу, юфти, кожамъ, льну и пенькѣ, ибо въ одномъ современномъ актѣ говорится: *опричь того всѣ товары, какіе у кого что будетъ, продавати безсрочно* (¹). Торговые иноземцы во всякое время года могли свободно пріѣзжать въ Псковъ, привозить и складывать свои товары въ гостиныхъ дворахъ, приготовляясь къ мѣновому торгу на ярмарочный срокъ (²). Земское правленіе города Пскова и пригородовъ сосредоточилось въ рукахъ богатыхъ, изъ которыхъ каждогодно пять или шесть должны были выбираться для засѣданія въ земской избѣ и составлять правительственный совѣтъ. Посылая къ царю челобитную объ утвержденіи новаго порядка, богатымъ нужно было собрать болѣе или менѣе значительную сумму на посулы и поминки дьякамъ въ приказахъ; они не затруднялись взвалить такія издержки, простиравшіяся до 400 р., на шею бѣднякамъ и разложили ихъ на среднихъ и меньшихъ людей, не удостоивая ихъ впослѣдствіи даже отчетомъ, куда истрачены эти деньги. Напрасно бѣдные, пользуясь своимъ гражданскимъ

(¹) Доп. V, 29. (²) Ibid. V 20.

правомъ, сами собирались въ земской избѣ и составляли облегчительныя для себя постановленія: послѣ ихъ собранія въ той же земской избѣ, собирались снова богатые и передѣлывали все по-своему. Способы, какимъ образомъ богатые торговцы утѣсняли бѣдныхъ, изложены въ любопытной челобитной послѣднихъ, поданной въ 1666 году. Между прочимъ, богатые выбирали свою братію въ таможенные головы, въ цѣловальники и въ разныя должности, сопряженныя съ наблюденіемъ казеннаго интереса; эти выборные обкрадывали казну, дѣлились съ товарищами, которые ихъ выбирали, а потомъ, безъ согласія съ середними и меньшими, богатые выбирали изъ послѣднихъ въ цѣловальники вмѣсто своихъ и взваливали на нихъ весь недоборъ. Если жъ злоупотребленія открывались и дѣлался повальный обыскъ, то бѣдные должны были давать такія сказки, какія угодно было богатымъ, которые принуждали ихъ къ этому батогами ([1]). Такъ описываютъ свое состояніе бѣдные въ челобитной; но вообще надобно замѣтить, что въ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ какъ тою, такъ и другою стороною, нельзя искать безпристрастной истины. Несомнѣнно только то, что управленіе богатыхъ не послужило ни къ развитію торговли, ни къ благосостоянію жителей. На другой же годъ воевода доносилъ, что *пожары великіе учинились, хлѣбъ и соль вздорожали, богатые наживались, бѣдные нищали* ([2]); и потому правительство приказало этотъ *новый судъ отставить*, а вѣдать псковитянъ всякихъ чиновъ людей судомъ и расправою воеводамъ ([3]). Къ этой скорой перемѣнѣ не мало послужило и то, что едва только купцы захватили въ руки правленіе края, какъ начали своевольно давать за-границу проѣзжія грамоты, арестовать дворянъ и наконецъ, что всего важнѣе, писать неправильно титулъ великаго государя ([4]). Вражда маломочныхъ съ лучшими не прекратилась: одни другимъ старались вредить всѣми

([1]) Доп. V, 24. ([2]) Ibid. V, 33. ([3]) Ibid. V, 30. ([4]) Ibid.

способами. Богатые доносили, что маломочные тайно возили за границу товары; въ томъ же обвиняли богатыхъ ихъ соперники: дѣйствительно, стрѣльцы поймали пятьдесятъ восемь саней съ товарами, отправленныхъ мимо таможни въ Ливонію псковскимъ купцемъ Погонкинымъ (¹). При такомъ общественномъ состояніи, Псковъ не могъ быть цвѣтущимъ торговымъ городомъ и торговля его болѣе не возвышалась.

Изъ городовъ, лежавшихъ на сѣверъ отъ Москвы, выказываются предъ другими: Орѣшекъ, Бѣлоозеро, Тихвинъ, Устюжна, Каргополь, Ярославль, Весьегонскъ. Орѣшекъ, по своему положенію, былъ торговымъ пунктомъ сношеній съ шведами въ XVI вѣкѣ: тамъ были лавки съ суконами, шелковыми тканями и разными иностранными товарами (²). Такъ какъ желѣзо, будучи всегда главнымъ ввознымъ шведскимъ товаромъ, переходило черезъ Орѣшекъ, то въ немъ развился промыслъ кузнечества. По уступкѣ его шведамъ, онъ въ XVII вѣкѣ подъ именемъ Нотебурга былъ пристанью для торговаго плаванія по Ладожскому озеру (³). Бѣлоозеро вело значительную оптовую торговлю солью, рыбой, хлѣбомъ (⁴). Въ городѣ существовалъ обширный гостиный дворъ но главный торговый предметъ составляла рыба, добываемая изъ озера (⁵). Въ XVI вѣкѣ Бѣлоозеро было перевалочнымъ пунктомъ торговаго сообщенія Вологды съ Нарвою и тѣмъ самымъ бѣломорской торговли съ балтійскою (⁶). Въ Кирилло-бѣлозерскомъ монастырѣ были большія ярмарки, три раза въ годъ: на Успеньевъ день, на Введеніе и на память св. Кирилла бѣлозерскаго. Туда съѣзжалось множество торговцевъ и такъ какъ разомъ съ ними пріѣзжали кабацкіе цѣловальники съ питьемъ, то по этому торжища отличались такимъ пьянствомъ, что часто случались смертоубійства. Игуменъ просилъ перевести торгъ на Словенскій Волокъ, въ имѣніе мо-

---

(¹) Доп. V. 36. (²) Ibid. I, 167. (³) А. А. Э. III, 459. (⁴) А. А. Э. I. 225. (⁵) Доп. III. 327. (⁶) Hacl. 408.

настыря. Ярмарки отправлялись здѣсь въ тѣже сроки, какъ и на прежнемъ мѣстѣ. Туда съѣзжались торговые посадскіе люди и крестьяне уѣздовъ Бѣлозерскаго, Вологодскаго, Каргопольскаго, Новгородскаго, съ разными товарами, а въ томъ числѣ и хлѣбомъ. На срокъ ярмарки изъ Бѣлозерска пріѣзжало томоженное начальство. Другая славная ярмарка въ XVII вѣкѣ была близь Александросвирской пустыни: туда пріѣзжали, между прочимъ, шведскіе купцы (1). Тихвинцы занимались иностранною торговлею, возили русскіе товары водянымъ путемъ по Сяси, Ладожскому озеру до Орѣшка и вывозили ихъ въ Швецію, а товары иноземные доставляли черезъ Устюжну до Дмитрова въ Москву (2). Въ XVII вѣкѣ въ Тихвинѣ зимою собиралась чрезнедѣльная ярмарка (3). Устюжна-Желѣзнопольская въ XVI вѣкѣ была торговымъ городомъ, ибо туда съѣзжались за покупкою желѣза и судовыхъ принадлежностей. Весьегонскъ славился своею ярмаркою: она была возвышена Іоанномъ Грознымъ, который въ 1563 году, изъ угожденія Симонову монастырю, владѣвшему Весьегонскомъ, запретилъ всякіе торги во всемъ околодкѣ. Ярмарка открывалась на заговѣнье Петровки. Рыба, соль, хлѣбъ и вообще сельскія произведенія находили себѣ сбытъ на этой ярмаркѣ. Туда съѣзжалось множество поселянъ изъ сосѣднихъ краевъ, приплывали по Мологѣ купцы изъ Ярославля, Углича, Казани, Рязани, бывали купцы изъ Москвы, Твери, Великаго Новгорода. Весь пошлинный сборъ на этой ярмаркѣ принадлежалъ Симонову монастырю, который платилъ въ царскую казну 38 р. въ годъ (4). Старинный скупъ соли въ Каргополѣ и на Онегѣ не только не упалъ, но еще болѣе развился въ XVI и XVII вѣкахъ. Жители Турчасова, Мерехши, Порога привозили соль съ моря и складывали ее въ Турчасовѣ, а Каргопольцы скупали и переправляли въ свой городъ (5). Каргополь былъ главнымъ мѣстомъ закупа сѣверной соли. Бѣлозерцы и вологодцы,

(1) Доп. IV, 272. (2) А. А. Э. III. 462. (3) А. А. Э. IV. 427. (4) Ibid. I, 296 — 297. (5) Соб. Г. Гр. II, 214.

а иногда торговцы изъ другихъ городовъ, пріѣзжали туда для покупки соли и развоза по Россіи. Соляная торговля развила въ мѣстныхъ жителяхъ трудолюбіе и судовой промыселъ. Каргопольцы, турчасовцы и крестьяне другихъ поселеній записывались въ козаки, которые составляли особый цехъ, обязанный приготовлять соль къ вывозу. Каргопольцы имѣли готовыя судна для перевозки соли, и въ XVI вѣкѣ городъ получилъ ту привилегію, что пріѣзжавшіе для покупки соли торговцы непремѣнно должны были нанимать суда у однихъ каргопольцевъ. Кромѣ соли, каргопольцы торговали въ большомъ количествѣ ворванью и рыбою, добывая эти товары изъ Колы. Словомъ, Каргополь былъ важнѣйшимъ мѣстомъ вывоза въ Россію произведеній сѣвернаго моря. Неудивительно, что эта промышленность привлекла въ Каргополь ввозную торговлю. Изъ таможенной грамоты 1598 года видно, что въ Каргополѣ и Турчасовѣ было два гостиныхъ двора, на которыхъ продавались иноземныя сукна и русскіе мѣха. Сверхъ того, часто и лѣтомъ на судахъ и зимою на саняхъ, прибывали къ городу русскіе торговцы съ товарами.

Водяное сообщеніе Москвы съ Астраханью, а черезъ этотъ городъ съ Персіею и Востокомъ было: Москвою-рѣкою до Коломны, изъ Коломны Окою до Нижняго и отъ Нижняго Волгою до Астрахани. Плаваніе отъ Москвы до Нижняго требовало около одиннадцати сутокъ при благополучныхъ обстоятельствахъ. По пути лежали города: Коломна, Рязань, Касимовъ, Муромъ (1). Изъ города Шуи, Гороховца и другихъ, сосѣднихъ рѣкѣ Тезѣ, городовъ и селъ купцы плавали по этой рѣкѣ и достигали Оки (2). Вообще окскій путь въ XVII вѣкѣ былъ не совсѣмъ безопасенъ, по причинѣ разбоевъ, господствовавшихъ и на Окѣ, какъ на Волгѣ (3). Другая дорога лежала сухопутьемъ на Ярославль,

(1) Olear Reisebeschr. 334. (2) Оп. Шуи. 344. (3) Ibid. 433.

а изъ Ярославля на судахъ Волгою ([1]). Города Ярославль, Кострома, Кинешма, Юрьевецъ-Польскій, лежавшіе на этомъ судоходномъ пути, имѣли торговое значеніе; тамошніе торговцы сплавляли свои товары по Волгѣ и привозили покупные въ свои города ([2]). Въ Ярославлѣ особенно занимались судовымъ промысломъ ([3]).

Нижній-Новгородъ съ половины XVI вѣка началъ возрастать въ торговомъ отношеніи. Уже англичане нашли выгоднымъ возить туда свои товары. Въ XVII вѣкѣ онъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для торговли всего Востока Россіи; товары стекались туда со всѣхъ сторонъ: и европейскіе изъ Архангельска черезъ Ярославль и Москву, и азіатскіе изъ Астрахани, и сибирскіе изъ Казани, и русскіе, предназначенные для отправки на Востокъ. Безпрестанно прибывали туда частные досчаники сверху и снизу по Волгѣ и по Окѣ, а зимою длинные ряды обозовъ тащились во всѣ стороны. У одного богатаго нижегородскаго купца въ XVII вѣкѣ въ Нижнемъ развилась хлѣбная торговля. По мѣрѣ населенія плодороднаго края, лежавшаго на Югъ отъ Нижняго, городъ сдѣлался мѣстомъ сбыта и закупа хлѣба для отправки его въ столицу и сѣверныя провинціи. Въ особенности, при отплытіи судоходнаго каравана въ Астрахань, въ Нижнемъ было огромное стеченіе торговаго народа, такъ что все носило видъ ярмарки. Конечно, онъ обязанъ своимъ торговымъ значеніемъ счастливому положенію по срединѣ продольнаго волжскаго пути, при соединеніи двухъ судоходныхъ рѣкъ Россіи. Правительство учредило тамъ главную таможню, гдѣ брали проѣзжія пошлины за всѣ города, слѣдующіе за нимъ по теченію Волги.

Недалеко отъ Нижняго, торговцевъ привлекала макарьевская ярмарка, собиравшаяся каждогодно въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ мона-

---

([1]) А. И. III, 210. ([2]) А. А. Э. III, 278. ([3]) Jonson. Hacl. 397.

стыремъ святаго Макарія Желтоводскаго. Царь Михаилъ Θеодоровичъ подарилъ всѣ пошлинные доходы этому монастырю *на свѣчи и ладонъ, и церковное строенье, и братіи на пропитаніе*. Цари Алексѣй, Θедоръ, Іоаннъ и Петръ подтверждали это монастырское право, которое, такимъ образомъ, не отмѣнялось весь XVII вѣкъ. Купцы съѣзжались туда какъ съ верховыхъ, такъ и съ низовыхъ городовъ (Свіяжска, Чебоксаръ, Казани, Алатора, Симбирска, Саранска). Доставка и отправка товаровъ совершалась болѣе водянымъ путемъ, рѣже сухопутьемъ; но независимо отъ такихъ путей развозка товаровъ главнымъ образомъ направлялась въ одну сторону на Москву, а въ другую на Казань. Такимъ образомъ, эта ярмарка сдѣлалась посредницею торговаго сообщенія европейской Россіи съ Сибирью — значеніе, остающееся за нею (нижегородскою) до сихъ поръ. Всякій купецъ, отправляясь на макарьевскую ярмарку, долженъ былъ въ томъ городѣ, откуда выѣзжалъ, взять проѣзжую грамоту, и везъ свои товары безпрепятственно до мѣста назначенія, безъ всякаго осмотра и задержекъ, а прибывъ на мѣсто, показывалъ свою проѣзжую грамоту, по которой производилась повѣрка, и если бы что-нибудь оказалось лишнее, то подвергалось конфискованію. Въ 1662 году царь Алексѣй Михайловичъ далъ право купцамъ, пребывающимъ на ярмаркѣ, быть свободными отъ всякихъ позывовъ, исковъ, отвѣтовъ и тяжбъ. Всякое разбирательство возникшаго между торговцами торговаго или долговаго дѣла принадлежало архимандриту Желтоводскаго монастыря съ братіею, исключая дѣлъ о воровствѣ и разбояхъ. Несмотря на такія права, процвѣтаніе ярмарки задерживалось отъ безпрерывнаго несоблюденія царскихъ привилегій. Воеводы, приказные и таможенники по дорогамъ придирались къ купцамъ, требовали осмотра, вымогали пошлины, брали поминки и взятки; а въ самое время ярмарки воеводы, по извѣтамъ ябедниковъ, посылали за купцами приставовъ съ наказными памятьми, требуя ихъ къ суду, или раз-

сыльщиковъ подъ предлогомъ искать бѣглыхъ: эти разсыльщики нападали на купцовъ, среди ихъ торговой дѣятельности, придирались къ нимъ, отрывали отъ занятій и не отходили, пока неудовольствовались поминками, а между тѣмъ, жили, ѣли на счетъ монастыря, очень негодовавшаго на такихъ гостей, которые вообще нахальными поступками доводили купцовъ до того, что тѣ боялись ѣздить на макарьевскую ярмарку. По жалобѣ архимандрита, правительство въ 1692 году снова подтвердило старыя привилегіи ярмарки, но онѣ все-таки и послѣ плохо исполнялись (1).

Ярмарка въ Макарьевѣ развила судовой промыселъ. Купцы, накупая товаръ, нанимали у судопромышленниковъ струги и заключали съ ними условія везти товаръ къ мѣсту (2). Плаваніе отъ Нижняго до Астрахани продолжалось около мѣсяца. Пристани, имѣвшія торговое значеніе на этомъ пути, были: Василь, Чебоксары, Кокшажскъ, Свіяжскъ, Казань (3). Изъ этихъ городовъ Казань въ XVII вѣкѣ сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ астраханской соли и рыбы, и вообще астраханскихъ товаровъ, назначаемыхъ для сѣверо-востока, а равно товаровъ, приходившихъ изъ вятской и пермской сторонъ. Въ Казани производилась казенная постройка судовъ, какъ для нуждъ правительства, такъ и для торговцевъ (4). Тетюши были послѣднимъ городомъ населенной страны. За ними, до самой Астрахани, берега Волги представляли пустыню. Въ первой половинѣ XVII вѣка на этомъ длинномъ пространствѣ были только Самара, Саратовъ и Черный Яръ, позже построенъ Симбирскъ. Въ Самарѣ образовался перевозочный пунктъ яицкой рыбной промышленности, которая возникла въ 1639 году трудами гостя Гурьева, а потомъ сдѣлалась достояніемъ казны, и годъ отъ году принимала большіе размѣры (5). Торговцы черезъ Самару ѣз—

---

(1) А. И. V. 155 — 161. (2) Оп. Шуи. 343. (3) А. А Э. I, 405. (4) Доп. IV. 314. (5) П. С. З. II, 222.

дили на Яикъ покупать рыбу и икру, и привозили въ Самару, гдѣ съ нихъ брали десятую пошлину. Такихъ промышленниковъ въ концѣ XVII вѣка стало чрезвычайное множество и это сообщило Самарѣ торговую физіономію ([1]). Несмотря на запустѣніе, въ какомъ находилось Поволжье, гдѣ, кромѣ упомянутыхъ городовъ, путешествовавшіе при Михаилѣ Θеодоровичѣ гольштинцы не встрѣчали никакихъ селеній, торговля съ Астраханью постоянно оживляла пустынную Волгу. Такъ какъ плаваніе по Волгѣ сопряжено было съ опасностями, то суда шли вмѣстѣ другъ съ другомъ въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ, плывшихъ на передовомъ судиѣ. Это конвойное судно снабжалось орудіями. Такой поѣздъ назывался караваномъ. Судовые караваны ходили по Волгѣ между Нижнимъ и Астраханью дважды въ годъ; одинъ рейсъ назывался весеннимъ, другой осеннимъ караваномъ. Верховые товары приходили въ Астрахань лѣтомъ (напр. въ іюлѣ), а низовые и персидскіе товары приходили въ Нижній осенью, и, по наступленіи зимы, развозились изъ Нижняго на саняхъ. Каждый годъ назначался начальникъ каравана, командовавшій стрѣльцами и дѣтьми боярскими; въ караванѣ бывали послы персидскіе въ Москву, московскіе въ Персію и служилые люди, отправлявшіеся въ Астрахань и низовые волжскіе города. Съ ними-то обыкновенно плыли съ товарами купцы разныхъ городовъ: москвичи, ярославцы, кинешемцы, костромитяне, юрьевцы, нижегородцы, арзамасцы, казанцы ([2]). Уже при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ караваны, плававшіе между Нижнимъ и Астраханью, состояли изъ пяти-сотъ большихъ судовъ, изъ которыхъ одни построены были въ Нижнемъ, а другія приплывали съ товарами изъ разныхъ сторонъ въ Нижній и ожидали тамъ начальника каравана. Когда все было готово, караванъ выступалъ съ обиліемъ запасовъ лѣсныхъ и военныхъ, и съ каменными пушками ([3]). Судна приводились въ движеніе гребцами, а

([1]) А. И. V. 171. ([2]) А. И. IV. 206. ([3]) Jenkins, Hacl, 351.

при попутномъ вѣтрѣ распускались паруса. Приходъ каравана въ Астрахань возвѣщался двукратною пальбою изъ пушекъ, и весь берегъ внезапно оживлялся. Одни изъ прибывшихъ торговцевъ выгружались на берегъ, другіе оставались въ судахъ и ожидали къ себѣ покупщиковъ (1).

Кромѣ карвановъ, по Волгѣ, по одиночкѣ ходили суда казенныя и частныя (2). Иногда частные торговцы составляли товарищества и отправляли свои суда, связавъ ихъ вмѣстѣ, такъ что большое судно тянуло за собой маленькія (3). Плаваніе по Волгѣ вверхъ было затруднительно, ибо гребцы могли управлять судами только при попутномъ вѣтрѣ (низовомъ), съ трудомъ управляли ими въ безвѣтріе, но когда подымался верховой вѣтеръ, тогда гребцы и рабочіе выходили на берегъ и тянули суда *лямкою*, приплывая въ день не болѣе четырнадцати верстъ. Нерѣдко суда наскакивали на мель, которыми Волга и въ то время была обильна (4).

Торговыя русскія суда, плававшія по Волгѣ, были плоскодонныя, различались по длинѣ, ширинѣ и фигурѣ, и сообразно этому носили разныя названія. Большое судно длиною до десяти саженъ и болѣе называлось *досчаникъ*, меньше досчаника были насады и кладныя струги (5). Струги были *досчатые*, *полубленые* и *не полубленые*; *струги съ набоями*; они были мѣрою отъ трехъ до восьми саженъ въ длину (6); меньше ихъ были *кладныя* лодки, а еще менѣе — *неводникъ*; менѣе *неводника—плавная лодка*, *однодеревка* и *ботникъ* (7). При большихъ судахъ, т. е. досчаникахъ, стругахъ и насадахъ были маленькія лодки, называемыя *завозни*, *подвозки*, *паузки* (8). Названіе струга самое употребительное, и часто принималось для означенія судна вообще.

(1) А. И. IV. 16. (2) Ibid. III, 211. (3) Olear. 361. Доп. III, 145. (4) Olear. 372. (5) А. А. Э. I, 390. (6) Доп. III, 144. (7) А. А. Э. I, 390. (8) Ibid. I. 432.

Въ 1634 году на Волгѣ большой стругъ или насадъ вмѣщалъ отъ 300 до 500 ластовъ, и когда былъ нагруженъ, то опускался на двѣнадцать футовъ въ воду (¹). Въ концѣ XVII вѣка насады поднимали до тысячи ластовъ (²). Для струга въ семь саженъ длиною считалось достаточнымъ двѣнадцать человѣкъ гребцовъ (³). Когда голштинское посольство по торговымъ дѣламъ отправлялось въ Персію, то, съ помощію русскихъ плотниковъ, сдѣлало себѣ судно, приспособленное къ плаванію по Волгѣ. Это судно было построено изъ досокъ, имѣло 120 футовъ въ длину, съ тремя мачтами и плоскимъ дномъ; въ глубину оно входило до семи футовъ; для него приготовлены были двадцать-четыре весла; на суднѣ устроены каюты, а подъ палубою подвалъ для кухни и кладовой. Это судно было вооружено каменными пушками, снабжено свинцомъ, порохомъ и оружіемъ противъ разбойниковъ. Къ судну была привязана шлюпка (⁴). Оно было построено вообще по образцу тогдашнихъ русскихъ судовъ, но отличалось тѣмъ, что имѣло три мачты и превосходило русскія суда отдѣлкою, такъ что, когда голштинцы выплыли на немъ на Каспійское море, то персіяне говорили, что *Кюльзюмъ* (Каспійское море) еще не видывалъ такого судна (⁵).

Торговое плаваніе по Волгѣ чрезвычайно затруднялось разбоями волжскихъ козаковъ, жившихъ въ неизвѣданныхъ еще закоулкахъ лѣсистаго и скалистаго праваго побережья Волги. Не только большія суда погибали со всѣмъ грузомъ и экипажемъ добычею ихъ звѣрства, но случалось, что разбойники разбивали самые караваны, прославляя свои подвиги въ пѣсняхъ:

«Мы рукой махнемъ—караванъ возьмемъ!»

Такимъ образомъ, при Михаилѣ Θеодоровичѣ козаки напали на русскій караванъ у Чернаго Яра и истребили его. Они воспользо-

---

(¹) Olear. 301. (²) Кильбург. 122. (³) Доп. III, 144. (⁴) Olear. 337. (⁵) Ibid. 378.

зовались тѣмъ, что суда плыли по Волгѣ растянувшись, и напали на заднія; переднія же, гдѣ были стрѣльцы, охранявшіе караванъ, не могли скоро поспѣть къ заднимъ на помощь противъ теченія воды. Это событіе подало поводъ къ построенію Чернаго Яра (1). Были на Волгѣ мѣста, особенно прославленныя разбоями, и торговцы всегда радовались, коль скоро удавалось проплыть имъ благополучно. Таково было устье Уссы въ Жегулевскихъ горахъ, гдѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ козаки ограбили большое купеческое судно, плывшее съ грузомъ въ Нижній (2), таковы были: Козачья гора въ 115 верстахъ ниже Самары (3), устье Камышинки, гдѣ голштинцы встрѣтили рядъ деревянныхъ крестовъ, поставленныхъ въ память падшихъ въ битвѣ съ козаками (4).

Трудности плаванія по Волгѣ, особенно вверхъ, были поводомъ сухопутныхъ путешествій изъ Астрахани въ Москву и средину Россіи. Эти путешествія предпринимались въ то время, когда татары гоняли въ Москву лошадей для продажи, чтó носило названіе *ордо-базарной* станицы (5). Тогда за татарскими табунами ѣхалъ обозъ купцовъ разныхъ націй: русскихъ, персіянъ, бухарцевъ и индѣйцевъ.

Городъ Астрахань, вскорѣ послѣ присоединенія къ Россіи, найденъ посѣщавшими его англичанами незначительнымъ въ торговомъ отношеніи (6). Русскіе привозили туда кожи, овчины, сбрую, посуду, хлѣбъ, дрова въ небольшомъ количествѣ, единственно для нуждъ служилыхъ людей, которые поддерживали русскую власть въ отдаленномъ городѣ и составляли единственное русское народонаселеніе города. Персидскіе товары, именно: шелковыя и бумажныя ткани, краски, шелкъ, доставлялись татарами и были худагó достоинства. Купцы, торговавшіе этими товарами, были бѣдны. Однако, съ этого уже времени Астра-

(1) Olear. 362. (2) Ibid. 356. (3) Ibid. 359 (4) Ibid 363. (5) А. И. IV, 217. (6) Jenkins. Hacl. 365.

хань начинаетъ пріобрѣтать свое высокое торговое значеніе, которое постепенно увеличивается. Въ смутную эпоху оно было нарушено Заруцкимъ, разграбившимъ и раззорившимъ городъ (1). Но послѣ успокоенія Россіи, Астрахань возвысилась снова. Въ 1670 году ея богатства были расхищены Стенькою Разинымъ. Хотя Астрахань послѣ того и поправилась, но уже къ концу XVII вѣка начала упадать всеобщая увѣренность въ возможности направить черезъ Россію торговлю всего Востока, увѣренность, котораа поддерживала торговое значеніе Астрахани. Еслибъ такое предложеніе осуществилось, Астрахань была бы важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ цѣлаго міра. Но не такъ рѣшила исторія.

Сосѣдство съ Востокомъ дало Астрахани самое разнообразное народонаселеніе. Оно состояло изъ смѣси русскихъ съ азіатскими пришельцами: персіяне, бухарцы, хивинцы, армяне, азіатскіе турки, греки, индѣйцы, со всѣми отливами своихъ народностей не только посѣщали городъ, но владѣли въ немъ домами и вели постоянную торговлю (2). Это разнообразіе особенно увеличивалось въ то время года, когда Астрахань наполнялась иноземными и русскими торговцами, прибывшими туда для временной торговли и раскладывавшими свои товары, то въ гостиныхъ дворахъ, то въ насадахъ и бусахъ на пристани. Въ Астрахани было нѣсколько гостиныхъ дворовъ, какъ кажется, особыхъ для каждаго народа, напримѣръ: гилянскій, тезицкій, бухарскій, русскій и татарскій—не гостиный дворъ, но базаръ, у Мочаговскихъ воротъ (3). Тогда какъ другимъ иностранцамъ позволялось обзаводиться даже домами, татары могли торговать не въ самомъ городѣ, а только за оградою его на базарѣ: на этомъ татарскомъ базарѣ были татарскія лавки съ разными товарами; важный торгъ былъ овцами, которыхъ пригоняли изъ но-

(1) А. И. II. 27. (2) Olear. 374. (3) А. И. III. 163. Доп. IV. 256.

гайскихъ степей [1], и раскупали въ Астрахани, вѣроятно, для вытопки сала. Не одни только татары подвергались ограниченіямъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1625 году тезики—подданные турецкаго султана изъ Азіатской Турціи — были отстранены отъ астраханской торговли [2], вѣроятно, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній дворовъ.

Мѣстная розничная торговля въ Астрахани велась въ рядахъ лавкахъ, прилавкахъ, полкахъ, шалашахъ. Мелкою торговлею занимались не только посадскіе, но и стрѣльцы, и вообще служилые люди. Торговыя помѣщенія давались отъ казны на оброкъ. Въ 1623 г. доходъ этотъ простирался до 341 р. 32 алтынъ 4 деньги [3].

Важность астраханской торговли должна разсматриваться въ двоякомъ отношеніи: по передачѣ въ Россію восточныхъ произведеній и по спабженію Россіи мѣстными произведеніями астраханскаго края. Торговое сообщеніе Астрахани съ Персіею, Хивою и Бухаріею совершалось, какъ мы уже сказали, по Каспійскому морю и сухопутьемъ.

Для торговли по Каспійскому морю правительство держало такъ называемыя бусы, приспособленныя къ морскому плаванію суда. Судовой промыселъ составлялъ въ Астрахани достояніе власти: существовало большое казенное заведеніе, называемое дѣловой дворъ, который былъ управляемъ начальникомъ, назначеннымъ изъ дѣтей боярскихъ, и цѣловальниками [4]. Бусы ходили постоянно дважды въ годъ между Астраханью и Караганскимъ пристанищемъ для торговли съ Хивою и Бухарою. Одинъ поѣздъ совершался весною, другой осенью. Отправляя бусу, воевода поручалъ управленіе ея какому-нибудь сыну боярскому или служилому человѣку, давалъ ему стрѣльцовъ, пушкарей и нѣсколько пушекъ съ военными запасами. Въ 1687 году на такой бусѣ была одна пушка, пудъ пороха, полпуда дроби

---

[1] Доп. IV, 255. [2] А. И. III, 213. [3] Доп. I. 85. [4] А. И. III, 203.

сорокъ ядеръ, двадцать стрѣльцовъ, пушкарь, плотникъ и пять человѣкъ юртовскихъ татаръ. Въ 1661 году на такой бусѣ было двѣ пушки — одна нарядная пищаль да мѣдный тюфякъ. Начальникъ бусы обязанъ былъ пересматривать проѣзжія грамоты своихъ торговыхъ пассажировъ и повѣрять ихъ товары; а если бы оказалось что нибудь сверхъ того, что написано въ проѣзжей грамотѣ, или же при купцѣ нашелся такой покрученикъ или работникъ, который не записанъ въ грамотѣ, то начальникъ отводилъ незаписанныхъ людей и отправлялъ незаписанный товаръ къ воеводѣ. Повѣрка товаровъ не производилась посредствомъ подробнаго пересмотра и взвѣшиванія ихъ: начальникъ бусы осматривалъ только цѣлость таможенныхъ печатей, которыми должны быть опечатаны нагруженные товары. Во время плаванія, начальникъ обязанъ былъ охранять бусу и отражать разбойничьи нападенія, еслибъ они случились. По прибытіи въ Караганское пристанище, онъ выбиралъ двухъ или трехъ иноземцевъ и отправлялъ въ Хиву и Бухарію извѣщать народъ, что пришла русская буса и туземные купцы должны поспѣшать на торгъ. Эти посланцы носили мѣстное названіе хабарщиковъ. Тогда къ берегу съѣзжались купцы и начинался торгъ. Командиръ бусы долженъ былъ наблюдать, чтобъ иноземцы не дѣлали русскимъ оскорбленій. Какъ долго продолжался торгъ, неизвѣстно; но судя потому, что буса отплывала изъ Астрахани въ октябрѣ, а поспѣвала назадъ къ зимѣ, должно думать, что онъ продолжался около мѣсяца. При окончаніи торжища, командиръ бусы извѣщалъ, что кто изъ иноземцевъ захочетъ ѣхать съ ними тотчасъ, тотъ можетъ нагружаться, равномѣрно, кто захочетъ можетъ пріѣзжать въ Астрахань сухопутьемъ, или наконецъ ѣхать на будущій годъ съ весеннимъ поѣздомъ русской бусы и въ такомъ случаѣ долженъ поспѣшать явиться на берегъ, чтобъ не опоздать. По возвращеніи

домой, командиръ, не приставая къ городу, посылалъ на лодкѣ извѣстить воеводу, что буса возвратилась; являлись таможенники, осматривали, описывали товары и облагали ихъ пошлинами. Тогда уже буса могла пристать и разгружаться (¹),

Сношенія съ Персіею производились также на казенныхъ бусахъ, которыя приставали въ Баку и Дербентѣ оттуда купцы ѣздили въ Шамаху, гдѣ происходилъ торгъ персіянъ съ русскими. На этихъ бусахъ ѣздили въ Персію русскіе купцы разныхъ городовъ и пріѣзжали въ Астрахань персіяне. Этимъ путемъ ѣздили бусы съ царскими товарами. Довѣренные торговцы, которые везли эти товары, прибывали въ Шамаху; тамъ оставалось нѣсколько цѣловальниковъ, другіе ѣздили во внутренность Персіи, скупали товары и свозили въ Шамаху; отсюда ихъ везли къ пристани, нагружали и доставляли до Астрахани. Воеводы обязаны были посылать на встрѣчу паузки для принятія товаровъ (²). Сверхъ того въ Астрахань приходили персидскія бусы, по наружному виду отличныя отъ русскихъ. Это были суда небольшія, высоко стоящія надъ водою, фигурою похожія—по замѣчанію европейскаго путешественника—на ванны, со множествомъ бревенъ и перекладинъ, утвержденныхъ между собою клинами, открытыя, безъ насосовъ, такъ что воду выливали мѣхами, съ однимъ парусомъ какъ и русскіе, но лучше русскихъ судовъ умѣвшіе лавировать въ морѣ (³). Какъ только такая буса приближалась къ Астрахани, воевода посылалъ къ ней таможеннаго голову, или нарочнаго цѣловальника, подъячаго и стрѣлецкаго сотника съ стрѣльцами для выгрузки. Таможенники прежде всего требовали отъ управлявшаго бусою, обыкновенно называемаго шаховымъ гонцемъ, свѣдѣнія, естьли у него шахова грамота, сколько у него людей, купцовъ, съ какими товарами? Послѣ допроса происходила перепись всѣхъ людей и

(¹) А. И. V, 265. Доп. IV. 259. (²) А. И. IV, 238. (³) Olear. 378.

товаровъ. Тогда лучшіе изъ товаровъ — узорочные т. е. драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя цѣпи, складни, запоны, перстни—отбирались въ пользу царя, а купцамъ выдавали деньги. Въ случаѣ отъискапія заповѣдныхъ товаровъ, напримѣръ табаку, ихъ отбирали въ съѣзжую избу. По окончаніи обыска и переписи, буса подплывала ближе, но никто не смѣлъ выходить на берегъ, пока роспись не представится воеводѣ и отъ него не послѣдуетъ разрѣшенія (¹). Во время пребыванія въ городѣ, иноземные купцы были подъ строжайшимъ наблюденіемъ; послы съ своею свитою подвергались также строгому надзору: имущество ихъ перерывали, чтобъ отъискать какіе-нибудь заповѣдные товары; пятьдесятъ человѣкъ стрѣльцовъ стояли постоянно на караулѣ; они жили на посольскомъ дворѣ и не смѣли сноситься съ единоземцами; тѣмъ не менѣе однако съ ними обращались очень почтительно (²).

Плаваніе по Каспійскому морю подвергало купцовъ различнымъ опасностямъ: во-первыхъ, не рѣдко бусы были разбиваемы бурями, господствующими на этомъ морѣ; во-вторыхъ, по морю крейсировали морскіе разбойники, которые нападали на суда, грабили и умерщвляли людей. Слѣдствіемъ такихъ приключеній были неоднократно раззоренія купеческихъ семействъ и вообще то, что торговля на Каспійскомъ морѣ не достигала высокой степени, но постоянно оставалась въ одномъ и томъ же положеніи. Для охраненія купцовъ, царь Алексѣй построилъ первый русскій корабль «Орелъ», но Стенька Разинъ истребилъ его. Послѣ того переводчикъ посольскаго приказа Виніусъ подалъ проектъ состроить галеры или каторги (вооруженныя суда) для перевоза грузовъ и вмѣстѣ для защиты отъ разбойниковъ (³).

Туземныя произведенія, вывозимыя въ Россію изъ Астраханскаго края, были соль и рыба (отчасти вино), но объ этомъ войдемъ въ подробности при исчисленіи статей торговли вообще.

(¹) А. И. IV. 38. (²) Ibid. IV. 17. (³) Доп. V. 405.

Сибирская торговля возникла вскорѣ по открытіи Сибири и достигла важнаго значенія, ибо предметы вывоза изъ Сибири состояли преимущественно въ мѣхахъ, которые были важнѣйшимъ произведеніемъ Россіи. Вскорѣ по завоеваніи Сибири, многіе смѣльчаки отправились въ невѣдомыя пустыни для звѣриныхъ промысловъ; потомъ страсть отъискивать *новыя землицы* и принуждать инородцевъ платить ясакъ сдѣлалась господствующею между служилыми людьми: это привлекало въ Сибирь русскихъ. Само правительство старалось о заселеніи новопріобрѣтеннаго края, строило города, поселяло пахотныхъ людей для земледѣлія и населяло Сибирь ссыльными. Русское населеніе, отодвинутое отъ прежняго отечества на большое разстояніе, нуждалось въ подвозѣ пищи, одежды, предметахъ домашняго быта, а потому товары, удовлетворявшіе этой потребности, были первыми статьями ввоза въ Сибирь изъ Россіи. Въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII русскіе купцы возили въ Сибирь хлѣбъ (1), также русскій холстъ (2), готовыя однорядки, юфти, кожи, оружіе и военные снаряды, столь необходимые въ этой странѣ противъ звѣрей и людей, и прочіе товары, большею частію простаго достоинства русскаго издѣлія (3). Купцы, которые вели торговлю съ Сибирью, были изъ Москвы—большею частію знатные гости, посылавшіе въ Сибирь своихъ покрученниковъ и прикащиковъ, родомъ изъ Казани и такъ называемыхъ поморскихъ городовъ: Устюга-Великаго, Вятки, Перми, Тотьмы и Сольвычегодска; эти агенты, скупая хлѣбъ въ Россіи, отправляли его въ Сибирь водою потому-то въ этихъ послѣднихъ, такъ называемыхъ поморскихъ, городахъ образовался складъ хлѣба, назначеннаго для Сибири. Торгъ былъ больше мѣновой, какъ съ инородцами, такъ и съ русскими поселенцами; первые не знали толку въ монетѣ, а послѣдніе нуждались

---

(1) А. А. Э. II, 163. (2) Доп. IV, 276. (3) А. И. IV, 327. V, 250.

болѣе въ произведеніяхъ Европейской Россіи, чѣмъ въ деньгахъ; деньги, прибывая въ Сибирь, скоплялись тамъ безъ ходу; такимъ образомъ, когда при Алексѣѣ Михайловичѣ выпущены были мѣдныя деньги, то купцы, ѣздившіе за мѣхами, скупали на нихъ дешевою цѣною мѣха, а сами вымѣнивали у сибиряковъ серебреныя деньги и не привозили въ Сибирь русскихъ товаровъ; отъ этого въ Сибири сдѣлалась страшная дороговизна на всякіе русскіе товары — сукна, холсты, кожи, и правительство приказало у купцовъ, привозящихъ въ Сибирь деньги, отбирать на государя деньги и купленные на нихъ мѣха (1). Простота жизни въ Сибири долго исключала потребности изъисканнаго быта, удовлетворяемаго въ Россіи заграничными товарами. Въ 1609 году въ пермской землѣ во всѣхъ городахъ не оказалось иноземныхъ суконъ, камокъ, тафты; торговые люди не привозили этихъ товаровъ въ Сибирь (2). Впослѣдствіи, однако, во второй половинѣ XVII вѣка, большая развитость жизни привлекала въ Сибирь и иностранные товары, доставляемые изъ Архангельска (3).

Торговый путь, какъ равно и служилый, изъ Москвы въ Сибирь былъ водяной, до самаго Соликамска, то есть Москвою рѣкою, Окою, Волгою и Камою. Изъ Соликамска везли товары волокомъ до Верхотурья, которое считалось первымъ сибирскимъ городомъ. Тамъ была учреждена таможня: ѣдущіе съ товарами должны были оплачивать ихъ пошлинами и брать проѣзжія грамоты. Кромѣ Верхотурья поставлены были еще двѣ заставы — Собская и Обдорская для сбора пошлинъ; но купцы, чтобъ избѣжать платежа пошлинъ, и главное, придирокъ и задержекъ отъ чиновниковъ, самовольно проложили себѣ другой путь черезъ Кунгуръ и Уфу на Китайскій острогъ. Воеводы посылали стрѣльцовъ для преслѣдованія ихъ. Только въ

(1) А. И. IV, 327. Доп. IV. 276. (2) А. А. Э. II, 256. (3) Мейерб. 241.

1680 году учреждена была въ Китайскомъ острогѣ постоянная таможенная застава ([1]).

Въ Верхотурьѣ служилые люди, ѣхавшіе въ Сибирь на службу, дѣлали закупы разныхъ потребностей въ большомъ количествѣ, не надѣясь ихъ найти въ Сибири, или желая купить дешевле, и это побуждало купцовъ привозить туда значительное количество разныхъ запасовъ ([2]). Тутъ же, и еще въ Верхурскомъ уѣздѣ въ Ляминской волости, производился торгъ съ вогуличами; русскіе вымѣнивали у нихъ мѣха, лосинныя и оленьи кожи, хмѣль, рыбу, и потому въ послѣднемъ мѣстѣ учреждена была таможня для пошлиннаго сбора. Другое торговое мѣсто въ томъ же уѣздѣ была слобода Ирбить, гдѣ еще въ первой половинѣ XVII вѣка образовалась ярмарка, существующая и въ наше время. Въ 1649 году туда стекалось множество промышленниковъ и торговцевъ. Къ концу XVII вѣка Ирбитская ярмарка стала главнымъ мѣстомъ закупа хлѣба и вообще всѣхъ товаровъ, идущихъ въ Сибирь ([3]). Туда приходили товары бухарскіе и китайскіе и раскупались для вывоза въ Россію. Ярмарка эта происходила въ январѣ, послѣ Богоявленія. По отдаленности мѣста тамъ вкрались злоупотребленія относительно пошлинныхъ сборовъ, такъ, что торговля велась часто совсѣмъ безпошлинно; постоянной таможни не было, а верхотурскіе воеводы, обязанные посылать туда людей для сбора, не исполняли этого точно. Правительство въ 1687 году обратило на это вниманіе, тѣмъ болѣе, что ирбитскій торгъ тогда почти совершенно подорвалъ торговлю въ Верхотурьѣ; оно приказало постоянно посылать туда цѣловальниковъ для пошлиннаго сбора. Это подтверждено въ 1689 году ([4]). Въ 1694 году правительство, наблюдая свои выгоды, постановило, чтобъ торговцы въ Ирбитской слободѣ во время ярмарки торговали не иначе,

---

([1]) А. И. V. 363. ([2]) Ibid V. 90. ([3]) А. И. IV, 125. ([4]) А. И. V. 335.

какъ въ государевыхъ амбарахъ и лавкахъ, а не въ собственныхъ, и велѣло всѣ частныя лавки, какія были построены въ слободѣ, описать и запечатать впредъ до государева указа (¹).

Изъ Верхотурья путешественники садились на казенные досчаники, складывали свои товары, платили за это въ казну, и плыли водою мимо Туринска и Тюмени до Тобольска (²). Тобольскъ былъ въ XVII в. важнѣйшимъ торговымъ городомъ Сибирскаго края (³). Хлѣбъ, назначенный для Сибири, стекался въ этотъ городъ, скупался тамъ и развозился повсюду. Тобольскъ имѣлъ обширный гостиный дворъ. Туда пріѣзжали бухарцы, которымъ дана была привилегія такого рода, что никто, кромѣ ихъ, не могъ торговать бухарскими товарами, но за то они не могли, какъ мы уже замѣтили, покупать дорогихъ мѣховъ, да и самые мѣха низшаго достоинства позволено было имъ покупать только въ маломъ числѣ и не иначе какъ для собственнаго употребленія. Бухарскіе товары изъ Тобольска развозились русскими купцами по Сибири и на Ирбитскую ярмарку; а между тѣмъ со всей Сибири стекалась въ Тобольскъ мѣховая торговля. Сверхъ того калмыки пригоняли въ Тобольскъ значительныя партіи своихъ лошадей (⁴).

Промышленники и торговцы пускались внутрь Сибири на царскихъ досчаникахъ, устроенныхъ собственно съ цѣлію провоза служилыхъ людей и казенныхъ снарядовъ. Эти досчаники дѣлались обыкновенно въ восемь саженъ длиною и снабжались огромнымъ парусомъ. Они плыли мимо Сургута, Нарыма, Кецка до Маковскаго острога; тутъ товары укладывались на сухопутныя подводы и везлись до Енисейска (⁵), другіе же разгружались въ городахъ, мимо которыхъ плыли и къ которымъ приставали. Въ Сибири, гдѣ только былъ городъ, тамъ образовалась и торговля, ибо огромное разстояніе между жилыми мѣ-

---

(¹) Ibid V. 132. 133. (²) Доп. II. 169. (³) Meyerberg 241. (⁴) Доп. IV. 355, 361, 362. (⁵) Ibid II. 170.

стами не дозволяло торговлѣ сосредоточиваться въ извѣстныхъ мѣстахъ преимущественно. Такимъ образомъ Туринскъ, Тюмень, Сургутъ, Нарымъ, Кецкъ были посѣщаемы купцами, которые привозили туда русскіе товары и продавали мѣстнымъ торговцамъ. Въ Енисейскѣ въ 1647 году былъ значительный наплывъ торговцевъ, существовали гостиный дворъ и таможенная изба (1).

Промышленники и купцы плыли изъ Енисейска по верхней Тунгузкѣ и по впадающему въ нее Илиму. На рѣкѣ Илимѣ въ ближайшемъ разстояніи отъ рѣки Муки, принадлежащей къ ленскому бассейну, былъ Илимскій острогъ, близъ котораго происходилъ значительный торгъ. Это мѣсто извѣстно было подъ именемъ *Ленскаго волока*: тамъ было зимовье, гостиный дворъ, амбары, таможня, казенные постоялые дворы для пріѣзжающихъ торговцевъ и гарнизонъ служилыхъ людей для ихъ охраненія. Сюда пріѣзжали туземцы для промѣна мѣховъ на русскія издѣлія и русскіе поселенцы Сибири для покупки припасовъ. Въ числѣ товаровъ былъ лѣсъ для постройки и топлива (2). Плаваніе по Тунгузкѣ и Илиму отъ Енисейска до Ленскаго волока продолжалось шестьдесятъ-одинъ день. Путь считался по рѣкамъ, впадающимъ въ Тунгузку и Илимъ, а этихъ рѣкъ было чрезвычайное множество. Плаваніе замедлялось по причинѣ пороговъ, ибо надобно было выходить на берегъ и проводить черезъ пороги досчаники; при этомъ грузъ выносили и несли на себѣ, а суда взводили черезъ скалы канатами. Сухопутный путь по Ленскому волоку до Лены продолжался одинъ только день для пѣшехода съ ношею. Но этотъ путь затруднялся горами. Торговцы имѣли примѣтою какой-то колодезь; до этого колодца нанимали вьючныхъ лошадей, платя по гривнѣ съ пуда, а у колодца стояли извозчики съ телѣгами, которыхъ нанимали вплоть до Лены, платя лѣтомъ по пяти алтынъ; а осенью по полтинѣ

---

(1) Доп: III. 108. (2) Ibid. II. 155—160.

съ пуда. Такимъ образомъ они достигали рѣки Муки, гдѣ весною ходили суда, а лѣтомъ плоты, и отправлялись по рѣкѣ Мукѣ въ рѣку Купу, куда впадаетъ Мука, а Купою входили въ Лену; зимою же торговцы нанимали на Ленскомъ волокѣ извозчиковъ и ѣхали вплоть до Лены по льду въ теченіе двухъ дней. По берегамъ рѣкъ Муки и Купы въ 1651 году были уже русскія поселенія, исключительно занимавшіяся судопромышленностію (1). Въ половинѣ XVII вѣка промышленники плавали по рѣкамъ Чичую, Олекмѣ, Окмѣ и другимъ, и промѣнивали тунгузамъ разныя вещи на мѣха (2), и потому на Ленѣ рано развился судовой промыселъ, ибо въ 1639 году были суда: досчаники, шитики, каюки, струги, набойни (3), разной величины и вмѣстимости. Въ половинѣ XVII вѣка русскіе торговали въ Якутскѣ (4); въ Жиганскомъ зимовьѣ и Молодяхъ съ 1645 г. жили торговые люди и учреждена была таможня съ цѣловальниками (5). Съ 1660 года нѣкоторые привозили товары въ Охотскъ временно для промѣна, а другіе оставались тамъ на жительство (6). Въ это время тамъ уже развивался судовой промыселъ: продавали суда разной величины—шитики, каюки зырянскіе струги, набойницы и мелкія лодки (7). Русскіе промышленники и торговые люди были товарищами служилыхъ людей въ ихъ изумительныхъ подвигахъ открытія новыхъ землицъ, и вмѣстѣ съ ними выдерживали героическую борьбу съ ужасною стужею, недостатками и дикими народами (8). Эти промышленники составляли партіи, выбирали себѣ *ватага*, строили стругъ или досчаникъ, наполняли его хлѣбными запасами пудовъ до трехъ сотъ и болѣе, и отправлялись въ невѣдомыя страны. Такъ торговецъ Григорій Вижевцовъ пятью своими покрученниками по Олекмѣ открылъ путь въ Тугиръ (9). Въ 1635 году такая

(1) Ibid. II. 245. (2) Ibid. II. 162. 239. (3) Ibid. II. 157. (4) Доп. III. 309. (5) Ibid. III. 40. (6) Ibid. IV. 213. (7) Ibid IV 211, (8) Ibid. II. 231, (9) Ibid. III. 103.

партія была истреблена тунгузами на устьѣ Вилюя. Въ 1650 году такая же ватага промышленниковъ достигла устья Лены на восьми кочахъ, соединилась съ партіею служилыхъ людей,— они поплыли по морю до Яны, миновали ея устье, дошли до Святаго-Носа и до Хромой Губы; 29 августа хотѣли сойти на твердую землю, но охваченные южнымъ вѣтромъ, унесены на досчаникахъ въ открытое море и носились въ немъ пять дней, пока сѣверный вѣтеръ не принесъ ихъ къ берегу; такимъ образомъ они достигли устья Индигирки, а потомъ устья Колымы (1). Въ этомъ путешествіи промышленники составляли какъ бы запасную экспедицію для служилыхъ и снабжали ихъ запасами, однако товарищеское отношеніе не мѣшало имъ брать съ служилыхъ огромныя цѣны на съѣстные припасы. Въ эти негостепріимные края завлекала ихъ также охота добывать моржовую кость (2).

Въ концѣ XVII вѣка Нерчинскъ сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ для возникшей торговли съ Китаемъ. Въ 1697 году постановили, чтобъ всѣ, уѣзжающіе въ Китай и пріѣзжающіе изъ Китая, непремѣнно являлись въ Нерчинскъ для платежа пошлинъ, а потомъ Нерчинскъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ китайской торговли (3), и въ 1699 г. былъ построенъ въ Нерчинскѣ гостиный дворъ (4).

Торговля въ Сибири была до крайности стѣснена во-первыхъ самымъ правительствомъ, во-вторыхъ чиновниками. Страсть къ мѣхамъ у правительства была столь велика, что кромѣ ясака и поминочной рухляди (т. е. той, которую инородцы приносили въ дары воеводамъ, а послѣдніе должны были отдавать въ казну) правительство вымѣнивало мѣха на разные русскіе товары и тѣмъ подрывало операціи купцовъ. Никакой торговецъ не смѣлъ приступить къ покупкѣ мѣховъ, прежде чѣмъ соберутъ царскій

(1) Доп. III. 280—283. (2) Ibid. III. 349. (3) А. И. V. 466—468. (4) Ibid. V. 519.

ясакъ; это дѣлали изъ боязни, чтобъ въ руки торговцевъ не попадали отличные мѣха; когда же соберутъ ясакъ, тогда позволялось купцамъ торговать мѣхами, но не иначе какъ на гостиныхъ дворахъ: положительно было запрещено купцамъ ѣздить по юртамъ и покупать мѣха; они могли дѣлать эти покупки на гостиныхъ дворахъ у пріѣзжавшихъ въ городъ инородцевъ. Естественно, что купецъ, въ такомъ случаѣ, долженъ былъ платить дороже (1). Впослѣдствіи даже постановлено (въ 1674 году), что если въ ясакѣ окажется какая нибудь недоимка, то отбирать у туземцевъ лучшіе мѣха въ пользу царя; а какъ всегда въ ясачныхъ мѣхахъ могла оказаться недоимка, то и всегда можно было придраться; и здѣсь-то открывались случаи воеводамъ дѣлать разныя прижимки съ цѣлью взять взятку (2). За торговыя поѣздки въ юрты отбирали въ казну товары, а за такую поѣздку, совершенную въ другой разъ, наказывали кнутомъ (3). Только въ отдаленныхъ земляхъ Сибири, напримѣръ въ Якутскѣ, дозволялось торговцамъ покупать мѣха и въ юртахъ, но непремѣнно послѣ сбора царскаго ясака и при томъ съ тѣмъ, чтобъ они возвращались въ Якутскъ и отдавали въ казну десятаго звѣря самаго лучшаго (4). Несмотря на трудность путешествія, промышленники подвергались разнымъ стѣснительнымъ пошлинамъ и, сверхъ того, исполняли отяготительную повинность—быть выбранными въ цѣловальники къ ясачному сбору и къ разнымъ статьямъ казеннаго интереса. Въ Якутскѣ воеводы и дьяки—въ другихъ мѣстахъ Россіи вообще отстраненные, хотя на бумагѣ, отъ торговаго управленія—могли бить батогами и кнутомъ головъ и цѣловальниковъ (5). Всего обременительнѣе для торговцевъ было то, что они находились въ безусловномъ распоряженіи воеводъ, дьяковъ и подъячихъ, которыхъ поступки нигдѣ не были столь произвольны, какъ въ

(1) А. И. III. 220. (2) Ibid. IV. 525. (3) Ibid. III. 220. (4) Ibid. IV. 446. (5) Доп. III. 309.

Сибири. Торговцы въ городахъ обложены были взятками въ пользу властей: такъ въ Енисейскѣ прикащики торговцевъ гостиной сотни, отправляемые въ Сибирь для скупа мѣховъ, должны были давать воеводамъ и подъячимъ сорокъ рублей съ тысячи соболей и по четыре рубля съ сотни всякихъ другихъ мѣховъ; въ городѣ Кецкѣ брали съ тысячи тридцать рублей, а съ сотни три рубля. Въ 1646 году эти злоупотребленія вынудили жалобы торговцевъ, и правительство, снисходя къ ихъ жалобамъ, запретило воеводамъ, дьякамъ, подъячимъ и вообще служилымъ людямъ мѣшаться въ торговыя дѣла, исключая тобольскаго воеводы, дававшаго тогда купцамъ проѣзжія памяти (1), а равно запретило имъ торговать самимъ (2). Но это мало помогло. Въ Сибири воеводы перемѣнялись часто, и въ наказѣ каждому изъ нихъ, при вступленіи въ должность, прописывалось, чтобъ онъ не поступалъ какъ его предшественникъ; но едва проходилъ годъ, какъ возникали жалобы, что новый воевода идетъ по слѣдамъ прежняго. Притѣсненія, дѣлаемыя воеводами и подъячими торговцамъ въ Сибири, были такъ велики, что въ 1609 году, избѣгая притѣсненій воеводъ, грабившихъ у купцовъ хлѣбъ, никто не возилъ въ Сибирь хлѣба и отъ того тамъ произошла ужасная дороговизна (3). По закону, каждый торговецъ, пріѣзжая въ Сибирь, обязанъ былъ платить годовой оброкъ за право промысловъ и торговли въ Сибири какъ за свою особу, такъ и за всѣхъ своихъ прикащиковъ и покручениковъ, которые съ нимъ прибывали. Этотъ оброкъ платили въ Верхотурьѣ, какъ ближайшемъ къ Россіи сибирскомъ городѣ, и, послѣ платежа, торговецъ бралъ отпись (квитанцію) въ платежѣ, но на такія отписи другіе воеводы не обращали вниманія и вымогали отъ него чуть не въ каждомъ городѣ такіе же годовые оброки. Сверхъ того воеводы обязаны были давать проѣзжимъ купцамъ сѣно и

---

(1) А. И. IV, 33. (2) Доп. III, 309. (3) А. А. Э. II. 257.

брали съ нихъ *сѣнное* (въ Верхотурьѣ по 6 алт. 4 ден. съ воза), но въ самомъ дѣлѣ никакого сѣна не давали ([1]).

Кромѣ изложенныхъ торговыхъ путей, были еще два: на Смоленскъ въ Литву и на югъ къ предѣламъ Малороссіи. Оба эти направленія не могли способствовать цвѣтущему состоянію торговли. Торговля Москвы съ Польшею и Литвою въ XVI и XVII в. нарушалась безпрерывными войнами и постоянною враждою двухъ правительствъ. Положеніе торгующихъ купцовъ было не безопасно, когда были примѣры, что правительства, возобновивъ между собою едва потухающую вражду, задерживали купцовъ и конфисковали ихъ имущества. Такъ было при Василіѣ Іоанновичѣ въ 1508 г. ([2]). Въ промежутки, когда военныхъ дѣйствій между Литвою и Москвою не было, жители порубежныхъ земель безпрестанно дѣлали другъ на друга разбойничьи наѣзды, грабежи и раззоренія. Такое сочетаніе обстоятельствъ, конечно, не благопріятствовало развитію торговли. Купцы, пріѣзжавшіе изъ Польши и Литвы, не пользовались въ Москвѣ ни благосклоннымъ пріемомъ правительства, ни расположеніемъ народа, особенно католики и жиды, которыхъ не терпѣли москвитяне. Такъ въ 1678 году царь Алексѣй Михайловичъ, узнавши, что въ Москвѣ находятся съ товарами литовскіе купцы изъ Могилева и Шклова, приказалъ ихъ выслать изъ Москвы въ порубежные города, гдѣ единственно и предоставлялось имъ торговать ([3]). Только въ 1678 году ([4]) постановлено, что торговцы польскіе подданные могутъ пріѣзжать въ Москву, а русскіе въ столицы Рѣчи Посполитой: Варшаву, Краковъ и Вильно, но ограничиваясь единственно столицами, непремѣнно съ проѣзжими памятьми и съ платою пошлинъ по уставамъ обоихъ государствъ, а равномѣрно постановили, чтобъ торговое плаваніе по Двинѣ открыто было для русскихъ. На такихъ же условіяхъ утвердилъ торговыя сно-

---

([1]) А. И. V. 250. ([2]) Актъ, отн. къ Зап. Росс. II. 46. ([3]) П. С. З. I. 912. ([4]) Ibid. II. 172.

шенія такъ называемый вѣчный міръ, заключенный послѣ долгой войны въ 1686 г. (1).

Въ Сѣверской области въ половинѣ XVII вѣка началось нѣкотораго рода торговое движеніе. Средоточіемъ его былъ Путивль. Туда, какъ выше было замѣчено, пріѣзжали съ своими товарами греки и молдоване (2). Въ торговомъ уставѣ 1667 Путивль означенъ между значительными торговыми городами на ряду со Псковомъ и Новгородомъ, куда русскіе купцы привозили свои товары и гдѣ находили заморскіе (3). Въ Брянскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII в. славилась Свинская ярмарка. Объ ней упоминается подъ 1681 годомъ. Въ объясненіи гостей и торговыхъ людей, данномъ по поводу указа о выборѣ въ таможенные чиновники, говорится, что изъ разныхъ торговыхъ городовъ *посадскіе лучшіе люди отъѣзжаютъ къ городу Архангельску и на Макарьевскую и на Свинскую и на иныя ярмарки для торговыхъ своихъ промысловъ и въ домы свои не пріѣзжаютъ многое время.* Изъ этого видно, что Свинская ярмарка, постановленная въ числѣ первоклассныхъ торжищъ, была значительна и привлекала къ себѣ многихъ торговцевъ (4). Въ числѣ привозимыхъ съ этой ярмарки въ Москву товаровъ, значатся сафьяны и хозы носившіе тогда названіе свинскихъ (5). Въ 1683 году вѣсовыя пошлины, сбираемыя на этой ярмаркѣ, пожалованы кіевопечерскому монастырю въ вознагражденіе потерянныхъ въ Подоліи старинныхъ имѣній (6). Торговля съ Малороссіею не могла быть въ цвѣтущемъ состояніи, по причинѣ смутнаго состоянія этой страны. Послѣ пораженія поляковъ гетманомъ Хмельницкимъ въ 1648 году, великороссійскіе купцы нахлынули въ Малороссію и очень выгодно покупали и вымѣнивали разныя драгоцѣнности, пріобрѣтенныя козаками на поляхъ Корсунскихъ и Пилявецкихъ (7). Послѣ

(1) Ibid. II. 781. (2) С. Гос. Гр. IV. 193.—П. С. З. II. 104. (3) Ibid IV 193. (4) П. С. З. II 340. (5) П. С. З. II. 322. (6) Ibid. II. 500. (7) Пам. Кіевск. Комм. 1. 3. 358.

присоединенія Малороссіи къ Россіи, царь Алексѣй Михайловичъ, лаская новыхъ подданныхъ, даровалъ Кіеву жалованную грамоту, по которой кіевскимъ торговымъ людямъ предоставлялась вольная и безпошлинная торговля по всей Россіи ([1]). Но эти права не могли имѣть важныхъ результатовъ для торговли.

По мѣрѣ населенія украинскихъ городовъ Великой Россіи и обработки плодоносныхъ земель, возникали тамъ торговыя сношенія. Плодородіе почвы Рязанскаго, Тамбовскаго, Воронежскаго края въ половинѣ XVII вѣка начало привлекать туда скупщиковъ хлѣба. Въ Воронежѣ въ 1640 году были оброчныя торговыя лавки и ряды, подобно какъ въ Москвѣ, особые для разныхъ предметовъ, напримѣръ мясной рядъ, рыбной рядъ ([2]). Въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка города Лебедянь, Елецъ, Козловъ, Воронежъ, Коротоякъ, Острогожскъ, начинали быть рынками мѣстныхъ произведеній, но вообще въ слабой степени, ибо край не былъ еще достаточно населенъ, пути были затруднительны, а чиновники притѣсненіями отгоняли торговцевъ. Въ 1695 году донскіе козаки, пріѣзжавшіе туда по случаю неурожая на Дону покупать хлѣбъ, жаловались, что съ нихъ берутъ страшныя пошлины и *за тяжкими взятками купить хлѣба невозможно* ([3]). Города Бѣлгородъ и Валуйки были пунктами торговыхъ сношеній съ ногайскими татарами, жившими на берегахъ рѣки Донца. Они пріѣзжали туда для покупки хлѣбныхъ и вообще съѣстныхъ запасовъ, но должны были, для предостереженія, останавливаться не иначе, какъ за чертою, и являться въ небольшомъ числѣ ([4]).

Вообще торговые поѣзды въ древней Россіи совершались лѣтомъ преимущественно водою, зимою на саняхъ. Торговцы везли свои товары по широкимъ рѣкамъ на судахъ большаго размѣра, а для малыхъ рѣкъ употребляли суда, приспособленныя

---

(1) Акты, отн. къ З. Р. IV. 408. (2) Ворон. Акты. I. 59. (3) С. Г. Гр. IV, 648—649. (4) Ibid. IV, 68.

къ руслу этихъ рѣкъ; и потому товары, при переходѣ изъ малыхъ рѣкъ въ большія и обратно, перекладывались въ суда, соразмѣрныя предстоящему водяному пути. Обыкновенно, при впаденіи однѣхъ рѣкъ въ другія, жили судопромышленники, снабжавшіе торговцевъ судами; у иныхъ же торговцевъ были въ такихъ мѣстахъ собственные дворы и тамъ стояли въ запасѣ суда. Такъ, напримѣръ, монастыри, занимавшіеся въ старину обширною торговлею, имѣли въ такихъ мѣстахъ свои подворья (¹). Необходимость въ судахъ развила и оразнообразила изстари судовой промыселъ; для всякаго русла были свои суда и потому въ старыхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ множество названій разнаго рода судовъ и лодокъ, которыя отчасти сохранились и теперь, отчасти утратились. Самое большое судно на всѣхъ большихъ рѣкахъ называлось досчаникъ, за нимъ слѣдовали насады, суда полубленыя, набои, суда прикольныя, суда поводцовыя, набабъ, байдакъ, барка, шестерикъ, стругъ, матица, оханка, каюкъ, морянка, водовикъ, карбасъ, коломенка, учапъ (²). Изъ нихъ стругъ сначала означалъ лодку. Казенный стругъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ помѣщалъ отъ пяти до шести человѣкъ (³). Впослѣдствіи этимъ названіемъ обозначали вообще средняго размѣра судно. Нѣкоторыя суда назывались по мѣсту и происхожденію своего употребленія: тихвинка, бѣлозерка, ржевка, устюжка. Маленькія лодки при большихъ назывались паузки, завозни и подвозки. Отличительная черта русскихъ судовъ того времени была та, что они строились совершенно безъ желѣза, вмѣсто желѣзныхъ гвоздей употреблялись деревянные и доски были соединены лыками изъ древесной коры. На суднѣ была поставлена мачта, къ ней привязанъ широкой парусъ (⁴). Плаваніе по рѣкамъ, особенно ма-

---

(¹) А. П. IV, 550. (²) А. А. Э. I, 296, 401. С. Г. Гр. I, 173. (³) Ст. Спис. пос. Милославскаго. 2, Врем. VIII. (⁴) Petrei Chronic. 312.

лымъ, сопряжено было съ затрудненіями и опасностями: когда дулъ противный вѣтеръ, приходилось по три дня и по недѣлѣ стоять на мѣстѣ, и оттого происходила *безпромыслица*, какъ выражались на промышленномъ языкѣ (1). Случалось, что торговецъ, рѣшившись отправиться по рѣчному пути осенью, застигнутъ былъ морозами и зимовалъ съ своимъ стругомъ на рѣкѣ (2). Случались иногда потопленія. Для этого правительство предписывало воеводамъ, въ случаѣ потопленія купеческихъ судовъ, изыскивать мѣры къ отысканію товаровъ и, по нахожденіи, отдавать ихъ хозяевамъ, съ платою въ государеву казну десятаго процента, что называлась десятая выть (3). Кромѣ борьбы съ природою, которую побѣждать русскіе умѣли болѣе желѣзнымъ терпѣніемъ, чѣмъ искусствомъ, торговцы терпѣли часто отъ мытчиковъ, которые собирали съ плывущихъ судовъ пошлины, извѣстныя подъ названіемъ мытъ. Эти мытчики брали отъ казны ея доходъ на откупъ и дозволяли себѣ всяческій произволъ. Плаватели, кромѣ опредѣленнаго мыта, не отдѣлывались отъ нихъ безъ того, чтобъ не заплатить еще взятокъ; а иначе продержатъ ихъ мытчики самовольно недѣли двѣ или три (4).

Такъ какъ въ старину въ Россіи каналовъ не существовало то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было изъ одной рѣки въ другую близкую достигнуть водянымъ путемъ, плаватели выгружались изъ судовъ и перевозили товары волокомъ до другой рѣки. На волокахъ находились извозчики, которые подряжались везти товары въ телѣгахъ и *посмычняхъ двойныхъ или одинакихъ*, судя по клажѣ (5), иногда же товары возили на *вьюкахъ*, то есть, вьючныхъ лошадяхъ (6). Пока совершался подрядъ съ извозчиками, товары складывались въ устроенныя мѣста, называ-

(1) Матер. для Истор. Икон. Врем. VII, 105. (2) А. И. IV, 375. (3) Разр. Кн. 78. Врем. III. (4) А. И. II, 85. А. И. III. 112. (5) П. С. З. I. 331, Доп. I. 77. (6) А. А. Э. I, 296.

смыя *пристанища*. Въ XVII вѣкѣ при выкладкѣ товаровъ изъ рѣки на волокъ торговцы обязаны были платить хозаевамъ земель, гдѣ были пристанища, не съ вѣса, но съ клади или съ судна. Въ Казани платили на пристанищѣ съ соляной клади по рублю, съ рыбной по полтинѣ (1).

Правительство не заботилось объ улучшеніи лѣтнихъ дорогъ и потому тоже, что писали о нашихъ лѣтнихъ дорогахъ путешественники XVI вѣка, повторялось и въ концѣ XVII вѣка. Мосты были рѣдки, а тѣ, которые существовали, по выраженію иностранцевъ въ XVI вѣкѣ, не держались, а плавали (2). Обыкновенно употреблялись вмѣсто мостовъ перевозы на судахъ и плотахъ, которые содержались отъ правительства съ платою въ казну. По торговому уставу 1653 года постановлено на большихъ рѣкахъ брать за перевозы весною и осенью: съ товарной телѣги десять денегъ, но съ торговыхъ людей того же уѣзда, гдѣ находился перевозъ, только шесть денегъ, съ проѣзжей телѣги четыре деньги, съ верховаго три деньги, съ пѣшаго двѣ деньги, а въ межень лѣтомъ съ товарной телѣги шесть денегъ, съ торговцевъ того же уѣзда три деньги, съ верховаго двѣ деньги, съ пѣшаго одну деньгу; на малыхъ рѣкахъ во всякое время съ торговой телѣги двѣ деньги, съ проѣзжей и верховаго одну деньгу, а съ пѣшаго полденьги (3). Въ большихъ городахъ для перевозовъ воеводы назначали команды. Такъ въ Астрахани перевозъ былъ подъ завѣдываніемъ назначеннаго сына боярскаго съ двумя цѣловальниками и десятью стрѣльцами, которые обязаны были перевозить всякаго, кто имѣетъ проѣзжія грамоты (4). Тамъ, гдѣ были мосты, собиралась мостовщина. Въ частныхъ имѣніяхъ владѣльцы устанавливали перевозы и собирали за нихъ деньги, а равно и мостовщину, но это не всегда позволялось. Вообще правительство хо-

---

(1) Ibid. I. 390. (2) Herberst. 81. (3) С. Г. Гр. III, 592. (4) А. И. III. 203.

тѣло оградить путешественниковъ отъ притѣсненій частныхъ владѣльцевъ. По Уложенію (1) запрещено замышлять владѣльцамъ всякаго рода сборы въ имѣніяхъ, кромѣ тѣхъ, которые съ давнихъ лѣтъ утверждены жалованными грамотами, и притомъ владѣльцы обязаны были починивать мосты и дороги въ своихъ владѣніяхъ. Запрещалось, между прочимъ, строить мельницы и класть гати на рѣкахъ, гдѣ былъ струговой ходъ (2).

ГЛАВА IV.

Зимнія дороги Россіи славились своими удобствами (3). Но мы думаемъ, что это удобство удвоивалось въ глазахъ современника отъ сравненія съ крайнимъ неудобствомъ лѣтнихъ путей: и въ настоящее время зимнія дороги у насъ не совсѣмъ удобны по причинѣ ухабовъ. Зима собирала со всѣхъ сторонъ извозчиковъ къ подрядамъ (4). Извозчики эти были крестьяне, преимущественно дворцовые и монастырскіе. Они нанимались по записямъ въ *довозъ*, то есть, обязывались доставлять товары по назначенію (5). Иные возили свои товары на ямахъ (6), но подъ этимъ именемъ вѣроятно надобно разумѣть частные ямы, то есть то, что теперь называется сдаточные. Ямщики везли въ одну упряжку по пятидесяти тогдашнихъ (семисотъ-саженныхъ) верстъ (7) въ одну лошадь.

Торговыми пунктами были посады; это слово означало въ старину то, что теперь городъ. Слово же городъ означало каменное, земляное или деревянное укрѣпленіе, гдѣ жили воеводы

(1) Гл. IX. (2) Оп. Шуи. 370. (3) Carlisle 373. Ienkins Hacl. 351. (4) Das. Gr. Reich v. Mosc. 179. (5) С. Г. Гр. II. 203. (6) Das Gr. Reich v. Mosc. (7) Сказ. о Самозв. III, Примѣч. 182.

и служилые и приказные люди, и гдѣ находились административныя и казенныя зданія. Торговыя заведенія хотя и были иногда въ тогдашнихъ городахъ, но гораздо чаще въ посадахъ. Торговыми заведеніями въ посадахъ были: гостиные дворы, ряды и дворы посадскихъ, гдѣ часто были ихъ собственныя лавки и амбары (1).

Гостиные дворы были назначены для пріѣзжихъ купцовъ и и уѣздныхъ (сельскихъ) людей съ товарами (2). Торгъ въ нихъ производился оптомъ. Во всякомъ посадѣ, гдѣ былъ торгъ, долженъ былъ находиться и гостиный дворъ (3). Открывая торгъ, правительство учреждало таможню и изъ таможенныхъ доходовъ строило гостиныя избы для пріѣзжихъ торговцевъ, и брало съ нихъ плату: *избное и полавочное* (4). Величина гостиныхъ дворовъ была различна, смотря по важности города въ торговлѣ, но вообще гостиные дворы имѣли общія черты: это были обширные дворы, обнесенные заборами, съ кровлями и съ воротами подъ навѣсомъ, съ висячими замками; на дворѣ ставилась важня т. е, вѣсы съ принадлежностями; по срединѣ двора устраивалась таможенная изба и стоялыя избы для пріѣзжихъ торговцевъ, которыя дѣлались различной величины, напримѣръ, въ три или четыре аршина шириною и длиною, и строились на омшеникахъ или погребахъ, также вѣроятно для храненія товаровъ; при избахъ были сѣни, а въ сѣняхъ чуланы. Для лошадей устраивались конскіе сараи. Собственно гостиный домъ, помѣщеніе товаровъ, было длинное зданіе, въ родѣ внутренней галереи, часто двухъ-этажной, съ отдѣленіями, которыя назывались амбары и лавки. Въ новгородскихъ гостиныхъ дворахъ было три разряда такихъ отдѣленій: 1) амбары — общія отдѣленія, которыя находились въ завѣдываніи дворниковъ гостинаго двора: тамъ могли помѣщаться нѣсколько купцовъ съ своими товарами;

---

(1) А. И. IV, 546. (2) А. А. Э. I, 399. (3) А. И. II, 58. (4) Доп. II, 110.

2) затворныя лавки: тамъ помѣщалось два или три купца по взаимному соглашенію между собою, — эти отдѣленія отличались отъ амбаровъ тѣмъ, что запирались; 3) отдѣльныя лавки, гдѣ помѣщался исключительно одинъ торговецъ съ своимъ товаромъ. Товары, помѣщенные въ амбарахъ, хранились въ коробахъ, которые прикрѣплялись къ шестамъ; по величинѣ своей коробы раздѣлялись на большіе, средніе и малые, и носили названіе по товарамъ, которые въ нихъ заключались; такимъ образомъ были коробы мѣховые, шелковые, румяненые, шапочные, красильные, женскіе (то есть, съ товарами, относящимися къ женскому убранству), суконные, и т. п. Кромѣ коробовъ, товары складывались на *носильцы*. Нѣкоторые же товары обходились безъ коробовъ и прямо вѣшались на шесты или спицы. Такимъ образомъ были, напримѣръ, сапожные шесты и сѣдельныя спицы. Громоздкіе товары, какъ-то: соль, рыба, хлѣбное зерно, шерсть, складывались въ особыхъ пристроенныхъ амбарахъ, если ихъ хозяева не нанимали затворныхъ лавокъ. Дворники гостинаго двора завѣдывали порядкомъ, собирали плату за помѣщенія и отвѣчали за цѣлость товаровъ въ амбарахъ; но въ отдѣльныхъ и затворныхъ лавкахъ купцы сами хранили свои товары и получали отъ дворниковъ замки.

Дворники собирали съ пріѣзжихъ торговцевъ за избу избное, за амбары амбарное, или амбарщину, за лавки полавочное. Въ Новгородѣ въ XVI вѣкѣ амбарщину собирали съ коробовъ, отъ семи денегъ до двухъ алтынъ за коробъ, смотря по величинѣ короба и по цѣнности товаровъ, а за громоздкіе товары по уговору, за лавку по десяти денегъ. За лавки затворныя и отдѣльныя брали отъ алтына до четырехъ съ половиною алтынъ, смотря по цѣнности и объему товаровъ. Купцы, державшіе свои товары въ амбарахъ, могли на ночь складывать ихъ въ затворной лавкѣ съ особою платою. Такіе поборы въ разныхъ городахъ были различны: напримѣръ, въ Бѣлозерскомъ гостиномъ

дворѣ въ XVI вѣкѣ брали амбарщины по четыре деньги на недѣлю [1].

Очень часто гостиные дворы, какъ и таможни, были на откупахъ у торговыхъ людей [2], а иногда откупщики брали на откупъ какую-нибудь одну вѣтвь доходовъ, напримѣръ, поворотную пошлину.

Лавки раздѣлялись на настоящія или *полныя лавки* и *полулавки*. Лавкою считалось такое помѣщеніе, которое простиралось мѣрою до двухъ саженъ, а полулавка была вдвое меньше. Впрочемъ, были лавки и большей и меньшей величины. Въ такомъ случаѣ полавочное собиралось по расчету, по мѣрѣ уклоненія отъ нормальной двухъ-саженной лавки. За полулавку платилась половина [3].

Никто изъ пріѣзжихъ торговцевъ, не владѣвшихъ въ посадѣ собственными дворами, не имѣлъ права становиться съ товарами и торговать въ посадѣ гдѣ бы то ни было, исключая гостинаго двора. Несоблюденіе этого правила наказывалось штрафомъ [4]. Впрочемъ, тѣмъ, которые привозили свои товары на судахъ и на саняхъ, или на возахъ, позволялось продавать ихъ оптомъ, не выкладывая изъ саней и не выгружая изъ судовъ, но притомъ платя дворникамъ гостинаго двора пошлину подъ названіемъ *поворотной*, которая взимаема была вообще съ отъѣзжающихъ изъ города съ товарами [5]. Это дозволеніе торговать не раскладываясь подчинялось различнымъ правиламъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, въ Каргополѣ позволялось торговать съ саней и съ возовъ и въ разницу, но съ тѣмъ, чтобъ цѣнность продаваемаго не превышала двухъ рублей, и всякій торговецъ, если не хотѣлъ торговать въ самомъ городѣ, могъ складывать свой товаръ въ частныхъ домахъ, только заплативъ

---

(1) А. А. Э. I, 222, 327. — Доп. V, 434. А. Г. Шуи. 206.
(2) С. Г. Гр. II, 90.—Доп. V, 434. (3) Доп. I, 165. (4) А. А. Э. I, 399.
(5) С. Г. Грам. II, 90 А. Г. Шуи. 206.

за то дворникамъ гостинаго двора *тепловое* ([1]). По указу 1681 года ([2]) дозволялось закупать оптомъ хлѣбъ у пріѣзжихъ съ саней и съ возовъ; сверхъ того, многіе оптовые торговцы, не принадлежавшіе къ посаду, а также и монастыри, имѣли на посадахъ свои дворы и пользовались особыми правами складывать въ нихъ свои товары и торговать ими. Впрочемъ, не смотря на свои права, они нерѣдко подвергались притѣсненіямъ отъ воеводъ, которые, желая придраться, чтобъ сорвать что нибудь, принуждали ихъ раскладываться непремѣнно на гостиныхъ дворахъ ([3]). Нерѣдко пріѣзжіе по необходимости должны были нарушать правила и не везти своихъ товаровъ на гостиные дворы, потому что эти дворы находились въ неисправномъ состояніи ([4]).

Главная мѣстная торговля производилась въ рядахъ. Въ обозрѣніи Москвы и другихъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ показаны были главнѣйшія черты этихъ торговыхъ заведеній. Почти вездѣ наблюдалось тоже разграниченіе предметовъ торговли и каждый изъ нихъ имѣлъ свой рядъ въ посадѣ. Но до 1667 года, то есть, до Новоторговаго устава, это не наблюдалось строго, ибо каждый торговецъ имѣлъ право свободно торговать у себя на дворѣ и строилъ лавку или амбаръ. Торговыя помѣщенія, какъ въ рядахъ, такъ и дворахъ ([5]), были: амбары, погреба, лавки, прилавки, полки, шалаши, веки, столы, скамьи, рундуки. Прилавокъ былъ не то, что полулавка въ гостиномъ дворѣ: такъ, напримѣръ, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ XVII вѣкѣ брали за лавку оброку одиннадцать алтынъ двѣ деньги, а за прилавокъ только десять денегъ. Стулья и скамьи стояли для мелкихъ торговцевъ между лавками и прилавками; на скамьяхъ, между прочимъ, продавали мясо. Въ шалашахъ продавались разные мелкіе, бóльшею частію, изготовленные съѣстные припасы,

---

([1]) С. Г. Гр. II, 139. ([2]) Пол. Соб. Зак. II, 327 378. ([3]) А. И. IV, 596. ([4]) А. г. Шуи. 91. ([5]) Доп. V, 434.

напримѣръ, пироги, печенка, вареное мясо, и проч., для удовлетворенія голода простолюдиновъ, собирающихся на торгахъ. Всѣ эти мелкія торговыя помѣщенія были на торгахъ или базарахъ. Со всѣхъ ихъ, какъ и съ лавокъ, собирался оброкъ посредствомъ цѣловальниковъ, которые вели счетъ полученнымъ деньгамъ и записывали приходъ въ оброчныя книги. Но иногда вмѣсто выборныхъ цѣловальниковъ этотъ оброкъ собирали служилые люди, напримѣръ, стрѣлецкіе головы, а цѣловальники были при томъ только свидѣтелями; такъ дѣлалось въ Астрахани въ XVII вѣкѣ. Этотъ оброкъ составлялъ казенный интересъ и относился въ съѣзжую избу (¹). Такъ какъ всякій самъ, имѣя на посадѣ дворъ и принадлежа къ сословію торговцевъ, могъ держать лавки и амбары въ своемъ дворѣ, то долженъ былъ платить пошлины таможенникамъ, когда отвозилъ къ себѣ купленный на торгу товаръ, но дворники гостинаго двора не имѣли права брать съ него что бы то ни было (²). Кромѣ того, многіе въ XVI вѣкѣ продавали свои товары, нося по городу и по дворамъ. Торговый уставъ 1667 года, стараясь вообще подвести торговлю подъ опредѣленныя и точныя правила, запретилъ торговать мимо *извычайныхъ* рядовъ и лавокъ: *и тѣмъ бы ряды и лавки не оскужали и лавочные люди въ убожествѣ не были бъ* (³). Однако это строго не соблюдалось, ибо при Θеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1676 году правительство подтверждало, чтобъ мелкіе торговцы не торговали въ шалашахъ и на скамьяхъ, рундукахъ и векахъ, на Красной площади въ Москвѣ, и вообще, чтобъ не было нигдѣ торговли, кромѣ рядовъ (⁴). Въ 1681 году опять подтверждалось (⁵), *чтобъ всякихъ чиновъ люди не въ указныхъ мѣстахъ не торговали и отъ*

(¹) Врем. IX. Оп. влад. въ Моск. Госуд. 35.—Доп. II, 85. (²) С. Г. Гр. 490.—П. С. З. I, 309.—А. А. Э, I, 399. (³) С. Г. Гр. IV, 204. (⁴) Пол. Соб. Зак. II, 76. (⁵) С. Г. Гр. IV, 385.

того великаго государя казнѣ напрасной потери и недобору не былобъ.

Кромѣ гостиныхъ дворовъ, частныхъ дворовъ, подворьевъ и лавокъ, внутренняя торговля происходила на ярмаркахъ и рынкахъ, которые носили въ старину названіе торговъ и торжковъ. Большое разстояніе между торговыми городами и неудобство частаго сообщенія условливали для насъ необходимость размноженія годовыхъ торжищъ, куда бы могли съѣзжаться торговцы въ опредѣленное время. Эти торжища открывались съ разрѣшенія правительства, и власть, наблюдая свои доходы, ограничивала слишкомъ большое размноженіе торговъ, стараясь соединить торжища въ нѣкоторыхъ городахъ и важнѣйшихъ селахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1537 году въ Новоторжскомъ уѣздѣ запрещена торговля въ селеніяхъ, исключая посада Новаго Торга и села Мѣдни ([1]). Также точно для поддержки Весьегонской ярмарки запрещено торговать во всемъ околодкѣ около Весьегонска ([2]). Торги были годовые, каждонедѣльные и каждодневные. Достойно замѣчанія, что большею частію торги открывались въ монастырскихъ имѣніяхъ, отчасти потому, что жители церковнаго вѣдомства, были зажиточные и не такъ стѣснены, какъ жители другихъ вѣдомствъ а во-вторыхъ, потому, что монастыри нерѣдко испрашивали ярмарочные доходы въ свою пользу на церковное строеніе, свѣчи и ладонъ, и для собственной пользы старались привлекать къ себѣ торговцевъ. Вообще съ лицами духовнаго званія было удобнѣе и легче имѣть дѣло. Такъ лучшія наши ярмарки, и въ томъ числѣ Макарьевская, возникли въ монастырскихъ имѣніяхъ и подъ монастырскимъ наблюденіемъ и управленіемъ. Вообще торжища въ древней Россіи происходили по поводу престольныхъ праздниковъ и, слѣдовательно, соединялись съ религіознымъ значеніемъ. Чѣмъ святѣе мѣсто, тѣмъ болѣе пріѣз-

---

([1]) А. А. Э. I, 163. ([2]) А. А. Э. I, 296.

жало туда людей и для благочестія и для мірскихъ выгодъ, а равно и для мірскаго веселія, потому что съ открытіемъ торжища являлись и кабаки. Подобная ярмарка, хотя не столь важная какъ другія, встрѣчается въ день Рождества Христова въ имѣніи Евфиміевскаго монастыря, селѣ Ковровѣ (нынѣшнемъ городѣ Владимірской губерніи). Въ 1641 году она была отдана отъ казны на откупъ, а потомъ передана въ распоряженіе монастыря (1). Въ вотчинѣ Николаевскаго монастыря, въ уѣздѣ Бѣжецко-Верхскомъ (2), былъ торжокъ, отданный монастырю; въ городѣ Торжкѣ на посадѣ торгъ былъ въ распоряженіи Спасо-Прилуцкаго-монастыря (3).

При открытіи каждонедѣльнаго торга или рынка, правительство брало во вниманіе челобитную жителей и положеніе мѣста; особенно степень его отдаленности отъ другаго торга (4). Иногда разстояніе пятнадцати верстъ отъ рынка признавалось достаточнымъ для заведенія новаго (5). Для торга назначался какой-нибудь недѣльный день. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Грязловецкомъ Вологодскаго уѣзда, принадлежавшемъ Введенскому монастырю, былъ торгъ по понедѣльникамъ (6). Въ селѣ Борисоглѣбскомъ, принадлежавшемъ Троицкому монастырю, былъ торгъ по пятницамъ (7). Въ одной изъ вотчинъ Ярославскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря былъ торгъ по субботамъ (8). Въ большихъ городахъ были каждодневные рынки (9). Въ небольшихъ селахъ отправлялись торжки, гдѣ продавались съѣстные припасы и потребности крестьянскаго быта, обыкновенно по воскресеньямъ: эта торговля подчинялась однимъ общимъ правиламъ о сборѣ пошлинъ. Въ концѣ XVII вѣка, именно въ 1682 году, правительство воспретило торговать по воскресеньямъ и установило: когда случится время торга въ воскресенье,

---

(1) А. А. Э. III, 445. (2) А. А. Э, III, 443. (3) А. А. Э. II, 275. (4) А. А. Э. I, 443. (5) А. А. Э. I, 452 (6) П. С. З. II, 88. (7) А. А. Э. II, 64. (8) А. А. Э. I, 414. (9) А.А. Э. I, 432.

отлагать его на другой день (1). Случалось, что цари уступали доходы съ торговъ и частнымъ лицамъ, какъ напримѣръ, при Θеодорѣ Іоанновичѣ торги въ селахъ Чаропдѣ и Коротковѣ уступлены Борису Годунову. Монастырскія начальства и частныя лица, получавшія права сбора торговыхъ доходовъ, нерѣдко отдавали ихъ на откупъ своимъ крестьянамъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ волостяхъ Спасо-Прилуцкаго монастыря (2). Гостиный дворъ, важня, ряды и вся операція вѣса и сбора были въ распоряженіи владѣльцевъ торга, такъ что не допускались даже работники или извозчики не изъ крестьянъ того вѣдомства, которому принадлежитъ торгъ. Такъ въ XVII вѣкѣ въ Торжкѣ, гдѣ торгъ на посадѣ, какъ выше сказано, былъ отданъ Спасо-Прилуцкому монастырю, не позволялось подряжаться въ извозъ и быть у вѣсовъ никому, кромѣ крестьянъ этого монастыря (3). Тамъ, гдѣ надзоръ за торгами и торговые сборы были въ распоряженіи казны, назначались или выбирались таможенные чиновники и получали уставную грамоту, которая опредѣляла какъ сборъ пошлинъ, такъ равно и порядокъ торга (4). Но часто казенные доходы съ торга отдавались на откупъ (5).

По свидѣтельству иностранцевъ, русскіе отъ большихъ до малыхъ чрезвычайно любили торговлю (6). Европейцы, бывавшіе у насъ послами, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица безъ изъятія, и сами посланники, отправляемые къ иностраннымъ дворамъ, занимаются торговлею. Русскіе сановники, говоритъ Мейербергъ (7), продаютъ, покупаютъ и мѣняютъ, не замѣчая, что унижаютъ этимъ свое достоинство. Но многое, что было для европейцевъ униженіемъ, не имѣло тогда того же значенія для русскихъ. Такимъ образомъ и русскіе монастыри

(1) Пол. Соб. Зак. II, 445. (2) А. А. Э. II, 64. (3) А. А. Э. II, 275. (4) А. А. Э. I, 432. (5) А. А. Э. I, 414, 432. — Доп. V, 382. (6) Кильбург. 11. (7) Mejerberg 165.

не только не считали предосудительнымъ участвовать въ торговыхъ оборотахъ, но значительная часть внутренней торговли Россіи въ XVI вѣкѣ была въ ихъ рукахъ, какъ это доказываютъ ярмарки. Многіе изъ монастырей пользовались правами безпошлинной торговли до извѣстной степени. Въ особенности торговля солью находилась въ распоряженіи монастырей. Троицкій монастырь въ XVI вѣкѣ получилъ отъ Іоанна IV привилегію торговать безпошлинно солью и разными товарами ([1]). При Михаилѣ Θеодоровичѣ этотъ монастырь каждогодно посылалъ за солью въ Астрахань. Судно имѣло право, сверхъ безпошлинной пропорціи, брать неопредѣленное количество соли для торговли, но съ платою пошлинъ ([2]). Соловецкій монастырь, владѣвшій соляными промыслами, имѣлъ право продавать безпошлинно до 130,000 пудовъ соли ([3]). Свіяжскій богородскій монастырь могъ ежегодно нагружать 20,000 пудовъ соли въ Астрахани на собственное судно и продавать ее или мѣнять на товары, нужные для монастырскаго обихода. При Михаилѣ Θеодоровичѣ количество это увеличено до 30,000, соль эта продавалась или промѣнивалась въ Казани, Нижнемъ, Москвѣ, и въ замѣнъ монастырь получалъ за нее хлѣбъ, масло, медъ, сукна, мѣха, овчины лошадей, скотъ безпошлинно ([4]). Такія же привилегіи на извѣстныя количества имѣли монастыри Кирилловскій, Архангельскій, Каргопольскій, Симоновъ, Спасо-Прилуцкій (5). Многіе имѣли право вести безпошлинную оптовую торговлю извѣстнымъ количествомъ хлѣба, рыбы, масла, скота и покупать фабричныя произведенія на монастырскій обиходъ ([6]); если же покупали на продажу въ количествѣ, превышавшемъ дозволенное для безпошлинной торговли, то платили обычныя пошлины ([7]). Но иногда количество груза для безпошлинной торговли не ограничивалось, напримѣръ,

---

([1]) А. А. Э. I, 381 ([2]) А. И, III, 272. ([3]) А. А. Э. III, 426. ([4]) А. А. Э. III, 119. ([5]) А. А. Э. I, 209.—А. А. Э. III, 427.—А. И. III, 185, 375, 76. А. И. IV, 75. ([6]) А. А. Э. III, 120. (7) Пол. Соб. Зак. II, 212.

для Иверскаго монастыря на Валдаѣ-озерѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ ([1]). Монастырскою торговлею занимались старцы, которымъ поручаемо было это занятіе, купчины, то есть коммиссіонеры, и монастырскіе слуги ([2]). Во многихъ городахъ и въ разныхъ пунктахъ торговой дѣятельности, напримѣръ, на волокахъ, монастыри имѣли свои подворья, которыя въ торговомъ отношеніи пользовались разными льготами, напримѣръ, свободою отъ сбора повинностей, лежавшихъ вообще на дворахъ ([3]). Подобныя подворья бывали иногда очень обширны, какъ напримѣръ, монастырскій дворъ въ Вологдѣ имѣлъ шестьдесятъ саженъ въ длину и восемь поперегъ, и эта обширность свидѣтельствовала о большомъ размѣрѣ торговли. Монахи XVI и XVII вѣковъ занимались повсюду торговлею хлѣбомъ, скотомъ и другими произведеніями монастырскихъ имѣній ([4]). Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ занимались разными ремеслами и продавали свои произведенія, какъ, напримѣръ, въ Ферапонтовскомъ монастырѣ близь Каргополя корельчатыя ложки съ костьми, бывшія въ употребленіи на Руси ([5]). Съ 1667 года, когда сдѣланы большія преобразованія въ торговлѣ, запрещено было монахамъ и монахинямъ торговать, кромѣ произведеній своего рукодѣлья и то съ разрѣшенія игумена и игуменьи ([6]). Но это не относилось къ праву торговли произведеніями монастырскихъ имѣній. При Алексѣѣ Михайловичѣ правительство уклонялось отъ дарованія правъ безпошлинной торговли монастырямъ, какъ это видно изъ отвѣта Тихвинскому монастырю, просившему о безпошлинной покупкѣ желѣза въ Швеціи: правительство дозволило покупать желѣзо, но съ платежемъ пошлинъ по торговому уставу ([7]). Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ 1677 году уничтожилъ тарханныя грамоты, даваемыя монастырямъ на безпошлинную тор-

---

([1]) Пол. Соб. Зак. I, 337 ([2]) А. А. Э. I, 405. ([3]) А. А. Э. I, 429. ([4]) Коллинсъ 9. ([5]) Расх. Кн. Ник, Врем. XIII, 55. ([6]) П. С. З. I, 699—701. ([7]) Доп. V, 409.

говлю, но между тѣмъ все еще были незначительныя исключенія, напримѣръ, Вяжицкому Николаевскому монастырю въ томъ же 1677 году дано право на безпошлинную покупку для монастыря на 480 р., а продать онъ могъ только на 100 р. (1).

Собственно торговые люди, т. е. исключительно торговое состояніе, были: гости, сотни — гостиная, суконная и черныя въ Москвѣ и посадскіе люди въ городахъ. Сословіе гостей, очень древнее, пользовалось еще въ X вѣкѣ важными правами, какъ это видно изъ Игорева Договора (2). Въ XV вѣкѣ гости и гостиная сотня составляли одно сословіе, какъ видно изъ акта подъ 1433 годомъ, гдѣ между первоклассными торговыми людьми поставлены *гости* и *суконники* (3). Впослѣдствіи почетнѣйшіе — лучшіе, по старинному выраженію, люди гостиной сотни получали жалованныя грамоты, которыя давались не сословію, но лицу (4). Они образовали уже какъ бы нѣсколько отличное отъ другихъ членовъ гостиной сотни сословіе. Въ ихъ жалованныхъ грамотахъ дозволялось имъ ѣздить въ пограничныя государства, находящіяся въ мирныхъ отношеніяхъ съ Россіею и торговать разными товарами, исключая заповѣдныхъ; гость и его дѣти, братья, племянники, жившіе съ нимъ не въ раздѣлѣ, освобождались отъ суда и расправы воеводъ и дьяковъ и судились въ опредѣленномъ Приказѣ, — при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Приказѣ Большой Казны,—имѣли право не цаловать креста сами, если это имъ нужно было по судебному дѣлу, но посылали вмѣсто себя своихъ людей, могли держать для дома *безъявочно* и *безъвыимочно* всякое питье, освобождались отъ всякихъ поборовъ во время пути по рѣкамъ и дорогамъ, отъ мытъ, перевозовъ, головщины и тому подобнаго; отъ лежащихъ на торговыхъ посадскихъ людяхъ обязанностей мостить мосты, давать суда и запасы, ставить подводы на ямахъ для казенной надоб-

---

(1) **А. И. V, 29.—П. С. З. II, 212.** (2) **П. С. Рус. Лѣт. I, 29—33.** (3) **С. Г. Гр. I, 104.** (4) **Коших. 29. Доп. IV, 149.**

ности, отъ выбора въ службу въ гостиной сотнѣ, имѣли право топить бани и держать во всякое время въ домѣ огонь; могли покупать вотчины; дворы ихъ освобождались отъ тягла, дачи подмоги на земскій дворъ, отъ постоевъ и всякихъ тяглыхъ повинностей ([1]) Торговые люди гостиной сотни пользовались въ царствованіе Грознаго, Өеодора, Бориса и Шуйскаго почти такими же правами. Михаилъ Өеодоровичъ подтвердилъ эти права въ награду за терпѣніе и вѣрность, оказанную въ смутное время ([2]). Но права торговцевъ гостиной сотни отличались отъ правъ гостей тѣмъ, что послѣдніе могли свободно ѣздить за границу и покупать вотчины, а на гостинносотенныхъ торговыхъ людей эти права не простирались ([3]), сверхъ того, члены гостиной сотни по обязанности и по очереди были выбираемы въ должности, а гости освобождались отъ выбора товарищами, но назначались по особому царскому распоряженію ([4]). Впрочемъ, что касается до покупки вотчинъ, то въ 1666 году и гостямъ запрещено покупать вотчины безъ особыхъ подписныхъ челобитныхъ, то есть безъ особаго разрѣшенія, послѣдовавшаго на ихъ челобитную ([5]). То же подтверждено и въ 1679 году ([6]).

Имѣли ли подобныя права, и если имѣли, то въ какой степени, члены суконной сотни,—объ этомъ нѣтъ ясныхъ свѣдѣній, кромѣ того, что и они, какъ члены гостиной сотни, могли держать питье безвымочно и безъявочно ([7]). Какъ торговцы гостиной, такъ и суконной сотни, могли покупать на свой обиходъ безпошлинно съѣстныхъ припасовъ на 60 руб., *по человѣку смотря* ([8]).

Нравственное различіе между этими отдѣлами высшаго русскаго купечества — гостьми, торговцами гостиной и суконной сотни, состояло въ чести, которою отличалось каждое сословіе

([1]) Доп. IV, 150— П. С. З. II, 221—224.—А. И. V, 68. ([2]) А. И. V, 67. Доп. III, 151. ([3]) Коших. 111. ([4]) А. И. V, 68. ([5]) П. С. З. I, 640. ([6]) П. С. З. II, 210. ([7]) Коших. 111. ([8]) С. Г. Гр. IV, 195.

по выбору своихъ членовъ въ болѣе или менѣе важныя должности, и по величинѣ суммы, слѣдующей за безчестье, нанесенное торговцу, которая была различна не только для сотенъ, но и для подраздѣленій каждой сотни; ибо всякая сотня, какъ и всякое сословіе въ Россіи, раздѣлялась на *лучшихъ*, *среднихъ и меньшихъ* членовъ (¹). Они различались по службѣ тѣмъ, что гостямъ поручаемы были самыя высшія торговыя и финансовыя должности, а торговые люди гостиной сотни были у нихъ товарищами; суконники выбирались въ должности, меньшія въ сравненіи съ тѣми, въ которыя выбирались торговцы гостиные; напримѣръ, гости назначались таможенными головами, гостинники у нихъ старшими, а суконники меньшими цѣловальниками (²); или же торговецъ гостиной сотни выбирался головою, а суконники у него товарищами. Сверхъ того, гостей посылали головами въ самые важнѣйшіе торговые города, а гостинники выбирались во второстепенные. Бывали случаи, что гости были возводимы въ санъ думныхъ дьяковъ (³) и, вѣроятно, изъ этого при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1649 году возникъ между гостьми и дьяками споръ о первенствѣ: этотъ споръ продолжался десять лѣтъ, и окончился, однако, тѣмъ, что дьяки признаны выше гостей (⁴).

Гости, а иногда и торговцы гостиной сотни, смотря по важности порученій, надзирали надъ пристанями, надъ рыбными и соляными промыслами; имъ поручали покупать для царской казны товары и запасы и производить отъ казны торговыя операціи (⁵). Государь поручалъ имъ заключать подряды съ иноземцами (⁶). Лица высшаго купечества были призываемы царемъ на совѣтъ; они подавали разные финансовые проекты, какъ напримѣръ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ гость Веневитиновъ подалъ проектъ брать съ Мордвы деньгами, вмѣ-

(¹) Улож. гл. X, § 94.—Доп. III. 151. (²) Коших. 111. (³) Коших. 18. (⁴) П. С. З. I, 484. (⁵) А. И. V, 68. (⁶) С. Г. Гр. IV, 203,

сто запасовъ ([1]). За подобныя-то услуги они получали особенныя жалованныя грамоты. Случалось, что иноземцы были возводимы въ санъ гостей за услуги русскому царю; напримѣръ, въ 1660 году, братья Бернардамъ, голландцы, пожалованы титуломъ гостей ([2]). Право на возвышеніе предъ глазами правительства представлялъ размѣръ капитала, на который торговцы совершали свои обороты. Такимъ образомъ, гости торговали суммою отъ 20,000 до 100,000, что́ составляло въ тотъ вѣкъ большія деньги ([3]).

Какъ гости, такъ и торговцы гостиной и суконной сотни, имѣли своихъ головъ и старшинъ ([4]). Сотни составляли корпораціи, обязанныя повинностями, относящимися до городскаго порядка, а главное, до выборовъ въ должности. Поэтому сотни выбирали изъ своихъ членовъ служилыхъ на очередь и, когда приходила надобность, стоявшій на очереди долженъ былъ принимать должность, въ которую предназначался.

Число членовъ въ сословіяхъ высшаго купечества вообще не было значительно. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ число торговцевъ гостиной сотни въ Москвѣ было 350, суконной 250, но въ смутное время сотни пришли въ упадокъ, такъ что надобно было наполнять ихъ. Въ 1649 г. гостей было 13 человѣкъ, гостиной сотни 158, суконной 116. Нѣсколько позже, по извѣстію Кошихина, число гостей простиралось до 30, а людей гостиной и суконной сотни около 200 человѣкъ въ каждой. Впрочемъ, корпораціи ихъ заключали гораздо болѣе лицъ, которыя пользовались вообще правами сословія. Въ приведенныхъ числахъ означаются только хозяева, а привилегіи и права, данныя хозяину, простирались не только на его родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, но и на прикащиковъ ([5]).

([1]) А. И. V, 68. ([2]) С. Г. Гр. 81. ([3]) Коших. 111. ([4]) Кильбур. 256. ([5]) А. А. Э. I, 115.—А. А. Э. II, 116.—А. И. III, 118.—Доп. III, 153—160.—Коших. 111.

Гостиная и суконная сотни были пополняемы изъ черныхъ сотенъ и посадскихъ людей, изъ лучшихъ между ними, т. е. такихъ, которыхъ торговыя занятія по своему размѣру поставляли выше ихъ собратій. Для этого нужно было согласіе сотенъ. Когда правительство повелѣвало пополнить сотню, члены ея сами выбирали новыхъ членовъ изъ черныхъ сотенъ, слободъ и посадовъ. Часто, по этому поводу, происходили споры, потому что черныя сотни и посады старались удержать у себя въ общинѣ тѣхъ, которые побогаче, чтобъ повинность, которая прежде падала на послѣднихъ, не падала теперь исключительно на остальныхъ: повинности не уменьшались отъ уменьшенія членовъ общины. Намъ неизвѣстны примѣры перехода изъ суконной сотни въ гостиную, но часто, какъ въ ту, такъ и другую, брали изъ однихъ и тѣхъ же низшихъ торговыхъ сословій (1). Въ 1647 году постановлено, чтобъ тѣ, которые взяты изъ городовъ въ московскія сотни, служили выборную службу въ тѣхъ городахъ, гдѣ находились прежде, и, какъ видно, въ то время не было взято новичковъ для московскихъ сотенъ изъ Архангельска, Астрахани и Казани, потому что въ эти города на службу посылались обыкновенно природные москвичи (2). Такой переходъ почитался честью, но не всегда подобная честь была пріятна тѣмъ, которымъ оказывалась. Такимъ образомъ въ 1654 году гороховцы, назначенные въ гостиную сотню, били челомъ, чтобъ ихъ не брали, отговариваясь недавнимъ раззореніемъ отъ пожара, и при этомъ заплатили взятку воеводѣ и дьяку (3). Торговые люди, переходя въ высшія сотни, должны были жить въ Москвѣ, продать свои тяглые дворы на прежнихъ мѣстахъ и оставить прежніе промыслы, съ которыми свыклись, или же, въ противномъ случаѣ, платить двойное тягло въ Москвѣ и городахъ (4). Притомъ же они знали, что, по переходѣ въ Москву, ихъ выбе-

(1) Доп. III. 153, (2) А. А. Э. IV, 42. (3) П. С. З. I, 332. (4) Улож. гл. XIX, § 34.

рутъ въ должности и оторвутъ отъ обычныхъ торговыхъ и промышленныхъ занятій.

Вообще высшія купеческія сословія не пользовались расположеніемъ нисшихъ, гости были въ особенности нетерпимы и торговцами и народомъ. Въ случаѣ какого-нибудь смятенія, гостямъ первымъ сломятъ головы, замѣчаетъ во второй половинѣ XVII вѣка голландецъ (1). Назначаемые въ разныя должности по посадамъ, они утѣсняли мѣстныхъ торговцевъ (2). Разсѣявшись по всѣмъ предѣламъ государства, ихъ прикащики дѣлали вездѣ закупы и, пользуясь льготами, предоставленными хозяевамъ, подрывали второстепенныхъ купцовъ (3). Приближенные къ царю, гости умѣли сочетать интересы казны съ собственными выгодами, и подавали проекты монополій, которыя были стѣснительны для нисшихъ торговцевъ и обременительны для народа, а полезны только для собственнаго кармана гостей (4). При Алексѣѣ Михайловичѣ въ особенности высшее московское купечество возвышалось въ своемъ значеніи. Новоторговый уставъ 1667 года былъ преимущественно его дѣломъ. Онъ показываетъ стремленіе высшаго купечества умножать свои выгоды, обогащая царскую казну.

Нисшіе слои торговаго класса въ Москвѣ были черныя сотни и слободы, въ городахъ посадкіе и слободскіе люди. По смыслу закона, они имѣли равныя права (5). Вмѣстѣ съ торговцами сюда входили ремесленники и промышленники; впрочемъ, въ самыхъ посадахъ нерѣдко послѣдніе составляли отдѣльныя корпораціи. Также въ Переяславлѣ Залѣскомъ были оброчники, между которыми числились разные ремесленники: сапожники, купцы, хлѣбники; они получали отъ царя Іоанна Васильевича несудимыя грамоты и, составляя часть посадской общины, въ то же время были отдѣльными обществами.

---

(1) Кильбург. 156. (2) Доп. III, 240. (3) Мејегъ. 165. (4) Кильбур. 156—158. (5) Улож. гл. X § 94.

Посадскіе и слобожане носили вообще названіе людей, съ прибавленіемъ эпитета: посадскіе или черныхъ сотенъ, или такой-то слободы, для отличія отъ сельскихъ, носившихъ названіе крестьянъ (1).

Число московскихъ черныхъ сотенъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ простиралось до десяти; въ указѣ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсѣ (2), для взвѣски хлѣбовъ и калачей, велѣно было изъ каждой сотни выбрать по одному цѣловальнику и, вслѣдствіе этого, приходилось выбрать десять цѣловальниковъ. Кромѣ сотенъ, были еще полусотни, что видно, между прочимъ, изъ того же указа: *черныхъ сотенъ устюжскія полусотни* (3). Въ числѣ полусотенъ была мясничная, которой названіе указываетъ на ея занятія. Названія другихъ сотенъ давались по мѣстности, гдѣ онѣ жили въ частяхъ города, напримѣръ, дмитровская, срѣтенская, покровская, ордынская; а нѣкоторыя носили названіе другихъ городовъ, напримѣръ: новгородская, устюжская полусотня. Это указываетъ на то, что онѣ первоначально переведены изъ этихъ городовъ (4)

Каждая сотня составляла одну цѣлую общину, такъ что самое мѣсто, гдѣ она была поселена, соединялось съ понятіемъ о ея повинностяхъ. Сдѣлка, заключенная однимъ изъ членовъ сотни, часто падала на цѣлую общину. Такъ, многіе члены черныхъ сотенъ закладывали свои мѣста нетяглымъ или бѣломѣстцамъ, т. е., непринадлежавшимъ къ общинѣ, и кредиторы взыскивали свой долгъ съ цѣлой сотни. По этому поводу при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ запрещено продавать или закладывать тяглыя мѣста, принадлежавшія не лицамъ, но общинамъ (5). То же подтверждалось въ 1649 году (6). Обязанности черныхъ сотенъ были тѣ же, какъ и въ другихъ городахъ, съ тою разницею, что Москвою правительство занималось болѣе, чѣмъ другими городами, а по-

---

(1) А. А. Э. II. 61. (2) Врем. IV, 12. (3) Вр. IV. 30. (4) С. Г. Гр. III, 380. (5) А. И. III, 96. (6) А. А. Э. IV, 51.

тому на черныхъ сотняхъ лежали болѣе сложныя повинности въ отношеніи городскаго благоустройства, какъ-то: мощеніе улицъ, содержаніе разнаго рода лицъ, которымъ отводились квартиры и которыхъ въ Москвѣ было всегда больше, чѣмъ въ другихъ городахъ ([1]). Онѣ давали каждогодно сто-сорокъ-пять цѣловальниковъ на земскій дворъ, обязаны были содержать земскихъ ярыжекъ, стоявшихъ на земскомъ дворѣ съ лошадьми на случай пожара ([2]), и платить имъ жалованье. Сверхъ того, черносотенные люди были выбираемы въ разныя должности и исправляли различныя казенныя порученія ([3]). Кромѣ черныхъ сотенъ и полусотенъ, около Москвы были слободы, изъ которыхъ нѣкоторыя составляли собственно служилыя общины, какъ напримѣръ, стрѣлецкая, пушкарская, но иныя были населены торговцами и промышленниками, и составляли общины съ такимъ же управленіемъ и повинностями, какъ и сотни. Такова была, между прочимъ, слобода Кадашевка, состоявшая изъ двухъ тысячъ дворовъ, гдѣ жители занимались дѣланіемъ холста, имѣли свои лавки и промышленныя заведенія ([4]).

Черныя сотни и слободы раздѣлялись на десятки и имѣли выборныхъ начальниковъ—сотскихъ и десятскихъ. Во второй половинѣ XVII вѣка упоминается объ административномъ мѣстѣ, называемомъ сотенною палатою, гдѣ сидѣли выборные совѣтники, называемые старостами ([5]).

Посады, населенные торговцами и промышленниками, составляли общины—міръ. Земля подъ посадами и около нихъ, принадлежавшая посаду по праву, была достояніемъ цѣлой общины, и никакъ не лицъ ([6]). Основная связь, соединявшая общину, состояла, какъ и въ черныхъ сотняхъ, въ тяглѣ, т. е. платѣ съ мѣста и съ промысловъ. Раскладка такой платы зависѣла отъ общины и всѣ поборы налагались міромъ. Всякій, какого бы

([1]) А. И. III. 104. ([2]) С. Г. Гр. III. 397. ([3]) Коших. III. ([4]) Коших. 84. ([5]) С. Г. Гр. IV. 351. ([6]) Оп. Гор. Шуи. 309.

онъ званія ни былъ, поселившись на тягломъ мѣстѣ, обязанъ былъ нести тягло и самыя духовныя лица не освобождались отъ него ([1]). Отъ поселенія на тяглой землѣ зависѣло участіе въ дѣлахъ и повинностяхъ общины ([2]). Вообще, поборы были съ мѣстъ, такъ что правительству въ отношеніи финансовъ нужно было знать только мѣста на посадѣ, посадъ обязанъ былъ платить и за пустыя мѣста какъ и за жилыя, коль скоро они значились въ писцовыхъ или дозорныхъ книгахъ ([3]). Въ 1649 г. запрещалось посадскимъ продавать и закладывать свои дворы, погреба, варницы и вообще всякія промышленныя и торговыя заведенія, подъ опасеніемъ кнута ([4]).

Повинности, которымъ подвергались посады, были тѣ, отъ которыхъ освобождались гости ([5]). Нѣкоторые изъ посадскихъ въ знакъ особой милости, пользовались иногда какими-нибудь особыми привилегіями, напримѣръ, въ Псковѣ ([6]). Инымъ посадскимъ правительство давало право держать *безвыимочно* питье въ разные торжественные случаи, напримѣръ, во время свадебъ и крестинъ, но съ явкою таможенному головѣ и съ платежемъ опредѣленной за то суммы ([7]). Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Угличѣ, такое право давалось на большіе праздники ([8]). Вообще же такія права жаловались только лучшимъ и середнимъ посадскимъ людямъ, а не худшимъ или молодчимъ ([9]).

Связь общины не ограничивалась однимъ тягломъ и повинностями, но имѣла и нравственное значеніе. Община посадскихъ считала себя въ правѣ заступаться за своего члена, какъ бы за цѣлую общину, и всякая обида, нанесенная посадскому, касалась всего міра. Челобитная подавалась отъ лица всей общи-

---

(1) А. А. Э. IV. 71. (2) А. А. Э, III. 16. (3) О. Г. Шуи, 74. (4) А. И. IV. 63. (5) См. выше. (6) А. А. Э. 1, 323. (7) А. А. Э. III, 211. (8) А. А. Э. IV, 90. (9) А. А. Э. III. 191.

ны міромъ [1]. Равномѣрно, въ случаѣ дурнаго поведенія члена, община дѣлала распоряженіе о высылкѣ его изъ посада, хотя при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ видно, посады уже не самовольно изгоняли своихъ членовъ, а должны были подавать о томъ челобитныя [2]. По мѣрѣ большаго или меньшаго объема независимости въ выборномъ порядкѣ, была сильнѣе или слабѣе нравственная связь посадской общины.

Посады раздѣлялись на сотни и десятки. Это дѣленіе обществъ торговыхъ людей было стариннымъ обычаемъ. Въ Новѣгородѣ въ старину торговецъ долженъ былъ быть записанъ непремѣнно въ сотню, какъ крестьянинъ—смердъ—въ погостъ: «кто купецъ, поидетъ въ свое сто, а смердъ поидетъ въ свой погостъ» [3]. Выборныя лица, наблюдавшія за порядкомъ въ посадахъ, назывались сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе [4]; обязанность ихъ была смотрѣть за благочиніемъ и предупрежденіемъ преступленій. Число ихъ было неравно, смотря по величинѣ и населенности посадовъ, или по болѣе и менѣе спокойному состоянію края. Такимъ образомъ, если увеличивалось число уголовныхъ преступленій, то увеличивалось число выборныхъ полицейскихъ чиновниковъ посада [5]. При Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ посады имѣли свои выборныя управленія и свой судъ независимый отъ воеводъ и приказныхъ людей, и такимъ образомъ, составляли муниципальныя корпораціи, но въ XVII вѣкѣ этотъ порядокъ началъ измѣняться. Хотя на земскомъ соборѣ 1642 года торговые люди осмѣлились припомнить, что при прежнихъ государяхъ посадскіе торговые люди управлялись и судились сами собою и приписывали этому прежнее цвѣтущее состояніе посадовъ, но уже не домогались явно возстановленія прежняго порядка [6].

---

(1) А. Г. Шуи, 138. (2) Оп. Г. Шуи, 455. (3) С. Г. Гр. I. 8. 12. 20. 28. (4) А. И. IV, 312. (5) Оп. Г. Шуи, 225. 335. (6) С. Г. III, 395.

Впрочемъ, по наружности эта выборная власть существовала еще и въ XVII вѣкѣ и сосредоточивалась въ земской избѣ. Тамъ засѣдали земскій староста, ларечный цѣловальникъ—блюститель общинной казны, и земскіе цѣловальники. Они составляли правленіе посада, завѣдывали сборомъ податей, собирали міръ или посадское собраніе и хранили казну (1). Эти земскіе старосты, а вмѣстѣ съ ними и цѣловальники, выбирались на одинъ годъ, съ 1 сентября по 1 сентября, и по окончаніи службы, сдавали дѣла и деньги другимъ, послѣ нихъ выбраннымъ (2). Обыкновенно въ посадѣ былъ одинъ только земскій староста, но въ Новѣгородѣ по числу концовъ города было ихъ пять и они назывались пятиконецкими старостами (3), а при каждомъ были выборные цѣловальники. Сверхъ того, въ Новѣгородѣ были еще улицкіе старосты, собиравшіе дани и распредѣлявшіе повинности по дворамъ (4). Всѣ челобитныя, равно какъ и всѣ приговоры, писались и составлялись отъ имени этихъ выборныхъ правителей и отъ лица всей общины, выбравшей ихъ (5). Но кромѣ земскихъ старостъ, были еще въ нѣкоторыхъ посадахъ излюбленные судьи, которыхъ кругъ юридической дѣятельности былъ обширнѣе, ибо они имѣли право уголовнаго слѣдствія и суда вмѣстѣ съ губными старостами, такъ что составляли совѣтъ у губныхъ старостъ (6). Объемъ ихъ власти и судебнаго дѣйствія былъ въ разныхъ городахъ различенъ; напримѣръ, въ одномъ они разбирали и уголовныя дѣла, но въ другихъ судейская ихъ дѣятельность касалась только разбирательства ссоръ между посадскими объ имуществахъ и оскорбленіяхъ, а уголовныя дѣла не подлежали ихъ сужденію. Въ городахъ, гдѣ являются излюбленные судьи, не видно земскихъ старостъ, но остается одна полицейская власть сотскихъ, пятидесятскихъ и

---

(1) Опис. Шуи, 315—318. (2) С. Гос. Гр. III, 149. (3) Доп. II, 78. (4) Доп, I. 134. (5) Оп. Шуи. 318. (6) А. А. Э. III, 73.

десятскихъ ([1]), Эти излюбленные судьи собирали вмѣстѣ съ тѣмъ и доходы казны. Для сбора торговыхъ доходовъ выбирались таможенные головы и цѣловальники, составлявшіе таможенное управленіе, иногда же этихъ таможенниковъ въ посады правительство назначало само ([2]). Вообще права посадскихъ въ отношеніи ихъ управы и суда чрезвычайно сбивчивы, представляютъ въ разныхъ мѣстахъ различные оттѣнки и измѣненія, и эта сбивчивость замѣтнѣе въ XVII вѣкѣ, когда цари утверждали грамоты своихъ предшественниковъ, часто противорѣчащія одна другой. Напримѣръ, царь Іоаннъ Васильевичъ далъ Устюжнѣ Желѣзнопольской грамоту, по которой судъ предоставлялся волостелю и при немъ выборнымъ отъ посада лицамъ ([3]), а въ другой своей грамотѣ, писанной уже послѣ отмѣны суда волостелей, отдалъ судъ въ посадѣ излюбленнымъ судьямъ, которые въ уголовныхъ дѣлахъ находились какъ бы свидѣтелями при губныхъ старостахъ ([4]). Михаилъ Ѳеодоровичъ утвердилъ обѣ эти грамоты ([5]). Впрочемъ, не смотря ни на грамоты, ни на внѣшнее подобіе свободнаго выбора управленія, торговые посадскіе люди на дѣлѣ оставались во власти воеводъ, а ихъ земскіе старосты и цѣловальники были не болѣе, какъ сборщики податей и зависѣли отъ произвола воеводъ и приказныхъ.

Издавна посадскіе люди составляли отдѣльное сословіе; издавна считалось необходимымъ поддерживать общинное единство и потому никто не долженъ былъ жить въ посадѣ, не будучи записанъ въ тягло, которое несли торговые люди. Въ 1553 году въ Новѣгородѣ священники жаловались, что улицкіе старосты брали съ нихъ двойныя дани, за то, что они поселены на тяглой землѣ, и правительство, по такой просьбѣ, повелѣло ихъ перенести на бѣлыя (нетяглыя) мѣста ([6]), но не сочло неспра—

([1]) А. А. Э. II, 118. ([2]) А. А. Э. III, 216, ([3]) А. А. Э. III, 76—78. ([4]) А. А. Э. III, 73—76. ([5]) А. А. Э, III, 73—74. ([6]) Доп. I, 134.

ведливымъ, что старосты повышали на нихъ дань; потому что посады имѣли право повышать и понижать раскладку поборовъ по своему усмотрѣнію. Послѣ смутнаго времени, эта замкнутость посадской общины начала нарушаться. Многіе посадскіе выходили самовольно изъ посада и закладывались въ крестьяне или холопи, а между тѣмъ община должна была отбывать тягло за ихъ пустыя мѣста; равномѣрно многіе, не принадлежавшіе къ посадскому сословію, селились на посадскихъ мѣстахъ и занимались торговлею и промыслами. Къ такимъ лицамъ принадлежали служилые люди, стрѣльцы, козаки, пушкари, крестьяне патріаршіе властелинскіе, монастырскіе, люди и крестьяне помѣщиковъ и вотчинниковъ, подъячіе, священническія и церковно-служительскія дѣти, пономари и вообще люди не тяглые, извѣстные подъ общимъ именемъ гулящихъ. Они заводили въ посадахъ лавки, погреба, амбары и торговли, не отбывая никакого тягла, ни повинностей. Другіе жили въ посадѣ подъ видомъ прикащиковъ посадскихъ людей, дѣлились съ своими мнимыми хозяевами, а въ самомъ дѣлѣ торговали отъ себя. Пользуясь этимъ, многіе посадскіе записывались въ служилые для вида и продолжали торговать на прежнемъ мѣстѣ, убѣгая повинностей общины подъ тѣмъ предлогомъ, что они болѣе не посадскіе, а служилые. Такимъ образомъ вся тягость повинностей лежала исключительно на остальныхъ, записанныхъ въ тягло, а изъ нихъ также многіе начинали идти по слѣдамъ товарищей: выписывались изъ тягла въ служилые или же разбѣгались съ своихъ мѣстъ (1). Это неоднократно возбуждало ропотъ; правительство же теряло свои доходы и потому при Алексѣѣ Михайловичѣ принялось за уничтоженіе такихъ злоупотребленій. Сначала въ Псковѣ, потомъ въ Новѣгородѣ, сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ, живущіе на посадскихъ тяглыхъ мѣстахъ, несли тягло, давали поборы, были из-

---

(1) А. А. Э. IV, 37. Пол. Соб. Зак. I, 235. А. А. Э. IV, 52. *Улож. Гл.* XIX. А. Ис. IV, 65. *Доп.* IV, 339.

бираемы въ службу, чтобы такимъ образомъ занятіе торговлей и промыслами соединялось непремѣнно съ исполненіемъ посадскихъ повинностей (1). Въ 1649 году это распространилось на всѣ посады. Всѣ, которые въ посадахъ устроили торговыя и промышленныя заведенія, должны были записаться въ тягло, не исключая и крѣпостныхъ людей, коль скоро они пріобрѣли въ посадахъ дворы; если же у нихъ не было дворовъ, а однѣ лавки, погреба и проч., то они должны были, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, продать ихъ посадскимъ людямъ, подъ опасеніемъ безплатнаго лишенія, въ случаѣ не продажи въ урочное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено, что всякій, кто будетъ жить въ посадѣ, хотя бы и временно, долженъ записаться въ тягло (2). Въ эту категорію входили и лица, происходившія изъ духовнаго званія, дьячки и пономари (3). Постановлено, чтобъ всѣ, бѣжавшіе изъ посадовъ, были возвращены на прежнія мѣста, не взирая ни на какія ихъ сдѣлки во время побѣга (4). Дѣти и племянники тяглыхъ посадскихъ впередъ не смѣли оставлять посада (5), и никто изъ посадскихъ не могъ опредѣляться въ службу, если только онъ не былъ по крайней мѣрѣ третьимъ изъ сыновей посадскаго человѣка (6). Для большей замкнутости посадскаго сословія, постановлено, чтобъ непосадскій человѣкъ былъ обращаемъ въ тягло (7), если женится на дочери посадскаго съ условіемъ жить въ домѣ отца ея, или же на бѣглой посадской дѣвкѣ (8) или, наконецъ, на вдовѣ, которая по смерти мужа, сообразно старымъ обычаямъ, составляла тягло (9). Посадскимъ запрещено торговать въ селахъ, какъ это прежде дѣлалось (10); запрещено также нетяглымъ покупать лавки, амбары и брать ихъ въ залогъ (11). Впрочемъ, и послѣ того стро-

---

(1) А. А. Э. IV, 37. (2) А. Ис. IV, 65. (3) А. А. Э. IV, 52. (4) Соб. Гос. Грам. III, 209. (5) А. Ис. IV, 67. (6) Улож. Гл. XIX. § 26—32. (7) А. И. IV, 65. (8) А. Г. Шуи. 80. (9) А. А. Э. IV, 55. (10) Улож. Гл. XIX, § 19. 20. (11) А. А. Э. IV. 53.

гость этихъ правилъ нарушалась; напримѣръ, въ Шуѣ, въ 1654 году, крестьянинъ продалъ свою постройку, поставленную на посадской землѣ (1). Само правительство въ 1649 году сдѣлало исключеніе въ пользу служилыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, козаковъ, затинщиковъ, кузнецовъ, воротниковъ, предоставляя имъ право торговать въ посадахъ, не записываясь въ тягло (2). Въ Новѣгородѣ это право ограничивалось однако суммою ста рублей; сумма выше этой подвергала запискѣ въ тягло. Пользуясь исключеніями, предоставляемыми служилымъ, не только служилые, но и другіе, напримѣръ монастырскіе и владѣльческіе крестьяне продолжали торговать въ посадахъ.

Пригородныя села около посадовъ назывались слободами. Именемъ слободы въ старой Руси означалось такое поселеніе, гдѣ жители занимались какимъ–нибудь ремесломъ или промысломъ и вообще, какимъ-нибудь однимъ занятіемъ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ слободы рыболовныя, слободы бобровниковъ и такъ далѣе. Эти названія означаютъ, что жители были исключительно преданы ловлѣ рыбы или звѣрей. Слободы около посадовъ населены были разнаго рода промышленниками и торговцами; по закону, онѣ должны были быть приписаны къ посаду и составлять съ нимъ одно тягло (3). Но во многихъ мѣстахъ около посадовъ, на посадскихъ земляхъ, слободы заведены были боярами и вообще частными владѣльцами и населены ихъ людьми, которые занимались торговлею, не участвуя въ тяглѣ. По этому, въ 1648 году, по просьбѣ тяглыхъ посадскихъ людей разныхъ городовъ, всѣ такія слободы велѣно отобрать и приписать къ посадамъ въ тягло (4).

Въ 1667 году подтверждено, чтобы всякій занимающійся тор-

---

(1) Оп. Г. Шук. 319. (2) А. А. Э. IV, 53. Доп. III, 45. (3) А. А. Э. IV, 37. (4) А. А. Э. III, 16.

говлею или ремесломъ, былъ непремѣнно записанъ въ чинъ, хотя бы даже онъ торговалъ только временно, напримѣръ, на одинъ годъ, и повсемѣстно приказано не допускать торговли безъ объявки и записки ([1]). Правительство ставило преграду къ повсемѣстному занятію торговлею, потому что она наносила ущербъ земледѣлію, которое русскіе нерѣдко покидали, предпочитая торговые промыслы. Такъ, напримѣръ, въ Сибири, куда правительство, поощряя земледѣліе, выселяло пашенныхъ крестьянъ, эти крестьяне разбѣгались и занимались торговлею по разнымъ городамъ ([2]); правительство въ 1621 году приказало ихъ собирать и посадить вновь на пашню. Эта черта указываетъ на старинную склонность велико-русскаго народа къ торговлѣ.

Посадскіе раздѣлялись на лучшихъ, среднихъ и меньшихъ или молодчихъ. Въ основаніе такого различія принимались ихъ капиталы и промыслы. При раскладкѣ посадскихъ людей въ соху (административное дѣленіе жителей вообще по сбору податей), полагали меньшее число дворовыхъ лучшихъ посадскихъ людей въ одной единицѣ, чѣмъ число дворовъ среднихъ и меньшихъ людей: на оборотъ, полагали большее число дворовъ бѣдныхъ посадскихъ, дабы на каждаго приходилось платить менѣе и чтобъ такимъ образомъ богатый платилъ болѣе чѣмъ бѣднякъ ([3]). Но это не всегда соблюдалось съ должною справедливостію и часто случалось, что богатые въ посадѣ утѣсняли бѣдныхъ, какъ мы видѣли тому примѣръ при обозрѣніи Пскова.

Духъ общинности, — искониая и отличительная черта великорусскаго народа въ старину,—скрѣплявшій торговцевъ въ ихъ посадахъ, сотняхъ, слободахъ, соединялъ ихъ торговыя предпріятія и способствовалъ образованію компаній и товариществъ или складчинъ. Нѣсколько купцовъ складывали вмѣстѣ свои капиталы, а къ нимъ присоединялись другіе, побѣднѣе, каждый съ своею частію,

---

([1]) С. Гос. Гр. IV, 204. ([2]) С. Г. Гр. III, 219. ([3]) Врем. IX, 60.

и предоставляли смышленымъ товарищамъ торговые обороты. Часто къ нимъ приставали стрѣльцы, козаки и разные служилые люди, а иногда и воеводы, но тайкомъ, потому что воеводамъ запрещалось торговать какимъ бы то ни было образомъ, а между прочимъ и участвовать въ торговыхъ складчинахъ. Такія складчины предпринимали торговыя операціи въ отдаленныхъ странахъ. Подобная компанія была ограблена въ Хивѣ въ 1646 году. Торговля въ Сибири также производилась складчинами ([1]). Мелкіе торговцы и промышленные крестьяне уѣздовъ Шуйскаго, Суздальскаго и другихъ, прилежащихъ Клязмѣ и ея бассейну, составляли пѣшеходныя компаніи, что называлось «въ ходьбу ходить», и они сами назывались *ходебщики*. Они отправлялись въ украинскіе города; предметъ ихъ торговли былъ *иконы*, что называлось не *продавать*, но *мѣнять* иконы ([2]).

Зажиточные торговцы, какъ напримѣръ гости, держали у себя покрученниковъ и прикащиковъ, которыхъ посылали въ разныя стороны. Они торговали отъ имени своего хозяина и каждый, кто имѣлъ съ ними дѣло, имѣлъ какъ бы съ самимъ хозяиномъ. Впрочемъ, Торговый уставъ 1653 года освобождалъ хозяевъ отъ отвѣтственности за братьевъ, племянниковъ и прикащиковъ, если они окажутся виновными въ нарушеніи торговыхъ сдѣлокъ безъ вѣдома хозяевъ. Прикащики и покрученики находились у хозяина въ такой патріархальной зависимости, какъ его домочадцы. У хозяина, который велъ торговлю лавочную, они сидѣли въ лавкахъ, а по вечерамъ являлись къ нему для счетовъ. Нерѣдко хозяинъ проводилъ въ бесѣдѣ съ ними цѣлые часы, посвящалъ одинъ вечеръ одному прикащику или покрученику, другой иному и т. д. Эти молодые люди, служа у хозяевъ, научались отъ нихъ торговой оборотливости и въ свою очередь, современемъ, дѣлались купцами. Если хозяинъ находилъ

([1]) А. Ис. IV, 50.—51. Доп. IV, 354. Улож. Гл. X, § 276. ([2]) О. Г. Шуи, 120—123.

особенную исправность и прилежаніе въ своемъ покрученикѣ, то отличалъ его какою-нибудь почестью, напримѣръ сажалъ съ собою обѣдать, или подавалъ отъ себя кушанье, или дарилъ ему платье съ своего плеча, соблюдая тѣ же обычаи, какіе бывали при Дворѣ у царя съ вельможами. За дурное поведеніе, лѣность и нерасторопность, онъ бранилъ его, а смотря по винѣ и бивалъ, или налагалъ на него пеню. Если же никакими мѣрами нельзя было привести покрученика на путь истины, та хозяинъ ссылалъ его со двора; добрый хозяинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ этой послѣдней мѣрѣ безъ запальчивости, ласково, съ сожалѣніемъ, послѣдній разъ покормивши своего покрученика, и приписывать его неисправность врожденной глупости, потому что если кого и *ударъ не иметъ*, то это было явнымъ признакомъ крайней непонятливости ([1]). Молодые купцы научались отъ родителей и старыхъ родственниковъ изъ ихъ примѣра, ихъ словесныхъ наставленій и, наконецъ, изъ ихъ записокъ, ибо въ XVI и XVII вѣкѣ было въ обычаѣ составлять торговыя книги или памятныя записки о торговлѣ, какъ это показываетъ одна уцѣлѣвшая торговая книга ([2]). Она, какъ будто, написана опытнымъ торговцемъ съ цѣлію служить руководствомъ для молодыхъ. Впрочемъ, не думаемъ, чтобъ подобные мемуары были въ старину въ большомъ употребленіи, при всеобщей малограмотности тогдашняго общества, когда самые богатые торговцы, какъ напримѣръ гости, не знали грамоты: такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ полученіи жалованной грамоты вмѣсто безграмотнаго гостя Аѳанасія Ѳедотова подписался духовный его отецъ ([3]).

Малообразованность русскаго купечества не мѣшала ему изумлять иностранцевъ природною смѣтливостію и оборотливостію. Московскій купецъ, торгуя съ англичаниномъ, дѣлалъ въ годъ нѣсколько оборотовъ съ однимъ и тѣмъ же капиталомъ. Онъ

([1]) Домостр. 29. ([2]) Врем. VIII, З. А. О. 1. ([3]) Доп. V, 156.

бралъ у англичанина оптомъ товары — сукна и матеріи — въ долгъ, съ уговоромъ выплатить деньги въ теченіе года или полугода, и сбывалъ тотчасъ же на деньги мелкимъ торговцамъ, которые продавали купленное въ розницу. Получивъ деньги, купецъ тотчасъ же покупалъ на нихъ товаръ который скоро промѣнивалъ на другой, другой на третій и при каждой мѣнѣ получалъ малые проценты, но выигрывалъ быстротою оборота, такъ что нерѣдко могъ купленное у англичанина за два рубля сукно продавать за полтора (¹). Нѣмцы особенно изумлялись этой непонятной для нихъ быстротѣ и изворотливости. Случалось, что русскій, промѣнявши нѣмцу юфть, пеньку, поташъ, на сукна и матеріи, чрезъ нѣсколько времени вымѣненный у нѣмца товаръ продаетъ ему же по такой дешевой цѣнѣ, что хоть сейчасъ можно отвезть въ Амстердамъ (²). Безъ сомнѣнія, этому способствовалъ мѣновой характеръ торговли; русскій пріобрѣталъ свой товаръ у производителей по очень дешевой цѣнѣ, и могъ отдавать нѣмцу хотя съ барышемъ для себя, но чрезвычайно сходно для послѣдняго. За то цѣны на товаръ въ Россіи до крайности измѣнялись иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней, особенно на предметы повседневнаго удобства жизни. Недостатокъ путей сообщенія ставилъ такой порядокъ дѣлъ непремѣннымъ условіемъ, ибо коль скоро подвозъ произведеній увеличивался — цѣнность его упадала, коль скоро подвозъ пріостанавливался, она поднималась. Отъ этого купцы считали всего выгоднѣе пріѣзжать на торги съ товаромъ какъ можно ранѣе, пока не успѣютъ навезти такого же товара, и этимъ часто выигрывали (³).

Владѣльцы земель продавали купцамъ свои произведенія обыкновенно заранѣе, и обязывались къ сроку доставить на торгъ; для этого заключались торговыя записи. Въ обезпеченіе вѣрно-

(¹) Olear. 206. (²) Кильбургъ. 15. (³) Herberst. 41.

сти доставки на срокъ, а равно вѣрности пріема, съ обѣихъ сторонъ, а иногда съ одной, полагалась двойная недоимка; такая запись, въ случаѣ несоблюденія условія, могла быть купчимъ актомъ. Такимъ же порядкомъ и купецъ накупалъ оптомъ товару изъ первыхъ рукъ и перепродавалъ его иностранцамъ. Годовыя условія обыкновенно писались съ сентября по сентябрь.

Замѣчательною чертою нашей старой торговли было то, что продажа была чаще всего оптовая. Въ старыхъ актахъ, гдѣ говорится о пошлинахъ, всегда упоминаются большею частію оптовыя единицы. Домовитый и расчетливый хозяинъ всегда старался покупать для себя запасы оптомъ на долгое время, потому что при этомъ выигрывалъ четверть съ рубля. Рано вставши, онъ самъ ходилъ на рынокъ присматриваться, нѣтъ ли *навозу*, и какъ купецъ наровилъ поспѣть съ своимъ товаромъ, когда подобнаго товару было меньше, такъ, напротивъ, покупатель старался явиться къ торгу, когда навезутъ побольше товару. Товаръ, который не портится, закупался на годъ и больше, какъ напримѣръ лѣсъ и дрова, доски, лубья и прочее. Съѣстные припасы покупались пудами и бочками, ибо мясо и рыба употреблялись большею частію соленыя, а зимою и свѣжее непортилось. Рукодѣльные товары, закупаемые въ лавкахъ, пріобрѣтались также большими пропорціями. Зажиточный хозяинъ покупалъ сукна и матеріи поставами и косяками, матеріалы для женскихъ работъ литрами, и потому домъ его былъ полонъ всякой всячины на долгое время: это считалось знакомъ разсчетливости и ума. При этомъ замѣчали, что покупаемые въ розницу товары хуже, и при такой продажѣ больше обмана. Накупивъ товары, домохозяинъ считалъ долгомъ пригласить купца къ себѣ на *почестку*, угостить хлѣбомъ солью, а напослѣдокъ еще и подарить. *Въ томъ убытка нѣтъ*, говорили старички, *дружба де впередъ познать: всегда мимо тебя товару доброго не продастъ и лишняго не возметъ и худова не дастъ*. Къ числу старинныхъ обычаевъ принадлежитъ обычай

давать въ *пополнокъ* (на придачу) какую-нибудь незначительность. По этому, розничная продажа была преимущественно для небогатыхъ и простолюдиновъ (1).

Иностранцы описываютъ нашихъ купцовъ большими плутами. Обычай запрашивать и торговаться былъ искони характеристикой русскаго торговца. Если вещь стоила рубль, купецъ непремѣнно запроситъ за нее десять рублей, смотря, по лицу, которое у него покупаетъ. Отъ этого многіе, желая купить большую пропорцію товара, приходили въ лавки не иначе, какъ въ сопровожденіи знатоковъ, на которыхъ они впрочемъ не всегда могли положиться, потому что эти знатоки бывали въ стачкѣ съ купцами, и взявши съ покупателя за то, чтобъ сторговать для него дешево и хорошо, возьмутъ тоже съ купца, чтобъ помочь ему обмануть покупателя. Божиться въ торговлѣ было ни почемъ, хотя божбамъ русскихъ купцовъ никто не вѣрилъ ни изъ ихъ соотечественниковъ, ни изъ иностранцевъ (2), и даже замѣчали, что чѣмъ болѣе русскій купецъ божится, тѣмъ скорѣе обманываетъ. Иногда торговецъ, расхваливая свой товаръ, ссылался на покупателей, называлъ ихъ по именамъ, подтверждалъ слова свои божбою, а на самомъ дѣлѣ обманывалъ (3). Поддѣлка и обмѣнъ вещей были въ обычаѣ: часто русскій надѣлялъ иностранца подкрашенными мѣхами, а иногда покупатель придетъ въ лавку и начнетъ торговать вещь, купецъ запрашиваетъ за нее большую цѣну; покупатель даетъ менѣе; купецъ какъ будто не слышитъ и уходитъ прочь, потомъ начинаетъ мало по малу сдаваться и уступаетъ желанію покупателя; но въ самомъ дѣлѣ онъ ловко успѣетъ обмѣнить вещь, такъ что покупатель самъ этого не замѣчаетъ и беретъ не то, что торговалъ прежде (4). Подобные поступки не казались русскому предосудительными; онъ оправдывалъ себя пословицею: «на то

---

(1) Доп. II, 139. Домостр. 70. — А. И. I, 301. Доп. V, 313. (2) Olear. 272. (3) Herberst. 41. (4) Раф. Барбер. 34.

щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ!» ([1]) — пословицею, которая, какъ видно, была до того въ употребленіи, что даже иностранцы затверживали ее.

Замѣчательно, что еще въ XVI вѣкѣ въ Россіи охотнѣе покупали у иностранцевъ, чѣмъ у своихъ; но русскіе купцы умѣли сами прикидываться иностранцами, къ удивленію посѣщавшихъ насъ чужеземцевъ ([2]). Такая смѣтливость и изворотливость торговаго человѣка была причиною, что правительство довѣряло купцамъ политическія шпіонства: напримѣръ, въ 1650 году велѣно было въ Псковѣ набрать торговыхъ знающихъ людей и послать въ Ригу, Ревель и шведскія владѣнія, чтобъ вывѣдать о политическихъ дѣлахъ Швеціи.

Не должно приписывать плутоватость русскаго торговца какой–нибудь народной порчѣ. Нѣтъ; это было необходимое условіе той степени образованности, на которой еще стояла Россія, и обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе торговли. Торговля, какъ и всякая другая вѣтвь человѣческой общественной образованности, проходитъ различныя положенія. Въ первобытныя времена она была соединена съ разбоемъ и набѣгами; на низкой степени цивилизованнаго общества, она неразлучна съ коварствомъ и обманомъ, и чѣмъ выше общество становится на пути нравственнаго и умственнаго образованія, тѣмъ болѣе и торговыя отношенія принимаютъ характеръ честности. Но иностранцы, изображающіе совершенно справедливо нашихъ купцовъ въ столь грязномъ видѣ, не были однако и сами вполнѣ изъяты отъ того же взгляда на дѣло торговли. Герберштейнъ сознается, что русскіе, обманывая иностранцевъ, въ свою очередь покупаютъ у нихъ за тринадцать червонцевъ вещи, которыя стоятъ не болѣе одного или двухъ ([3]). Иностранцы смотрѣли на Россію, какъ на страну выгодную для нихъ, преимущественно

([1]) Кильбург. 15. ([2]) Herberst 44. ([3]) Herberst 41.

по ея невѣжеству, потому что русскихъ можно было легко обманывать; русскіе купцы недовѣряли имъ и платили имъ тою же монетою. Притомъ, наша торговля встрѣчала безчисленныя препятствія и затрудненія, заставлявшія купца быть всегда въ страхѣ и смотрѣть на свой промыселъ, какъ на войну, ибо онъ вездѣ видѣлъ покушенія на свое достояніе и выгоды. Русскіе торговцы, какъ и вообще русскіе люди, оставались внѣ связи съ образованнымъ человѣчествомъ, а это сообщало имъ характеръ самоотдѣльности, невѣдѣнія и враждебности ко всему остальному. Если иноземцы старались держать русскаго купца въ невѣжествѣ, то и власть не желала, чтобъ русскіе сближались съ европейцами и ѣздили въ чужіе края. Торговыхъ лицъ отпускали съ товарами за-границу не иначе, какъ съ крѣпкою порукою и съ особымъ дозволеніемъ, которое получить было не легко. Если жь бы торговецъ вздумалъ поѣхать самовольно за-границу, то у него отбиралось все имущество, родственниковъ его подвергали пыткамъ, допрашивая, съ какой цѣлью онъ уѣхалъ, а послѣ пытокъ отправляли въ ссылку (1). Впрочемъ, Уложеніе сдѣлало исключеніе въ пользу жителей порубежныхъ городовъ; отъѣздъ за-границу былъ смягченъ для нихъ (2). Иностранцы, которые бы могли заводить у насъ какія-нибудь промышленныя заведенія и знакомить Россію съ техникою товаровъ, покупаемыхъ русскими купцами у иностранцевъ, не поощрялись отъ правительства достойнымъ образомъ (3), да притомъ и правительство не могло имъ довѣрять, потому что къ услугамъ его всегда готовы были явиться шарлатаны, авантюристы, съ единственною цѣлью—обмануть невѣжество и довѣріе.

Такимъ образомъ, купцы наши постоянно были во мракѣ относительно большей части того, чѣмъ торговали, страшились

(1) Коших. 41. Das Gr. Reich. v. Mosc. 178. Кильбург. 13. (2) Улож. XIII. (3) Килбург.

обмана, не довѣряли, были обманываемы и въ свою чередь обманывали.

Совмѣстничество власти чрезвычайно останавливало дѣятельность торговаго класса. Царская казна имѣла въ своихъ рукахъ нетолько значительныя вѣтви торговли, но и вообще вела торговлю всѣми предметами: она покупала чрезъ своихъ агентовъ воскъ, поташъ, пеньку и проч., отправляла въ Архангельскъ и промѣнивала на заграничные товары и тѣмъ подрывала купцовъ, торговавшихъ тѣми же товарами (1). Никакой купецъ не въ силахъ былъ состязаться съ такимъ богатымъ и всемогущимъ соперникомъ на торговомъ поприщѣ. Купецъ, явившись на ярмарку въ Архангельскъ, не смѣлъ торговать, прежде чѣмъ не окончится торговля царская. Этого мало. Обычай выбирать изъ купленныхъ или вымѣненныхъ у иностранцевъ товаровъ лучшіе виды для царской казны, не только лишалъ торговца хорошихъ сортовъ товаровъ, но и отнималъ у него время простоемъ и ожиданіями. Наконецъ и то, что̀ оставалось на долю купца, было обложено множествомъ пошлинъ и стѣснено казенными монополіями.

Множество случаевъ, когда купца могла постичь конфискація всего его имущества, внушали ему вѣчную боязнь; русскіе купцы страшились обращаться явно съ большими капиталами и сохраняли ихъ втайнѣ, дабы сберечь копѣйку про черный день (2), когда постигнетъ ихъ опала или невзгода и отнимутъ у нихъ все явное имущество. Этому обычаю прятать деньги также не мало способствовало тогдашнее понятіе вѣка, поставлявшее все народное богатство исключительно въ звонкой монетѣ; власть старалась сосредоточить въ своемъ владѣніи какъ можно больше золота и серебра; торговцы, собирая деньги, подражали въ этомъ власти. Торговецъ былъ всегда подъ надзоромъ власти какъ ре-

---

(1) Коллинсъ 18.—Das. Gr. Reich v. Mosc. 176. (2) Das. Gr. Reich. v. Mosc. 178.

бенокъ, не могъ составлять никакихъ соображеній, не зная что съ нимъ будетъ завтра; такъ напримѣръ, онъ не могъ заключить никакого договора съ иностранцемъ, ибо не зналъ, утвердитъ ли или не утвердитъ его власть. Необезпеченный закономъ, онъ былъ постоянно подъ произволомъ воеводъ, таможенныхъ и приказныхъ людей, которые, при удобномъ случаѣ не забывали пользоваться на счетъ купца лихоимствомъ. Русскій купецъ, говоритъ одинъ англичанинъ (1), раскладывая свои товары, боязливо осматривался на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему царскій чиновникъ, чтобъ взять у него что̀ получше, и притомъ даромъ. Собиратели пошлинъ непремѣнно постараются сорвать съ торговца что-нибудь лишнее (2). На заставахъ, мостахъ, перевозахъ и проч., кромѣ установленныхъ поборовъ, его не пропустятъ безъ взятки (3). Посадскія общины въ XVII вѣкѣ были угнетены воеводами, которые вмѣшивались въ общинное управленіе. Воеводы и приказные люди подъ разными предлогами сохраненія порядка, хватали торговцевъ, сажали въ тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали насильно товары, били торговцевъ батогами (4); стакивались съ ябедниками, которые подавали челобитныя на зажиточныхъ торговцевъ; воеводы и подъячіе, не смотря на явную лживость иска, заводили дѣло съ тѣмъ, чтобъ обирать купцовъ (5). Правда, правительство не лишало посадовъ права жаловаться на этихъ судей и правителей; намъ остались жалобы цѣлыхъ посадовъ на воеводъ, жалобы, въ которыхъ посадскіе грозили разбрестись розно (6). Правительство дѣйствительно старалось ограничить своевольство воеводъ и приказныхъ надъ торговымъ классомъ. Въ 1620 году имъ запрещено не только участвовать въ торговлѣ, но даже покупать что-нибудь у посадскихъ, исключая съѣстнаго (7). Но эти ограниченія

---

(1) Fletch. The Russ. Commonw. 46. (2) Доп I. 213. (3) Доп. II. 78. (4) А. А. Э. III. 421.—Оп. Шуи. 317, 327. (5) А. Г. Шуи, 706, (6) Оп. Шуи. 279. (7) А. А. Э. III. 159.

*

ничего не значили, ибо воеводы и приказные, обладая административною и судейскою властью, всегда могли найти беззаконныя средства къ поживѣ. Торговый уставъ 1667 года (1), для избѣжанія проволочекъ, приказалъ вѣдать всѣхъ торговцевъ въ одномъ Приказѣ, котораго обязанность была охранять ихъ отъ *воеводскихъ налоговъ*; но вопервыхъ, воеводы и приказные все-таки имѣли возможность чинить свои *налоги*, а вовторыхъ, въ Приказѣ, который долженъ былъ охранять ихъ, сидѣли такіе же подъячіе. Сосредоточенность судебныхъ дѣлъ въ Москвѣ подвергала посадскихъ невыносимымъ стѣсненіямъ: они должны были ѣздить въ Москву съ мѣста своего жительства, иногда за тысячу верстъ, оставлять свои промыслы, проживаться въ Москвѣ, утучняя подъячихъ плодами своей изворотливости прежнихъ лѣтъ. Жалобы посадовъ на свое начальство поступали въ руки подъячихъ Приказа, которые тянули дѣло по нѣскольку лѣтъ; воевода, на котораго жаловались посадскіе, смѣнялся, а вмѣсто его былъ присылаемъ другой и поступалъ такъ же, какъ и прежній (2). Но не только воеводы и подъячіе утѣсняли торговцевъ; случалось, что сосѣдній помѣщикъ или вотчинникъ наѣзжалъ на посадъ, и дѣлалъ въ немъ разныя безчинства. Посадскіе жаловались, дѣло длилось; съ нихъ брали взятки и, наконецъ, изъ Приказа присылали воеводѣ грамоту, которая предписывала ему охранять посадскихъ людей; а этотъ воевода первый готовъ былъ дѣлать съ ними всякія своевольства (3). Купецъ терпѣлъ и отъ своего же брата, коль скоро онъ былъ выбранъ въ таможенники и дѣлался нѣкоторымъ образомъ чиновнымъ человѣкомъ; таможенники, *по свойству* и дружбѣ, пропускали безъ пошлинъ своихъ, а съ чужихъ брали лишнее, чтобъ наверстать недоборъ (4).

Если ко всему этому прибавить трудность и опасность пере-

---

(1) С. Г. Гр. IV. 203. (2) Доп. I, 82. (3) А. Г. Шуи. 106. (4) Рус. Вѣстн. 1842, VI, 62.

возки торговыхъ грузовъ, и приключенія, какимъ торговецъ подвергался въ дорогѣ отъ разбойниковъ, которыми такъ изобиловала наша матушка Русь и на водяныхъ и на сухихъ путяхъ (1), то мы легко поймемъ, почему русскій купецъ долженъ былъ сдѣлаться плутомъ, и почему, не смотря на склонность къ торговлѣ и на способность и изворотливость, русскій купецъ былъ бѣденъ (2).

ГЛАВА V.

Русскій вѣсъ въ основаніи своемъ не сложенъ. Высшая единица, бывшая повсемѣстно въ употребленіи, называлась берковецъ и заключала десять пудовъ; каждый пудъ имѣлъ сорокъ *гривенъ* (3) или *гривенокъ большихъ*, т. е. фунтовъ; гривна дѣлилась на двѣ *гривенки малыя* или *скаловыя*; гривенка скаловая имѣла сорокъ восемь золотниковъ (4). *Золотникъ* имѣлъ двадцать-пять *почекъ* (5), а при взвѣшиваніи денегъ считались *пироги*, которыхъ было въ почкѣ четыре (6). Кромѣ обыкновеннаго фунта, были еще *литра* и *ансырь*: литра — фунтъ греческій, заключала семьдесятъ-два золотника; на нее вѣсили преимущественно шелкъ и пряденое золото и серебро (7); *ансырь*, вѣсъ бухарскій, заключалъ сто-двадцать-восемь золотниковъ, но уже въ концѣ XVI вѣка онъ сравнялся съ русскимъ фунтомъ или большою гривною (8), и скоро вышелъ изъ употребленія. *Безменъ*—вѣсомая единица, бывшая въ большомъ употребленіи въ XVI вѣкѣ (9), и вѣсъ на безменъ назывался

---

(1) А. П. V, 465. Улож. X. § 276. (2) Fletch. Кильбург. (3) Соб. Г. Гр. IV, 18, (4) John Hasse Hacl. 285. (5) Торг. Кн. 114. Зап. Арх. Общ. I. (6) Ист. Г. Росс. X, прим. 437. (7) А. И. V. 46 Домостр. 90. Зап. Арх. Общ. I, 114. (8) Торг. Кн. 114. Зап. Арх. Общ. I. (9) Hasse Hacl. 285.

безменнымъ. Онъ заключалъ два фунта съ половиною или пять гривенокъ, нѣсколько подходилъ къ нынѣшнему килограмму и, въ свою очередь, раздѣлялся на *полубезмены* (1). Но впослѣдствіи, единица безменнаго вѣса постепенно увеличивалась до десяти, пятнадцати и до двадцати фунтовъ, и наконецъ, сдѣлалась совершенно неопредѣленною, такъ что самое названіе осталось только за орудіемъ вѣса. Сто фунтовъ или большихъ гривенокъ, или два пуда съ половиною составляли единицу вѣса, называемую *контарь* (2), названіе, которое соединялось, какъ и безменъ, съ орудіемъ вѣса, Десять пудовъ составляли *батманъ,* вѣсъ татарскій, перешедшій къ намъ, какъ видно, изъ Казани, ибо носилъ названіе *казанскаго.* Онъ въ свою очередь раздѣлялся на *полубатманы,* заключавшіе пять пудовъ (3). Кромѣ берковца воскъ вѣсился на *четверть восковую,* заключавшую двѣнадцать пудовъ (4). Самая большая единица вѣса была *ластъ,* заимствованный съ запада, но этотъ вѣсъ, кажется, не былъ постояннымъ и опредѣленнымъ. Въ началѣ XVI вѣка въ ластѣ было 180 пудовъ, но потомъ только 90 (5), въ Псковѣ ластъ соли вѣсилъ отъ 12 до 14 берковцевъ, слѣдовательно, отъ 120 до 140 пудовъ, а въ Торговой книгѣ ластъ полагается въ 12 бочекъ, а каждая бочка въ шесть пудовъ, что составляетъ въ ластѣ 72 пуда (6).

Вообще, однако, употребительнѣйшими вѣсовыми единицами были берковцы, пуды, гривны и гривенки. Вѣсовыя единицы дѣлились еще на *половины* и *четверти* или *чети,* напр. *полпуда, полгривенка, четь гривенки,* а чети въ свою очередь на *пол-чети* (1/8), *пол-чети* на *пол-пол-чети* (1/16), эти же на *пол-пол-пол-чети* (1/32). Было также дѣленіе тре-

---

(1) А. А. Э. I. 138, (2) Уст. рат. Дѣлъ. I, 85. (3) Зап. Арх. Общ. I, 72. Въ поволжскихъ городахъ онъ въ употребленіи до сихъ поръ въ томъ же видѣ. (4) Торг. Кн. 114. Зап. Арх. Общ. I. (5) Ист. Г. Росс. VI, прим. 421. (6) Торг. Кн. 114. Зап. Арх. Общ. I.

тное, напр. гривенка на *пол-трети гривенки* (1/6), *пол-пол-трети* (1/12), *пол-пол-пол-трети* (1/24). При счетѣ вѣса иногда единица ставилась съ прибавленіемъ, а иногда съ вычетомъ дробей, напр. вмѣсто того, чтобъ сказать: двѣ гривенки и пол-гривенки, говорили: *три гривенки безъ полугривенки* (1).

Вѣсъ новгородскій и псковскій были отличны отъ московскаго до конца XVII вѣка. Новгородскій былъ менѣе московскаго на восемь фунтовъ и семьдесятъ-два золотника въ берковцѣ, а псковскій на десять фунтовъ и тридцать-два золотника, или иначе: новгородскій фунтъ равняется 93 золотникамъ, 92 долямъ, а псковскій 92 золотникамъ и 76 4/5 долямъ московскаго (2).

Орудія вѣса были *пудовые вѣсы, безмены, контари, терези* и *скалы*. Пудовые вѣсы дѣлались съ пудовыми, полупудовыми, четь-пудовыми и гривенными гирями (3). Терези были большіе вѣсы для громоздкихъ товаровъ, на нихъ употребляли кладовыя гири пудовъ по пяти и по шести. Безмены были издавна въ употребленіи, какъ и теперь; ихъ дѣлали въ Костромѣ, ибо въ XVI вѣкѣ упоминается о костромскихъ безменахъ (4). Контари употреблялись на таможняхъ, а также на соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ (5). Скалы были небольшіе вѣсы для взвѣса мелкихъ товаровъ; въ томъ числѣ на нихъ вѣ-

---

(1) Ук. о хлѣбн. и калачн. вѣсѣ Врем. IV 2—8. (2) Кильбург. 265 (3) Пол. Соб. Зак. II. 321, 323. (4) Ак. Ист. I, 285. (5) Соб. Гос. Гр. IV. 193. — Теперь на соляныхъ промыслахъ контарями называются большіе вѣсы, состоящіе изъ рычага и присоединенной къ нему доски, на которую взвозятъ телѣгу съ грузомъ. Повидимому такую же форму они имѣли и прежде, потому что правительство, запрещая частнымъ лицамъ держать вѣсы, дѣлало исключеніе для контарей на соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ не для торговли, но для смѣты вѣса при наймѣ съ извозчиками. Происхожденіе этого названія—итальянское; и теперь въ южной Италіи существуетъ оптовая единица cantaro

сили золото, серебро и разныя драгоцѣнности. Самый мелочный вѣсъ называется *скаловый* ([1]).

У иностранцевъ берковецъ назывался шиффунтъ. Нашъ фунтъ или гривна расходился съ англійскимъ на одну унцію, такъ что въ русской гривнѣ было 12, а въ англійскомъ фунтѣ 13 унцій ([2]). Въ отношеніи голландскаго вѣса, нашъ пудъ былъ менѣе голландскаго на 7 фунтовъ 18 золотниковъ $54^{6}/_{10}$ доли. Въ сравненіи съ гамбургскимъ вѣсомъ, русскій пудъ заключалъ гамбургскихъ 33 фунта съ четью. Въ Нарвѣ русскій пудъ вѣсилъ $34\ /_{4}$ нарвскихъ, а въ Любекѣ 35 фунтовъ любскихъ ([3]). Въ Двинскомъ портѣ при торговлѣ съ иноземцами употреблялся нѣмецкой *пудокъ* (лисфунтъ), который равнялся полпуду русскаго вѣса ([4]).

Мѣры сыпучихъ тѣлъ были *оковы* или *бочки*, *четверти*, *осьмины* и *четверики*. Бочка или кадь называлась *оковою*, потому что была окована ([5]). Окова имѣла четыре четверти, каждая четверть двѣ осьмины, осьмина четыре четверика или мѣры ([6]). Сверхъ того употреблялись четвертныя и третныя дѣленія каждой единицы, напр. *пол-четверти*, *пол-пол-четверти* *пол-осьмины*, *пол-четверика*, *пол-пол-четверика* или *пол-трети*, *пол-пол-трети четверика*, равномѣрно и съ вычитаніемъ дробей, напр. *четверикъ безъ пол-пол-трети четверика* ([7]). Четверть московская муки въ 1620 и въ 1660 годахъ вѣсила пять пудъ ([8]), а ржи зерномъ $6^{1}/_{4}$ пудъ ([9]), но въ 1681 году это отношеніе было уже измѣнено, ибо названо *прежнимъ* вѣсомъ ([10]). Въ XIV вѣкѣ четверть равнялась тремъ бушелямъ лондонской мѣры ([11]), слѣдовательно, въ срав-

---

([1]) John Hasse. Hacl. 285. ([2]) Hasse. Hacl. 285. ([3]) Кильбург. 138 — 139. ([4]) Торг. Кн. 14. Врем. VIII. ([5]) Русск. достоп. I, 176. ([6]) Торг. Кн. 115.—Зап. Арх. Общ. 1. ([7]) А. И. III, 206. ([8]) А. И. III, 119. ([9]) Доп. IV,197. ([10]) А. И. V, 119. ([11]) Hasse. Hacl. 286,—Fletch. The Russ. Common.14.

ненія съ нынѣшнею мѣрою старая четверть имѣла около четырехъ четвериковъ съ гарнцемъ. Но хлѣбныя чети не вездѣ были равны. Кромѣ московской, существовали чети новгородская, псковская, печорская. Чтобъ составить двѣ новгородскихъ чети, нужно было три чети московскихъ, слѣдовательно, новгородская вѣсила восемь съ половиною пудовъ; псковская была нѣсколько болѣе новгородской, а печорская на незначительный объемъ болѣе псковской (1). Въ XVI вѣкѣ зерно мѣрили *пузами*. Подлинно неизвѣстенъ объемъ этой мѣры, но это была опредѣленная, а не глазомѣрная единица, ибо существовали пузы клейменные таможенными печатями, чтобъ сохранить узаконенную ихъ пропорцію (2). Въ сѣверныхъ странахъ мѣрили *коробями*, которые имѣли три *зобня*. Но въ концѣ XVI вѣка эта мѣра замѣнена четвертною.

Линейныя русскія мѣры были *аршинъ, локоть и сажень* (3), Аршиномъ преимущественно мѣрили иностранныя, а локтемъ туземныя произведенія (4). Аршинъ заключалъ четыре *пяди*; каждая пядь дѣлилась на четыре *четверти;* но впослѣдствіи пядь начали называть четвертью, а четверть *вершкомъ*. Эти единицы дѣлились тоже на половинныя, четвертныя и, вѣроятно, третныя дроби, напр. *пол-пяди* или *полуторы пяди* (5). Изъ иностранныхъ мѣръ того времени нашъ аршинъ ближе всего подходилъ къ фландрійскому эллю, но былъ длиннѣе на палецъ (6). Локоть равнялся половинѣ англійскаго ярда (7). Торговая книга опредѣляетъ локотъ 10 вершковъ, и два аршина составляли три локтя (8). Локотью измѣряли, между прочимъ иконы, отчего попадается названіе *икона локотница* (9). Косовая сажень заключала три аршина (10).

---

(1) Кильбург. 139. — 140. (2) Русск. достоп. I. 132. (3) Доп. V. 195.— А. И. I, 283. (4) Ак. Ар. Эк. IV, 162. (5) З. А. О. I, 72, 77. (6) Кильбург. 146. (7) Hasse. Hacl. 286. (8) Торг. Кн. 113, З. А. О. I. (9) А. И. I. 283. (10) Торг. Кн. 115.

Жидкости измѣрялись бочками, котлами, ведрами, джбанами, корчагами, братинами, сидовами, галенками (галлонами), кружками, чарками, ковшами. Вмѣстимость большей части этихъ мѣръ неизвѣстна; да и врядъ ли она была опредѣлена, но зависѣла отъ различной величины сосуда. Такъ напр. котелъ могъ быть въ три ведра, въ два ведра, въ полуведро и въ двадцать ведеръ (1). Болѣе опредѣленною изъ этихъ единицъ было ведро, потому что на него продавались казенныя питія и поэтому ведро было самая обычная единица въ торговлѣ. Въ половинѣ XVII вѣка ведро было въ восемь вершковъ и раздѣлялось на полуведро, четь ведра, кружки и чарки.

Чащевсего у насъ употреблялись произвольныя глазомѣрныя единицы, какъ-то лукны, кади, рогозины, пузы, узолки, круги и т. п. (2). Поэтому, когда англичане начали торговлю съ Россіею, то нашли такое разнообразіе въ вѣсѣ и мѣрахъ, что первое ихъ требованіе было установить однообразный вѣсъ и мѣры (3). Правительство еще до пришествія англичанъ обращало на это вниманіе. Въ 1550 году учреждены печатныя мѣдныя мѣры для сыпучихъ тѣлъ; онѣ посылались въ посады и уѣзды, гдѣ старосты, сотскіе и цѣловальники обязаны были, собравшись съ земскими людьми, сдѣлать по такимъ моделямъ деревянныя мѣры, которыя клеймили *пятномъ* (клеймомъ) и отдавали *помѣрщикамъ*, лицамъ, опредѣленнымъ для мѣры во время продажи. Продавцы и покупатели хлѣба и другихъ сыпучихъ тѣлъ обязаны были являться къ помѣрщикамъ и продавать по установленной мѣрѣ; въ случаѣ же нарушенія правилъ, торговцы подвергались штрафу въ первый разъ двухъ рублей, во второй 4-хъ, а въ третій тюремному заключенію (4). Эти мѣры были *осьмины*. Въ 1555 году были по всюду государевы (казенные) вѣсы и при нихъ вѣсчій сторожъ и вѣсцы,

---

(1) А. И. I. 283. (2) Соб. Г. Гр. II, 135. (3) Killingsw. Hacl. 293. (4) Доп. I, 62.

лица, опредѣленныя для взвѣса товаровъ (1). При Іоаннѣ Васильевичѣ запрещено имѣть кому-нибудь вѣсы, хотя бы даже и не для продажи, но всѣ должны были ходить къ городскимъ вѣсамъ и вѣсить на нихъ товары съ платежемъ вѣсоваго *пудовщикамъ* (2). Обвѣсъ и обманъ считался издавна преступленіемъ; старинная пословица говоритъ: въ цѣнѣ купецъ воленъ, а въ вѣсѣ не воленъ (3). Однако, народъ всегда уклонялся отъ единообразія установленныхъ вѣсовъ и мѣръ и продолжалъ продавать по старинѣ на круги, рогожи, лукна, пузы, возы и пр. Правительство нѣсколько разъ подтверждало однообразіе вѣса и мѣръ. Въ 1598 году Борисъ запретилъ продавать сыпучія тѣла возами и вообще неопредѣленными единицами, а равно вѣсовые товары на кади, пузы и пр.; первые слѣдовало продавать въ пятенныя (клейменныя) мѣры, а вторые на пуды, съ платою, въ первомъ случаѣ, *помѣрнаго*, во второмъ *вѣсчаго* (4). Въ Москвѣ опять были слиты мѣдныя осьмины и разосланы во всѣ города для сдѣланія по ихъ образцу деревянныхъ осьминъ (5). Нарушеніе строгости узаконенныхъ правилъ мѣръ и вѣса заставляло правительство еще нѣсколько разъ возстановлять такія же распоряженія. Въ 1624 году опять установили мѣдныя осьмины, полуосьмины и четверики въ гребло, и приказали по ихъ образцу сдѣлать деревянныя съ желѣзнымъ гребломъ, при чемъ также установлена высокая *заповѣдь* или пеня за нарушеніе правилъ (6). Въ 1645 году являются установленные печатные аршины (7). Въ 1653 году, по изданному тогда Торговому уставу, во всей Россіи учреждены мѣдныя мѣры въ кружало съ желѣзными обручами, печатныя сажени въ три аршина, желѣзные аршины и вѣсы противъ фунтовъ (8). По Новоторговому уставу 1667 года под-

---

(1) Ibid. I. 82. (2) Ак. Ар. Эк. I. 324 (3) Арх, Ист. и Юрид. Св. II. 56. (4) Соб. Гос. Гр. II, 135—138. (5) А. И. II, 25, (6) А. А. Э. III, 217. (7) З. Арх. Общ. 72. (8) С. Г. Гр. III, 492.—А. А. Э. IV. 162. —П. С. З. I, 304.

тверждено, чтобъ вездѣ въ рядахъ были казенные вѣсы, дабы при продажѣ и покупкѣ можно было на нихъ взвѣшивать. Иноземцамъ запрещено держать у себя вѣсы, но русскимъ дозволялось имѣть въ домахъ вѣсы, незаключавшіе болѣе десяти пудовъ и безмены въ три пуда, а на соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ позволялось имѣть контари для смѣты при наймѣ извозчиковъ, но не для продажи (1). Въ 1681 году, подтверждено, чтобъ, согласно Торговому уставу, нигдѣ не держали вѣсовъ, кромѣ узаконенныхъ мѣстъ. Нормальные пудовые вѣсы съ полупудовыми и четь-пудовыми гирями, вѣсчіе контари, терези находились подъ надзоромъ таможеннаго головы, котораго обязанность была вообще наблюдать за правильностію развѣски на гостиномъ дворѣ и въ рядахъ, а для вѣсовой операціи приставлены были дрягили, бравшіе за то плату. Тогда же, для измѣренія суконъ и матеріи, учреждены были желѣзные печатные аршины, которые на гостиныхъ дворахъ давались пріѣзжимъ торговцамъ съ платою по гривнѣ съ человѣка за аршинъ, а при окончаніи торга торговецъ обязанъ былъ отдавать его назадъ въ таможню. Въ рядахъ должны были находиться такіе же аршины. Хлѣбныя мѣры въ Москвѣ въ рядахъ и на торгахъ были за орленою печатью (2).

Въ XVI и XVII вѣкѣ монетный счетъ заключалъ *рубли*, *полтины*, *гривны*, *гроши*, *копѣйки*, *деньги*, *полуденьги* и *пулы*. Подъ именемъ рубля разумѣлось числительное количество монетъ, подобно фунту стерлинговъ въ Англіи. Главная ходячая монета была деньга (отъ татарскаго слова *дингъ* серебро), монета мелкая, имѣвшая два вида: *большая* и *малая*, *новгородка* и *московка*, деньга *копѣйная* или копѣйка и деньга *мечевая* или собственно *деньга*. Въ XIV вѣкѣ былъ только одинъ родъ денегъ, которыхъ нормальное количество въ рублѣ было сто; два рубля т. е. двѣсти такихъ мелкихъ монетъ, называе-

---

(1) С. Г. Гр. IV, 193. (2) П. С. З. II. 321—326.

мыхъ деньгами, вѣсили гривенку. Но въ Москвѣ начали удаляться отъ этой нормы. При Донскомъ, деньги вѣсили отъ 24 до 17 долей, при Василіѣ Дмитріевичѣ отъ 22 до 15 д.; при Василіѣ Темномъ вѣсъ ихъ началъ значительно уменьшаться и низошелъ до 12 и 11 долей, а при Іоаннѣ III до 9 долей, такъ что московская деньга, расходясь съ новгородскою, которая оставалась съ большимъ вѣсомъ, стала половинною: новгородская вѣсила 18, а московская только 9 долей (1). Впрочемъ, не должно думать, что такое положеніе было установлено правительствомъ: такъ какъ производство денегъ было дѣломъ мастеровъ, то, поэтому, господствовалъ произволъ, и въ одно и то же время дѣлались деньги и съ большимъ, и съ меньшимъ вѣсомъ. Несомнѣнно только, что, колеблясь три государствованія: Донскаго, Василія Дмитріевича и Темнаго, вѣсъ ихъ постепенно понижался, пока образовались двѣ различныя монеты. При Василіѣ Іоанновичѣ велѣно было дѣлать 260 денегъ на гривенку, такъ что изъ гривенки слѣдовало дѣлать новгородками два рубля съ половиною и съ одною гривною или десятью новгородками (2), что даетъ $17^{46}/_{76}$ на новгородку и $8^{57}/_{70}$ долей на московку (3). Но это правило подверглось произволу; мастера старались выдѣлывать изъ гривенки серебра болѣе положеннаго, а плуты разрѣзывали монеты по поламъ и каждую половину давали за цѣльную, такъ что вскорѣ число денегъ въ рублѣ дошло до пяти сотъ. Во время правленія Елены это злоупотребленіе наказывалось чрезвычайно строго: преступникамъ лили въ ротъ расплавленное олово или отсѣкали руки. Правительница постановила дѣлать изъ гривенки серебра безъ примѣси триста денегъ или три рубля. Новыя деньги имѣли изображеніе всадника съ копьемъ, поражающаго змія, отчего и начали называться копѣйками (4). Съ этихъ поръ въ Москвѣ было двѣ

(1) **Шодуаръ. I. 121. — Опис. Рус. Монетъ. Черткова, 412.** (2) **Ист. Г. Р. VIII, прим. 67.** (3) **Chaud. Aper. sur les mon. russes. 121.** 4) **Ист Г. Рос. VIII, 67.**

деньги: копѣйная, большая, равная новгородской, и малая или мечевая—съ изображеніемъ всадника на конѣ съ мечемъ или бичемъ въ рукѣ. Первая имѣла $15^{27}/_{75}$, а послѣдняя $7^{51}/_{75}$ долей. Рубль заключалъ 16 золотниковъ серебра (слѣдовательно равнялся 3 р. 20 к. по нынѣшнему счету). Но количество серебра въ рублѣ постепенно уменьшалось вмѣстѣ съ объемомъ денегъ. Такъ, при Іоаннѣ Васильевичѣ дѣлали изъ гривенки уже $3^{1}/_{10}$ или $6^{1}/_{5}$ изъ фунта. При Ѳедорѣ Іоанновичѣ число 3 оставалось нормальнымъ, но при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ изъ фунта чеканили $8^{77}/_{100}$ или въ каждомъ рублѣ 10 золотниковъ $90^{750}/_{877}$ долей (по нынѣшнему счету 2 р. $18^{3}/_{4}$ к.), при Алексѣѣ Михайловичѣ изъ фунта—$9^{21}/_{100}$ или въ рублѣ 10 золот. $40^{600}/_{921}$ долей (по нынѣшнему счету 2 р. 8 к.). При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ эта такса поддерживалась, но во время двуцарствія изъ фунта чеканили $10^{1}/_{4}$ руб. или на рубль 9 золотниковъ $35^{5}/_{41}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. $87^{1}/_{2}$ к.); въ 1697 году, $10^{3}/_{4}$—или въ рублѣ 8 золотниковъ $89^{15}/_{43}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. $78^{3}/_{4}$ к.); въ 1698 году—13 руб. 16 к., или въ рублѣ 7 золотниковъ $27^{56}/_{1366}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. $45^{1}/_{2}$ к.); въ 1699 году—14 р. 18 к., или въ рублѣ 6 золотниковъ $73^{668}/_{709}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. 35 к.); въ 1703 году 15 р., или въ рублѣ 6 золотниковъ $38^{6}/_{15}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. 27 коп.), а 16 августа 1711 г. прекратился выпускъ мелкихъ денегъ и возникли настоящіе серебряные рубли изъ фунта 14 р. 40 к. При уменьшеніи количества серебра, естественно уменьшился размѣръ денегъ, но число монетъ въ рублѣ оставалось то же (¹). Притомъ, такъ какъ прежнія деньги всегда были цѣннѣе послѣдующихъ, то въ народѣ постоянно существовало понятіе о старыхъ и новыхъ деньгахъ, и за старыя деньги давали новыя съ наддачею (²).

Послѣ Елены копѣечный или стоденежный счетъ уступилъ

(¹) Chaud. 124. (²) Доп. V. 190.

въ обычаяхъ двухсотденежному счету. Покрайней мѣрѣ во всѣхъ старинныхъ актахъ XVI и XVII вѣка до половины царствованія Алексѣя Михайловича почти не упоминается о копѣйкахъ и когда говорится *рубль*, то большею частью принимаются его дѣленія на двѣсти денегъ и десять гривенъ, полагая въ каждой гривнѣ по 20 денегъ. Но какъ новгородская деньга была больше московской малой и подходила къ копѣйкѣ, то въ народномъ языкѣ различались двѣ деньги: новгородка и московка. Нормальное отношеніе ихъ было таково, что новгородскую составляли двѣ московскихъ. Привыкши измѣрять количество рубля двумя стами денегъ, русскіе самыя новгородскія деньги клали по 200 денегъ на рубль, почему возникло два рубля, рубль новгородскій и рубль московскій. Нормальное дѣленіе рубля было таково: рубль раздѣлялся на полтины, гривны и алтыны; полтина означала половину рубля, гривна заключала двадцать денегъ, а алтынъ шесть денегъ (отъ татарскаго слова алти — шесть). Но какъ рубль новгородскій былъ вдвое болѣе рубля московскаго, то три деньги новгородскія равнялись алтыну московскому, и алтынъ новгородскій равенъ былъ двумъ московскимъ. Но такое отношеніе не оставалось неизмѣннымъ. Изъ уставной грамоты 1587 года на отдачу въ откупъ пошлинъ говорится: *и на тѣхъ заповѣди полтина новгородская безъ гривны, а московское число рубль два алтына четыре деньги* (1). Если мы допустимъ что слово *безъ гривны* слѣдуетъ принимать въ московскомъ значеніи, переводя на новгородскій счетъ, то выйдетъ, что 80 денегъ новгородскихъ равнялись 216-ти, а не 160, какъ бы слѣдовало; если жъ мы допустимъ, что *безъ гривны* значитъ *безъ десяти новгородскихъ денегъ*, тогда этому послѣднему количеству будетъ равняться 40 денегъ новгородскихъ, ибо въ такомъ случаѣ мы должны будемъ принимать полтину въ 50, а не въ 100 денегъ, и въ первомъ случаѣ получимъ,

(1) С. Гос. Гр. II. 93.

что сто денегъ новгородскихъ равнялись двумъ стамъ семидесяти московскимъ, а въ послѣднемъ, что онѣ равнялись 540. Вѣроятнѣе принять первое.

При Василіѣ Іоанновичѣ, по извѣстію Герберштейна, были еще деньги тверскія и псковскія. Тверскія были равны московскимъ (1), а псковскихъ было два рода: большая и малая; первая имѣла отъ 14 до 19 долей, вторая, полушка, 3½ доли (2); проба новгородокъ была 81⅙, псковской 83⅙, московской 88½, копѣйки Ивана Васильевича 92½ (3).

Кромѣ вышеозначенныхъ денегъ, были еще *полуденьги* (4). Двѣ полуденьги составляли деньгу. Въ нашихъ грамотахъ часто упоминаются полуденьги; иначе онѣ назывались полушками (5); кажется, эта микроскопическая монета заимствована изъ Пскова, гдѣ какъ вышеупомянуто, были московскія деньги въ 3½ доли. Въ концѣ XVII вѣка полушки вышли изъ употребленія.

Первый опытъ къ выпуску серебряной монеты высшаго размѣра сдѣланъ былъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 году. Издавна въ царскую казну собирали иностранную монету, преимущественно нѣмецкіе рейхсталеры, и перечеканивали на мелкую русскую монету. Но царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ каждый рейхсталеръ перечеканивать въ рубль безъ всякой добавки метала и выпускать за рублевую монету, хотя рейхсталеръ въ обращеніи не стоилъ и половины русскаго рубля (6). Вмѣстѣ съ тѣмъ начали чеканить четверти рублевыя и выпускать ихъ по 5 алтынъ 2 деньги. Вскорѣ правительство, вмѣсто перечеканенныхъ рублевиковъ, начало къ самымъ рейхсталерамъ прикладывать *признаки*, то есть штемпели безъ перечеканки, и выпускало ихъ по 21 алтыну съ 2 деньгами (7). Должно думать, и рублевики ходили не полный рубль, то есть

---

(1) Herberst. 39. (2) Чт. въ И. М. О. И. и Др. № 4. 127.— 137. (3) Chaud. 126. (4) Hasse. Nacl. 285. (5) Маржеретъ 50. Petrei Chronic. 310. (6) Mejerberg. 180. (7) Копих. 78.

не 33 алтына 2 деньги, заключавшіеся въ русскомъ рублѣ, но также 21 алтынъ 2 деньги, потому что четверти рублевыя, выпущенныя вмѣстѣ съ рублевиками, составляли дѣйствительно чертверть суммы въ 21 алтынъ 2 деньги, принятой для рейхсталеровъ съ *признаками*. Если же на этихъ рублевикахъ начеканено *рубль*, то, при тогдашней неопредѣленности монетнаго содержанія, можно было понимать рубль и въ большомъ и въ меньшемъ размѣрѣ.

Мѣдныя монеты въ старину назывались пулы (1). По свидѣтельству Герберштейна, при Василіѣ Ивановичѣ шестьдесятъ пулъ шло на одну московскую деньгу. Очень трудно услѣдить видоизмѣненія отношеній этой монеты къ серебру и опредѣлить ея цѣнность. Въ половинѣ XVI вѣка одинъ англичанинъ говорилъ, что въ одной серебряной монетѣ заключалось 18 пулъ (2). Гвагнини полагаетъ въ московской деньгѣ сорокъ пулъ (3). Но въ 1586 году въ Новгородѣ въ деньгѣ считалось приблизительно сто пулъ, какъ это видно изъ грамоты о сборѣ поворотной пошлины, гдѣ опредѣляется со ста стерлядей пошлины три деньги, а съ одной стерляди по три пула (4). Петрей говоритъ, что въ одной серебряной деньгѣ заключалось сто-двадцать пулъ (5). Вѣроятно при высокихъ количествахъ слѣдуетъ принимать деньгу новгородскую, а при меньшихъ московскую. Цѣнность пулы естественно должна была измѣняться при тѣхъ измѣненіяхъ, какимъ подвергались серебряныя монеты, притомъ собственный размѣръ ея былъ чрезвычайно неодинаковъ, какъ это можно видѣть изъ приводимаго г. Чертковымъ извѣстія, что пулы существовали въ 9 и 79 долей. Петрей говоритъ о пулѣ, какъ о монетѣ въ его время, въ началѣ XVII вѣка уже вышедшей изъ употребленія, и прибавляетъ, что она пригодна была толь-

(1) Herberst. 39. (2) Hass. Hacl. 285. (3) Mosc. Descript. 5, Editio Starczewsk. (4) А. А. Э. I. 399. (5) Chronic Mosc. 310 изд. Археогр. Комм.

ко для платы бѣднякамъ, которые работали четверть часа. Въ XVII вѣкѣ нѣтъ помина объ этой монетѣ.

Но Алексѣй Михайловичъ возобновилъ въ другомъ видѣ мелкую монету. Видя, что финансы государства пришли въ разстройство отъ продолжительной войны съ Польшею, царь, желая скопить какъ можно болѣе серебра, приказалъ всѣми мѣрами сбирать въ казну ходячія серебряныя деньги и выпустить вмѣсто ихъ мѣдныя копѣйки, денежки, грошовики и полтинники (1). Мейербергъ говоритъ, что царь, накупивъ на 160 серебряныхъ копѣекъ мѣди, выпустилъ изъ нихъ денегъ сто рублей и съ тѣми издержками, какія нужны были для содержанія одного воина, содержалъ ихъ шестьдесятъ (2). Чтобъ привлечь къ себѣ все серебро, велѣно было сбирать недоимки прошлыхъ лѣтъ (3), а равно десятую и пятую деньгу, сбираемую съ торговыхъ людей на содержаніе войска, непремѣнно серебряными деньгами, а ратнымъ людямъ давать жалованье мѣдью (4). Хотя правительство строго приказывало, чтобъ никто не смѣлъ возвышать цѣнность товаровъ, и чтобъ вездѣ мѣдныя деньги принимались за ту же цѣну, по какой прежде ходили серебряныя, но такъ какъ и тогда понимали, что серебро дороже мѣди, то, по этому, на мѣдныя деньги стали скупать серебряныя и прятать ихъ и тѣмъ подняли цѣну серебра, между тѣмъ товары начали возвышаться въ цѣнѣ и служилые люди, получая жалованье мѣдными деньгами, начали покупать по возвышеннымъ цѣнамъ необходимыя средства для содержанія, а легкость производства мѣдной монеты искушала многихъ на такое художество. Вопервыхъ гости и цѣловальники изъ торговыхъ людей, которымъ порученъ былъ надзоръ за работою мѣдныхъ денегъ на денежныхъ дворахъ, привозили туда купленную на собственное иждивеніе мѣдь и работали деньги для себя, а потомъ ихъ выпускали; а

---

(1) С. Г. Г. IV. 26. Коших. 79. (2) Mejerberg. 315—319. (3) С. Г. Гр. IV. 20—27 (4) Коших. 78.

вовторыхъ денежные мастера, служившіе на денежномъ дворѣ, также серебренники, оловянщики, работали по ночамъ въ погребахъ своихъ мѣдныя деньги и также распускали ихъ въ народъ ([1]). Отъ этого количество мѣдныхъ денегъ до чрезвычайности увеличилось. Въ одной Москвѣ выпущено было поддѣльной монеты на 620,000 рублей ([2]). Между тѣмъ въ Сибири не позволено было вводить мѣдныхъ денегъ; но купцы, отправляясь туда съ запасомъ мѣдныхъ, вымѣнивали на нихъ серебряныя, и такимъ образомъ собирали серебро въ свои руки. Правительство никакъ не въ силахъ было собрать прежняго серебра въ ходячей монетѣ, ибо всѣ старались припрятывать его подальше, или перелить на вещи. Цѣнность серебра такимъ образомъ увеличивалась, искуственная же цѣнность мѣди упадала. Мѣдныя деньги выпущенны были въ 1658 году. Съ сентября 1658 по 1 число марта 1659 г. на рубль серебряныхъ денегъ было прибавки только восемъ денегъ, съ 1 марта по 1 іюля 2 алтына 4 деньги, съ 1 іюля по 1 сентября 3 алтына 2 деньги, съ 1 сентября по 1 декабря 5 алтынъ, съ 1 декабря по 1 марта 1660 г. 10 алтынъ, съ 1 марта по 1 іюня 20 алтынъ, съ 1 іюня по 1 сентября 23 алтына 2 деньги, съ 1 сентября по 1 декабря 26 алтынъ 4 деньги, съ 1 декабря по 1 марта 1661 года за 1 рубль серебряныхъ денегъ давали мѣдныхъ 2 руб., съ 1 марта по 1 іюня 2 р. 8 алтынъ 2 деньги, съ 1 іюня по 1 сентября 2 рубля съ половиною, съ 1 сентября по 1 декабря 3 р., съ 1 декабря по 1 марта 1662 г. 4 р., съ 1 марта по 1 іюня 6 р., съ 1 іюня по 1 сентября 8 р., съ 1 сентября по 1 марта 1663 года 9 р., съ 1 марта 1663 г. по 1 апрѣля 10 р., съ 1 апрѣля по 1 мая 12 руб., съ 1 мая по 15 іюня 15 р. ([3]). За сто копѣекъ серебряныхъ давали 1,500 мѣдныхъ. Такой кризисъ произвелъ всеобщій ропотъ

---

(1) Коших. 79—80.—С. Г. Гр. IV—124—125. (2) Mejerberg. 315—319. (3) П. С. З. I. 578 — 579.

и наконецъ возмущеніе. Народное негодованіе преслѣдовало царскаго тестя Милославскаго и царицына родственника Матюшкина. Толпа народа, взволнованная крикунами, бросилась въ село Измайловское, требуя отъ царя расправы, но, къ счастью, стрѣльцы укротили мятежниковъ. Жестокія казни и ссылки постигли, по словамъ современника, до 15,000 народа (1). Тогда царь увидѣлъ необходимость уничтожить мѣдныя деньги и снова ввести серебряныя. Приказано упразднить производство мѣдныхъ денегъ, выдавать служилымъ жалованье снова серебромъ, въ рядахъ торговать на серебро и платить серебряными деньгами всякіе долги, хотя бы занятые и на мѣдныя деньги. Всѣ мѣдныя деньги дозволено сносить въ Приказъ въ теченіе срока въ Москвѣ двухнедѣльнаго, а въ городахъ мѣсячнаго, для выдачи за нихъ по двѣ серебряныхъ деньги за рубль (2), а равно позволено всѣмъ перелить въ посуду и на всякія другія вещи мѣдныя деньги, но отнюдь не держать ихъ въ домахъ, подъ страхомъ наказанія. Послѣ того снова начали ходить однѣ серебряныя деньги и копѣйки и серебряные алтынники, но полушекъ уже не было. Такъ было до Петра, когда начали бить серебряные рубли.

Правительство приписало неудачу своей операціи (нѣсколько разъ отчасти возобновленной и въ XVIII вѣкѣ) только однимъ поддѣлкамъ, но иностранцы замѣчали, что само правительство слишкомъ горячо начало собирать золото и серебро и раздавать за нихъ мѣдь. Такимъ образомъ, народъ въ свою очередь собиралъ драгоцѣнные металлы (3).

Русскіе золотыя монеты почти не употреблялись въ торговомъ оборотѣ. Цари чеканили ихъ только въ важныхъ случаяхъ, напримѣръ, чтобъ раздать ихъ въ награду особамъ, оказавшимъ

(1) Коших. 83. (2) Соб. Г. Гр. IV. 121—124. (3) Mejerberg. 315—319.

услуги престолу и отечеству. Есть много случаевъ, когда цари раздавали военачальникамъ золотыя монеты, но, быть можетъ, это были монеты иностранныя. Немного такихъ случаевъ, гдѣ положительно извѣстно, что монеты эти были дѣйствительно русскія. Такъ въ 1469 году Иванъ Васильевичъ послалъ князю Василію Ухтомскому двѣ золотыя деньги. Существуетъ золотая монета Ивана Васильевича, чеканенная по образцу венгерскихъ червонцевъ, и, вѣроятно, венгерскими мастерами.

При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ были русскія золотыя монеты съ изображеніемъ св. Георгія. При Владиславѣ были русскія копѣйки, вѣсившія отъ $9\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{2}$ долей золота. Русскія золотыя монеты извѣстны были подъ названіемъ золотыхъ московокъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ чеканили въ Россіи иностранныя червонцы, какъ это видно изъ экземпляра хранящагося въ вѣнскомъ кабинетѣ. Русская золотая монета изображала одинъ рубль или сто копѣекъ (1).

Русскія деньги по наружному виду показываютъ, что форма ихъ заимствована отъ татаръ. Онѣ были неправильной фигуры, болѣе овальныя, и столь малы, что легко могли затеряться. Купцы при разсчетѣ имѣли привычку набирать ихъ въ ротъ до пятидесяти штукъ и, такимъ образомъ, иногда обсчитывали покупателей (2). Въ старину изображенія на нихъ были произвольныя: цвѣты, четвероногія, птицы, деревья и проч., но въ XVI вѣкѣ онѣ принимаютъ однообразный видъ. Копѣйка, какъ выше сказано, имѣла изображеніе всадника на конѣ, поражающаго копьемъ змія; на другой сторонѣ надпись: царь и великій князь (такой-то). Новгородская деньга, равная, по закону, въ цѣнности копѣйкѣ, имѣла изображеніе князя, сидящаго на престолѣ: передъ нимъ кланяющійся до земли человѣкъ; на другой сторонѣ также царское имя (3). Московская малая деньга, мо-

(1) Chaud. 109 (2). Olear. Reisebeschr. (3) Gwagn. Mosc. Descr. 5.

сковка, имѣла изображеніе скачущаго всадника съ поднятымъ мечемъ или бичемъ. Тверская имѣла съ обѣихъ сторонъ надписи ([1]). Серебряные рублевики, перечеканенные Алексѣемъ Михайловичемъ изъ рейхсталеровъ, носили изображеніе двуглаваго орла, съ надписью вокругъ головы: *лѣта* (такого-то), а подъ ногами *рубль*, на оборотѣ изображеніе всадника на конѣ а кругомъ вычеканенный царскій титулъ; серебряныя четвертины или полуполтины носили изображеніе человѣка на конѣ съ надписью вокругъ: *полуполтина*, а на оборотѣ царское имя; на серебряныхъ алтынникахъ, попадающихся отъ конца XVII вѣка, былъ двуглавый орелъ, на оборотѣ слово *алтынникъ*, а въ верху годъ. На мѣдныхъ полтинникахъ было такое же изображеніе, какъ и на серебряныхъ рублевикахъ, только подъ двуглавымъ орломъ вмѣсто слова *рубль* выбито было слово *полтинникъ*; на мѣдныхъ алтынникахъ и грошовикахъ было такое же изображеніе всадника на конѣ съ надписью вокругъ: *алтынникъ*, а на грошовикахъ *четыре деньги*. Мѣдныя копѣйки и деньги носили такія же изображенія, какъ и серебряныя ([2]). Золотыя деньги имѣли тѣже изображенія.

Въ XVI вѣкѣ каждый золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ могъ чеканить монету. Правительство требовало отъ нихъ, чтобъ эта монета имѣла опредѣленный вѣсъ и чистоту. Жители приносили къ мастерамъ слитки серебра и получали отъ нихъ выдѣланную монету. Великіе князья иногда давали позволеніе мастерамъ чеканить монету съ ихъ именемъ, какъ, напримѣръ, Иванъ Васильевичъ позволилъ Аристотелю Болонскому чеканить монету съ собственнымъ именемъ и съ изображеніемъ всадника, а подъ нимъ цвѣтка ([3]). Въ торговыхъ оборотахъ на монету смотрѣли, какъ на товаръ и взвѣшивали ее на скаловые вѣски. Естественно, что отъ права всякому производить монету,

---

([1]) Herberst 39. ([2]) Соб. Г. Гр. IV, 26—27. ([3]) Библ. Иностр. пис ате. Рос. 190.

возникали большія злоупотребленія и обманы, какъ этому мы видимъ примѣры при Васильѣ Ивановичѣ и при правительницѣ Еленѣ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ денежные мастера были уже подъ болѣе строгимъ надзоромъ правительства. Еще въ малолѣтство этого государя, въ Новѣгородѣ былъ денежный дворъ, гдѣ по царскому указу назначенный московскій гость съ товарищами вѣдалъ денежныхъ мастеровъ (1). Въ Торговой книгѣ, писанной въ послѣднихъ годахъ царствованія Іоанна Васильевича, говорится, что иностранные рейхсталеры *плавятъ на государевомъ дворѣ денежномъ* и какъ притомъ идетъ рѣчь о доставкѣ покупнаго серебра въ Москву, то изъ этого видно, что и въ Москвѣ въ то время монетное производство было въ рукахъ правительства (2). Но въ XVI вѣкѣ оно не было еще совершенно изъято отъ участія частныхъ лицъ. Петрей говоритъ, что монету дѣлали въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ и Твери, и что были знатнѣйшіе граждане и купцы, облеченные дозволеніемъ чеканить монету, только съ имепемъ царя и съ опредѣленнымъ изображеніемъ (3). При Михаилѣ Θеодоровичѣ монету чеканили въ тѣхъ же четырехъ городахъ (4) и для того въ этихъ городахъ были заведены денежные дворы. Денежные мастера, работавшіе на дворахъ, получали царское жалованье. Для предупрежденія злоупотребленій на денежныхъ дворахъ были двое головъ: одинъ изъ дѣтей боярскихъ, другой изъ гостей или торговыхъ людей, и сверхъ того, нѣсколько цѣловальниковъ, выбранныхъ изъ посадскихъ людей и приведенныхъ къ крестному цѣлованію (5).

По поводу распространившагося въ 1637 г. дѣланія фальшивой монеты и привоза ея изъ-за границы, правительство издало строгія мѣры въ таможняхъ и преслѣдовало жестоко тѣхъ, которые имѣли у себя денежныя формы (маточники) (6). Всѣ

(1) Соф. Врем. 387. (2) Торг. кн. 116. З. А. О. I. (3) Petrei Chronic. 319. (4) Olear. Reisebeschr. 213. (5) Разрядн. кн. 81. Врем. III. (6) Соб. Г. Гр. III 360.

старыя деньги велѣно было собрать и перечеканить на денежномъ дворѣ ([1]). Такимъ образомъ въ это время русская монета была исключительно произведеніемъ казны. При Алексѣѣ Михайловичѣ денежные дворы были въ Москвѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ ([2]); на денежномъ дворѣ начальствовали дворянинъ и дьякъ, а при нихъ для пріема и оцѣнки серебра находились вѣрные (выборные и приведенные къ крестному цѣлованію) головы и цѣловальники ([3]). Во время выпуска мѣдныхъ денегъ въ тѣхъ же городахъ учреждены были *денежные дворы мѣднаго дѣла*, но по прекращеніи выпуска уничтожены и по прежнему возстановлены денежные дворы серебрянаго дѣла ([4]). Къ концу XVII вѣка денежные дворы въ городахъ не существовали: оставался одинъ денежный дворъ въ Москвѣ ([5]).

Русская страна, незнавшая у себя ни золота ни серебра, естественно должна была заботиться о привлеченіи драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы, и въ томъ числѣ иностранной монеты: русскіе перечеканивали ее на свою монету. Поэтому правительство постоянно хлопотало, чтобъ чрезъ торговлю и платежъ пошлинъ переходило какъ можно болѣе иностраннаго золота и серебра въ Россію. Еще при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ правительство имѣло объ этомъ сильное попеченіе ([6]). При преемникахъ его оно держалось того же направленія, обращало иностранную монету въ свою собственность и выпускало русскія деньги ([7]). Но при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стремленіе собирать въ казну иностранныя деньги доходило до страсти ([8]).

Звонкая иностранная монета, ходившая въ Россіи, была золотая и серебряная и принималась на вѣсъ, какъ и всякій

([1]) Доп. III. 193. ([2]) Соб. Г. Гр. IV. 121. ([3]) Коших. 77, 79. ([4]) Соб. Г. Гр. IV, 121—129. ([5]) Das Gr. Reich. v Moscov. 181. ([6]) Раф. Барб. 35. ([7]) А. И. IV. 313. Доп. III. 190. ([8]) Коших. 77.

другой товаръ ([1]). Иностранныя золотыя монеты, ходившія въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, были:

Червонцы или дукаты угорскіе ($23^3/_4$ карата), голландскіе ($23^7/_{12}$ карата), польскіе ($23^1/_2$ карата), флорентинскіе (въ 72 грана), рейнскіе, корабленики или англійскіе шифснобли (shiffs nobles или Roses nobles), имѣвшія на одной сторонѣ изображеніе корабля съ мечемъ и щитомъ, а на другой розы (въ $136^{56}/_{79}$ грановъ три) португальскіе, самые большіе по объему (въ португальскую унцію) ([2]). Русскіе измѣряли ихъ вѣсъ своими деньгами; въ концѣ XVI вѣка угорскіе вѣсили 10 денегъ съ полуденьгою, корабленики 3 алтына 3 деньги, а португальскіе 17 алтынъ и 3 деньги ([3]).

Цѣнность иностранныхъ золотыхъ монетъ въ сравненіи съ русскими была подвержена измѣненіямъ. Она возвышалась передъ важными торжественными случаями, какъ напр., передъ царскою свадьбою или крестинами царевичей, когда бояре и представители общинъ приносили царю подарки, состоявшіе изъ червонцевъ, положенныхъ въ дорогихъ кубкахъ или на блюдахъ, равномѣрно червонцы дорожали каждый годъ передъ Пасхою, ибо русскіе, приходя христосоваться къ боярамъ и вообще знатнымъ лицамъ, приносили имъ въ падарокъ разныя драгоцѣнности и въ томъ числѣ червонцы ([4]). При томъ, такъ какъ червонцы принимались на вѣсъ и по качеству золота, то цѣнность ихъ зависѣла и отъ этихъ обстоятельствъ. Чѣмъ золото было краснѣе тѣмъ считалось лучше и дороже, чѣмъ блѣднѣе, тѣмъ хуже и дешевле ([5]); наконецъ измѣненіе цѣнности нашего рубля измѣняло и отношенія къ нему иностранныхъ монетъ. Угорскіе и голландскіе червонцы были въ одинаковой цѣнѣ между собою.

([1]) Врем. VIII. Торг. кн. 10. ([2]) Chaud. 62—64. ([3]) Торг. кн. 117, Зап. Арх. Общ. I. ([4]) Маржер. 50 — 51. ([5]) Кильбург. 146. Gwagn. Mosc. Descript 5. Fletch. The Russ. Commonw. 32.

Въ концѣ XVI вѣка иностранцы опредѣляли цѣнность ихъ отъ 50 до 60 денегъ (вѣроятно повгородскихъ) (¹); въ Торговой книгѣ дукатъ угорскій оцѣненъ въ 17 алтынъ 3 деньги (²). Въ началѣ XVII вѣка цѣнность дукатовъ была отъ 18 до 21 алтына, а иногда, по мѣрѣ большаго требованія, достигала и одного рубля (³). Въ половинѣ XVII вѣка червонецъ стоилъ рубль. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича и при Θеодорѣ Алексѣевичѣ они колебались между рублемъ и рублемъ двадцатью пятью копѣйками. Но вообще въ это время нормальная цѣнность его была рубль, ибо такъ велѣно было брать его отъ иностранцевъ за пошлины въ казну. Если мы переведемъ тогдашнюю цѣнность на нынѣшній вѣсъ металла, то найдемъ, что цѣнностъ червонца колебалась между 1 руб. 80 коп. и 2 руб. 50 к. нашей настоящей монеты. Рейнскіе червонцы были равноцѣнны дукатамъ, но какъ впослѣдствіи начали ихъ чеканить изъ 72 долей чистаго золота, дополняя остальное количество серебромъ, то они упали въ цѣнѣ. Польскіе червонцы въ XVI вѣкѣ были меньше рубля: ихъ было $2^{916}/_{1000}$ въ одномъ русскомъ рублѣ, но въ началѣ XVII вѣка 200 рублей оцѣнено въ 660 флориновъ польскихъ слѣдовательно $2^{15}/_{60}$ составляли рубль. Португальскіе червонцы съ крестомъ составляли относительную рѣдкость. Каждый вѣсилъ десять дукатовъ; въ концѣ XVI вѣка онъ принимался за пять рублей съ четвертью; корабленики — за одинъ рубль десять денегъ.

Изъ иностранныхъ серебряныхъ монетъ ходили у насъ англійскіе шиллинги, голландскіе гульдены, нѣмецкіе рейхсталеры и разные талеры, вообще называемые у насъ ефимками (Joachims thaler). Номинальная цѣна шиллингу была два алтына, и рубль ходилъ 16 шиллинговъ 8 пенсовъ, но въ самомъ дѣлѣ русскій

(¹) Ист. Г. Рос. IX, Прим. 731. (²) Торг. кн. 117. (³) Днев. Марины.

рубль по его измѣнчивости принимали за 13 и даже за 12 шиллинговъ ([1]); голландскіе гульдены въ XVII вѣкѣ ходили отъ шести алтынъ четырехъ денегъ до восьми алтынъ ([2]). Рейхсталеры, называемые у насъ ефимками, составляли особую заботу правительства, старавшагося наполнять ими казну ([3]). Цѣнность ихъ на русскія деньги была различна, но вообще вращалась около полтины. При Иванѣ Васильевичѣ талеры ходили 13 алтынъ $1^5/_9$ деньги ([4]), въ Торговой книгѣ имъ назначена цѣна отъ 12 алт. съ деньгою до 14 алт. 5 денегъ, смотря по качеству, ибо замѣчено было, что прежніе талеры были доброкачественнѣе, а потому и цѣнились дороже ([5]). Маржеретъ говоритъ, что въ его время русскіе покупали ефимки за 12 алтынъ или 36 большихъ денегъ (72 московки), а при перечеканкѣ получали 42 большія деньги (84 московки) или 14 алтынъ ([6]).

При Михаилѣ Ѳедоровичѣ рейхсталеръ цѣнился въ половину ([7]). Русскіе выдѣлывали свой рубль изъ двухъ рейхсталеровъ и при этомъ получали выгоду, ибо тогдашній рубль былъ менѣе двухъ рейхсталеровъ двумя лотами вѣса серебра ([8]). При Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно брать у пріѣзжихъ иностранныхъ торговцевъ талеры по 13 алт. 2 деньги и по 14 алтынъ, а правительство сначала, какъ выше сказано, перечеканивало ихъ, впослѣдствіи выставляло на нихъ только московскій гербъ и годъ, и пускало въ оборотъ по 21 алтыну съ двумя деньгами. При этомъ казна выигрывала на каждомъ талерѣ отъ 7 алтынъ двухъ денегъ до 8 алтынъ. По выпускѣ мѣдныхъ денегъ, когда серебро поднялось въ цѣнѣ, возвысилась цѣнность талеровъ. Мейербергъ говоритъ, что 64 серебряныхъ копѣйки составляли рейхсталеръ ([9]), что, при переводѣ на болѣе обычный тогдашній счетъ

([1]) Hacl. 285. ([2]) Доп. V, 218. 234. ([3]) Соб. Г. Г. III, 316, 409. ([4]) Ист, Солов. VI, 143, ([5]) Торг. кн. 116. З. А, О. 1, ([6]) Маржер, 50. ([7]) Olear. 49, ([8]) Olear. 213. ([9]) Mejerb. 315.

составляло 20 алтынъ 4 деньги. По Торговому уставу 1667 года приказано было брать у прiѣзжихъ иностранцевъ въ пошлину рейхсталеръ по полтинѣ (по 14 талеровъ въ фунтѣ) (1). При этомъ велѣно было брать любскiе талеры, а избѣгать *крестовыхъ* (съ изображенiемъ креста), въ которые тогда подмѣшивали мѣди. Въ 1674 г. рейхсталеръ ходилъ отъ 55 до 58 коп. (2). Итальянскiе талеры принимались дешевле, потому что были легче; шведскiе, носившiе простонародное названiе плѣшивцевъ, при передѣлкѣ въ деньги обходились въ 12 алтынъ безъ новгородки, то есть, безъ двухъ денегъ. Отъ этого торговцы совѣтовали ихъ брать въ вѣсъ четвертью меньше, потому что въ нихъ серебро было нечисто (3).

ГЛАВА VI.

Описавъ пути торговли и законы, которымъ она была подчинена, изложивъ состоянiе торговаго класса въ Русскомъ Государствѣ въ XVI и XVII вѣкахъ, исчисливъ мѣры, вѣсы и деньги, употреблявшiяся въ тогдашней нашей торговлѣ, мы теперь приступимъ къ исчисленiю ея предметовъ:

1. ПРЕДМЕТЫ ЦАРСТВА ИСКОПАЕМАГО.

Соль. Русская земля производила въ различныхъ мѣстахъ значительный запасъ соли, хотя производство ея далеко не обнимало всей возможности добыванiя даже и по тогдашнимъ силамъ. Соль добывалась на Сѣверномъ морѣ, въ Вычегдѣ, Пермской землѣ—Соликамскѣ, Чердынѣ, Тотьмѣ, Сольгаличѣ, Кир-

---

(1) Доп. V, 185. (2) Кильбургъ. 119, (3) Торг. кн. 16, Врем. VIII,

жакѣ, Мангазіи, Старой Русѣ, на Холуѣ въ Ряполовскомъ Стародубѣ, на Волгѣ въ различныхъ мѣстахъ и особенно около Астрахани. На всемъ протяженіи западнаго берега Онежской Губы занимались вываркою морской соли. Соловецкій монастырь имѣлъ варницы, между прочимъ въ Керецкой волости, и добывалъ соль посредствомъ наемныхъ солепромышленниковъ, которыхъ въ половинѣ XVII вѣка было у него до 700 человѣкъ, постоянно жившихъ, и получавшихъ отъ монастыря денежное жалованье и годовое содержаніе. Добывая ежегодно до 100,000 пуд. соли, монастырь отправлялъ ее въ Вологду и Устюгъ, для промѣна на разные запасы и хлѣбъ, котораго не было въ сѣверныхъ приморскихъ странахъ. Монастырь пользовался правомъ безпошлинной торговли солью, но вообще платилъ въ казну 530 р. за всѣ угодья и промыслы, какіе только принадлежали ему (¹). Ко времени подвоза монастырской соли въ Вологду, купцы, торговавшіе ею, прибывали въ этотъ городъ. Въ 1668 г. продажа монастырской соли въ Вологдѣ подчинилась правиламъ: выбирались нарочные цѣловальники изъ посадскихъ людей и назначалось двое отставныхъ дворянъ: они обязаны были наблюдать за продажею соли, записывать деньги, взятыя за нее, по статьямъ и по числамъ, и увѣдомлять разрядъ о количествѣ проданной соли (²). На Онегѣ Каргополь былъ, какъ уже замѣчено важнымъ пунктомъ соляной сѣверной торговли. Немаловажная часть соли сбывалась въ Холмогорахъ, ибо сосѣдніе жители береговъ Ваги привозили туда хлѣбъ, масло, простыя сукна и прочіе товары, которые промѣнивали Поморцамъ на соль (³). Каргопольцы, усть-мерехшане и порошане ѣздили за солью къ соловарнямъ, а равно и сами солепромышленники привозили соляные грузы и складывали въ Турчасовѣ и Каргополѣ. Соль доставлялась въ эти мѣста по Онегѣ съ большимъ затрудненіемъ

(¹) А. А. Э. III, 154. (²) Доп. V, 389. (³) А. А. Э. III, 153.

по причинѣ пороговъ; поэтому на порогахъ были всегда готовы козаки и тяглецы; первые исключительно занимались выгрузкою и нагрузкою соли, послѣдніе были изъ мѣстныхъ жителей; ихъ промыселъ былъ — тянуть суда черезъ пороги и вообще вверхъ по рѣкѣ. Коль скоро судно, нагруженное солью, достигало пороговъ, таможенники, постоянно долженствовавшіе находиться на этомъ мѣстѣ, посылали козаковъ и тяглецовъ, первыхъ для перегрузки, вторыхъ для перетяжки и провоза судовъ. Привозимая на мѣсто соль складывалась въ амбарахъ у мѣстныхъ купцовъ или въ особо-устроенныхъ сараяхъ на гостиномъ дворѣ. При выгрузкѣ соли, козаки должны были складывать ее въ стопы, а при продажѣ пріѣзжимъ купцамъ набивать въ рогожи, и брали за то по полуденьгѣ отъ рогозины или мѣха (1). Козаки были въ завѣдываніи таможенниковъ, которые должны были всегда имѣть ихъ шестьдесятъ человѣкъ на готовѣ, и никто кромѣ козаковъ, не смѣлъ заниматься этимъ промысломъ. Соль изъ Каргополя шла преимущественно въ Бѣлоозеро, а оттуда развозилась по всей Россіи. Въ Пермской землѣ были значительныя соловарни у Строгановыхъ (2). Вываренная на нихъ соль складывалась въ сапцы: въ каждомъ сапцѣ было шесть пудовъ (3); она отправлялась въ Нижній на продажу (4). На мѣстѣ она стоила $1^1/_2$ коп. или 3 деньги, но въ Москвѣ 6 алтынъ 2 деньги. Соль тотемская вываривалась въ незначительномъ количествѣ и отправлялась также въ Нижній. Она была достоинствомъ лучше морской и пермской, и бѣлизною не уступала люнебургской, которая тогда славилась въ Европѣ. Соль добываемая въ Сольгаличѣ служила только для удовлетворенія потребности сосѣдняго народонаселенія. Не далеко отъ Новгорода, близъ Старой Русы, добывалась соль натуральная изъ озера, и въ концѣ XVI вѣка почиталась лучшею

---

(1) А. А. Э. 178 и 225 (2) Доп. II, 105. (3) С. Г. Гр. IV. 194. (4) Кильбург. 58.

въ Россіи ([1]). Въ XV вѣкѣ еще не было добыванія этой соли и Великій Новгородъ получалъ соль изъ-за границы, а въ XVII вѣкѣ, соль, старорусская продовольствовала сѣверо-западный край Россіи ([2]). Соляные промыслы на озерѣ принадлежали посадскимъ людямъ, хотя и находились въ дворцовыхъ и черныхъ селахъ, и посадскіе очень ими дорожили, ибо въ 1617 году просили не раздавать въ помѣстья волостей, лежавшихъ близъ озера, чтобъ имъ самимъ не лишиться участныхъ владѣльцевъ права добывать соль [3](). При соляной операціи назначались цѣловальники, выборные изъ посадскихъ, находившіеся подъ надзоромъ воеводы и обязанные наблюдать за операціею([4]). Старорусская соль добывалась въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ ([5]). Соляные промыслы въ Старой Русѣ, и какъ кажется повсюду, въ XVI вѣкѣ были обложены податью, такъ называемою сотною солью. Эта пошлина состояла изъ трехъ денегъ на сотню (вѣроятно пудовъ) ([6]). Въ 1646 году была положена высокая пошлина на соль — каждый солеторговецъ обязанъ былъ платить по 2 гривны съ пуда ([7]). Но вскорѣ вспыхнувшее неудовольствіе народа заставило уничтожить эту подать.

Самые важнѣйшіе соляные промыслы въ Россіи безспорно были волженскіе. Около Нижняго существовало добываніе соли, впрочемъ незначительное. Пониже Симбирска русскіе выламывали соль, сушили на солнцѣ и складывали въ кучи на подобіе кургановъ, потомъ клали въ суда и отправляли въ Нижній ([8]). Между Симбирскомъ и Самарой въ половинѣ XVII вѣка заведено было усолье, бывшее на откупу отъ казны, потомъ въ 1660 году оно пожаловано монастырю Саввы Сторожевскаго, а

([1]) The Russ. Commonw. 22. ([2]) Пам. Дипл. Снош. I. 17. А. И. V. 413. ([3]) А. А. Э. III, 125. ([4]) С. Г. Гр. I. 388. ([5]) А. И. V, 413. ([6]) The Russ. Commonw. 22—23. ([7]) А. А. Э. IV. 5. ([8]) Olear. 353.

въ 1674 году поступило въ завѣдываніе казеннаго воеводы. Оно не имѣло важнаго значенія, тѣмъ болѣе, что его раззорили козаки. Самое обильное добываніе соли было около Астрахани изъ соляныхъ озеръ. Эта соль находилась исключительно въ вѣдѣніи казны (1), а промышленникамъ предоставлено было являться на озера и нагребать соль, съ платою за то въ казну. При Михаилѣ Өедоровичѣ за право нагребать соль, въ астраханскихъ озерахъ платили по 1 деньгѣ съ пуда. При Алексѣѣ Михайловичѣ, во время всеобщаго повышенія пошлины на соль, астраханское соледобываніе обложено было только половиннымъ количествомъ этой пошлины (2). Впослѣдствіи плата за соль оставалась та же, какъ и при Михаилѣ Өедоровичѣ: по 1 деньгѣ за пудъ, но сверхъ того за право нагребать соль платили по 1 алтыну съ сотни пудовъ. Во все продолженіе XVII вѣка въ астраханскихъ соленыхъ озерахъ наблюдали такой порядокъ: соляные торговцы, отправляясь въ Астрахань за солью, должны были брать изъ приказа подписныя челобитныя, т. е. подавать челобитныя, на которыхъ дьяки подписывали позволеніе. Эти подписныя челобитныя служили торговцамъ вмѣсто свидѣтельства. На соляныя озера посылаемы были дѣти боярскіе и цѣловальники (при Михаилѣ Өедоровичѣ одинъ сынъ боярскій съ двумя цѣловальниками). Они обязаны были надзирать за правильностію промысла, между прочимъ, чтобъ торговцы не продавали никому нагребенной соли; при нихъ складывали соль въ паузки, завозни и струги, а они измѣряли эти небольшія суда въ длину и ширину и отсылали въ Караузикъ, гдѣ была общая соляная пристань. Тамъ находились ларечный цѣловальникъ съ двумя цѣловальниками, а при Алексѣѣ Михайловичѣ и отрядъ стрѣльцовъ. Они обязаны были надзирать за пересыпкою соли изъ мелкихъ судовъ въ большія. Эта пересыпка производилась че-

---

(1) А. И. V. 187. (2) А. А. Э. IV. 5.

резъ заорленыя (клейменныя) кади въ двадцать пудовъ каждая, а какъ предполагалось, что вѣсъ соли впослѣдствіи отъ высушки убавится, то насыпали наддачью (1). Здѣсь промышленники платили пошлину. Астраханская соль отправлялась на казенныхъ суднахъ въ Нижній и тамъ оплачивалась (2) пошлиною, исключая той, которую нагребали монастыри, имѣвшіе привилегію на безпошлинную торговлю извѣстнымъ количествомъ соли. Провозъ до Нижняго-Новгорода предполагалъ увѣсъ (уменьшеніе вѣса) отъ высушки соли; при обложеніи пошлинами, а равно и при продажѣ происходили споры и недоумѣнія, поэтому въ 1667 г. велѣно въ Нижнемъ Новгородѣ на тысячу пудовъ набранной въ астраханскихъ озерахъ соли и записанной въ такомъ числѣ въ проѣзжихъ граматахъ считать сто пудовъ увѣсу (3). Такимъ образомъ, Нижній Новгородъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ соли въ государствѣ: отсюда она развозилась во всѣ стороны и продавалась на ярмаркахъ и торгахъ, на гостинныхъ дворахъ, въ амбарахъ и въ лавкахъ.

Въ XVI вѣкѣ соль продавалась мѣхами, рогозинами и лубьями. Рогозина заключала въ себѣ десять пудовъ, а три луба составляли рогозину, но были рогозины и въ шесть пудовъ; а а въ XVII вѣкѣ правительство приказывало продавать соль на пуды, взвѣшивая ее; въ Новгородѣ соль привозилась на оптовую продажу бочками, вѣсомъ отъ трехъ до девяти пудовъ въ бочкѣ (4). Соль составляла предметъ торговли на всѣхъ рынкахъ и назначалась преимущественно для внутренняго потребленія. Потребность ея въ большихъ количествахъ поддерживалась обычаемъ употреблятъ рыбу и даже мясо солеными. Въ XVI вѣкѣ соль наша не вывозилась за-границу. Англичане не при-

(1) А. И. III. 273 — А. И. IV. 519. (2) Кильб. 57. (3) С. Г. Гр. IV, 194. (4) С. Г. Гр. II, 137.— А. А. Э. II, 275.— А. г. Шуи. 42.—Таможенная новгородская книга 1613 года, хранящаяся въ Стокгольскомъ государственномъ Архивѣ.

знали ее въ числѣ товаровъ, годныхъ къ вывозу и нашли въ ней дурныя качества (1), но въ XVII вѣкѣ голландскій купецъ Кильбургеръ не находилъ ее дурною; изъ этого можно заключить, что въ теченіе столѣтія наши соляные промыслы не остались безъ улучшенія. Соль отправлялась, какъ мы выше сказали, въ Швецію и въ Литву. Въ половинѣ XVII вѣка соль значится и между товарами, которые въ Вологдѣ покупали англичане (2). Впрочемъ отвозъ соли за границу не могъ быть значителенъ, ибо правительство не только не поощряло его, но часто и воспрещало. Такъ при царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ въ Псковѣ запрещено было подъ смертною казнью вывозить соль за рубежъ (3). Притомъ для иностранцевъ соль наша годилась, какъ видно, только въ крайности; такъ что нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, не могли къ ней привыкнуть и выписывали себѣ соль изъ Германіи (4). Цѣна на соль въ половинѣ XVII вѣка и срединѣ Россіи была за пудъ около шести алтынъ и двухъ гривенъ (5) (при сравненіи съ нашими деньгами настоящаго времени около сорока копѣекъ). Цѣна эта не всегда и не вездѣ была одинакова, ибо на строгановскихъ соловарняхъ санецъ соли въ шесть пудовъ стоилъ иногда двѣ гривны, а иногда цѣна, возвышаясь, достигала четырехъ гривенъ. Въ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка былъ въ употребленіи родъ соли, называемой крупкою, цѣна соли была тогда въ Новгородѣ отъ $2^1/_2$ до $4^1/_4$ р. за берковецъ (6).

Металлы. Россія почти не обработывала своихъ металловъ. При Іоаннѣ III находка печерскихъ рудниковъ была, кажется, столь же безплодна, какъ многочисленныя попытки правительства къ отысканію руды въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Только желѣзо выдѣлывалось у насъ *въ горнахъ* и *домницахъ* (7) въ

---

(1) Lett. of the Mosc. comp. Hacl. 345. (2) Доп. III, 148. (3) А. А. Э. III, 192. (4) Кильбург. 82. (5) Расх. кн. Никона,—Врем. XIII, 26.— Доп. II, 138. (6) Тамож. новг. кн. въ Стокг. госуд. арх. (7) Доп. I. 163.

Орѣшкѣ, въ землѣ Корельской, Каргополѣ, Тихвинѣ, Новгородѣ, Устюжнѣ, прозванной желѣзнопольскою ([1]) и около Коширы ([2]). Это не были правильные заводы, а только крестьянскіе опыты. Иванъ Васильевичъ даровалъ англичанамъ право завести желѣзные заводы въ Вычегдѣ ([3]). Желѣзо наше не считалось хорошимъ по качеству. Изъ него выдѣлывались сошники, гвозди и разныя принадлежности крестьянскаго быта. Укладъ тихвинскій былъ дешевле новгородскаго и продавался по 4 р. за 1000 вершковъ, а укладъ новгородскій 10 р. за 1000 вершковъ. Укладъ корельскій стоилъ за пудъ отъ 20 до 23 алтынъ. ([4]) При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ нѣмцы, по приглашенію царя присланные саксонскимъ герцогомъ, открыли желѣзную руду близь Тулы и начали ея обработку ([5]). Въ семи верстахъ отъ Тулы поставленъ былъ горнъ, гдѣ вытягивалось прутовое желѣзо. Потомъ этотъ заводъ отданъ иностранцамъ Петру Марселису и Тильману Акемѣ или Акману, съ условіями пользоваться имъ безоброчно двадцать лѣтъ, а потомъ платить съ каждой плавильной печи по сту рублей и, въ продолженіи, какъ льготныхъ лѣтъ такъ и послѣднихъ, доставлять въ казну желѣзо оружейное по 20 алтынъ, досчатое по 26 алтынъ 4 деньги, прутовое по 13 алтынъ 2 деньги, ядерное по 10 алтынъ, а проволочное съ убавкою противъ ходячей цѣны Въ 1656 году существовали въ томъ же краю еще два завода: одинъ на рѣкѣ Угодѣ, а другой въ Поротовскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Протвѣ. Въ 1664 г. у Марселиса заводы были отняты, а поротовскій и угодскій отданы Акемѣ (Акману) съ племянниками и имъ дана на содержаніе волость. Царь подтвердилъ имъ тѣ же привилегіи, какія даны были заводчикамъ отцомъ его, съ уго-

---

([1]) Ист. Г. Росс. X 253.—Торг. кн. 136.—Зап. Арх. Общ. I, ([2]) Herderst. 44. ([3]) Ст. Спис. Флетч. 28.—Hacl. 227. ([4]) Торг. кн. 136. ([5]) Olear. 157.

воромъ доставлять 11,250 пудовъ прутоваго и 3750 п. связнаго желѣза въ казну по установленной цѣнѣ 16 алтынъ, 4 деньги за пудъ. Вскорѣ Марселису возвращенъ былъ заводъ, и въ 1668 году онъ доставлялъ въ казну 20000 пудовъ прутоваго и связнаго, 5000 кованыхъ досокъ, 6000 ядеръ, 20 пушекъ и разной мелочи по условленнымъ съ казною цѣнамъ (1). Эти заведенія имѣли право, сверхъ доставки въ казну, продавать желѣзо въ частныя руки и за-границу, но непремѣнно за звонкую монету, которую были обязаны доставлять въ казну и брать за нее русскую монету по установленной цѣнѣ (2). Заводъ Марселиса имѣлъ три печи и десять молотовъ съ двойными горнами; заводъ протвинскій—двѣ печи и четыре молота; состояніе угодскаго завода неизвѣстно (3). Сверхъ того въ 52 верстахъ отъ Москвы былъ казенный павловскій заводъ, но онъ шелъ плохо. Въ самой Москвѣ за Неглинной былъ монетный заводъ, существовавшій еще прежде: тамъ лили пушки и колокола (4). Лучшій заводъ былъ Протвинскій. На этомъ заводѣ выдѣлывалось полосовое желѣзо трехъ сортовъ, пушки выдержавшія опыты въ Голландіи, двери, ставни, якоря въ 22 четв. длины и столько же ширины, солеварные црѣны, сабельные клинки, ядра, ручныя мукомольныя мельницы, топоры, бердыши, лопаты, засовы, телѣжныя принадлежности, гвозди и проч. Въ 1668 г. желѣзо съ заводовъ продавалось въ казну отъ 8 алтынъ до 1 р. 15 алт. за пудъ. Самое цѣнное желѣзо было листовое кровельное по 1 р. 15 алт. за пудъ. Кованыя дверныя доски продавались по 30 алт. за пудъ, желѣзо въ ядрахъ, пушкахъ и плитахъ по 8 алт. за пудъ. Топоры, бердыши, шпаги, пики, полупики продавались по штучно; стволъ мушкетный, шпага, сабля продавались по 20 алтынъ, полупика 4 деньги, топоръ

(1) Доп. V, 390—399. (2) Olear. 149 (3) Доп. V, 390—399.—Кильб. 69—71. (4) Доп. V, 409.

и бердышъ 5 алт., ручная мельница 5 руб. гвозди и всякая мелочь 23 алт. 2 деньги за пудъ, связное желѣзо 16 алт. 4 деньги за пудъ, сохи по 2 гривны за пару. Въ 1674 г. въ общей продажѣ желѣзо полосовое продавалось у Марселиса отъ 5 до $5^1/_2$ гривенъ или отъ 16 алт. 4 деньги до 19 алт. 2 денегъ; у Акмана отъ 6 до $6^1/_2$ гривенъ или отъ 20 алт. до 22 алт. 2 денегъ; листовое у Марселиса по рублю, у Акмана по 1 р. 3 алт. 2 ден., двойное по 1 руб. 6 алт. 4 деньги, литыя вещи по полтинѣ.

Не смотря на эти домашнія заведенія, Россія не обходилась безъ иностраннаго желѣза. Въ 1671 году привезено въ Россію 1957 пуд., въ 1672—123,901 пуд., въ 1673 — 662 пуд. Желѣзо, привозимое въ Россію, доставлялось преимущественно изъ Швеціи черезъ Новгородъ (1). Привозъ желѣза подвергался общему характеру нашего привоза, именно: одинъ разъ привозили значительное количество товаровъ, а въ другіе годы несравненно менѣе, и отъ того случался недостатокъ въ странѣ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, Тихвинскій монастырь, нуждаясь въ желѣзѣ для связокъ въ каменной постройкѣ, просилъ особаго дозволенія послать въ Швецію свои товары для промѣна на желѣзо. Видно, что по-близости въ Россіи, нельзя было купить желѣза. У насъ издавна работали всякія желѣзныя издѣлія. Такъ въ Муромѣ дѣлали клепаны, которые украшались серебряными рѣзными черенками и носили названіе муромскихъ (2); въ Бѣжецкомъ Верху—а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ — работали косы и серпы (3). Въ Ярославлѣ дѣлались разныя стальныя вещи и въ томъ числѣ висячіе замки, сходные по фигурѣ съ персидскими (4). Въ Астрахани занимались дѣланіемъ булатныхъ сабель и панцырей; особенно этимъ искусствомъ отличались черкесы, тамъ жившіе. Царь Алексѣй Михайловичъ

(1) Доп. V. 409. (2) Врем. Оп. Пм. Ц. Ив. Вас., 12. (3) П. С. З. I. 231. (4) Кильб. 69—70.

приказалъ ихъ потребовать въ Москву ([1]). Но тѣмъ не менѣе Россія получала изъ за-границы отъ шведовъ, голландцевъ, англичанъ, частью изъ Персіи разныя желѣзныя и стальныя вещи, и въ томъ числѣ оружіе: послѣднее было особенною заботою правительства, желавшаго чтобы въ Россіи было побольше оружія. Въ 1633 году торговцы голландскіе условились доставлять въ Россію сабельныя полосы, ядра и порохъ ([2]). Напротивъ, правительство подъ смертною казнью запрещало продавать оружіе и всякія металлическія вещи татарамъ и прочимъ инородцамъ ([3]). Здѣсь дѣйствовали двѣ причины: предотвращеніе бунтовъ и желаніе сохранить въ государствѣ поболѣе оружія. Нельзя не замѣтить, что такая продажа оружія была очень выгодна, потому что не смотря на опасность потерять жизнь, русскіе вели съ инородцами тайную торговлю оружіемъ.

Изъ привозныхъ въ Россію стальныхъ издѣлій расходились въ торговлѣ ножи, ножницы, замки, булавки и иголки. Ножи привозились въ Архангельскъ *стырскіе*, съ желтыми черенками, *чацкіе* (датскіе) съ черными черенками, *свицкіе* (шведскіе) разносторонніе: одна сторона *сандальная*, другая—*бѣлая* и угорскіе; ножи считались въ оптовой продажѣ парами, десятками паръ, сотнями паръ. Они были разной величины. Шилья отличались *халяпскія*, продавались въ оптовой продажѣ тысячами и были трехъ сортовъ. Иголокъ и булавокъ привозили къ намъ довольно большое количество: въ 1671 г. привезено 623,000 иголокъ и 154,000 булавокъ, въ 1672 г. пять тоннъ и 1 ящикъ, въ 1673 г. 639,000 большихъ иглъ, 545,000 иголокъ и 120,000 булавокъ ([4]).

Въ XVI вѣкѣ привозимое къ намъ желѣзо продавалось *четвертинами*, которыя заключали въ себѣ *полицы*. Въ Тор-

---

([1]) А. И. IV, 301. ([2]) А. А. Э. III, 362. ([3]) А. А. Э. III, 87. ([4]) Кильб. 89.

говой книгѣ четвертина иностраннаго желѣза означена въ 300 полицъ, Въ концѣ XVI вѣка сто паръ ножей угорскихъ и посольскихъ стоили отъ 6 руб. до 2½, свицкихъ—2 руб., чацкихъ 40 алтынъ, а стырскихъ 20 алт.; четвертина, заключавшая 300 полицъ, цѣнилась отъ 2½ до 6 руб.; изъ чего видно, что цѣны на этотъ предметъ были очень неровны (1). Желѣзной проволоки пудъ стоилъ отъ 1 до 3 руб, (2). Четвертина бѣлаго желѣза или жести 5 руб. (3). Дюжина круглыхъ замковъ 1 руб. (4). Въ половинѣ XVII вѣка за пудъ желѣза заплочено 1 руб. 10 алт. (5). Въ 1674 году шведское желѣзо цѣнилось отъ 4¾ до 6 руб. за берковецъ (6). Двѣ цѣпи людскихъ стоили 16 алт. 4 деньги, два замка по 4 алт., большой замокъ 2½ алт. (7), тысяча гвоздей отъ 1 руб. 3 алт. до 2 р. (8); большой котелъ 1 руб. 19 алтынъ 2 деньги (9); топоръ 3 алт, 2 деньги (10) или гривна, а въ Сибири топоръ продавался за 1 руб. и дороже (11); коса стоила 5 алт., серпъ 1 алт. (12). За подковку лошадей, за четыре ноги съ подковами, въ XVII вѣкѣ брали 4 алтына (13). Оружіе въ XVII вѣкѣ можно было купить: мушкетъ отъ 1½ руб. до 2 руб., самопалъ за ¾ руб., списъ за 24 алт., алебарду за 2 руб., протазанъ за 4 руб., сайдакъ за 1½ руб. (14), панцырь можно было купить за 20 алт. (15); самопалы, карабины и булатныя сабли шведскаго желѣза цѣнились отъ 5 до 7 руб. (16), но булатныя сабли персидскія цѣнились очень дорого, по 40 и по 50 руб., а хонжаръ персидскій можно было купить около 25 руб. (17).

Прочіе металлы всѣ безъ исключенія доставлялись къ намъ

---

(1) Торг. кн. 127. (2) Ист. Г. Р. Х. пр. 462. (3) Торг. кн., 127. (4) Ист. Г. Р. Х Пр. 462. (5) Расх. кн. Ник. Врем. XIII. (6) Кильб., 118. (7) Расх. кн. Ник, Врем. XIII. (8) Доп. III, 168. (9) Доп. V, 240. (10) Врем. XX. Смѣсь.,28. (11) Доп. II, 173. (12) Врем. XX. Ст. 28. (13) Расх. кн. 21. Врем. XIII. (14) С. Г. Гр. III, 325. Оп. г. Шуи., 385. (15) Оп. Пм. Тат. Врем. VIII, (16) Кильб. 89. (17) Оп. Пм. Тат. Вр. VIII. стр. 10.

изъ чужихъ краевъ. Мѣдь доставляли намъ англичане, датчане, шведы и голландцы. Она была красная и желтая (1) и привозилась въ полицахъ, т. е. пластинахъ, и издѣліяхъ. Въ торговлѣ различали разныя виды мѣди: однопечатную, троепечатную трубчатую, козарскую, тазовую въ сосудахъ и колокольную. Въ концѣ XVII вѣка тазовая цѣнилась за берковецъ отъ 14 до 30 р., трубчатая и троепечатная отъ 14 до 24 р., однопечатная отъ 13½ до 20½ р., мѣдная проволока отъ 14 до 30 р. за берковецъ (2), колоколенная мѣдь отъ 2 р. до 2½ за пудъ или отъ 20 до 25 р. за берковецъ; мѣдные тазы въ концѣ XVI вѣка 2½ за пудъ, кровельная мѣдь отъ 4½ до 6 р. за пудъ; мѣдный подсвѣчникъ стоилъ 8 алт., мѣдный рукомойникъ полтину, мѣдная лохань то же, мѣдное поникадило 1 р. (3). Въ началѣ XVII вѣка гривна мѣди цѣнилась въ 2 алт., 4 деньги, или 6 р. 12 алт, 2 деньги за пудъ (4); въ половинѣ XVII вѣка мѣдная ендова съ носкомъ стоила полтора рубля; братина съ узорами полтину (5); въ 1674 году пудъ тазовой мѣди отъ 5 до 7 руб., котлы отъ 4½ до 6 р., колокольной мѣди отъ 4½ до 5 р., проволоки 5 р., кровельной мѣди отъ 4½ до 6 р. (6), въ 1675 году 8 пудовъ мѣди стоили 38 р. и 13 алт.

Олово привозили къ намъ датчане и англичане. Оно было брусчатое (брусами), лычное (полосовое), рогожное (свертками). Оловянныя издѣлія, привозимыя къ намъ были: блюда, тарелки, чашки, стаканы, кружки, вообще столовая посуда, которая въ старину была во всеобщемъ употребленіи между зажиточнымъ классомъ. Цѣнность олова въ концѣ XVI вѣка была: за пудъ брусчатаго отъ 40 алт. до 60 алт., лычнаго отъ 1½ до 3 р., рогожнаго отъ 1 р. 13 алт. 2 деньги до 2 р. (7);

---

(1) Доп. III. 143. (2) Торг. кн., 126 (3) И. Г. Р. X, 462. (4) Оп. Им. Тат. Врем. VIII. (5) А. г. Шуи. 176. (6) Кильб. 118. (7) Торг. кн., 126.

въ началѣ XVII вѣка гривенка олова въ издѣліи стоила 2 алтына 2 деньги (1). Англійское олово привозилось къ намъ прутьями и продавалось во второй половинѣ XVII вѣка отъ 5$^1/_4$ до 6 р. за пудъ, и отъ 5$^1/_2$ до 7$^1/_2$ р. Олово привозилось къ намъ въ боченкахъ и ящикахъ. Такимъ образомъ въ 1671 г. привезено 57 боченковъ блюдъ и тарелокъ и 18 ящиковъ, да 117 дюжинъ стакановъ (2). Свинецъ привозился къ намъ *свиньями* (3), въ десяти свиньяхъ было вѣса 82 пуда съ четвертью. Царь Алексѣй Михайловичъ позволилъ всякому свободно покупать свинецъ, только записывая въ таможнѣ, и привозить въ Москву, для отдачи въ казну, откуда купцу выдавались деньги (4). Пудъ свинца стоилъ въ XVI вѣкѣ 10 алт. $^1/_2$ деньги; въ 1649 году въ Новгородѣ продавался отъ 20 до 30 алт. за пудъ (5), въ 1674 г. въ Москвѣ отъ 7 до 12 руб. за берковецъ (6).

Золото и серебро привозилось къ намъ въ монетѣ, слиткахъ и издѣліяхъ. О привозѣ золота и серебра въ монетахъ мы уже имѣли случай говорить. Въ концѣ XVI вѣка на одномъ кораблѣ привезено 16,200 талеровъ (7) Въ 1671 году привезено 27,839 червонцевъ, 50,000 рейхсталеровъ; въ 1672 г.—111,320 червонцевъ, 56,629 рейхсталеровъ; въ 1673 г. 15,682 червонца и 12,000 рейхсталеровъ (8). При покупкѣ золота и серебра въ слиткахъ, купецъ поставлялъ обязанностью неиначе покупать его, какъ разсѣкая прутъ металла, дабы увидѣть средину. Плата за металлъ въ слиткахъ и издѣліяхъ разсчитывалась всегда по отношенію къ цѣнности монеты. Слитки покупались цѣною ниже монеты, потому что разсчитывали на передѣлку ихъ въ монету и принимали во вниманіе угаръ, а издѣлія покупались выше монетной цѣны осьмою долею при простой работѣ; болѣе изысканная работа цѣнилась дороже, по договору. Былъ

---

(1) Оп. Пм. Тат., 19. Врем. VIII. (2) Килб. 116. (3) А. И. II. 155. (4) Доп. III. 189. (5) Доп. III. 177. (6) Кильб. 118. (7) И. Г. Р. Х. пр. 462. (8) Кильб. 81, 115.

обычай вѣсить золото на русскою монету; считалось, что золотникъ золота вѣсилъ 1 алтынъ съ полуденьгою (1). Естественно, когда деньги были меньше вѣсомъ, то ихъ должно было идти болѣе. Предки наши любили украшать свои поставцы (буфеты) золотою и серебряною посудою, а себя разными золотыми и серебряными украшеніями, которыя частью дѣлаемы были русскими мастерами, а еще болѣе получались изъ за-границы. То были: золоченые серебряные кубки, братины, стопы, ковши, солонки, чарки, стаканы, кружки, золотыя кольца, перстни, серьги, пуговицы, бляхи и проч.

Золотникъ золота въ концѣ XVI вѣка цѣнился въ слиткахъ въ 13 алт. 2 деньги (2). Но если золото было краснѣе,—что считалось за достоинство,—то платили дороже; за блѣдное платили дешевле. Непонятна такая дешевизна золота. Въ 1585 г. гривенка серебра оцѣнена въ 5 р,, слѣдовательно фунтъ въ 10 рублей, или (32 руб. на наши деньги) (3). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ фунтъ позолоченаго серебра оцѣненъ въ 9 р. (4), а во второй половинѣ XVII вѣка въ 10 р. Золото въ издѣліяхъ цѣнилось чрезвычайно различно, тѣмъ больше, что золотыя вещи были украшаемы драгоцѣнными камнями; такъ золотая чаша съ тремя яхонтами и двумя изумрудами стоила 444 руб. 13 алт. 2 деньги, образъ въ 87 золотниковъ съ двумя изумрудами и четырьмя яхонтами 273 р. (5). Въ началѣ XVII вѣка чарка золотая въ 4 золотника оцѣнена въ 28 р., а 20 гривеновъ и 5 золотниковъ разной серебряной посуды оцѣнены въ 60 р. 10 алт. $2^1/_2$ деньги (6). Въ XVII вѣкѣ серебряный стаканъ стоилъ 3 р. и 3 р. 16 алт., 4 деньги; серебряная чарка золоченая 3 р; серебряная ложка — 16 алт. По извѣстію Кильбургера, въ

(1) Врем. VIII. (2) Торг. кн. 118. З. А. О. 1. (3) Доп. I. 199. (4) Врем. VII. Мат. для Ист. Иконоп. (5) Врем. II. Смѣсь 23. (6) Оп. Им. Тат. 35. Врем. VIII.

1671 г. привезено въ Архангельскъ для ввоза въ Россію пять пудовъ серебряной посуды, въ 1672 г. 3 серебряныхъ кружки, 22 фунта сереряной посуды, 6 печатей съ камнями, 9 перстней, 34 серьги; въ 1673 г. 4 дюжины серебряныхъ стакановъ, двѣ съ половиною дюж. серебряныхъ чарокъ, 84 перстня, 7 золотыхъ колецъ и одна серебряная курильница. Привозъ, видно, былъ не равный, а разный и вообще незначительный, но въ то время русскіе получали эти товары отъ грековъ и отъ армянъ изъ Персіи.

Ежегодно къ намъ возилось значительное количество золота и серебра для вышиванія: пряденаго, волоченаго и цѣвочнаго золота и серебра, бити, канители, трунцала, проволоки и фольги или блестокъ. Обычай вышивать одежды распространилъ торговлю этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе, что русскіе не умѣли сами приготовлять металловъ для вышиванія (1). Золото и серебро для вышиванья продавалось на литры (2), и катушками или цѣвками. Въ цѣвкѣ *цъвочнаго* золота было обыкновенно 6 золотн., и каждый золотникъ заключалъ 10 нитей. Самое дорогое золото, было нюренбергское, за нимъ венеціянское, миланское, гамбургское; серебро извѣстно амстердамское (3). Кромѣ настоящаго золота и серебра, было золото и серебро низшаго сорта: полузолотье и полусеребрье (4), и наконецъ ниже этого сорта было поддѣльное золото и серебро или мишура. О количествѣ привоза къ намъ этого товара приблизительно можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ. Такъ въ концѣ XVI вѣка на одномъ кораблѣ привезено 200 литръ пряденаго золота (5). Въ 1672 г. привезенъ изъ за-границы 3,131 клубокъ венеціанской и голландской золотой проволоки и только 19 серебряной, два ящика золотой и серебряной бити и 70 фунтовъ галуна; въ 1673 году до 3,000 клубочковъ золота и серебра, два

---

(1) С. г. Гр. III, 337. (2) С. Г. Гр. II. 89.—Доп. III. 143. (3) Килб. 115—116. (4) Доп. III. 105. (5) И. Г. Росс. X. Прим. 462.

ящика и сверхъ того еще два пуда золотой бахрамы. Поддѣльнаго золота и серебра въ 1672 г. привезено 111,180 клубочковъ, заключавшихъ въ себѣ 6 пуд. 25 фун., и 206 коробовъ канители, да кромѣ того много поддѣльной серебряной фольги, которою небогатые щеголи украшали свои одежды (1). Въ половинѣ XVI вѣка фунтъ золотой проволоки цѣнился отъ 7 до 8 р. (2). Въ 1585 г. цѣвка пряденаго золота стоила 18 алтынъ 2 деньги (3). По Торговой книгѣ въ концѣ XVI вѣка литра цѣвочнаго золота стоила отъ 4 р. съ полтиной до 6 р. (4). Литра пряденаго золота вообще стоила 5 р., мужское капительное ожерелье 20 р. (5).

Сверхъ привозимыхъ изъ за-границы разныхъ металлическихъ издѣлій, предметамъ торговли служили прозведенія русскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, мѣдниковъ и оловянниковъ. Золото и серебро въ издѣліяхъ обращалось на предметы религіозные; на распятія, ризы, иконы, оклады евангелій и пр. (6), но также работали кубки *склянишною*, *пуповою* и *рѣзною* работою (7), золотыя цѣпи съ кольцами разнаго вида; *репьеватыя*, *кумафаренныя*, *ребристыя*, *витыя*, *воблыя*, гнутыя (8). Мѣдники и оловянники приготовляли тазы, котлы подсвѣчники съ большою затѣйливостью (9), золотошвеи продавали разныя вышитыя вещи, напримѣръ, *золотыя шапки* и проч. (10)

Кромѣ этихъ металловъ, въ Россію ввозили другіе металлы и минералы: киноварь, которую употребляли для печатей и продавали за фунтъ отъ 9 алт. до 2 р. (11), а за золотникъ въ половинѣ XVII вѣка по 1 деньгѣ (12), сурьму, ртуть, сулему, квасцы, купоросъ, буру, ярь (13), и между прочимъ значитель-

(1) Кильб. 115—117. (2) Раф. Барбер. 156. (3) Доп. I. 193. (4) Торг. кн. 129. (5) И. 11. Р. Х. пр. 462. (6) Врем. VII. Оп. дом. им Грознаго. (7) Ibid. 25. (8) Ibid. 28—29. (9) Рах. кн. Ник. 44. Врем XIII XIII. (10) Ibid 33. (11) Торг. кн. 125. (12) Расх. кн 24. (13) Килб. 99.

ное количество бѣлилъ, бывшихъ тогда въ большомъ употребленіи у русскихъ женщинъ.

Драгоцѣнные камни. Обычай украшать драгоцѣнными камнями золотые сосуды и наряды привлекалъ къ намъ драгоцѣнные камни, они составляли предметъ покупокъ значительныхъ лицъ и богачей. Они доставлялись отчасти изъ Европы чрезъ Архангельскъ, но болѣе отъ грековъ и персіянъ. Употребительные у насъ камни были: яхонты синіе и красные, лалы, изумруды, вареники, бирюзы, бечеты, баканы, ящиры, достоканы (топазы), винисы. Яхонтъ былъ самый дорогой камень, Красный яхонтъ продавался до 10 р. за золотникъ, синій 4 р., лалъ до 10 р. лаловыя серьги стоили отъ 50 до 60 р., изумруды отъ 4 до 10 р. (1).

Строительный камень и кирпичъ. Постройка каменныхъ церквей, а впослѣдствіи и каменныхъ домовъ, развивала у насъ торговлю известью, камнемъ и кирпичемъ. Во многихъ городахъ преимущественно занимались каменнымъ и кирпичнымъ промысломъ. Къ нимъ принадлежатъ: Вологда (2), Псковъ (3), Бѣлоозеро (4), Переяславъ (5), гдѣ занимались дѣланіемъ извести. Эти мѣста были исходными пунктами торговли камнемъ и кирпичемъ, которою занимались гости въ большомъ размѣрѣ. По Волгѣ ходили суда, нагруженные кирпичемъ, известью и бутовымъ камнемъ (6). Кремни составляли также немаловажною вѣтвь этого рода торговли, ибо въ 1648 году одинъ купецъ отправилъ 37,000 кремней съ однимъ транспортомъ. Камень измѣрялся паузками (7), кремни сотнями, а известь бочками (8) Иностранцы покупали у насъ алебастръ, и Алексѣй Михайловичъ, узнавши, что во ста верстахъ отъ Холмогоръ находится алебастровая гора, хотѣлъ захватить въ свои руки этотъ

---

(1) Оп. Им. Тат. 35. (2) А. И. IV. 357. (3) Доп. I, 336. (4) Доп. II. 146. (5) А. А. Э. I. 164. (6) Доп. III. 145. (7) А. И. IV, 136. (8) Кильбург. 78.

промыселъ для отправки за-границу (¹). О цѣнности каменныхъ матеріаловъ можно судить по слѣдующимъ извѣстіямъ. Въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ кирпичъ продавался отъ 2 р. 10 алт. до 2 р. съ полтиною за тысячу, а въ городахъ дешевле и дороже, судя по мѣрѣ близости къ заводамъ; на заводахъ отъ 1 р. 10 алт. до 2 р. Известь въ Москвѣ продавалась отъ 4 алт. до 6 алт. 4 деньги за бочку (²).

Слюда. Встарину вмѣсто стекла употребляли слюду для оконницъ и фонарей. По извѣстію англичанина въ XVI вѣкѣ, она пропускала болѣе свѣта, чѣмъ тогдашнее стекло и притомъ въ фонаряхъ не подвергалось воспламененію (³). Главное добываніе слюды было въ Керецкой волости Соловецкаго монастыря, который обязанъ былъ давать въ пользу царя десятину. Работа при добывкѣ слюды производилась бобылями (⁴). Въ 1667 г. царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ искать слюду въ казенныхъ селеніяхъ и хотѣлъ этотъ промыселъ, какъ многіе другіе, сдѣлать удѣломъ правительства (⁵). Въ XVII вѣкѣ находили слюду около Енисейска (⁶). Въ XVI вѣкѣ слюда продавалась четями (⁷). Первоначальная торговля ею была совершенно мѣновая, ибо Сѣверъ нуждался въ хлѣбѣ и получалъ его за слюду. 350 четей ржи въ Керецкой волости отдать за полторы чети слюды казалось дешево. Въ XVII вѣкѣ слюда продавалась на пуды. По виду и качеству своему она раздѣлялась на бѣлую и красноватую. Послѣдняго рода слюда цѣнилась гораздо дешевле бѣлой (⁸). При Алексѣѣ Михайловичѣ большая часть слюды больше аршина въ длину принадлежала казнѣ, ибо и съ частныхъ промысловъ брали царскую десятину лучшими кусками, а обрѣзки оставляли людямъ (⁹). Пудъ слюды продавался въ Москвѣ отъ 15 до 150

(¹) С. г. гр. IV, 179. (²) Кильб. 94. (³) Fletch. (⁴) А. А. IV, 365. (⁵) А. И. IV. 441. (⁶) Доп. IV. 224. — Доп. V. 96. (⁷) Доп. V, 341. (⁸) Торг. кн. 134. (⁹) Кильб. 46.

руб., смотря по качеству и по величинѣ кусковъ (1). Слюдный фонарь въ Москвѣ стоилъ два алтына съ деньгами (2).

2. ПРЕДМЕТЫ ЦАРСТВА РАСТИТЕЛЬНАГО.

Земледѣльческія и огородныя произрастенія. Россія въ XVI и XVII вѣкахъ не заключала въ себѣ такого хлѣбнаго богатства, какъ впослѣдствіи, потому что плодороднѣйшіе края настоящаго нашего отечества не составляли еще его достоянія; наши значительныя пространства земли были безплодны. Сѣверная Россія вообще не представляла условій плодородія. Въ Сибири хлѣбопашество хотя и возникло въ XVII вѣкѣ, но не могло удовлетворять потребностямъ страны. Плодороднѣйшія части Московіи были: на сѣверовостокъ отъ Москвы Ярославская область, на югъ все побережье Оки, земля Рязанская и земля Нижегородская (3). Берега Оки давали отъ 20 до 30 зеренъ (4). На сѣверъ были плодородными берега Сѣверной Двины, которая весеннимъ разливомъ такъ увлажняла землю, что, не смотря на суровость климата, произрастенія родились безъ особыхъ усилій человѣка (5). Въ XVII вѣкѣ, по мѣрѣ заселенія пространства на югѣ отъ Оки, между Окою, Волгою и Дономъ развивалось земледѣліе и эта страна сдѣлалась мѣстомъ хлѣбнаго закупа.

Болѣе распространенные роды хлѣбныхъ произрастеній въ Россіи были: рожь, овесъ и гречиха. Пшеница производилась въ маломъ количествѣ, какъ это можно видѣть изъ того, что при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, для англійскаго посольства, ѣхавшаго въ Москву, приказано было устроить на всю дорогу запасъ пшеничной муки, какъ такого предмета, который не вездѣ мож-

(1) Кильб. 40. (2) Расх. кн. Ник. 9. Врем. XIII. (3) Раф. Барб. 13, 31, 38. — Fletch. The Russ. Commonw. 7. (4) Herberst. 44. (5) Пав. Іов. 30.

но было достать, тогда какъ другаго рода муку ([1]) велѣно было забирать на дорогѣ. Въ одной ружной грамотѣ ([2]) царь жалуетъ монастырю въ ругу разнаго рода хлѣбъ, а пшеницы даетъ только на просфоры. Сатирическій русскій поэтъ XVII вѣка недаромъ выразился, что русская земля *оретъ все рожью.*

Хлѣбная торговля происходила вездѣ, гдѣ только были торги; крестьяне привозили туда свои хлѣбныя произведенія ([3]). Но главный сбытъ хлѣба былъ: 1) на вино; купцы скупали хлѣбъ у производителей и подряжались откупщикамъ и кабацкимъ головамъ, а равнымъ образомъ доставляли на винокурни хлѣбъ и сами владѣльцы пахотныхъ земель, нѣкоторые же занимались сами винокуреніемъ и поставляли въ казну готовое вино; 2) въ Москву, гдѣ купцы скупали его значительными партіями; 3) въ безплодныя страны Сѣвера и въ Сибирь; 4) за–границу. Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ хлѣбныя торговцы составляли товарищества, и, по мѣрѣ дѣйствій такихъ товариществъ, цѣны на хлѣбъ то возвышались, то упадали. Весною на стругахъ, зимою на саняхъ, привозили въ Москву хлѣбъ разнаго рода, зорко сторожили его закупщики, кулащики и вязчики, которые *гдѣ купятъ, вяжутъ вязку и вязкою многую цѣну прибавляютъ* ([4]). Они покупали у пріѣзжихъ хлѣбъ оптомъ и ссыпали въ свои амбары и лавки, а иногда, чтобъ не допустить товарищей купить въ Москвѣ дешево, заранѣе выѣзжали изъ города и покупали у пріѣзжихъ хлѣбъ на дорогѣ до въѣзда въ столицу. Другіе посылали своихъ агентовъ въ хлѣбородные уѣзды: Темниковскій, Краснослободскій, Шацкій, Рязанскій, Мосальскій, Калужскій и другіе, и покупали на мѣстѣ дешево, а привезя въ Москву, продавали по высокой цѣнѣ. Эти-то скупщики доставляли хлѣбъ на винокуреніе. Въ 1660 г. правительство собрало московскихъ

([1]) Ст. Сп. Флетч. Врем. VIII. ([2]) А. А. Э. I. 168. ([3]) А. А. Э. I. 414. ([4]) С. г. гр. IV, 69.

гостей, торговцевъ гостиной сотни, суконной и черныхъ сотенъ После многихъ толковъ и разсужденій, определено ограничить покупку хлеба такъ, чтобы утреннее время до шестаго часа въ Москве определить исключительно на покупку хлеба беднымъ людямъ, по малымъ количествамъ, а потомъ уже допускать скупщикамъ, которые покупали хлебъ для перепродажи (1). Въ этомъ же году правительство приказало всенародно объявить жителямъ уездовъ Калужскаго, Воротынскаго, Мосальскаго, Медынскаго, Перемышльскаго, чтобы они непременно возили хлебъ въ города, и особенно въ Москву, и не продавали его на местахъ скупщикамъ Но закупки хлеба въ Москве не прекращались, какъ это видно изъ постановленія въ 1681 г. по которому закупщикамъ и подрядчикамъ запрещено покупать большія партіи хлеба и отдавать ихъ въ казенные подряды, а равно не перекупать хлеба за городомъ, съ целью вздорожить его.

Хлебная торговля была обложена пошлиною, называвшеюся померною, прежде съ разныхъ меръ, а съ 1653 года съ ценности: по 10 денегъ съ рубля, на основаніи общепринятой тогда таможенной системы пошлинъ. Въ Москве хлебная торговля была въ заведываніи померной избы, где находился голова, ларечный целовальникъ и выборные целовальники. Они обязаны были ходить по хлебнымъ торжкамъ и на хлебныя пристани и осматривать каждый приходившій съ хлебнымъ грузомъ стругъ, допрашивать: какой хлебъ, сколько мерою, по какой цене, и собирать померную пошлину. Другіе целовальники собирали пошлины съ мелкой продажи. Вообще целовальники померной избы обязаны были наблюдать за правильностью меръ, чтобъ везде были казенные четверики и чтобъ закупщики не отступали отъ установленныхъ правилъ. Собирая пошлины, они записы-

(1) П. С. З. I, 514.

вали въ книги: сколько съ кого ихъ взято, чей хлѣбъ, откуда привезенъ,—и вели такимъ образомъ статистику хлѣбной торговли (1).

Въ сибирской торговлѣ хлѣбъ занималъ важнѣйшее мѣсто; купцы пріобрѣтали сибирскіе мѣха, промѣнивая на нихъ русскіе товары и хлѣбъ въ особенности Въ Верхотурьѣ, Соликамскѣ, Чердынѣ—вездѣ былъ большой закупъ хлѣба, какъ казеннаго, поставляемаго для служилыхъ, отправляемыхъ въ Сибирь на службу, такъ и частнаго, промышленниками скупаемаго (2). Главный торговый пунктъ былъ Верхотурье, а потомъ Ирбитъ. Правительство приказывало, чтобъ покупаемый въ Ирбитѣ хлѣбъ непремѣнно былъ отправляемъ въ Сибирь, а отнюдь не въ русскіе города. Въ Сибири средоточіемъ хлѣбной торговли былъ Тобольскъ. Правительство заботилось о томъ, чтобы въ Сибири не поднималась цѣна хлѣба, а потому въ наказѣ, данномъ въ 1664 году тобольскому воеводѣ, приказывается не допускать служилыхъ людей до покупки большаго количества хлѣба, свыше пяти или шести четвертей (3). Купцы возили хлѣбъ въ сѣверныя области для промѣна его на рыбу и ворвань. Сбытъ за-границу происходилъ черезъ Архангельскъ и Нарву, и также въ Польшу и Малороссію западнымъ сухимъ путемъ. Но вообще торговля хлѣбомъ не могла принять большаго размѣра отъ разныхъ причинъ. Европейцы въ тѣ времена еще не нуждались въ хлѣбѣ до такой степени, какъ впослѣдствіи. Правда, Россія и тогда уже могла продавать большее или меньшее количество избытка, но за-границу отправлялся преимущественно только хлѣбъ, купленный казною, которою частные люди были ограничены въ вывозѣ. Вообще же, по стариннымъ понятіямъ, вывозить въ большомъ количествѣ хлѣбъ

(1) С. г. гр. II, 79. (2) А. А. Э. III. 173. (3) Доп. IV. 354.

за-границу считалось опаснымъ и вреднымъ. Такимъ образомъ, торговцы, жалуясь въ своей челобитной на англичанъ и прочихъ иноземцевъ, выражаются, что они оголодили русскую землю, вывозя за-границу хлѣбъ. Мы часто встрѣчаемъ запрещеніе вывозить хлѣбъ за-границу. Такъ при Михаилѣ Θедоровичѣ, въ 1628 году запрещено вывозить за-границу хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ, воскъ и благородные металлы [1]. Въ 1649 году запрещено вывозить хлѣбъ въ Швецію [2]. Въ 1661 году запрещено на бусахъ, отправляемыхъ въ Караганское пристанище для торговли съ Хивою и Бухаріею, возить на продажу хлѣбъ и металлы [3]. Въ особенности правительство воспрещало отпускъ хлѣба въ Литву, когда съ этимъ государствомъ происходили непріязненныя столкновенія [4].

Хлѣбъ продавался зерномъ, мукою, толокномъ и печеными хлѣбами. Продажа зерномъ была въ большомъ ходу, потому что, по старому обычаю, многіе имѣли у себя ручныя мукомольныя мельницы и приготовляли муку для домашняго употребленія [5]. Но во многихъ мѣстахъ, какъ въ Москвѣ такъ и въ городахъ, были водяныя и вѣтряныя мукомольныя мельницы, нѣкоторыя водяныя мельницы принадлежали казнѣ и отдавались въ оброкъ [6]. Мельники покупали зерно у пріѣзжихъ земледѣльцевъ, превращали его въ муку и были сами продавцами своего произведенія на рынкахъ и торжкахъ [7]. Мука содержалась въ рогожевыхъ мѣхахъ [8] или въ куляхъ: въ кулѣ вмѣщалось двѣнадцать четей съ осминою муки, а зерна до тринадцати четей [9]. Мука пшеничная была трехъ сортовъ: *расхожая, толченая* и *крупичатая*. Первая была достоинствомъ вдвое ниже второй, вторая вдвое ниже третьей. Мука ржаная была *песьяная* или *рѣшетная* и *ситная*; послѣдняя высша-

---

(1) А. И. III, 173. (2) Доп. III. 237. (3) Доп. IV. 257. (4) Разр: кн. Врем. III. 77. (5) Das. Gr. Reich. Mosc. 115. (6) А. А. Э. III. 89. (7) А. А. Э. III. 362. (8) А. И. III. 119. (9) Расх. 46.

го достоинства и высшей цѣны (1). Обыкновенно *хлѣбами* назывались хлѣбы ржаные, пшеничные назывались *калачи*. Ячмень сѣялся мало въ сравненіи съ другими хлѣбными произрастеніями и употреблялся на солодъ для пива. Крупа была гречневая и овсяная, пшено не было въ большемъ употребленіи. Хлѣбное зерно продавали бочками и полубочками, изъ нихъ извѣстны бочка *селедовка* и бочка *смоленская*, составлявшая половину первой (2); овесъ въ XVI вѣкѣ продавался *мѣхами* и *полумѣхами*; мѣхъ имѣлъ четыре *зобни*. Въ новгородской землѣ хлѣбное зерно измѣрялось коробами, во многихъ другихъ мѣстахъ и на сѣверѣ—*пузами*. Но узаконенныя мѣры были: чети, осьмины, полуосьмины и прочія дѣленія осьмины, какъ выше объяснено (3).

Урожай и неурожай хлѣба опредѣлялъ его дешевизну или дороговизну. По случаю неурожаевъ, цѣнность хлѣба возвышалась иногда въ десять разъ болѣе обыкновенной. Въ XVI вѣкѣ, стоившее три деньги, въ неурожайный годъ стоило тридцать денегъ (4). Относительная дешевизна или дороговизна хлѣба зависѣла также отъ большаго или меньшаго удаленія отъ хлѣбныхъ полей, напр. въ Сибири и сѣверныхъ странахъ хлѣбъ былъ постоянно дороже, чѣмъ въ срединѣ Россіи. Большій или меньшій закупъ хлѣба имѣлъ вліяніе на повышеніе цѣнъ. Наконецъ, военныя обстоятельства измѣнили цѣнность хлѣба въ высокой степени, потому что правительство должно было кормить все свое войско, собирая такимъ образомъ значительное количество хлѣба отъ жителей. При Іоаннѣ III бочка овса стоила 10 денегъ, десять печеныхъ хлѣбовъ 2 алтына (5). При Василіѣ Ивановичѣ, рожь цѣнилась отъ 4 до 6 денегъ за четверть, въ Вологдѣ до 14 денегъ (6). Въ Новгородѣ коробъ ржи цѣнился въ 10 денегъ, коробъ овса отъ 5 до 10 де-

(1) А. И. I. 327. (2) Торг. кн. 134. З. А. Общ. I. (3) Доп. IV. 196
(4) Herberst, 42. (5) А. А. Э. I, 92. (6) Herberst 54.

негъ (1). Въ 1589 году средняя цѣнность сѣна означена по четверти руб. за копну вообще, возъ соломы стоилъ двѣ деньги (2). Въ Москвѣ пшеница, по извѣстію Флетчера, иногда была столь дешева, что продавалась по 2 алтына за четверть (3), но въ неурожайные годы она доходила до 13 алтынъ (4). По Торговой книгѣ (5) бочка (заключавшая въ себѣ четыре четверти) пшеницы продавалась въ Москвѣ 13 алт. 2 д (около 1 р. 27 коп. на нынѣшнія деньги), гречневыхъ крупъ 6 алт. 4 д.; провозъ до Мурманскаго (Сѣвернаго) моря обходился въ 10 алтынъ, а составитель Торговой книги, исчисливъ московскую цѣну, имъ назначенную, и провозъ въ 10 алтынъ съ бочки, почему-то говоритъ, что бочка пшеницы обойдется самому купцу въ 33 алт., а бочка гречневыхъ крупъ въ 22 алтына. Въ началѣ XVII вѣка цѣны на хлѣбъ въ Новгородѣ (6) были: овесъ по 5 алт., рожь по 10 алт., пшеница 25 алт., мука пшеничная 1 р. за чет., ячнаго солода 12 алт. за четь. Въ Москвѣ, во время осады Тушинскимъ воромъ, цѣна нарожь поднялась до 2 р., пшеницы и крупъ до 3 р., сѣна возъ стоилъ до 4 р. (7). Когда положеніе столицы стало свободнѣе, то Шуйскій, желая успокоить жителей провинціи на счетъ распространившихся слуховъ объ ужасной дороговизнѣ въ столицѣ, писалъ, что четь ржи стоитъ полтину, четь овса 4 гривны, возъ сѣна 20 алтынъ; слѣдовательно эти цѣны въ то время были довольно обыкновенными (8). Въ 1614 году въ Бѣлозерскѣ четверть овса продавалась по $8^1/_4$ алтынъ (9). Въ Пермской землѣ въ томъ же году, четь ржи стоила $1^1/_2$ р., крупъ и толокна 2 р.; въ Чердынѣ крупа, толокно и рожь круглымъ числомъ цѣнились въ 2 р. 30 алт. $2^1/_2$ д. за четверть (10). Въ Шуѣ четь муки ржаной

(1) Врем. XI. Оклад. кн. 2. (2) Врем. XI. О поз. влад. 22. (3) The russ. commonw. 14. (4) Карамз. X. 250. (5) З. А. Общ. I 134. (6) Оп. м. Тат. 11. Врем. VIII. (7) А. И. II. 250. (8) С. г. гр. II. 346. (9) Доп. II. 37. (10) А. И. III. 91.

стоила одну полтину, пять четей сухарей полтора рубля (1). Цѣна ржаной муки въ Москвѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ была отъ 6 алт. 4 д. до 31 алт. 2 д., пшеничной отъ 10 алт. до 40 алт. (2); но обычная цѣна была первой отъ 8 до 16, пшеничная же мука была очень разноцѣнна, судя по качеству; такимъ образомъ, расхожая была въ 12 алт. 3 д. за четь, а лучшая 13 алт. 3 д. за осьмину (3). Въ срединѣ Россіи, наприм. въ Калугѣ, средняя цѣна ржаной муки и овса была 12 алт. На сѣверѣ Россіи рожь цѣнилась отъ 7 алтынъ до 1 р. (4). Въ западной Сибири средняя цѣнность ржанаго хлѣба и овса была 1 р. за четверть, а крупъ и толокна до 1½ р. (5); въ Енисейскѣ пудъ ржаной муки стоилъ полтину, на Ленѣ полтора рубля (6). При Алексѣѣ Михайловичѣ, въ первой половинѣ его царствованія, средняя цѣна ржаной муки въ Москвѣ была 18 алт. за четверть (около 1 р. 10 к. по нынѣшнему счету), пшеничной отъ 30 алт. до 1 р. 6 алт. 4 д. (около 1 р. 86 к. и 2 р. 50 к. на наши деньги), гречневыхъ крупъ до 22 алтынъ 4 д., гороху четь отъ 5 алт. до 32 алтынъ; въ Вологдѣ, въ тѣ же времена, ржаная мука стоила 11 алт. 2 д., гречневая крупа 18 алт. 4 д., овсяная крупа 21 алт., пшеница отъ 26 алт. до 1 р. просо 1 руб. 10 алт., толокно 13 алт. за четь, а пшено 53 алт. 2 д. за пудъ (7). Въ 1674 году рожь цѣнилась за четверть 60 и 70 тогдашнихъ копѣекъ (отъ 20 до 23 алт. 2 д.), солодъ 45 к. (15 алт.), овесъ 32 коп. (10 алт. 2 д.), гречневая крупа 1 руб. 20 к. (1 р. 6 алт. 2 д.), пшено 1 руб. 60 к. (1 р. 20 алт.) (8), бѣлой муки пудъ 1 р. Въ Псковѣ и Новгородѣ во второй половинѣ XVII вѣка средняя цѣна ржи, овса, ячменя—

(1) Оп. г. Шуи. 385. (2) Уст. о хлѣбн. и колач. вѣс. 13 — 29. (3) Врем. IV. Уст. о хлѣбн. и колач. вѣс. 53. 58. (4) А. И. III. 370. (5) А. И. III. 151. 169. (6) Доп. II. 252. (7) Расх. кн. Нпк. 28. 31. 59. 46. (8) Кильбург. 71. 187.

вообще была отъ 10 до 22 алт. (1). Въ Суздалѣ и Владимірѣ четверть ржаной муки стоила около полрубля или 16 алтынъ 3 д. (2), въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, рожь продавалась отъ 16 алт. 2 д. до 20 алт. за четь, пшеница 16 алт. 4 д. за четь, но дурная пшеница продавалась даже по 6 алтынъ, ржаные сухари по 10 алт. за четь, а овесъ отъ 5 до 10 алт. смотря по качеству: пять алтынъ платили за самый дурной овесъ (3). Въ Олонцѣ въ 1658 г. четверть ржи стоила 40 алтынъ съ полугривною (4). Въ западной Сибири и въ Пермской области цѣна ржи была отъ 1 р. до 2 руб. 11 алт. (5), гречневыхъ крупъ и толокна до $1\frac{1}{2}$ р. (6). Въ 1689 году четверть ржи оцѣнена въ 4 гр., что составляетъ 13 алт. 2 д., овесъ въ полуполтину, а четверть пшеницы въ 20 алт. (7). Цѣнность хлѣбныхъ произведеній въ оптовой продажѣ была дешевле, чѣмъ при продажѣ четвериками (8).

Печеный хлѣбъ для продажи приготовляли хлѣбники и калачники, и часто сами были продавцами своихъ издѣлій. Впрочемъ, въ городахъ существовали хлѣбные и калачные прасолы, которые сами не пекли хлѣбовъ, но покупали у хлѣбниковъ и калачниковъ и продавали (9). Въ Москвѣ хлѣбники и калачники составляли особыя корпораціи, обязанныя наблюдать установленныя отъ правительства правила. Для этого издавна производилась хлѣбная *извѣстка*, посредствомъ выборныхъ цѣловальниковъ изъ торговыхъ людей, которые, соображая цѣнность муки, устанавливали: сколько слѣдуетъ изъ четверти муки выпекать хлѣбовъ. Такія извѣстки производились не каждогодно, но возобновлялись въ неопредѣленные сроки; всегда бралась бо́льшая

---

(1) Доп. III. 132. Доп. V. 28. (2) Оп. Шуи. 385. (3) Врем. VI. См. 1—13. (4) Доп. IV. 395. (5) Доп. V. 332. (6) Доп. IV. 197. (7) Врем. XX. Смѣсь. 28. (8) Врем. XIII. Расх. кн. 4. (9) Врем. IV. Уст. о хлѣб. и колачн. вѣсу.

и меньшая цѣнность муки, какая по соображеніямъ могла оказаться на будущее время, и по этимъ предполагаемымъ цѣнамъ опредѣлялось, сколько изъ четверти слѣдуетъ печь хлѣбовъ и калачей. Хлѣбы и калачи были алтынные, грошевые, двуденежные и денежные. Число выпекаемыхъ хлѣбовъ и калачей разныхъ цѣнъ было различно, смотря по цѣнности муки; чѣмъ мука дороже, тѣмъ больше изъ четверти выпекалось алтынныхъ, грошевыхъ, двухденежныхъ и денежныхъ калачей, и наоборотъ, при дешевизнѣ муки хлѣбовъ и калачей было меньше, но зато они были объемистѣе. Хлѣбники покупали муку несѣяную, и для того въ своихъ заведеніяхъ имѣли *мукосѣевъ*. Хлѣбы были ситные и рѣшетные, калачи тертые и коврижчатые ([1]). Кромѣ хлѣбовъ продавались пироги: это были большіе пшеничные хлѣбы и стоили до трехъ алтыновъ ([2]). Предъ пасхою продавались куличи. Въ 1651 году куличъ стоилъ 3 алт. 2 деньг. ([3]). Повсемѣстное употребленіе пива, браги и кваса развило у насъ издавна промыселъ солодничества. Въ Москвѣ солодовники составляли особое сословіе, и жили на извѣстныхъ отведенныхъ мѣстахъ Въ Твери занимались солодовничествомъ многія посадскія семейства и вывозили солодъ на продажу ([4]). Въ разныхъ мѣстахъ этотъ промыселъ занималъ рабочія руки и составлялъ предметъ торговли ([5]).

Встарину продажа помѣрная на четверти, осьмины и четверики касалась нетолько однихъ хлѣбныхъ произрастеній, но относилась также къ овощамъ и плодамъ. Лукъ, клюква, брусника, сухіе грибы, рѣпа, орѣхи, яблоки, груши и проч. продавались четями ([6]). Впрочемъ, для нихъ существовали и другія мѣры: яблоки высшихъ сортовъ, такъ называемыя наливныя ([7]), сохранившіяся въ Москвѣ въ погребахъ, продавались счетомъ,

---

([1]) Врем. IV. Уст. о хлѣб. и колач. вѣсу. ([2]) Врем. XIII. расх. кн. Ник. 17. ([3]) Расх. кн. Ник. 52. ([4]) Доп. V. 407. ([5]) Доп. V. 422. ([6]) А. А. Э. III, 445. ([7]) Кильбург. 190.

огурцы *тысячами*, малина и вишня *кузовами*, чеснокъ *плетеницами*, солянья *кадями* и *чанами*. Въ половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ осьмина луку стоила 9 алт. 2 д., въ Вологдѣ четверть луку 21 алт. 2 д. (1). Въ Москвѣ свѣжихъ огурцовъ тысяча стоила $9^1/_2$ алтынъ, кадь соленыхъ огурцевъ 10 алт., чанъ соленой капусты 20 алт., ведро рыжиковъ 9 алт., кузовъ малины 11 алт. (2). Арбузы и дыни составляли лакомство знатныхъ, привозились изъ Астрахани или воспитывались въ парникахъ, и вообще были немногочисленны въ торговлѣ (3). Въ 1674 г. въ Москвѣ дыня продавалась отъ 1 до 4 алт. (4).

Хмѣль составлялъ предметъ повсемѣстной внутренней торговли. Его разводили повсюду, между прочимъ въ Пермской землѣ у солвинскихъ и у иренскихъ татаръ и вогуличей; хмѣль промѣнивался ими на русскій хлѣбъ. Въ Москвѣ продажа хмѣля производилась въ особомъ ряду. На всѣхъ торжкахъ это былъ обыкновенный товаръ. Хмѣль продавался по 12 руб. за берковецъ. Продавался также и кипами; это были огромныя кучи; цѣна ихъ зависѣла отъ вѣса (5). Дрожжи въ Москвѣ продавались такъ, что за 2 алт. 2 д. можно было накупить дрожжей для выпеченія хлѣбовъ изъ цѣлой четверти муки (6).

Торговля сѣномъ производилась на сѣнныхъ площадкахъ, и самая продажа носила названіе *трушенья сѣннаго*. Сѣнное *трушенье* отдавалось на откупъ, а иногда на волю посадскимъ людямъ. Такимъ образомъ, въ Муромѣ сѣнное трушенье было шестнадцать лѣтъ на откупу, а въ 1640 году пожаловано посаду безоброчно (7). Сѣно продавалось *копнами*, *возами* и *острамками*; два острамка составляли возъ. Въ концѣ XV вѣка, возъ сѣна цѣнился въ 2 алт.; въ 1582 г. копна сѣна

---

(1) Расх. кн. Ник. 48. Врем. XIII. (2) Расх. кн. 57. 61. (3) Olear. 373. (4) Кильб. 187. (5) Кильбург. 28. Новг. Там. кн. 1613 г. въ Стокг. Госуд. Арх. (6) Ук. о хлѣбн. и калачн. вѣсу. Врем. IV. (7) А. А. Э. II. 437.

стоила полполтины (1). Въ 1652 году острамокъ сѣна стоилъ отъ 5 до 6 алт. (2).

Казенное вино. Въ XVI вѣкѣ, до Ѳедора Іоанновича, продажа вина ограничивалась ярмарками и торжками, гдѣ ставились временные кабаки (3). Но вообще правительство преслѣдовало порокъ пьянства и не хотѣло его распространенія въ народѣ. Борисъ ввелъ казенную продажу вина, съ цѣлью доставить казнѣ новый источникъ доходовъ (4). Въ первые годы правительство получало отъ 800 до 3,000 рублей. Съ тѣхъ поръ, казенное вино, пиво и медъ составляли собственность государя. Продажа напитковъ совершалась въ кабакахъ, а съ 1653 года на кружечныхъ дворахъ (5). Борисъ, хотя первый ввелъ казенные кабаки, но вскорѣ долженъ былъ уступить народному нерасположенію къ этой мѣрѣ и, вступивъ на престолъ, уничтожилъ кабаки въ Новгородѣ, желая преклонить къ себѣ народъ, ибо *отъ тѣхъ кабаковъ были всякимъ торговымъ посадскимъ людямъ нужа, и убытки, и тѣснота, и раззореніе* (6). Воеводы жаловались Михаилу Ѳеодоровичу, что пьянство въ кабакахъ производило раззореніе народа, и за такія замѣчанія получали выговоръ, съ подтвержденіемъ увеличивать кабацкіе сборы и унимать отъ пьянства служилыхъ людей.

Продажа вина совершалась двумя способами: чрезъ вѣрныхъ кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, выбранныхъ изъ торговыхъ людей и приведенныхъ къ присягѣ, и чрезъ отдачу на откупъ. Впослѣдствіи, при Алексѣѣ Михайловичѣ, откупы были уничтожены. Въ Москвѣ царское вино хранилось въ царскихъ подвалахъ (7) и продавалось съ отдаточнаго двора (8). Производство

(1) Врем. XI. О поз. влад. 22. (2) Расх. кн. Ник. Врем. XIII. (3) А. А. Э. I. 292. (4) Fletch. The Russ. Commonw. 44—45. (5) А. И. IV. 199. (6) Доп. I, 249. (7) Коших. 74. (8) П. С. З. II, 486.

вина было казенное и подрядное. Около Москвы въ XVII вѣкѣ было много казенныхъ винокурень, но количество производимаго ими вина далеко не было достаточнымъ (1). Кабачные головы и откупщики (гдѣ продажа была на откупѣ) гнали сами вино, покупая нужные запасы: первые на казенныя, вторые на собственныя деньги (2). Поэтому, кружечные дворы представляли большія фабричныя заведенія: это были обширные дворы, обнесенные со всѣхъ сторонъ заборомъ и стѣною, на подобіе укрѣпленій. Въ дворѣ находились избы, гдѣ собирались *питухи*, ледники, подвалы, поварня, гдѣ дѣлалось пиво и медъ, винокурня съ кладовою и торговыя бани. Кружечные дворы заводимы были въ большихъ городахъ и селахъ. Въ 1677 постановлено, чтобъ кружечные дворы существовали только въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ не менѣе 500 душъ, и притомъ непремѣнно на вѣрѣ, а не на откупѣ. Изъ кружечныхъ дворовъ головы и цѣловальники посылали цѣловальниковъ съ виномъ на ярмарки и торжки, гдѣ были заводимы временные кабаки.

Кромѣ производства вина на казенныхъ винокурняхъ и кружечныхъ дворахъ, владѣльцы имѣній держали у себя винокурни и уговаривались съ вѣрными головами или откупщиками доставлять на кружечные дворы извѣстное количество ведеръ. Въ случаѣ неустойки, они подвергались пени противъ подрядной цѣны вдвое, почему, вступая въ подрядъ, непремѣнно должны были представить поручительство. Подобные подрядчики или уговорщики, какъ они назывались, выставляли вино и на московскій отдаточный дворъ, но сверхъ того казною покупаемо было вино въ Малороссіи и Ливоніи, и привозилось въ Москву для продажи (3).

---

(1) Кильбург. 74. (2) Доп. II. 66. (3) П. С. З. II, 149. 336. 317. Коших. 61.

Казенное вино продавалось ведрами, полуведрами, четями ведра, братинами, кружками и чарками. Вино продавалось дороже послѣдними тремя мѣрами, чѣмъ ведрами, полуведрами и четями. Братины составляли восьмую часть ведра (1), а кружка составляла двѣнадцатую часть кабацкаго ведра (2). По качеству вино въ XVII вѣкѣ раздѣлялось на простое, вино съ махомъ, двойное и тройное. Вино съ махомъ заключало $^2/_3$ простаго и $^1/_3$ двойнаго (3).

Цѣнность вина была различна, смотря по урожаю или неурожаю хлѣба и вообще по цѣнѣ его, и потому въ однихъ мѣстахъ Россіи вино было дешевле, въ другихъ дороже. Въ 1607 г. въ Новгородѣ вино на публичной продажѣ имѣнія было продано за 10 алт. ведро (4). При Михайлѣ Өедоровичѣ, въ 1619 году, въ Шуѣ цѣна вина была четыре рубля съ полтиною за шесть ведеръ (5), а въ 1625 году, въ Москвѣ, вино продавалось по два рубли (6). По извѣстію Кошихина, при Алексѣѣ Михайловичѣ, подрядчики ставили на отдаточный московскій дворъ вино отъ 8 до 10 алт. за ведро, а въ 1660 году подрядчики ставили на кружечные дворы вино отъ 16 до 23 алт. за ведро, а казна продавала отъ 4 до 8 р. (7). Въ 1663 г., по уничтоженіи мѣдныхъ денегъ, вино вездѣ продавалось ведрами, полуведрами, четвертями по 1 р., кружками по 1 руб. 16 алт., а чарками ведро по 2 руб. (8). Позже братина вина въ продажѣ стоила отъ 5 до 9 алтынъ, слѣдовательно за ведро отъ 1 р. 7 алт. до 2 руб. 7 алт. 2 д. Въ 1681 году постановлено, чтобы на московскомъ отдаточномъ дворѣ и вездѣ въ Москвѣ вино продавалось ведрами, полуведрами, четвертями по полтинѣ за ведро, а при продажѣ кружками и чарками по 20 алт. за ведро, а въ

---

(1) Кильбург. 141. (2) Оп. Пм. Тат. Врем. VIII. 18. (3) Коших. 60. (4) Оп. Пм. Тат. 19. (5) Оп. Шуи. 385. (6) А. И. III, 212. (7) Коших. 61.—П. С. З. I, 169. (8) С. Г. Гр. IV, 122.—Доп. II, 371,

городахъ различно, судя потому, какъ дорогъ хлѣбъ, но принято правиломъ, чтобы непремѣнно цѣна продаваемаго отъ казны вина была вдвое выше той, по которой сама казна покупаетъ вина, а при продажѣ кружками и чарками прибавлялась, сверхъ этой двойной цѣнности, одна гривна. Такъ въ сѣверныхъ городахъ: Устюгѣ, Холмогорахъ, Колѣ назначено продавать вино по 20 алт. зз ведро, въ распивной же продажѣ кружками и чарками по 23 алт. 2 д.; въ восточной Россіи, напр. Кай-городкѣ, ведрами по 1 р. 3 д. за ведро, а кружками и чарками дороже этой суммы одною гривною (1). Въ началѣ XVII вѣкѣ въ Новгородѣ ведро простаго пива оцѣнено въ 4 алтына (2). При Алексѣѣ Михайловичѣ бочка пива стоила 2 р., и эта цѣна приносила казнѣ большія выгоды, ибо солоду четверть стоила 45 коп., а берковецъ хмѣля отъ 11 до 12 руб. (3).

Казенная продажа вина оказывала тѣмъ вреднѣйшее вліяніе на нравственность и благосостояніе жителей, что она предназначалась почти для одного только простонародья. Бояре, дворяне, помѣщики, вотчинники, гости, торговцы гостиной и суконной сотень и многіе знатные посадскіе люди имѣли право— одни всегдашнее, другіе временное,—приготовлять вино, пиво и медъ для домашняго обихода. Это право уничтожено отчасти въ 1682 г. на томъ основаніи, что правительство сбавило цѣну на казенное вино кружечныхъ дворовъ и ограничило ее двойнымъ количествомъ той суммы, по какой оно пріобрѣталось казною; однако помѣщикамъ и вотчинникамъ представлялось еще право приготовлять въ своихъ домашнихъ поварняхъ горячіе напитки. Въ тоже время постановлено покупать вино не иначе, какъ на чистыя деньги (4), а не въ долгъ, по памятямъ,

---

(1) П. С. З. II, 311. 333. (2) Оп. Им. 19. Тат. Врем. VIII. (3) Кильбург. 187. (4) П. С. З. I. 337.

за поручательствомъ, и подъ заклады, какъ это дѣлалось прежде ([1]).

Всякое тайное производство вина и горячихъ напитковъ называлось корчемствомъ и преслѣдовалось строго закономъ ([2]). Относительно покупки иностраннаго хлѣбнаго вина и разныхъ привозныхъ водокъ еще въ 1640 г. сдѣланы были запрещенія ([3]), но, впрочемъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ можно было покупать иностранныя водки на аптекарскомъ дворѣ штофами. Штофъ тминной водки въ 1674 г. стоилъ 16 коп. или 5 алт. 2 д. ([4]).

Ленъ, пенька и *холстъ.* Ленъ и пенька были важными произведеніями въ древней русской заграничной торговлѣ ([5]), и англичане почитали ихъ главнымъ предметомъ отвоза. Ленъ разводился преимущественно около Вологды, въ странѣ, прилегающей этому городу, что, какъ мы уже замѣтили, подало англичанамъ понятіе о важности этого города въ торговомъ отношеніи, а также въ новгородской и псковской областяхъ. Коноплю преимущественно разводили въ Смоленской области около Дорогобужа, Вязьмы ([6]) и Трубчевска. Иностранцы замѣчали, что производства льна и пеньки, равно и торговля этими произведеніями, не могли въ Россіи, достигнуть той степени развитія, какъ бы можно было надѣяться, по причинѣ налоговъ и стѣсненій, какими были отягощены и торговцы, и поселяне, не обезпеченные въ своемъ имуществѣ ([7]). При Алексѣѣ Михайловичѣ, близъ Москвы разводили значительное количество льна и пеньки въ селѣ Измайловскомъ ([8]). Русскій ленъ былъ двухъ родовъ: большой и малый; первый цѣнился выше втораго въ алтынъ на берковецъ; онъ былъ длиннѣе послѣдняго, чище и безъ кострицъ; его шло на берковецъ 22 тюка, а послѣдняго

([1]) Доп. III, 278. ([2]) П. С. З. II, 332. ([3]) Доп. III. 199. ([4]) Кильб. 187. ([5]) Пав. Іовій. 40. ([6]) Fletch. The Russ. commonw. 22. ([7]) Fletch. 18. ([8]) Русск. Стар. 129.

27 и 28 тюковъ. Въ Новгородѣ былъ родъ льна, называемый сланецъ. Въ Новгородѣ ленъ и пенька продавались связками. Въ (1) 1613 году въ Новгородѣ сто тридцать связокъ льна и пеньки укладывались на двухъ возахъ и цѣнились въ 20 руб. (2).

Русскіе въ половинѣ XVI вѣка не умѣли дѣлать канатовъ; почему англичане завели прядильную канатную фабрику, допуская на нее и русскихъ рабочихъ. Основателемъ ея былъ Ричардъ Грей, и въ 1558 г. приготовили на ней 70,000 пудовъ (3). Въ концѣ XVI вѣка русскіе уже отправляли за границу чесаный ленъ, трепаную коноплю и канаты (4). При Алексѣѣ Михайловичѣ, въ семи верстахъ отъ Москвы, построено заведеніе для обработки льна и пеньки. Оно находилось подъ завѣдываніемъ царицы и приносило царской казнѣ большія выгоды. Царь содержалъ работниковъ съ ничтожными издержками и, получая большое количество пеньки и льна, промѣнивалъ на дорогія иностранныя сукна и матеріи (5). Въ дворцовыхъ селахъ Смоленскаго края съ крестьянъ собирался оброкъ пенькою, что составляло въ 1677 году 881 берковецъ (6).

Въ XVI вѣкѣ русскіе выдѣлывали холстъ очень дурно, и знатные выписывали для себя заграничный (7), а во второй половинѣ XVII вѣка изъ Архангельска отправлено за-границу русскаго холста, называемаго *ватманомъ*, 168,500 аршинъ (8). Около Москвы дворцовая слобода Кадашевка вся населена была *хамовниками* (ткачами), выработывавшими полотно, и царица Наталья Кириловна носила исключительно русское кодашевское полотно: это подвигало вообще знатныхъ особъ употреблять отечественныя полотняныя издѣлія вмѣсто выписныхъ (9). Въ Яро-

(1) Hass. Ha. 227. (2) Новгор. Там. кн. 1613 г. въ Стокг. Госуд. Арх. (3) Hacl. 338. (4) Торг. кн. 133.—З. А. Общ. I. (5) Кильбург. 39. (6) Доп. V. 326. (7) Барбер. 50. (8) Кильбург. 40. (9) Кильбург. 75.

славскомъ уѣздѣ, въ селахъ Брентовѣ и Черкасовѣ, жили *хамовники* и *дѣловцы* и ткали убрусы, полотенца, скатерти: имъ заказывали за деньги работать и цари (1). Въ Вологдѣ приготовляли холщевыя цвѣтныя палатки, такіе же пологи, продаваемые въ Москвѣ (2). Въ Валдайскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ, на Двинѣ и Вагѣ, также занимались приготовленіемъ холста. Не смотря на то, русскіе не переставали выписывать иностранныя полотна изъ Голландіи и притомъ совсѣмъ не умѣли дѣлать парусины, такъ что, когда для новопостроеннаго при Алексѣѣ Михайловичѣ корабля «Орла» нужно было на паруса парусины, то выписано изъ Голландіи 5000 аршинъ (3). Каждогодно въ Архангельскъ привозили нѣсколько сотъ кусковъ холста, сшитыя рубашки, постельныя наволоки, салфетки, одѣяла и проч. (4).

Вывозъ льна и пеньки за границу происходилъ у насъ двумя путями: черезъ Архангельскъ и Нарву, и направлялся во Фландрію, Голландію и Испанію. Въ XVII вѣкѣ этотъ товаръ направлялся въ Балтійское море, но уже въ концѣ XVI вѣка туда отправлялось незначительное количество (5), а главный сбытъ его былъ въ Холмогорахъ. Въ концѣ XVII вѣка этотъ товаръ отправлялся снова преимущественно въ Балтійское море; замѣчали, что количество вывозимой пеньки увеличивалось съ каждымъ годомъ (6). Въ половинѣ XVI вѣка берковецъ конопли въ Новгородѣ стоилъ $1\frac{1}{2}$ р., въ Холмогорахъ 2 руб., льна въ Новгородѣ 3 р., въ Холмогорахъ 4 р. (7). Въ 1557 г. англичане получали ленъ, платя отъ 20 до 28 шиллинговъ за центнеръ (8). Фунтъ бѣлевыхъ нитокъ стоилъ отъ 3 до 4 денегъ. (9). Въ концѣ XVI в. ленъ продавался въ Холмогорахъ

(1) А. А. Э. III, 424. (2) Кильбург. (3) Доп. V. 379. (4) Кильбург. 87. (5) Fletch. 18. (6) Кильбург. 35. (7) Hawtrey. Hacl. 337. (8) Killingsw. Hacl. (9) Раф. Барбер. 57.

27 алт. 3 д. за пудъ или 8 р. съ четвертью за берковецъ, а конопли трепаной пудъ 11 алт. или берковецъ 3 р. 10 алт. Во Фландріи пудъ нашего льна цѣнился по 1 р., конопли пудъ по полтинѣ, въ Голландіи пудъ льна—40 алт., конопли 13 алт. 2 д., въ Испаніи пудъ льна—2 р., конопли по 1 р. Какъ много вывозилось того и другаго, видно изъ того, что въ Торговой книгѣ совѣтуютъ договариваться съ иностранцами на большія количества, напр. на 100 и на 1000 берковцевъ (1). Въ Новгородской землѣ ленъ продавался *кирбеями*, въ Олонецкой землѣ *куделями*, каждая кудель стоила въ 1650 году 30 алт. (2). Въ 1674 г. берковецъ льна стоилъ въ Нарвѣ 7 р. (3) Русское полотно продавалось на *холсты*; холсты размѣрялись на аршины и локти. Холсты, т. е. куски полотна, были размѣрны: напр. были куски въ двѣнадцать арш. и въ 10 аршинъ, въ двѣнадцать локтей и въ 10 локтей (4). Русскій холстъ былъ не шире трехъ четвертей аршина. Въ 1588 году пять холстовъ въ Ярославскомъ уѣздѣ стоили 40 денегъ (5). Въ началѣ XVII вѣка холстъ лощеный въ 12 аршинъ проданъ за 12 алт., холстъ въ 10 локтей за 9 алтынъ (6). Холстъ, называемый людской, т. е. тотъ, который покупался господами для ихъ слугъ, въ XVII вѣкѣ продавался за аршинъ по одному алтыну и дешевле, напр. 5 алт. 2 д. за 10 локтей; крашенина (крашенный холстъ) по 2 алтына. Въ Сибири, въ Енисейскѣ, аршинъ холста стоилъ 3 алт. съ гривною. Холстъ ватманъ, отправляемый, какъ выше сказано, за-границу,—стоилъ отъ 5 до 6 к. или до 2 алт. за аршинъ (7). Рубаха, годная для простонародія, стоила отъ 8 до 10 алтынъ, а портки 3 алт. (8), рубаха женская высшаго разряда—1 р., рубаха

(1) Торг. кн. 131. 3. А. Общ. I. (2) Доп. IV, 393. (3) Кильбург. 40. (4) Оп. им. Татищ. 8. Врем. VIII. (5) А. А. Э. VI 414 (6) Оп. им. Татищ. 8. Врем. VIII. (7) Кильб. 35. (8) Расх. кн. Ник. Врем. XIII. 25, 39.

мужеская, вышитая золотомъ по воротнику — 2 р., портки съ тачками, какъ носили зажиточные люди—12 алтынъ (1); простыня бѣлая въ началѣ XVII вѣка стоила 2 алт. 2 д.; вологодскій пологъ на большую кровать стоилъ въ Москвѣ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. (2).

О цѣнности у насъ привозныхъ полотенъ можемъ судить изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ извѣстій. Такъ, въ концѣ XVI вѣка, на одномъ кораблѣ привезли 24 амстердамскихъ полотенца въ 2 р, и 155 въ 1 р. Полотна продавались поставами. Онѣ были различнаго цвѣта. Поставецъ амстердамскаго полотна дымчатаго цвѣта стоилъ отъ 40 алт. до 1 р. 10 алт.; сахарнаго цвѣта полотна были дороже (3). Нѣмецкія нитки продавались мотками на фунты: фунтъ стоилъ 3 алт. 2 деньги (4). Во второй половинѣ XVII вѣка гамбургское полотно продавалось отъ 6 до 9 р. за кусокъ, англійское отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 90 к., рашъ отъ 5½ до 9 р. Куски были различны: иногда въ 22 аршина и болѣе (5). Между полотняными матеріями былъ въ употребленіи *отласецъ посконный*, употребляемый на переплетъ церковныхъ книгъ въ XVI вѣкѣ (6).

Льняное семя и масло скупались купцами въ Новгородѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и сбывались за-границу чрезъ Архангельскъ. Въ концѣ XVI вѣка бочка–селедовка масла стоила въ Москвѣ 2 р. 25 алтынъ, а въ Архангельскѣ продавалась по 6 р. 20 алтынъ (7). Въ половинѣ XVII вѣка четь льняного сѣмени стоила отъ 18 алт. до 26 алт.; пудъ сѣмяннаго масла стоилъ 1 р. 10 д., а ведро 27 алт. (8). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича каждогодно отпуска—

---

(1) А. г. Шуи, 171, 176. (2) Кильбург. 35. (3) И. Г. Р. Х, прим. 462. (4) Торг, кн. 127. З. А. О. I. (5) Кильб. 115. (6) А. И. I. 286. (7) Торг. кн. 134. З. Арх. Общ. I. (8) Расх. кн. Ник. 21, 53, 36. Врем. XIII.

лось его въ Архангельскъ до 600 ластовъ, цѣною по 24 р. за ластъ (1).

Бумага писчая хотя дѣлалась еще при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, но дурно (2), а потому русскіе постоянно получали ее изъ за-границы. Въ Торговой книгѣ цѣнность бумаги означена 4 гривны за стопу (3). Въ половинѣ XVII вѣка стопа бумаги стоила 22 алтына, въ мелкой продажѣ дестями она продавалась отъ 7 до 8 денегъ за десть (4). При Алексѣѣ Михайловичѣ было у насъ двѣ бумажныя фабрики: одна на рѣкѣ Нахрѣ, другая на Яузѣ. Обѣ производили дурную бумагу (5), а потому правительство не могло обойтись безъ ввозной бумаги. Цари поручали покупать бумагу для производства дѣлъ въ приказахъ гостямъ въ Архангельскѣ и въ 1642 г. куплено было 860 стопъ (6); въ 1664 г. куплено 300 стопъ (7); въ 1671 г. привезено 28,454 стопы обыкновеннаго формата, въ 1672 г.— 3,079, въ 1673 г.—643 стопы. Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича бѣлая бумага хорошаго достоинства стоила отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 40 к. за стопу, низшаго— отъ 70 к. до 1 р. 20 к., амстердамская—отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. за стопу, французская почтовая была въ той же цѣнѣ. Русская бумага, не смотря на то, что была ниже иностранной, продавалась по той же цѣнѣ: отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Игральныя карты были предметомъ торговли: въ 1674 г. онѣ стоили отъ 23 до 36 к. за дюжину (8).

Хлопчатая бумага привозилась къ намъ кипами и мѣшками, отчасти изъ Европы черезъ Архангельскъ, отчасти съ Востока черезъ Астрахань. Въ 1585 г. гривенка хлопчатой бумаги стоила 2 алтына (9). Въ половинѣ XVII вѣка фунтъ хлопчатой

---

(1) Кильб. 38. (2) Раф. Барб. 34. (3) З. Арх. Общ. I, 127. (4) Расх. кн. Ник. 28, 51, 55. Врем. XIII. (5) Кильбург. 73. (6) Доп. III, 143. (7) Доп. IV, 378. (8) Кильб. 73, 115. (9) Доп. I, 193.

бумаги стоилъ 4 алтына [1]. Въ 1674 г. пудъ ея стоилъ отъ $2^1/_2$ до 5 р. Изъ бумажныхъ матерій, привозимыхъ въ Россію, извѣстны: бязь, бумазея, киндякъ бумажный, камка бумажная, кумачъ, китайка, миткаль, разныя узорчатыя одѣяла и скатерти. Онѣ получались преимущественно съ востока, но въ XVII вѣкѣ начали ввозить къ намъ бумажныя матеріи и европейцы. Въ XVI вѣкѣ аршинъ бязи стоилъ 1 алт. [2]. Въ XVII вѣкѣ кумачъ продовался по 40 алт. за кусокъ, бумазея около алтына за аршинъ [3], узорчатыя скатерти и бумажныя матеріи отъ 3 до $3^1/_4$ алт. за аршинъ; за 27 аршинъ китайки можно было заплатить около десяти алтынъ.

Поташъ, *смола*, *смольчугъ* составляли постоянно предметъ вывоза въ большомъ количествѣ, но торговля этими произведеніями была чрезвычайно стѣснена участіемъ власти. Эти статьи въ Россіи легко было добывать по причинѣ большаго количества лѣсовъ. Цари имѣли казенные заводы, на которыхъ производились работы подъ надзоромъ выборныхъ цѣловальниковъ; сверхъ того, многія частныя лица содержали заводы, называемые на тогдашнемъ языкѣ будными станами. Нѣкоторые принадлежали боярамъ и ближнимъ людямъ, другіе гостямъ и торговцамъ. Со всѣхъ заводовъ собиралась въ пользу царя десятая бочка [4]. Множество такихъ заводовъ разсѣяно было по землямъ: Новгородской и Двинской. Въ украинскихъ городахъ развели поташные заводы въ такомъ изобиліи, что правительство сочло это вреднымъ, какъ по причинѣ истребленія лѣсовъ, такъ и потому, что на этихъ заводахъ опредѣлялись бродяги, и будные станы сдѣлались притонами безчинства [5]. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича лучшій поташный заводъ принадлежалъ Морозову и находился въ Сибири, а второй послѣ него

---

[1] Расх. кн. Ник. 10 Врем. XIII. [2] Доп. I, 193. [3] Кильбург. 115. [4] Коших. 116. [5] П. С. З. I, 486.

былъ казенный заводъ (1). Поташъ покупаемъ былъ голландцами и фламандцами. Въ Московіи покупали его бочками и продавали въ Архангельскъ на вѣсъ. Бочки въ которыхъ содержался поташъ и зола, носили особое названіе золяныхъ бочекъ и заключали каждая полласта (2). Кромѣ собственно поташу, выдѣлывали еще низкій сортъ его, называемый вайдашъ, въ который русскіе для плутовства подмѣшивали и простой золы (3). Поташъ продавался пудами, хотя и въ бочкахъ, а вайдашъ просто бочками.

Смола покупалась иностранцами преимущественно для корабельныхъ потребностей. Смола въ 1647 году сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ царской казны. Ее покупали головы и цѣловальники у жителей, а казна перепродавала иностранцамъ. Съ 1659 по 1664 годъ вывозная торговля смолою отдана на откупъ англичанину Гебдону, такъ что всѣ производители должно были сбывать ее непремѣнно этому откупщику (4).

Царь Алексѣй Михайловичъ взялъ въ свои руки торговлю поташемъ и смольчугомъ; вмѣстѣ съ пенькою, юфтью, соболями и говяжьимъ саломъ, они были въ числѣ указныхъ шести товаровъ, которые запрещалось частнымъ торговцамъ сбывать прямо иностранцамъ, но слѣдовало доставлять въ казну, въ Приказъ большаго прихода, черезъ выборныхъ людей, скупавшихъ ихъ повсюду; казна же продавала ихъ иностранцамъ (5). Эти товары сбывались въ Архангельскъ на царскихъ подводахъ (6). Такимъ образомъ, казна была факторомъ между русскими промышленниками и иностранными купцами. Въ 1664 году эта монополія была уничтожена; позволено всѣмъ и каждому торговать съ иностранцами, а вмѣсто того повышена пошлина гривною съ рубля. (7).

Въ XVI вѣкѣ поташъ покупался у смольнянъ, производв-

---

(1) Килб. 38. (2) Торг. кн. Врем. VIII. (3) Кильб. 38 (4) Доп. V, 196. (5) Доп. IV, 281. (6) Коших. 116 (7) Доп. IV, 377. — П. С. З, I. 577.

шихъ этотъ матеріалъ, по 12 р. за ластъ. Бочка русскаго поташа стоила въ Голландіи отъ 4 до 8 рейхсталеровъ. Бочка смолы стоила 1 р. 10 алт. 4 деньги; она была двухъ сортовъ: черная и бурая; первая была выше достоинствомъ и выше цѣною (1). Бочка вару въ 7 пудовъ стоила $2^1/_2$ р., деготь 5 р. за берковецъ. Въ половинѣ XVII вѣка бочка смолы въ Москвѣ стоила 1 р., въ Архангельскѣ продавали ластомъ отъ 18 до 20 р. за ластъ, какъ дегтя, такъ и смолы (2); тогда производствомъ ея занимались преимущественно на берегахъ Онеги и Вяги.

Въ половинѣ XVII вѣка заведены были въ Россіи мыльные заводы, куда находилъ сбытъ поташъ. Лучшимъ русскимъ мыломъ считалось костромское—крѣпкое и сѣрое цвѣтомъ. Мыло продавалось досчечками. Досчечка простаго мыла въ $2^1/_2$ локтя стоила 50 к., а костромскаго 2 р. 70 к. (3). Изъ привознаго мыла въ Торговой книгѣ упоминается мыло халяпское и испанское: оно продавалась брусками и на вѣсъ. Халяпскаго тысяча брусовъ стоило отъ 16 до 25 руб., а испанское отъ $2^1/_2$ алтынъ до 4, за фунтъ (4).

Производство стекла у насъ началось при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и (5) развилось при Алексѣѣ Михайловичѣ. Существовало два завода, измайловскій и духанинскій (6). Стекло обработывалось довольно сносно, но не могло удовлетворять всѣмъ потребностямъ. Въ половинѣ XVII вѣка каждый годъ въ Россію привозилось отъ 80000 до 90000 листовъ стекла изъ Ливоніи и Малороссіи. Изъ Европы привозили къ намъ зеркала, зеркальцы и зеркальныя стекла въ большомъ количествѣ, въ особенности мелкаго размѣра, потому что такія были въ ходу и всякій женихъ считалъ обязанностью подарить своей невѣстѣ зеркальцо. Въ концѣ XVI вѣка дюжина зеркалецъ стоила 40 ал-

---

(1) Торг. кн. 3. Арх. О. I. (2) Кильбург. 40. (3) Кильб. 70. (4) Торг. кн. 127. 3. Арх. О. I. (5) С. Г. Гр. III, 352. (6) Кильбург. 77.

тынъ (1209). Къ намъ привозили стеклянные стаканы, чарки, разныя склянницы, очки и прочія издѣлія (1). Зеленая склянница въ XVII вѣкѣ цѣнилась въ 2 алт. (2), венецейская склянница въ гривну (3). Хрустальныя вещи были очень дороги; хрустальная бѣлильница при Алексѣѣ Михайловичѣ стоила 2 р. (4). Янтарь въ концѣ XVI вѣка стоилъ фунтъ отъ 10 алт. до 4 р. (5).

Лѣсной товаръ: бревна, кряжи, брусья, дрова, лубья, тесъ, доски, вереи, жолобы, лыки, уголь, мохъ, лапти, рогожи, и разныя деревянныя издѣлія, ложки, осляди, блюда, солонки, чашки, лучины и также срубы или готовыя избы — служили предметомъ торговли на торгахъ, въ особенности въ городахъ, прилегавшихъ къ судоходнымъ рѣкамъ. Въ такихъ городахъ образовывались лѣсныя пристани или лѣсные рынки (6). Въ столицу привозили чрезвычайное множество лѣса и дровъ, а также деревянные хоромы, нужныя для жителей по причинѣ безпрестанныхъ пожаровъ (7). Вмѣстѣ съ тѣмъ привозилось много мха, нужнаго для законопаченья этихъ складныхъ домовъ (8). Лѣсная порубка производилась преимущественно на Двинѣ, на Клязьмѣ, по Волгѣ, около Вязьмы, Калуги, Козельска и другихъ мѣстъ, прилегавшихъ къ Окскому бассейну (9). Вывозъ лѣса за-границу происходилъ черезъ Двинскій портъ изъ ближайшихъ придвинскихъ лѣсовъ, а также изъ Смоленской области по западной Двинѣ (10). Иностранцы покупали у насъ старыя хвойныя деревья на мачты.

Въ половинѣ XVI вѣка англичане покупали въ Тотьмѣ бревна отъ 15 до 16 саженей въ длинну и въ поларшина на узкомъ концѣ отруба (11). При Алексѣѣ Михайловичѣ на рѣкѣ Югѣ нашли превосходныя мачты и тогда составилась изъ ино-

---

(1) И. Г. Росс. X. Примѣч. 462. (2) Кильбург. 91. (3) Расх. кн. Ник. 30. (4) Оп. Им. Тат. Врем. VIII. (5) Врем. VI. См. 22. (6) Торг. кн. 125. З. А. О. I. (7) А. А. Э. III, 363. (8) Olear. 146. (9) Доп. V. 223. (10) Fletch. 33. (11) Hacl. 337.

странцевъ компанія для вывоза лѣса за-границу; она взяла у казны на откупъ торговлю лѣсомъ и въ 1670 году нагрузила 4 корабля. Эта компанія получала огромныя барыши, ибо дерево обходилось за всѣми издержками отъ 25 до 30 коп., а она продавала его отъ 4 до 5 р. (1).

Мастерства: плотничное, столярное, судостроительное, и мелкихъ деревянныхъ издѣлій были издавна распространены въ Россіи. Были мѣста, которыя славились какими-нибудь издѣліями; такъ напр. въ Козьмодемьянскѣ работали ящики и сундуки (2); въ Калугѣ дѣлали красивыя ложки и разныя деревянныя вещи, нужныя для домашняго обихода (3); въ Каргополѣ, красныя корельчатыя ложки (4); въ Холмогорахъ дѣлались сундуки, обитые красною юфтью или тюленьею кожею, извѣстные въ Москвѣ подъ именемъ холмогорскихъ: въ нихъ привозили въ Москву товары и потомъ продавали для домашняго обихода очень дешево (). Въ Вязьмѣ работали сани, извѣстныя во всей Россіи подъ именемъ вяземскихъ (6).

Бревна, брусья и тесницы продавались, смотря по ихъ величинѣ. Въ Новгородѣ въ XVII вѣкѣ большое бревно въ длину отъ 8 до 9 саж., а въ отрубѣ отъ 8 до 9 вершковъ стоило отъ 8 до 10 алтынъ. Бревна меньшей величины продавались дешевле, напр. 7 саж. въ длину за 5 алт., въ 3 сажени—полалтына, при чемъ, разумѣется, бралась во вниманіе толщина. Тесъ въ Новгородѣ продавался сотнями, и сотня стоила отъ 1 р. до 2 р., смотря по величинѣ досокъ отъ 2 до 6 саженей (7). Въ Москвѣ семи-саженый брусъ стоилъ 15 алт., брусъ въ 5 саженей 8 алт. 2 деньги, 4 и 3-хъ-саженный брусъ отъ 5 до 6 алтынъ, бревна еловыя въ три сажени 4 деньги съ половиною за бревно. Тридцать тесницъ сосновыхъ стоили 2 р., сорокъ

---

(1) Кильбург. 51. (2) Olear. 346. (3) Herberst. 44. J. Pacx. кн. 55. (4) Врем. XIII. (5) Кильбург. 64. (6) Оп. Им. Тат. 13. Врем. VIII. (7) Доп. III. 168.

тесницъ въ три сажени каждая длиною—1 р. 16 алт. (1). На Олонцѣ сто бревенъ стоили 6 р. Оцѣнности дровъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ можно судить потому, что дровъ на восемь денегъ достаточно было для того, чтобъ напечь хлѣба изъ четверти муки (2). Въ XVI вѣкѣ (1582 г.) сажень дровъ цѣнилась отъ 3 до 4 алтынъ,—или около 40 коп. серебромъ на нынѣшнія деньги (3). Въ Галичѣ сажень дровъ продавалась по 10 и 14 коп. (4). Въ Верхотурьѣ сажень дровъ цѣнилась отъ 20 алтынъ до 1½ р., тысяча вѣниковъ 2 р., пудъ лыка 10 алт., досчаникъ, приготовленный для плаванія, отъ 40 до 50 р. (5). Изъ деревянныхъ издѣлій, красныя ложки работы Кирилловскаго и Ферапонтовскаго монастырей съ костьми въ Вологдѣ проданы десятокъ за 4 алтына, а безъ костей—60 окрашеныхъ стоили 8 алтынъ. Въ Москвѣ десять ложекъ стоили отъ 5 денегъ до 2 алтынъ. Онѣ покупались и сотнями. Сотня ложекъ цѣнилась 20 алтынъ. Столъ дубовый съ ящикомъ стоилъ 9 алт. 2 деньги (6), сани и телѣга въ XVI вѣкѣ около ¼ р. (7), а въ половинѣ XVII вѣка сани стоили около пяти алтынъ съ половиною; за десять саней заплачено одинъ рубль пятнацать алтынъ; дуга 2 деньги (8), коробъ лубеной для укладки товаровъ въ XVI вѣкѣ 4 алтына (9), а коробъ для сидѣнья въ саняхъ въ XVII вѣкѣ 8 денегъ, дубовый сундукъ, оксванный жестью 6 р. (10). Въ Сибири изъ деревянныхъ издѣлій въ повсемѣстной продажѣ были лыжи, продаваемыя около 3 р. Рогожи преимущественно дѣлались въ Валдайскомъ уѣздѣ, и кромѣ большаго внутренняго употребленія, отправлялись заграницу. Онѣ раздѣлялись въ торговлѣ на большія, малыя и

(1) Расх. кн. Врем. XIII. (2) Ус. о хлѣб. и калач. вѣсу. Врем. IV. (3) Врем. IX. О позем. влад. 22. (4) Кильб. 168. (5) А. И. III. 366. (6) Расх. кн. XIII. Врем. (7) А. А. Э. I, 414. (8) Расх. кн. 21. Врем. XIII. (9) Доп. I, 197. (10) Расх. кн. Врем. XIII.

двойныя или цыновки; послѣднія были особенностью Россіи: онѣ дѣлались изъ липовой коры очень плотно. Рогожи продавались сотнями и тысячами по разнымъ цѣнамъ: малыя отъ $^1/_4$ до 2 р., большіе отъ $2^1/_4$ до 3 руб., цѣна же цыновокъ простиралась до 4, 5 и 6 р. за сотню. Въ половинѣ XVI вѣка каждогодно вывозили ихъ въ Двинскій портъ до 400,000, въ Нарву болѣе 2000 (1). Тысяча рогожъ продавались тогда отъ 12 до 18 р. (2). Три рогожныхъ мѣшка, въ которыхъ возили муку, стоили 6 денегъ, по 2 деньги за мѣшокъ, въ Москвѣ (3).

Вина, бакалейные и москотильные товары. Иностранцы привозили къ намъ вина, сахаръ, пряности, лакомства. Вина продавались бочками, которыя были *беременныя* и *полубеременныя* (4), также *галенками*. Но съ 1649 запрещено иностранцамъ продавать привозныя вина галенками, а позволено единственно бочками и *куфами* (5). Это постановлено въ предупрежденіе разничной продажи, которую позволяли себѣ иностранцы въ подрывъ мѣстнымъ торговцамъ (6) въ Архангельскѣ. Продолженіе тайной разничной винной продажи принудило правительство въ 1667 году издать новыя строжайшія правила и назначить въ наказаніе двойную пошлину за противозаконную разничную продажу вина, а русскихъ, покупающихъ такимъ образомъ, постоновило подвергать пени (заповѣди): за первый разъ $^1/_2$ р., за второй 1 р., а за третій два руб. (7).

Въ половинѣ XVII вѣка вообще вкусъ къ винамъ въ Россіи распространился такъ, что иностранцы привозили винъ гораздо болѣе, чѣмъ прежде, и поэтому правительство, страшась, чтобы распространеніе вина не подрывало казенной продажи хлѣбнаго вина, повысило пошлины на иностранное вино.

Въ XVII вѣкѣ иноземныя вина были преимущестенно французскія и испанскія, продавались бочками, куфами, пипами и оксофта-

---

(1) Кильбург. 45. (2) Доп. III, 148. (3) Расх. кн. 37. Врем. XIII. (4) Доп. III, 207, (5) А. А. Э. III, 21. (6) Доп. III, 195. (7) Доп. V, 192.

ми (1). Ихъ привозили къ намъ голландцы, англичане, нѣмцы, и шведы: послѣдніе покупали французское вино и доставляли въ Россію (2). Распоряженіе, чтобъ иностранцы продавали привозныя вина единственно оптомъ, сосредоточивало эту торговлю въ рукахъ гостей и вообще первоклассныхъ купцовъ. Купленныя у иностранцевъ вина содержались въ погребахъ въ бочкахъ и продавались галенками и кружками; галенкою называлась посуда изъ луженой мѣди, довольно непріятная по своей физіогноміи. Въ Москвѣ погреба были вмѣстѣ и тавернами, потому что покупателю всегда предлагали пробовать покупаемое вино изъ скляницъ, и подъ этимъ предлогомъ продавали его чарками и рюмками. Погреба были частные и казенные (3), Каждогодно царь, отправляя гостя съ цѣловальниками въ Архангельскъ для закупки товаровъ, приказывалъ въ числѣ ихъ покупать значительныя пропорціи винъ, которыя служили не только для царскаго стола и нуждъ двора, но и для публичной продажи (4). Всѣ частные погреба были обложены оброкомъ. Въ Москвѣ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, за погребъ платили до 9 р. годоваго оброка (5).

Употребительные у насъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ виды винъ были: мускатель, аликанте, канарское, романея, бастертъ или бастръ, испанское, ренское (6), малвазія, кинарея бѣлое и красное французское церковное (7), привозныя разныя водки (8), уксусы романейскій, ренскій съ травкою и безъ травки (9), и разносолъ, питье, воспрещаемое къ розничной продажѣ вмѣстѣ съ другими винами и водками (10). Въ концѣ XVI вѣка платили за бочку аликанте и мускателя 12 р., канарскаго—10 р., ренскаго краснаго и испанскаго—6 р., жунскаго—2 р. (11). Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ ведро романеи продано за 25 алт.,

---

(1) Кильб. 93. (2) Доп. V, 411. (3) Кильб. 189. (4) Доп. III. 206. (5) Кильб. 189. (6) Торг. кн. Врем. V III. (7) Доп. III, 206. (8) П. С. З. II, 558.(9) Доп. III. 206 (10). Доп. V, 196. (11) Торг. кн. 21. Врем. VIII.

ведро ренскаго—30 алт., аликанте—1 р., разносолу —13 алт. 2 д. (1). При Алексѣѣ Михайловичѣ цѣны на вина были гораздо значительнѣе; за пипу испанскаго платили отъ 50 до 80 р., бѣлаго французскаго—отъ 20 до 30 р., краснаго—отъ 10 до 18 р. (2). Вина высшаго достоинства подвергались большой пошлинѣ; аликанте, бастръ, малвазія и мускатель облагались пошлинами въ 60 ефимковъ, за бочку романея по 40 ефимковъ, ренское 20 ефимковъ а церковное вино подвергалось только шести ефимкамъ съ бочки, съ водокъ брали по 6 ефимковъ съ погребца. Сверхъ того иноземцы, которые пожелали бы сами везти на оптовую продажу во внутренность государства свое вино, платили еще пятиалтынную съ рубля пошлину (3).

Торговля съ англичанами развивала въ нашей жизни употребленіе сахара и сахарныхъ лакомствъ. Подъ именемъ сахара у насъ Разумѣлся не одинъ собственно сахаръ, но вообще всякія лакомства, конфекты и пряности, приготовленныя въ сахарѣ, такъ напр. говорилось: сахаръ на гвоздикѣ, сахаръ на корицѣ, сахаръ на миндальныхъ ядрахъ и проч. Собственно, сахаръ у насъ раздѣлялся на головной, (4) коробчатый, сахаръ на спицахъ (5), горшеный или мелисъ (6) и леденцъ. Головной сахаръ былъ бѣлый и желтый. Въ концѣ XVI вѣка фунтъ бѣлаго продавался отъ 1 гривны до 1/4 р.. желтаго отъ 8 д. до гривны, коробчатаго отъ полугривны или 1 алт. 4 д. до гривны или 3 алт. 2 д., сахаръ на спицахъ стоилъ отъ 3 до 5 алтынъ, леденецъ отъ 10 до 20 алтынъ (7). По другому извѣстію, въ концѣ XVI вѣка, головнаго сахару привезено было однажды 42 пуда по 4 р. пудъ, и 12 пудъ коробчатаго также по 4 р. пудъ(). Переводя тогдашнія деньги на настоящія по вѣсу и принимая рубль XVI вѣка за 3 р. 20 к. XIX вѣка, мы найдемъ, что пудъ сахару стоилъ тогда на наши деньги 12 р. 80 к., а фунтъ продавался

---

(1) Оп. им. Тат. 17. Врем. VIII. (2) Кильб. 115. (3) С. Г. Гр. IV, 198: (4) С. Г. Гр. IV. 198. (5) Торг. кн. Врем VIII. (6) С. Г. Гр. IV. 198. (7) Торг. кн. Врем. VIII. (8) П. Г. Р. X прим. 462.

отъ 32 коп. до $^{3}/_{4}$ р. и до 80 коп., но худшаго сахару фунтъ доходилъ и до 16 коп. Въ 1674 году пудъ горшечнаго сахару или мелиса стоилъ отъ 4 до 6 р. (на наши денги отъ 8 р. 32 к. до 12 съ полтиною), сѣраго леденцу, отъ 6 до 10 р. (отъ $12^{1}/_{2}$ до $21^{1}/_{2}$ на наши деньги (1). Сахаръ привозился къ намъ въ бочкахъ, ящикахъ, коробкахъ въ небольшомъ количествѣ, потому что онъ составлялъ только принадлежность лакомствъ. Въ 1673 г. ввезено леденца 42 бочки, горшечнаго сахара 2 бочки, конфектнаго—2 бочки и 6 ящиковъ леденца. Вообще каждогодно можно положить количество привозимаго къ намъ сахара отъ 50 до 60 бочекъ, но каждаго рода привозъ былъ то болѣе, то менѣе, въ тотъ или другой годы; напр., одинъ годъ привозили болѣе горшечнаго сахара, другой годъ болѣе леденца. Приготовленныхъ въ сахарѣ плодовъ и пряностей привозили болѣе, чѣмъ чистаго сахара, напр. въ 1671 г. привезено было 943 бочки винныхъ ягодъ, 367 бочекъ и 200 коробовъ изюму, 98 бочекъ варенаго инбирю, 70 бочекъ конфектъ; въ 1672 году—677 боченковъ винныхъ ягодъ, 481 тонна изюму и 1 бочка коринки, въ 1673—834 тонны и 1608 коробовъ варенаго инбирю и 35 бочекъ вареныхъ лимоновъ (2). Въ числѣ подобныхъ лакомствъ были сахаръ на инбирѣ и арбузы, вареные въ сахарѣ; перваго въ XVI в. фунтъ стоилъ отъ 10 до 20 алт., а послѣднихъ—фунтъ отъ 3 алт. до 10 алт. Въ XVII вѣкѣ пудъ цукатовъ стоилъ отъ $3^{1}/_{6}$ до 6 р. (3).

Русскія чрезвычайно любили всякія пряности, особенно перецъ, шафранъ и корицу; вообще пряности составляли необходимую принадлежность хорошаго стола (4). Изъ привозимыхъ въ Архангельскъ пряностей упоминаются: перецъ, шафранъ, мускатный цвѣтъ, корица, кардамонъ, гвоздика; они продавались мѣшечками, ящиками, боченками, кипами и связками. Перцу привезено было въ 1671 году 162 связки, въ 1672—121 связ-

---

(1) Кильб. (2) Кильб. (3) Торг. кн. Врем. VIII. (4) Herberst. 41.

ка, въ 1673—5 боченковъ и 116 кипъ и 50 связокъ, шафрана въ 1671—4 бочк., 3 ящ., 2пуда, въ 1672—4 мѣшечка, 1 ящ., 3 ф. въ 1673 — 1 ящ., 11 ф., кардамона въ 1671—3 боч., 2 мѣшка, въ 1672—6 тоннъ 1 связка, 5 п. и 5 ф., гвоздики въ 1671—11 бочекъ, въ 1672—6 бочекъ 3 п. въ 1672—9 боч. 34 п.; корицы въ 1672—2 пучка 3 ящ., въ 1673—6 пуч., 2 связки и одинъ мѣшокъ (1) Мускатный орѣхъ и цвѣтъ привозились въ небольшомъ количествѣ. Деревянное масло привозилось въ значительномъ количествѣ, въ 1671 привезено 666 бочекъ, въ 1672—135, въ 1673—801.

Перецъ былъ черный и дикій; первый цѣнился выше—въ 5 р. за пудъ, а дикій—въ 1 р, за пудъ (2). Въ разничной продажѣ въ XVI вѣкѣ перецъ продавался отъ 10 денегъ (3) до 12 алт. (4), но средняя его цѣна была отъ 6 до 8 алт. Въ первой половинѣ XVII фунтъ перцу стоилъ 6 алт. (5). Шафранъ въ XVI вѣкѣ продавался за фунтъ отъ 2 р. до 3 р., въ половинѣ XVII вѣка отъ 1 р. 8 алт. и 1 р. 25 алт, до 2 р. 10 алт. 1 д. (6). Гвоздика и корица въ половинѣ XVI вѣка продавались фунтъ по 1 р. (7), въ концѣ XVI вѣка, по 20 алт. 4 д, (8), въ половинѣ XVII вѣка по 26 алт. 4 д. (9); въ 1674 г. пудъ отъ 25 до 70 рублей (10). Кардамонъ въ XVI вѣкѣ фунтъ стоилъ полтину (11), въ 1674 г. пудъ стоилъ отъ 13 до 35 р. (12). Инбирю фунтъ стоилъ въ половинѣ XVI вѣка отъ 5 до 8 алтынъ (13), въ концѣ XVI вѣка, отъ 4 до 6 алтынъ 4 д. (14), а въ половинѣ XVII вѣка, отъ 2 алт, 8 д. до 5 алт. 2 денегъ (15). Пудъ изюму въ концѣ XVI вѣка, отъ 13 алт. 2 д. до 1 р. (16), средняя же цѣна была ему

---

(1) Кильб. 87, 117. (2) Ист. Г. Р. Х, прим. 462. (3) А. А. Э. I, 403. (4) Торг. кн. 124. З. А. О. I. (5) Расх. кн. Ник. Врем. XIII. (6) Ibid.—Кильб. (7) Раф. Барб. 56. (8) Торг. кн. З. А. О. I. (9) Расх. кн. 35. рем. XIII. (10) Кильб, (11) Торг. кн. З. А. О. I. (12) Кильб. (13) Барбер. 56. (14) Торг. кн. З. А. О. I. (15) Расх. кн. Врем. XIII. (16) Торг. кн. З. А. О. I.

23 алт, 2 д. за пудъ [1], а въ половинѣ XVII вѣка, отъ $1^1/_3$ р. до 2 р. [2]. Черносливу пудъ стоитъ въ XVI вѣкѣ отъ 11 грошей до $^1/_2$ р. [3]. Винныя ягоды продавались въ XVII вѣкѣ, отъ $1^1/_2$ до $2^1/_4$ р. за пудъ [4]. Пудъ сарацинскаго пшена въ XVII вѣкѣ, 2 р. 19 алт. 4 д. [5], рису отъ 80 коп. до 1 р. 60 к. [6]. Орѣхи были въ торговлѣ окатные, зеленые, бѣлые, синіе; зеленые цѣнились въ XVI вѣкѣ 2 р. за пудъ, а синіе — отъ 2 алт. до гривны за фунтъ, орѣхи бѣлые — отъ 1 алт. до 1 алт. 4 д. за фунтъ [7]; въ XVII вѣкѣ, орѣхи вторые продавались отъ 16 до 30 р. за пудъ [8]. Грецкіе орѣхи продавались счетомъ. Въ концѣ XVI вѣка тысяча грецкихъ орѣховъ стоила 11 алт. Лимоны покупались по-штучно; въ концѣ XVI в. платили 2 д. за штуку [9]. Чернильные орѣшки въ XVI в. продавались отъ 6 до 8 талеровъ за пудъ, т. е. отъ 2 р. 5 алт. 3 д. или отъ 2 р. 18 алт. 1 д. до 2 р. 29 алт. 2 д. или до 3 р. 12 алтынъ [10]. Въ XVII столѣтіи пудъ чернильныхъ орѣшковъ продавался отъ 3 до 6 р. [11]. Цѣнность деревяннаго масла въ первой половинѣ XVII вѣка была отъ 3 алт. 1 д. до 4 алт. 2 д. за фунтъ [12], во второй половинѣ — за фунтъ отъ 2 алт. 2 д. до 12 алт. 3 д, или отъ 2 р. до 5 р. за пудъ [13]. Ладонъ привозился къ намъ въ значительномъ количествѣ: такъ въ 1671 г. привезено было 401 бочка и 13 ящикове ладону. Русскіе любили самый лучшій ладонъ. Въ XVI вѣкѣ ладонъ продавался около 7 р. 5 алт. 5 д. или около 8 р. 13 алт. 2 д.; въ концѣ XVI в. пудъ бѣлаго ладона продавался отъ 2 р. до 9 р., желтаго — отъ 1 р. 21 алт. 4 д. до 7 р. [14]. - Въ

---

[1] Ист. Г. Р. X, прим. 462. [2] Расх. кн. — Кильб. 116. [3] Ibid. [4] Кильб. [5] Расх. кн. 47. Врем. XIII. [6] Кильб. [7] Торг. кн. З. А. О. I. [8] Кильбург. [9] Торг. кн. 128. З. Арх. Общ. I. [10] Барберини. [11] Кильбург. 116. [12] Расход. кн. 56. Врем. XIII. [13] Кильбург. 116—117. [14] Торг. кн. З. Арх. Общ. I.

первой половинѣ XVII в. ладонъ продавался и по 10 д. и по 5 алт. за фунтъ ([1]), слѣдовательно пудъ — отъ 1 р. 13 алт. до 6. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича бѣлый ладонъ продавался отъ 6 до 10 р., а сѣрый отъ 3 до 6 р. за пудъ ([2]). Кромѣ европейцевъ, къ намъ привозили ладонъ съ Востока; такъ въ 1694 г. армяне привезли 95½ пудовъ ладону ([3]). Ладонъ худшаго достоинства назывался темьянъ: пудъ его стоилъ отъ 20 алт. до 1 р. ([4]). Въ Россіи обработывали его темьянные мастера. Въ 1623 году въ Псковѣ такая работа происходила въ темьянной избѣ передъ таможенными головами и цѣловальниками, съ платою пошлины по 7 алт. съ пуда. Они обязаны были класть двѣ доли ладонной муки и одну долю воску ([5]).

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ числѣ разныхъ привозныхъ травъ явился и чай: его привозили изъ Китая вмѣстѣ съ бадьяномъ. Онъ продавался фунтами въ бумагѣ, на которой были написаны китайскія буквы. Иностранцы говорили о немъ, какъ о рѣдкости. Русскіе начинали употреблять его въ питьѣ съ сахаромъ и приписывали ему цѣлительную силу противъ желудочнаго разстройства ([6]), а также считали предохранительнымъ средствомъ противъ пьянства и пили его на похмѣлье ([7]). Сибирскіе купцы привозили къ намъ хину: ее продавали въ Москвѣ отъ 10 алт. до 13 алт. 2 деньги.

Солодковый корень и ревень составляли предметы вывозной торговли. Солодковый корень собирался по берегамъ Волги и продавался въ Москвѣ кусками, очищенными отъ коры. Въ концѣ XVI вѣка онъ стоилъ отъ 1 д. до 3 алт. за фунтъ ([8]), а во второй половинѣ XVII в. за пудъ до 2 р. 13 алт. 2 д. ([9]). Торговля ревенемъ была собственностью казны. Ревень по-

---

([1]) Расх. кн. 24. 27. Врем. XIII. ([2]) Кильбург. 116 — 117. ([3]) А. И. V, 421. ([4]) Врем. VIII. ([5]) А. А. Э. III, 192. ([6]) Колл. 23. ([7]) Кильбург. 65. ([8]) Торг. кн. З. А. Общ. I. ([9]) Кильбург. 71.

лучался изъ Бухаріи и переходилъ въ Европу чрезъ Россію. Главное мѣсто его склада было въ Тобольскѣ, куда привозили его бухарцы и татары, а также и русскіе, ѣздившіе за нимъ въ Бухарію. Въ 1657 году подъ смертной казнью запрещалось торговать ревенемъ. Привозившіе въ Тобольскъ ревень, должны были отдавать его начальству, которое препровождало его въ казну (1). При Θеодорѣ Алексѣевичѣ позволялось купцамъ, записавшись въ Тобольскѣ, везти самимъ ревень въ Москву на продажу въ казну, но отнюдь не торговать имъ на дорогѣ, такъ чтобы количество, доставляемое въ Москву, было именно то, которое значилось въ проѣзжей грамотѣ, выданной въ Тобольскѣ (2). Въ концѣ XVII в. ревень отыскивали и въ Сибири. Въ 1696 г. приказано искать это растеніе вокругъ Нерчинска (3), а годъ передъ тѣмъ, торговля ревенемъ въ Тобольскѣ, Томскѣ, Тарѣ и повсюду въ Сибири, какъ въ городахъ, такъ и въ степяхъ, гдѣ ревень могъ быть найденъ, отдана на откупъ гамбургскому торговцу Поппе на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы онъ не продавалъ его безпошлинно за-границу (4) и не посылалъ для закупки его по Сибири нѣмцевъ.

Не смотря, однако, на строгія мѣры, тайная торговля ревенемъ была сильно распространена въ Россіи (5). Въ торговлѣ отличали два рода корня ревеня: копытчатый и черенковый (6). Первый, высшаго достоинства, различали по добротѣ, круглотѣ, плотности и чернокрасному цвѣту (7); фунтъ ревеня въ XVI в. стоилъ отъ 2 до 10 алт. (8).

Въ XVII вѣкѣ довольно важна сдѣлалась торговля мареною. Многіе торговцы оставляли другіе предметы, чтобы обратить дѣя-

---

(1) С. Г. Гр. IV, 28—29. (2) А. П. V. 91 (3) А. П. V. 468 (4) А. П. V. 444. (5) Кильбург. 49. (6) С. Г. Гр. IV, 28. (7) Кильбург. 49. (8) Торг. кн. 122.

тельность на марену. Марена произрастала около Терка на протяженіи шестидесяти верстъ. Жители Терка и гребенскіе казаки собирали ее и продавали персидскимъ купцамъ. Каждогодно изъ Персіи приходило по шести и осьми бусъ, которыя нагружались единственно мареною. Потребность ея увеличилась отъ того, что въ Персіи въ то время распространено было тканье окрашенныхъ матерій. Марена продавалась мѣхами; каждый мѣхъ заключалъ полтора пуда. Персидскіе купцы платили за пудъ отъ 17 до 20 алт., а въ Персіи продавали отъ 1½ р. до двухъ рублей. Однажды, когда воровскіе казаки преградили путь персидскимъ купцамъ до Терка, цѣна на марену въ Персіи возрасла до 7 р. за пудъ. Правительство долго не знало объ этомъ промыслѣ, пока одинъ кадашевецъ, желая отличится, не подалъ проекта взять его промыселъ въ казну. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ объявить жителямъ Терка, чтобы они не продавали марены въ Персію, а доставляли ее въ казну, которая будетъ платить имъ съ прибавкою. Въ 1650 году велѣно было состроить въ Теркѣ амбары для складки марены и выбрать поля для обработки марены наймомъ отъ казны (¹).

Изъ произведеній Россіи, вывозимыхъ за-границу, остается упомянуть о лиственничной губкѣ и капѣ. Первая добывалась на Сѣверѣ и отпускалась за-границу, въ половинѣ XVII в.; отпускъ ея приблизительно доходилъ до 60 пудовъ. Купцы различали ея доброту по мѣрѣ мягкости, легкости, ломкости, бѣлизны и сладости на вкусъ. Древесная губка считалась хуже, ибо она была жестка (²). Капомъ назывался застывшій березовый сокъ, который въ твердомъ состояніи можно было употреблять на токарныя работы. Изъ него дѣлали ложки и чарки для питья. Онъ былъ очень дорогъ. Ложка изъ капа стоила отъ 40 до 60 коп., чарка до 5 рублей.

(¹) А. И. IV, 143. (²) Кильб. 49.

Табакъ — зелье, строго запрещенное — былъ однако въ повсемѣстномъ употребленіи, ибо русскіе его любили. Въ половинѣ XVII в. фунтъ табаку стоилъ 40 алтынъ (1).

3. ПРЕДМЕТЫ ЦАРСТВА ЖИВОТНАГО.

Многочисленныя рѣки Россіи издавна были богаты рыбою. Обычай свято сохранять посты, установленные церковью, развилъ у насъ повсемѣстно рыбные промыслы и рыбную торговлю. Не было рѣки или озерца, гдѣ бы не занимались рыболовствомъ; не было базара, гдѣ бы рыба не была самымъ обыкновеннымъ товаромъ (2). Но мѣста, гдѣ производились рыбныя ловли и куда поэтому склонялась рыбная торговля, были берега Сѣвернаго моря, русла рѣкъ: Двины, Ваги, Пинеги, Мезени, Волхова; озера: Ладожское, Бѣлое, Ильмень, Селигеръ, Переяславское, Галицкое; русла Шексны, Оки, Дона и Волги на всемъ ея протяженіи, а въ особенности въ низовьяхъ, около Астрахани (3). Обыкновенные, составлявшіе цѣнные предметы оптовой торговли, роды рыбъ, были: семга, треска, лососина, сиги, лодога, снѣтки и красная рыба, подъ которою разумѣлись: осетръ, стерлядь, бѣлорыбица, бѣлуга, севрюга (по старинному шеврига). Ловля семги производилась у Колы, на лапонской границѣ, въ Двинѣ выше Архангельска, въ Мезенѣ, Пинегѣ, Емцѣ и вообще по морю, но главный промыселъ былъ въ Колѣ, гдѣ каждогодно налавливали ее до 200 ластовъ (4). Треска и палтусъ ловились

---

(1) Кильб. 60. (2) А. Г. Шуи. 64. (3) П. С. З. I. 286. 368 II. 213—А. А. Э. I. 113. 389. А. А. Э. II. 117. 275. III, 13. 16. 79. 158. 219. 248.—А. П. I, 327. III, 193. IV, 360 459.—А. И, V, 28.—Доп. I, 213. 394. 125. II, 87. 93. 151. III, 327 IV, 338. V, 48. — Расх. кн. Ник. Врем. XIII. — Olear: 204. 353. 361. 367. 373. — Fletch. 27. Jenkins. 364.—Herberst. 44.—Кильбург. 22. (4) Кильбург, 22.—Доп. IV. 388.

на Ледовитомъ морѣ ([1]). Сиги, лососи, лодоги, сырти были рыбы Ладожскаго озера и его протоковъ, напримѣръ, рѣки Волховца ([2]). Снѣтки ловились въ Бѣломъ озерѣ и также въ сѣверныхъ рѣкахъ ([3]). Сельди—въ Бѣломъ морѣ ([4]), въ разныхъ рѣкахъ и озерахъ: въ Селигерѣ ([5]), въ Валдайскомъ ([6]), въ Галицкомъ ([7]), но лучшими сельдями считались переяславскія ([8]). Ловля красной рыбы производилась преимущественно въ Волгѣ ([9]); но красная рыба попадалась также въ Окѣ ([10]), въ Бѣломъ озерѣ и въ Шекснѣ, гдѣ стерляди отличались вкусомъ. Въ Волгѣ ловилась рыба, обращавшая на себя вниманіе по своей оригинальности, подъ названіемъ чиберика; у ней носъ былъ длинный, какъ у утки, на обоихъ бокахъ спины черныя и бѣлыя пятна, брюхо бѣлое; она была очень вкусна ([11]). Кромѣ этихъ породъ, во всѣхъ русскихъ рѣкахъ ловились и продавались для мѣстнаго продовольствія: щуки, пискари, окуни, карпы, лещи, судаки, караси, гольцы и проч. Мѣста, удобныя для рыбной ловли назывались *тонями*, съ придачею названія рыбъ, которыхъ преимуществено ловили въ этихъ тоняхъ. Такъ, напримѣръ, были тони сиговыя, снѣтейныя ([12]). Въ Заонежьѣ рыбныя ловли означались *мердами* ([13]); на Волгѣ — *связками* и *частиками*. Частикъ составлялъ сто саженей: въ частикѣ было двѣ связки съ четвертью, слѣдовательно въ связкѣ было около 45 саженей ([14]). Въ Астрахани мѣста, гдѣ ловили красную рыбу и приготовляли ее соленьемъ, назывались *учуги* ([15]). Ловля рыбы совершались неводами, баграми, крюками, которые у рыболововъ назывались *гарвами, переметными керешками, тагасами*, и проч.; рыболовы во

---

(1) А. И. IV,360. (2) А. А. Э. III, 775. 158 (3) А. А. Э. II. 180, (4) Herberst. 52. (5) А. А. Э. II. 275. (6) Расх. кн. Врем. XIII. (7) А. Э. I. 387. (8) А. И I. 327. (9) А. И. III. 272—274. (10) Herberst, 114. (11) Olear. 367. (12) А. А. Э. III. 157. (13) А. И. III, 71. (14) А. А. Э. I. 412. (15) А. И. IV. 133.

время ловли плавали на карбасахъ, челнахъ и сакахъ, и иногда строили *єзы* или заборы для загона туда рыбы (¹). По временамъ года рыбная ловля называлась вешняя, осенняя, и подледная (²). Хотя рыболовствомъ занимались повсюду, но во многихъ мѣстахъ рыболовы составляли слободы, т. е. корпораціи или цехи, съ правами, сопряженными съ этимъ занятіемъ. Такія рыболовныя слободы существовали, напримѣръ, на Галицкомъ озерѣ (³), на Переяславскомъ, гдѣ жили царскіе рыболовы (⁴), на Волгѣ близь Романова (⁵), на Бѣломъ озерѣ, на Дону, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Они носили названіе *рыбныхъ ловцовъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при нихъ жили другаго рода работники, занимавшіеся плетеніемъ неводовъ и назывались *неводники* (⁶). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Переяславскомъ озерѣ, рыбные ловцы обязаны были доставлять натурою сельдей въ опредѣленное время, и такое хозяйственное для царя значеніе Переяславскаго озера сохранялось неизменно впродолженіе вѣковъ (⁷). На Бѣломъ озерѣ рыбный промыселъ отправлялся также записанными въ особый списокъ и составлявшими корпорацію ловцами; они были обязаны ловить рыбу для царской казны. Въ городѣ былъ построенъ рыбный дворъ, гдѣ находился приказчикъ, а съ нимъ цѣловальники, выбранные изъ бѣлозерскихъ посадскихъ: они выбирались жителями для надзора, укладки, отправки рыбы, для строенія садковъ, гдѣ хранилась пойманная живая рыба до отправки. Сверхъ того, жители были обязаны доставлять гребцовъ. Живая рыба отправлялась въ прорѣзныхъ судахъ до Ярославля, подъ надзоромъ выборныхъ цѣловальниковъ и доходила до Москвы, гдѣ шла во всеобщую продажу отъ казны. Рыбные ловцы не смѣли никому продавать царской

(¹) А. И. I, 327. А. А. Э. I. 425. (²) А. А. Э. I, 389. (³) А. Э. I. 113 (⁴) А. А. Э. I. 115 (⁵) А. А. Э. III, 251. (⁶) С. Г. Гр. 397. (⁷) А. А.—Э. I, 114.—А. И. IV. 159.

рыбы на-сторону (1). Но кромѣ рыбныхъ ловцевъ, составлявшихъ сословіе, обязанное ловить рыбу для царской казны, на бѣлозерскіе ловли допускались и другіе оброчники или закупщики—крестьяне и бобыли разныхъ вѣдомствъ, платя пошлины съ лодокъ, съ челновъ, съ саковъ, съ керешекъ, а впослѣдствіи, въ половинѣ XVII вѣка, съ цѣнности рыбы (2). Въ другихъ мѣстахъ рыбные ловцы, хотя составляли сословіе, но вмѣсто доставки рыбы натурою, платили оброкъ по оброчнымъ грамотамъ и продавали уловъ свой свободно. Такимъ правиламъ между прочими подчинены были ильменскіе и галицкіе рыболовы. Тверскія и городецкія рыбныя ловли отдавались на оброкъ. На Ладожскомъ озерѣ,—хотя ладожскіе рыболовы и ловили для царя извѣстное количество рыбъ, напримѣръ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ 640 сиговъ, 640 лодогъ и 640 сыртей (3), иной годъ болѣе, другой менѣе, смотря по приказанію,— но тѣмъ не менѣе промышленникамъ предоставлялось свободно заниматься рыбною ловлею, съ платою оброка или побережной пошлины. Отъ этихъ пошлинъ освобождались только монастыри, имѣвшіе тарханныя грамоты. На рѣкѣ Волховцѣ, на Пташовскомъ островѣ (и вѣроятно на всемъ Ладожскомъ озерѣ), за ловлю сиговъ бралась, кромѣ набережной пошлины, за отвозъ въ Ладогу наловленной рыбы *ладощина*, а за набивку рыбъ въ бочку *бочечное* (4). Въ Вотской и Обонежской пятинахъ рыбныя ловли отдавались въ оброкъ рыболовамъ и для сбора законныхъ пошлинъ посылались сытники. На Сѣверномъ морѣ, Двинѣ и вообще на сѣверныхъ рѣкахъ, рыбныя ловли были свободны и, по-видимому, не считались царскою собственностію, какъ въ другихъ мѣстахъ, но въ пользу царя сбира-

---

(1) Доп. IV, 93. Доп. V, 48. (2) А. А. Э. I. 113. — А. А. Э. II, 144.—Доп. I, 125. — П. С. З. I, 368. (3) А. А. Э. I, 389. А. И. V. 28.—П. С. З. II. 321. (4) А. А. Э. III. 158.—Доп. I, 188.

лась десятая рыба со всѣхъ, кромѣ монастырскихъ людей и крестьянъ, когда монастыри пользовались тарханными грамотами, освобождавшими ихъ отъ этихъ повинностей (1). Выборные цѣловальники ѣздили по рыболовнямъ и собирали рыбу натурою, а потомъ привозили къ воеводамъ. Такъ въ 1663 году значится 11 пудовъ десятой рыбы, доставленной двинскому воеводѣ (2). На Волгѣ, какъ напримѣръ въ Казани, Саратовѣ, Царицынѣ (3), царскія ловли отдавались съ оброка. Астраханскіе рыбные промыслы, самые важнѣйшіе въ Россіи, составляли исключительное достояніе царской казны и производство ихъ совершалось различнымъ способомъ: или вѣрные головы и цѣловальники держали ихъ на вѣрѣ, и производили промышленныя работы хозяйственнымъ образомъ, или они отдавались на откупъ, или на оброкъ. Тѣ же мѣста, которыя оставались безъ производства работы, назывались порозжими (4). Рыбная ловля въ Астрахани обходилась вообще дороже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Волги, потому что наемъ работниковъ стоилъ дороже; поэтому производство работъ отъ казны и содержаніе рыболовныхъ заведеній на вѣрѣ почиталось невполнѣ выгоднымъ дѣломъ, и правительство считало гораздо удобнѣе отдавать учуги на откупъ, а собственно рыбныя ловли (связками и неводами) на оброкъ. Въ половинѣ XVII вѣка высокая откупная плата за учуги произвела то, что множество учуговъ оставались порозжими; поэтому правительство приказывало отдавать ихъ дешево, лишь бы они неоставались пустыми (5). Нѣкоторые же учуги отдавались въ оброкъ, напримѣръ, въ 1652 году патріарху, съ платою 427 р. 24 алт. 1 д. въ годъ. Работы на учугахъ производились наемными людьми, прибывавшими для этого промысла каждогодно изъ верховыхъ провинцій, а на патріаршихъ учугахъ патріарши-

(1) А. И. III, 52. (2) Доп. IV, 338. (3) А. А. Э. III, 219. (4) Доп. II. 151. (5) А. И. IV. 133.

ми людьми, нарочно для того посылаемыми подъ надзоромъ патріаршихъ приказанныхъ или дѣтей боярскихъ ([1]). Откупщики учужинные и рыболовы-оброчники были сами продавцами рыбы, и правительство приказывало, чтобы рыбные ловцы продавали одну только свѣжую рыбу, а отнюдь не соленою, чтобы не подрывать учужниковъ. Поэтому, продажа свѣжей рыбы съ астраханскихъ ловель была подъ надзоромъ нарочно назначенныхъ для того дѣтей боярскихъ ([2]).

Владѣльцы частныхъ рыбныхъ ловель также производили работы или посредствомъ своихъ людей и крестьянъ ихъ, или отдавали ихъ на оброкъ. Рыбныя ловли Соловецкаго монастыря въ XVII в. были всѣ отданы на откупъ ([3]). Оброчная плата за частныя ловли зависѣла нерѣдко отъ положенія ихъ и отъ сосѣдства, такъ что иногда никто не хотѣлъ брать въ оброкъ рыбныхъ ловель по причинѣ безпокойнаго сосѣдства ([4]). Ловли, произодимыя посредствомъ крестьянъ, назывались въ Новогородской землѣ вежами, какъ это видно изъ одной грамоты, гдѣ ловля *вежами* противопоставляется ловлѣ *съ оброка* ([5]). Вообще частные рыбные промыслы не могли имѣть большаго значенія по причинѣ совмѣстничества казенныхъ. Достаточно, для подтвержденія этого, указать на нѣкоторые случаи. Въ Казани при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1624 г. ([6]), были различныя рыбныя ловли: царскія, митрополичьи, монастырскія,—всѣ онѣ отдавались на оброкъ. Было замѣчено, что царскій рыбный доходъ началъ уменьшаться оттого, что оброчные ловцы, вмѣсто того, чтобъ брать въ оброчное содержаніе царскія рыбныя ловли, находили для себя выгоднѣе снимать ловли митрополичьи и монастырскія, да кромѣ того отправлялись въ Самару и Саратовъ, гдѣ тогда уже развивалось рыболовство. Правительство запре-

---

([1]) П. С. З. I. 286. ([2]) А. И. III, 193. ([3]) Кильб. 28. ([4]) Оп. г. Шуи, 346. ([5]) А. И. V, 2. ([6]) А. А. Э. III. 219.

тило имъ брать въ оброкъ владычнія и монастырскія ловли, равно уходить въ низовья, но приказывало непремѣнно брать въ оброкъ царскія рыбныя ловли. На Волгѣ и Шекснѣ, въ 1626 г. запрещено было продавать красную свѣжую рыбу (1), а при Θеодорѣ Алексѣевичѣ митрополичьи рыбныя ловли на Ильменѣ, отдаваемыя оброчниками, которые, въ свою очередь, раздавали ихъ захребетникамъ, велѣно отобрать въ казну и платить митрополиту ту сумму, какую давали оброчники (2).

Торговля рыбою въ Московскомъ государствѣ была царская и частная. Рыба, доставляемая съ астраханскихъ царскихъ рыболовныхъ заведеній, состоявшихъ на вѣрѣ, отправлялась на судахъ въ Москву и лучшая изъ нея доставлялась къ царскому столу, а остальная шла на продажу (3). Астрахань—важнѣйшее мѣсто добыванія рыбы—была вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ рыбнымъ рынкомъ. Торговля производилась какъ свѣжею, такъ и соленою рыбою. Свѣжая продавалась въ городѣ и на *садкахъ*, какъ выше сказано, самыми ловцами, снимавшими воды на оброкъ (4). Такъ какъ у нихъ скупали рыбу прасолы, которые потомъ значительно набавляли цѣну на рыбу, то правительство, стараясь остановить ихъ самовольство, установило, чтобы прасолы являлись на торгъ неиначе, какъ послѣ 3-го часа дня, и притомъ дозволяло имъ брать барышей не болѣе пяти алтынъ съ рубля. (5). Каждый годъ приплывали въ Астрахань весною и осенью суда, и привозили хлѣбные запасы, а вывозили рыбу и икру (6); купцы пріѣзжали за рыбою изъ разныхъ верховыхъ мѣстъ, особенно изъ Казани, Нижняго и Ярославля (7).

При наборѣ рыбы на учугахъ, покупатели обращались къ начальству и просили дать имъ сына боярскаго или цѣловальника

---

(1) А. И. III, 235. (2) А. И. V, 2. (3) Коших. 116. (4) А. И. III. 192. (5) А. И. III, 193. (6) А. И. III, 278 —П. С. З. I, 286. (7) А. И. III, 272.

для безспорной укладки рыбы и платежа пошлины. При нагрузкѣ измѣряли рыбъ казенною мѣрою. Въ Астрахани и вообще на Волгѣ подъ словомъ *рыба* разумѣлась извѣстная единица рыбной мѣры. Такъ, напримѣръ, чтобъ составить рыбу, нужно было то или другое количетсво рыбнаго товара. Рыба раздѣлялась на *полурыбники*. Два полурыбника составляли рыбу; пять *шевригъ*, три *теши* и три *косяка* въ Астрахани принимались за рыбу (1). Въ гребномъ суднѣ укладывалось отъ 3000 до 5500 рыбъ (2), но обыкновенно судно измѣривали въ длину и поперегъ и дѣлали гадательныя заключенія о вмѣщеніи въ немъ рыбнаго товара. Купцы, возившіе изъ Астрахани рыбу вверхъ по Волгѣ, оплачивали ее пошлиною въ Нижнемъ, и при этомъ, какъ и по поводу соляныхъ грузовъ, происходили недоумѣнія: глазомѣрные разсчеты величины судна, безъ знанія геометріи, оказывались ошибочными, при томъ счетъ рыбъ въ Нижнемъ былъ не тотъ, что въ Астрахани; такъ что въ Нижнемъ считали на рыбу не пять, но три шевриги и принимали каждую тешу и косякъ за цѣлую рыбу (3), въ измѣрительномъ смыслѣ этого слова.

Рыба въ продажѣ была свѣжая, просольная и сушеная. Свѣжая—лѣтомъ доставлялась къ мѣсту продажи въ прорѣзныхъ судахъ, и зимою мерзлая; просольная продавалась бочками. Бѣлуга и осетрина продавались штуками, что̀ называлось *длинною рыбою*, тешами, косяками и спинками, также разсѣкались по звенамъ и клались въ бочки (4). Осетринные и бѣлужьи *пупки* продавались лукнами. Соленые сиги, семга, лососина, лодога, продавались всегда бочками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на вѣсъ пудами, а мелкія рыбы: снѣтки, вандыши, хохолки—осьминами, какъ и грибы (5). Сушеная рыба была прутовая, вяле-

---

(1) Доп. II, 87. (2) А. И. III. 272. (3) А. И. III. 273. (4) А. И. I. 327.—Коших. 63. (5) А. А. Э. III, 180.

ная и вѣтреная (1). Икра въ торговлѣ различалась по цвѣту, по приготовленію и по мѣсту добыванія. По цвѣту, встрѣчается различіе между черною и темносѣрою; оба рода добывались въ Астрахани и вообще на Волгѣ, первый родъ добывался изъ осетровъ и стерлядей, а второй изъ бѣлугъ и назывался также армянскою икрою: зерна ея были величиною съ перецъ (2). Ловля бѣлугъ предпринималась преимущественно для икры, такъ-что при большомъ изобиліи, добывши икру, выбрасывали прочь самое туловище бѣлуги (3). Была еще икра желтая, добываемая изъ щукъ; она составляла пищу для простаго народа. По способу приготовленія, икра раздѣлялась на зернистую или *немятую* и *паюсную*, которая продавалась *стулами* (4). Главное мѣсто добыванія икры была Астрахань, гдѣ она солилась и часто высушивалась на солнцѣ (5). Посоливъ икру, ее клали въ корыта, чтобъ вытекли жирные соки, потомъ укладывали въ бочки и давили крѣпко, пока она не превращалась въ твердую массу (6). Мятая или паюсная икра составляла достояніе казны. Въ половинѣ XVII вѣка никто не смѣлъ ею торговать, исключая откупщиковъ, которые снимали казенные икряные учуги (7). Немятая икра была свободный товаръ и цѣнилась ниже паюсной. Въ Москву привозили ее зимою на саняхъ, и хозяева, купивъ ее, держали въ погребахъ на льду (8). По мѣсту приготовленія, у насъ икра была: астраханская учужная, казанская, яицкая. Коллинсъ говоритъ, что въ его время была въ продажѣ икра, которую дѣлали изъ бѣлугъ, добываемыхъ въ Оби (9). Въ XVI вѣкѣ икра продавалась *корюками* и *лукнами*. Но обыкновенная продажа икры была *пошевами*. Пошевъ заключалъ въ себѣ

---

(1) Домостр. 90. (2) Olear. 21. (3) Коллинсъ, 39—40. (4) Коших. 63. (5) Olear. 204. (6) Колл. 39. (7) Olear. 204. (8) Кильб. 21. (9) Коллинсъ, 32.

шесть пудовъ или немного болѣе ([1]). Но икра, какъ и рыба, продавалась и бочками, а также и на вѣсъ пудами.

Торговля рыбой подвергалась безчисленнымъ мелкимъ поборамъ, принадлежавшимъ собственно этой вѣтви торговли, какъ то: съ рыбной кладки, съ рыбнаго боя, съ рыбной выборки, съ рыбной раздѣлки, съ мытья, со складки, съ бочки. Но въ 1654 году эти поборы заменены обычною рублевою пошлиною ([2]).

Рыбный товаръ былъ предметомъ вывоза за-границу, но трудно опредѣлить, въ какой степени. Роды рыбъ, отправляемыхъ за-границу, были: семга, палтусъ и треска—вообще рыбы водъ сѣвернаго бассейна. Жители Кольской области, занимаясь ловлею трески и палтуса, и промѣнивали ихъ англичанамъ и датчанамъ на сукно, мѣдь и олово ([3]). Соленая семга въ изобиліи отправлялась заграницу и продавалась въ Голландіи, Фландріи и Франціи ([4]). Икра отправлялась съ царскихъ волжскихъ учуговъ въ Архангельскъ. Алексѣй Михайловичъ отдалъ всю торговлю паюсною икрою иностранцу Ферпортену на десять лѣтъ, съ условіемъ платить за пудъ по три рейхсталера, что приносило царю до 40,000 рейхсталеровъ. Большое количество нашей икры шло въ Англію, Нидерланды, Францію и особенно Италію, гдѣ она считалась лакомствомъ, подъ именемъ caviaro ([5]). Въ числѣ вывозныхъ статей рыбнаго товара былъ клей, называемый карлукъ. Онъ добывался изъ бѣлугъ около Астрахани и принадлежалъ казнѣ. Въ 1637 г. отпущено было въ Нарву 1450 пудовъ этого товару ([6]). Ежегодная добыча его простиралась до 300 пудовъ. Въ Москвѣ онъ продавался отъ казны.

Въ половинѣ XVI вѣка (1563 года) лучшая, свѣжая осетрина продавалась по 30 алтынъ за штуку, стерлядь по 4 алтына, лосось

([1]) Доп. III, 146. ([2]) П. С. З. I, 330. ([3]) Доп. I. 213. ([4]) Торг. кн. Врем. VIII. ([5]) Olear. 204. ([6]) Кильбург. 46.

по 3 алт. 2 д., бѣлорыбица 5 алтынъ (1); но во время подвоза въ приволжскихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Ярославлѣ, гдѣ число привозной рыбы простиралось до 3000 штукъ однихъ осетровъ,—можно было купить цѣлаго осетра за 7 алтынъ (2). Соленая осетрина продавалась по полтинѣ за штуку, бѣлорыбица по 2½ алт., бочковая рыба: лососина, лодожина, сиговина продавалась за бочку по 1 р. 22 алтына, бочка соленой щуки по 40 алтынъ, семга—за пудъ 3 алт. 2 д., паюсная икра—13 алт, 2 д. за пудъ (3). Въ концѣ XVI вѣка соленая кольская семга въ Холмогорахъ продавалась по 2 алтына за штуку; въ бочкѣ вмѣщалось до двадцати штукъ, а иногда цѣлая бочка достигала цѣны 4 рублей (4). Бочка переяславскихъ сельдей, въ которую входило слишкомъ до двухсотъ штукъ, стоила 11 алтынъ 4 деньги (5). Треска продавалась сухая и соленая. Первая отправлялась болѣе въ Балтійское море, послѣдняя въ Сѣверное. Сто штукъ сухой трески составляли четыре пуда и пудъ продавался по 13 алт, 2 д., а соленая на Сѣверномъ морѣ стоила 23 алт. 2 д. (6). Въ XVII вѣкѣ пудъ трески въ Москвѣ стоилъ 26 алт. 2 д. (7). Въ Астрахани, въ 1623 г., севрюга по таксѣ стоила: съ икрою 7 денегъ, безъ икры 5 ден.; осетръ и бѣлуга мѣрою *въ пять шевригъ* продавались: икряные по 5 алт. 4 ден., а яловые по 4 алтына 1 д. (8). Но позже, въ 1628 г., сто рыбъ осетровыхъ оцѣнено въ 70 рублей, что выходитъ по 23 алтына за штуку (9). Вообще въ Астрахани можно было у ловцовъ получать рыбу очень дешево, напр. за 200 стерлядей по 15 грошей или десять алтынъ, а за 12 большихъ карповъ четыре деньги (10). Въ Москвѣ, въ половинѣ XVII вѣка, двадцать бѣлугъ стоили 18 р., а 20 осетровъ 8 р. (11). Семга, въ поло-

---

(1) А. И. I. 327. (2) Ж. М. Н. Пр. 1856. Февр. 104. (3) А. И. I. 327. (4) Торг. кн. Врем. VIII. (5) А. И. I. 327. (6) Торг. кн. Врем. VIII (7) Кильбург. 187. (8) А. И. III. 193. (9) А. И. III, 274 (10) Olear. 373. (11) Кильбург. 21.

винѣ XVII вѣка, продавалась по полтинѣ, а иногда цѣна ея возвышалась и до 70 и до 80 коп.; соленая при отвозѣ за границу продавалась по 12 коп. или 4 алт. (1). Пошевъ икры въ 6 пудовъ цѣнился въ XVII вѣкѣ въ 20 р., слѣдовательно пудъ въ 3 руб. 9 алтынъ 2 д. (2). Фунтъ икры въ Москвѣ продавался 2 алт., десятокъ пучковъ вязиги—1 алт. 3 деньги съ полуденьгою (3). Пудъ клею въ XVI вѣкѣ—отъ 2 до 5 руб. (4). О цѣнѣ щукъ, лещей, окуней и проч. можно заключить приблизительно изъ того, что въ 1652 г. въ Валдаѣ 200 окуней и 27 щукъ стоили 1 р. 26 алт. 4 д., а 50 щукъ, 16 окуней и 17 лещей—1 р. 11 алт. 4 д. (5).

Жемчугъ былъ важнымъ предметомъ ввоза, потому что составлялъ самое обычное украшеніе русскихъ нарядовъ. Жемчугъ раздѣлялся на бурмитскій и зерновой. Въ торговлѣ смотрѣли, чтобъ жемчугъ былъ окатенъ (круглъ), сходчивъ и водою чистъ. Цѣнность его была различна, смотря по величинѣ и чистотѣ. Жемчугъ бурмитскій продавался на жемчужины. Жемчужина, вѣсившая двѣ серебряныхъ деньги, продавалась рубли за 2, вѣсившая 4 д. — за 4 р., а вѣсившая алтынъ — рублей по 8. Зерновой жемчугъ продавался на золотники и цѣна золотнику была различна, смотря потому, сколько зеренъ войдетъ въ золотникъ: чѣмъ меньше, тѣмъ дороже, и на оборотъ. Золотникъ жемчуга изъ 20 зеренъ стоилъ 1 руб. 6 алт. 4 д., изъ 25 зеренъ — 1 р. 3 алт. 2 д.; золотникъ въ 30 зеренъ — 1 р., золотникъ изъ 50 зеренъ — полтину, а изъ шестидесяти зеренъ — 13 алт. 2 д. Цвѣтъ жемчуга всегда принимался во вниманіе: чѣмъ бѣлѣе, тѣмъ онъ былъ дороже; желтаго жемчугу никто не хотѣлъ покупать (6). Жемчужное ожерелье, какое носили мужчины въ XVII вѣкѣ, можно было

(1) Кильбург. 22. (2) Доп. III 146. (3) Врем XIII. Расх. кн. 25. 29. (4) Торг. кн. Врем. VIII. (5) Расх. кн. Врем. XIII, 2. (6) Торг. кн. 122.

купить за $6^1/_2$ р. а женскія, судя по достоинству, были иногда очень дороги, напр. въ 200 руб. О степени привоза можно приблизительно судить изъ извѣстія, относящагося къ концу XVI в., гдѣ сказано, что на кораблѣ привезено жемчугу 1203 золотника по 2 р. съ полтиной, а 476 зол. по 1 р. 26 алт. (1) По свидѣтельству Кильбургера, въ 1672 году привезено въ Россію 2000 штукъ крупнаго и 9 фунтовъ мелкаго; въ 1613 году — 26 фунтовъ 22 золотника, 21 ящикъ, 2 дюжины, 19 нитокъ и 420 штукъ крупнаго (2). Сверхъ привознаго жемчугу, у насъ былъ свой, добываемый въ Двинѣ (3), но онъ уступалъ привозному.

Моржовая кость, называемая въ русской торговлѣ *рыбьимъ зубомъ*, добывалась на Сѣверномъ морѣ (4), напр. около Мезеня; лѣтомъ промышленники для моржоваго промысла плавали на Новую землю, на Вайгачъ (5), но обильнѣйшее добываніе моржовой кости было въ Сибири, на Восточномъ океанѣ, по берегамъ Мотыклея, Анадыра (6) и на Сѣверномъ океанѣ, у устья Колымы. Въ этихъ странахъ, въ половинѣ XVII вѣка, найдено такое огромное количество костей, что ими можно было нагружать суда (7). Она сбывалась преимущественно въ Царьградъ, Крымъ, Персію и Бухарію (8), гдѣ ее употребляли на оправу ножей и кинжаловъ; отчасти она шла и въ Европу; сверхъ того нѣкоторые употребляли внутрь порошокъ изъ моржовой кости, приписывая ему цѣлительную силу. До половины XVII в. промышленники обязаны были платить десятую кость въ пользу царя но царь Алексѣй Михайловичъ обратилъ всю торговлю моржовою костью въ казенную монополію. Въ 1649 г. въ Архангельскѣ и Холмогорахъ велѣно объявить, чтобъ всѣ везли кости въ таможню, а таможники будутъ вы-

---

(1) И. Г. Р. Пр. 462. (2) Кильбург. 107. (3) Herberst. 59. (4) Доп. III. 81. (5) Доп. V. 172. (6) Доп. V. 11. Доп. III. 349. (7) Доп. III, 349. Fletch. 23. (8) Доп. III. 81.

давать имъ деньги по оцѣнкѣ; на всѣхъ торгахъ велѣно отбирать *рыбій зубъ* и отсылать въ казну ([1]). Чѣмъ крупнѣе кость, тѣмъ считалась цѣннѣе. Иногда пудъ выходилъ изъ двухъ костей, иногда — изъ трехъ, изъ четырехъ, иногда — изъ 8. Мельче кость, именно отъ 8 до 16 костей въ пудѣ, считалась гораздо малоцѣннѣе ([2]). Въ половинѣ XVII вѣка въ Сибири моржовая кость цѣнилась среднею цѣною по 1 р. за фунтъ ([3]). Кромѣ моржей ловили еще морскихъ волковъ, изъ зубовъ которыхъ дѣлались ножи ([4]).

Пушные товары въ глазахъ иностранцевъ казались самымъ важнѣйшимъ источникомъ богатства Россіи. Но это богатство не было неисчерпаемо. Въ началѣ XVI в. вся Россія была наполнена безчисленнымъ множествомъ звѣрей, но въ половинѣ XVII вѣка въ Европейской Россіи промыслы пушныхъ звѣрей упадали ([5]), а въ концѣ XVII вѣка чувствовался недостатокъ мѣховъ уже въ самой Сибири. Впрочемъ, XVI и XVII вѣка были временемъ высшаго значенія мѣховой торговли. До перехода русскихъ за Уральскія горы, Россія получала мѣха изъ лѣсовъ, которыми покрыты были ея европейскія владѣнія. Лѣсистые берега Оки доставляли бѣлокъ, куницъ, горностаевъ ([6]). Въ Смоленской области непроходимые лѣса изобиловали лосями, вепрями, куницами и бобрами ([7]). Во многихъ мѣстахъ на рѣкахъ и озерахъ жили такъ называемые бобровники, которые, какъ и рыболовы, составляли особую корпорацію звѣролововъ, обязанныхъ доставлять ко двору мѣха ([8]). Такіе бобровники жили, между прочимъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Но важнѣйшія и богатѣйшія мѣста звѣриныхъ промысловъ были берега Ваги, Двины и Печоры ([9]). На Устюгѣ ловились черныя лисицы, а на Вагѣ лисицы черныя и лисицы пепельнаго цвѣта ([10]). Берега Печоры обильны были соболями, куни-

([1]) Доп. III. 191. ([2]) Доп. IV. 99. ([3]) Доп. III. 349. ([4]) Раф. Барб. 47. ([5]) Коших. 74. ([6]) Herberst. 46. ([7]) Доп. V. 76. ([8]) А. А. Э. I. 120. ([9]) Chensl. 80. ([10]) Herberst. 54.

цами, бобрами, волками и бѣлками ([1]). Открытіе Сибири развернуло для Россіи неслыханныя сокровища пушнаго богатства на пространствѣ отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго Океана. Съ тѣхъ поръ вся дѣятельность мѣховаго промысла перешла въ Сибирь.

Торговля мѣхами раздѣлялась между правительствомъ и купцами, или лучше сказать, главное ядро ея было въ рукахъ власти, а купцамъ доставались избытки. Власть пріобрѣтала мѣха слѣдующими способами: 1) отъ инородныхъ подданныхъ, платившихъ мѣхами дань, называемую ясакомъ; эта дань или доставлялась самыми инородцами начальствующимъ лицамъ того уѣзда, гдѣ они жили, или же служилые люди посылаемы были въ юрты (жилища инородцевъ) и приносили ясакъ воеводамъ, которые поручали выборнымъ торговымъ людямъ оцѣнивать мѣха и потомъ отправлять въ Москву. 2) Кромѣ ясака, воеводы получали отъ инородцевъ при платежѣ ясаковъ *поминки* мѣхами. Воеводы, какъ и служилые люди, законно могли принять ихъ, но не смѣли оставлять у себя, тѣмъ менѣе продавать, а должны были препровождать въ казну, откуда имъ выдавали деньги; 3) торговцы, покупая мѣха въ Сибири, обязаны были давать въ казну десятаго звѣря и притомъ самаго лучшаго; сверхъ того начальство могло у промышленниковъ и торговцевъ во всякое время отобрать въ казну мѣха, коль скоро они окажутся высшаго достоинства. Кромѣ употребленія мѣховъ на царское жалованье, казна вела ими значительный торгъ. Торговля эта поручалась гостямъ и цѣловальникамъ изъ торговцевъ ([2]). При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ купцы отъ казны посылались для скупа мѣховъ и получали награды за удачныя пріобрѣтенія ([3]). Въ Москвѣ были казенныя лавки, гдѣ продавались мѣха. Казенные мѣха отправлялись въ Сѣверный портъ, а так-

---

([1]) Herberst. 55. ([2]) Коших. 74. ([3]) Доп. I. 199.

же промѣнивались грекамъ, армянамъ, персіянамъ, бухарцамъ на восточные товары. Впослѣдствіи, когда возникли торговыя сношенія съ Китаемъ, мѣха сибирскіе сдѣлались важнымъ предметомъ вывоза въ Китай. Вообще очень часто казенные мѣха имѣли значеніе ходячей монеты и выдавались въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было выдавать деньги. Такимъ образомъ, посольству, отправленному въ Константинополь, вмѣсто необходимой суммы для раздачи милостыни разнымъ церквамъ и монастырямъ, правительство дало мѣха (1). Стараясь привлечь въ Россію серебро, правительство давало порученія гостямъ и цѣловальникамъ въ Архангельскѣ промѣнивать мѣха на ефимки (2).

Частная торговля мѣхами была чрезвычайно стѣснена совмѣстничествомъ власти, какъ мы уже имѣли случай объяснить. Русскіе купцы во многихъ мѣстахъ не смѣли торговать въ юртахъ, а въ отдаленной Сибири хотя это и было дозволено, но не иначе, какъ послѣ сбора ясака и притомъ съ условіемъ отдавать въ казну лучшихъ звѣрей. Во многихъ мѣстахъ русскимъ промышленникамъ было вовсе запрещено самимъ заниматься звѣроловствомъ, а предоставлялось это занятіе однимъ инородцамъ, платившимъ ясакъ: это касалось до татаръ, остяковъ, вогуличей, чувашей (3). При Алексѣѣ Михайловичѣ купцы не имѣли права продавать мѣха высокаго достоинства, свыше 20 р. за пару и 300 р. за сотню (4) по московской цѣнѣ. Запрещалось въ Сибири частнымъ торговцамъ отпускать мѣха въ другія государства, особенно въ Бухарію, откуда купцы пріѣзжали для закупки мягкой рухляди (5). Въ Европейской Россіи запрещалось продавать мѣха грекамъ, армянамъ, персіянамъ (6), потому что казна принимала на себя надѣленіе мѣхами торговцевъ этихъ народовъ. Что касается до торговли въ Архангельскѣ, то ку-

---

(1) Врем. IX. 49. (2) Доп. III. 140. (3) Доп. V. 429. (4) Коших. 74. (5) Доп. IV. 355. (6) П. С. З. II. 325.

пецъ, отправляющій за-границу мѣха, былъ стѣсненъ тѣмъ что не смѣлъ продавать своихъ товаровъ, прежде чѣмъ не продадутся казенные; притомъ казенные были лучшіе и могли продаваться дешевле, чѣмъ частные, поэтому купецъ всегда рисковалъ понести убытки. Иногда правительство устанавливало запрещенія торговать какими-нибудь изъ мѣховъ, напр. въ 1675 году запрещено было торговать голубыми и черными песцами и повсюду велѣно было у проѣзжихъ торговцевъ отбирать этого рода мѣха и выдавать за нихъ деньги (1). Такъ въ числѣ указныхъ шести товаровъ (вмѣстѣ съ пенькою, смольчугомъ, юфтью, поташемъ, саломъ) при Алексѣѣ Михайловичѣ были соболи (2).

Частные торговцы пріобрѣтали мѣха посредствомъ мѣны съ инородцами въ Сибири и въ сѣверной Россіи мѣны дозволенной на гостинныхъ дворахъ, а въ отдаленной Сибири и въ юртахъ, и посредствомъ покупки отъ казны. Они сбывали мѣха внутри Россіи и вывозили въ Архангельскъ и Нарву (3). Нерѣдко мѣха привозили въ Архангельскъ не изъ Москвы, гдѣ было главное средоточіе мѣховой торговли, но прямо изъ Сибири по Двинѣ. Гости и торговцы, стѣсняемые коммерческимъ совмѣстничествомъ власти, умѣли изворачиваться въ свою пользу. Такъ торговцы въ Сибири давали воеводамъ взятки и воеводы оставляли въ ихъ рукахъ лучшія мѣха, а въ казну отсылали мѣха худшаго достоинства, увѣряя, что лучше достоинствомъ доставленныхъ въ казну не было; въ самой Москвѣ гости, бывъ призваны для оцѣнки казенныхъ мѣховъ, оцѣнивали казенные мѣха дороже, чѣмъ они стоили, а между тѣмъ сами торговали мѣхами и скупали въ Сибири мѣха посредствомъ своихъ агентовъ, успѣвавшихъ подкупать воеводъ и пріобрѣтать для своихъ хозяевъ луч-

(1) А. И. IV. 539. (2) Доп. IV. 281. (3) Кильбургъ.

шіе мѣха. Такимъ образомъ у казны были мѣха похуже, чѣмъ у гостей, а казна должна была продавать ихъ дороже, чѣмъ гости. Эти злоупотребленія, однако, послужили еще къ бóльшему стѣсненію мѣховой торговли. Въ 1697 г. совершенно запрещено частнымъ торговцамъ покупать въ Сибири мѣха соболей и черныхъ лисицъ, а предоставлялось купцамъ, желающимъ вести этого рода торгъ, и внутри и вывозя за границу не иначе, какъ купивъ мѣха въ казнѣ (1).

Изъ пушныхъ звѣрей первое мѣсто занимали соболи и лисицы. Соболей продавали парами и сороками. Сверхъ цѣлыхъ мѣховъ продавали отдѣльно собольи лапки, брюшки, душки, собольи опушки. Хвосты продавали поштучно, а лапки, брюшки, душки сшивались въ мѣха и продавались парами и сороками. Лучшіе соболи продавались всегда отдѣльно отъ брюшекъ (2). Соболя держались въ мѣшкахъ изъ синей холстины, которые сверху и снизу открывались и чѣмъ тѣснѣе былъ мѣшокъ, тѣмъ считалось лучше для мѣховъ. Соболи сортировались на три рода: добрые, средніе и плохіе. Нисшій сортъ соболей назывался недособоли (3). Въ концѣ XVI вѣка въ Холмогорахъ соболи, которые обходились въ Перми по 10 р. за сорокъ, продавались по 25 р. (4). Въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ разныя цѣны соболей, смотря по достоинству. Въ 1607 г. пара соболей, въ Новгородѣ продавалась за $2^1/_2$ р. (5). Въ 1647 г. въ Енисеѣ, слѣдовательно на мѣстѣ добыванія, 11 сороковъ соболей оцѣнены въ 951 р. 16 алт., слѣдовательно по 86 руб. 13 алт. за сорокъ, а 11 сороковъ собольихъ пупковъ 44 р. 23 алт. 3 деньги, слѣдовательно по 4 р. 2 алт $^{10}/_{11}$ д. (6). При Михайлѣ Ѳеодоровичѣ средняя цѣна соболей означена въ 50 р. за сорокъ (7), т. е. соболи въ эту

---

(1) А. И. V. 472. (2) Кильбург. 23. (3) А. И. IV. 53. (4) Торг. кн. (5) Оп. Им. Тат. 5. Врем. VIII. (6) Доп. III. 109. (7) Olear. 226.

цѣну расходились болѣе другихъ сортовъ. Но отличные соболи цѣнились до 200 р. за сорокъ; такимъ образомъ десять сороковъ соболей, посланныхъ въ даръ визирю въ 1643 году, оцѣнены въ 2000 р. (1). При Алексѣѣ Михайловичѣ обращались казенные соболи, достоинствомъ отъ 30 р. до 300 рублей за сорокъ: при раздачѣ дворянамъ жалованья соболями давали особамъ первой статьи въ 50 р., второй — въ 40, третьей — въ 30 р. за сорокъ, или парами: людямъ первой статьи — по 10 р., второй — по 7. р., третьей по 5 р., а *достальнымъ* — по 3 р. за пару (2). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича собольи мѣха были отъ 10 до 1000 р. за сорокъ (3), но соболи въ 1000 р. за сорокъ были чрезвычайная рѣдкость и даже соболи выше 400 р. за сорокъ не составляли обыкновеннаго товара. По средней цѣнности можно положить, что соболья шуба въ XVII вѣкѣ стоила отъ 40 до 50 р. (4). Собольи хвосты цѣнились отъ 3 алт. 2 д. до 10 алт. за штуку, или отъ 6 р. до 18 р. за сорокъ (5). Хвосты цѣною выше составляли уже рѣдкость (6). Иностранцы, покупая у русскихъ соболей сороками, считали ихъ циммерами; циммеръ составлялъ 20 паръ (7).

При сборѣ ясаковъ слово *соболь*, какъ въ рыбной торговлѣ слово рыба, имѣло вообще значеніе мѣха, такъ что, напримѣръ, три бобра зачислены были за восемь соболей; шкуры другихъ звѣрей измѣрялись также единицею названія *соболь*: говорилось, что столько-то шкуръ такого-то звѣря составляютъ соболя (8).

Лисицы были семи родовъ: черныя, чернобурыя, черночеревыя, бурыя, сиводушчатыя, бѣлыя и красныя (9). Черныя лисицы доставались въ восточной Сибири (10); были извѣстны

---

(1) Наказъ посл. Врем. IX. 80. (2) Коших: 52. (3) Кильбург. (4) А. И. IV, 276. (5) Кильбург. 27. (6) Кильбург. ibid. (7) Olear, 50. (8) А. И. IV, 53. (9) Торг. кн. 133. (10) Доп. IV, 120.

лисицы *уфимскія, устюжскія,* простыя *русскія.* Лисьи мѣха были въ большомъ употребленіи, особенно на мужскія шапки (1). На шубы зажиточные люди употребляли соболей. Большое употребленіе лисьихъ мѣховъ, было причиною, что цѣны за эти мѣха поднимались до чрезвычайности, такъ что въ концѣ XVII вѣка иностранцы находили выгоднымъ ввозить въ Россію французскихъ лисицъ (2). Лисицы въ Сибири цѣнились: бурая и красная по полтинѣ, синедушчатая — по 26 алтынъ за штуку (3), а черная — отъ 10 до 50 р. (4). Въ XVI вѣкѣ за мѣхъ чернобурой лисицы платили отъ 30 до 40 червонецъ (5). Въ началѣ XVII в. пара лисицъ въ Новгородѣ куплена за 30 алт. (6), а при Алексѣѣ Михайловичѣ мѣхъ черной лисицы стоилъ въ Москвѣ до 60 р., лапчатай мѣхъ сшитый изъ черныхъ лисицъ стоилъ отъ 20 до 36 р. Бѣлыя лисицы цѣнились отъ 25 до 30 коп. за штуку (7). Простыя лисицы продавались сотнями, и сотня въ XVI вѣкѣ стоила 2 р. (8). Горлатныя лисьи шапки, которыя были въ большемъ употребленіи, стоили отъ 1 р. до 10 р. (9).

Куницы въ XVI вѣкѣ ловились по берегамъ Оки, но впослѣдствіи онѣ тамъ уже составляли рѣдкость и этотъ звѣрь добывался на сѣверо-востокѣ и востокѣ Россіи. Лучшими куницами считались башкирскія. Въ XVI в. замѣчали однако, что русскія куницы уступали шведскимъ (10). Въ XVII в. въ торговлѣ онѣ раздѣлялись на лѣсныхъ и каменныхъ. Каменныхъ вообще было мало. Куньи мѣха продавались сороками и всегда почти въ цѣлостномъ состояніи, а не такъ какъ соболи, т. е. съ лапками, брюшками, душками вмѣстѣ; только куньи хвосты продавались отдѣльно (11). Въ XVI вѣкѣ куницы продавались по 13 р. 2 гр. или по 40 еф. за сорокъ; онѣ служили предметомъ отправки за границу. Авторъ

---

(1) Herberst. 41 (2) Кильбург. 28. (3) Доп. III. 109. (4) Доп. II. 158. (5) Раф. Барбер. 41. (6) Оп. Им. Тат., 6, Врем. VIII. (7) Кильб. 25. (8) Торг. кн. Врем. VIII. (9) А. И. IV, 276. Доп. I, 205. (10) Herberst. 41. (11) Кильб. 25.

торговой книги совѣтуетъ подряжаться на сто сороковъ. Вообще куница цѣнилась втрое ниже соболя, соразмѣрно относительному ихъ достоинству. Англичане обратили вниманіе на мѣха этого рода, потому что они были дешевле и слѣдовательно доступнѣе большинству покупателей (1). Въ XVI вѣкѣ русскія куницы въ изобиліи отправлялись изъ Фландріи въ Испанію, гдѣ стоили 40 червонцевъ за сорокъ (2). Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ куница стоила около 6 алтынъ. Кунья шуба безъ покрышки стоила около 12р. Куницы употреблялись на рукавицы (3).

Бобры встарину были повсемѣстнымъ звѣремъ, какъ это доказываютъ частные случаи, гдѣ упоминается о бобровникахъ и о бобровыхъ гонахъ. Въ XV и XVI вѣкѣ въ землѣ Рязанской и около Воронежа производилась ловля бобровъ (4). Но умноженіе народонаселенія истребило этихъ пугливыхъ звѣрей и ограничило мѣсто ихъ ловли преимущественно Сибирью. Впрочемъ русскіе бобры были ниже достоинствомъ, чѣмъ сибирскіе. Количество бобровъ, столь обильное, умалилось скорѣе другихъ звѣрей. Въ 1635 году правительство заботилось уже о сохраненіи бобровъ и строго запрещало ловить бобровъ и выдръ капканами (5). Въ концѣ XVII вѣка мѣха бобровъ уже къ намъ ввозили и промѣнивали на бобровую шерсть (6). Бобры раздѣлялись на настоящіе и кошлоки, а по цвѣту были черные, чернокаріе, каріе, рыжіе (7). Лучшими считались черные. Бобры продавались десятками (8) и юфтями. Въ выписки объ отправленныхъ черезъ нижегородскую таможню въ 1648 г. товарахъ сказано: четыре юфти бобровъ (9). Въ торговой книгѣ XVI вѣка обычная цѣна черному бобру означена 2 р.; причемъ авторъ совѣтуетъ подряжатся доставлять заграничнымъ Торгов—

---

(1) Lett. of th. Mosc. Comp. Hacl 333. (2) Торг. кн. (3) Оп. Им. Тат. 6. Врем. VIII.—Оп. Шуи. 453. (4) С. Г. Гр. I, 327. (5) А. А. Э. III. 393. (6) Кильб. 735. (7) Доп. IV, 201. (8) С. Г. Гр. II, 89. 134. (9) Доп. III. 145.

цамъ до 5000 бобровъ разомъ (1). Судя по степени взиманія пошлинъ, въ 1596 году въ Новгородѣ, боберъ былъ въ 1/4 цѣннѣе соболя, ибо за 30 бобровъ брали ту же пошлину, какъ за 40 соболей (2). При Ѳедорѣ Іоанновичѣ 5 бобровъ, подаренныхъ царицѣ, стоили 8 р.

Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, цѣнность бобровъ за десятокъ въ оптовой продажѣ была отъ 8 до 30 р. (3). Бобры употреблялись преимущественно на женскія шапки и ожерелья, но нигдѣ не видно, чтобъ бобровые мѣха служили для шубъ. Пудъ бобровой струи въ XVI вѣкѣ стоилъ 3 р. (4). Въ 1674 году фунтъ сибирской бобровой струи стоилъ 4 1/2, а украинской — 1 1/2 р! Фунтъ бобровой шерсти въ тоже время въ Архангельскѣ стоилъ около 3 р. (5). Русскіе вычесывали бобровую шерсть не только изъ новыхъ бобровыхъ мѣховъ, но и изъ поношенныхъ и продавали иностранцамъ; она отправлялась во Францію, гдѣ изъ нея дѣлались шляпы. При этомъ русскіе дозволяли себѣ подмѣшивать въ бобровую шерсть нѣсколько кошечьей: это побудило французское правительство запретить покупку русской бобровой шерсти, а между тѣмъ и голландцы начали заниматься выческою бобровой шерсти (6).

Бѣлки были самымъ употребительнымъ мѣхомъ. Ихъ добывали повсюду, но добываемыя въ средней Россіи были худшаго достоинства — рыжія и коротко шерстныя. Таковы были бѣлки кляземскія. Лучше ихъ считались бѣлки устюжскія, вологодскія, шувайскія (7), еще лучше мезенскія, казанскія и вятскія, но самыя лучшія сибирскія, которыя вообще мало доходили до Москвы съ тѣхъ поръ, какъ китайцы стали скупать ихъ и вывозить въ свою землю (8). Въ началѣ XVI вѣка бѣлки продавались пучками; въ каждомъ пучкѣ было по десяти мѣховъ. Бѣ-

---

(1) Торг. кн. 133. (2) С. Г. Гр. II, 89. (3) Кильбург. 115. (4) Раф. Барбер. 57. (5) Кильбург. 40. (6) Кильбург. 47. (7) С. Г. Гр. II, 139. 8) Кильбург.

личьи мѣха различались по достоинству; лучшіе были съ красным̆ъ отливомъ (прокрасныя), а худшіе—молочнаго цвѣта. Бѣлки послѣдняго сорта продавались отъ 1 до 2 денегъ за штуку. (1). Вообще же бѣлки въ Московскомъ государствѣ продавались тысячами (2). Бѣличьи брюшки отрѣзывались отъ спинокъ, сшивались и продавались отдѣльно мѣхами. Въ XVI вѣкѣ въ Холмогорахъ бѣлки служили предметомъ вывоза и стоили за тысячу 40 ефимковъ, шевней тысяча — 10 ефимковъ. Авторъ торговой книги совѣтуетъ подряжаться съ иностранцами на 100,000 штукъ (3). Въ началѣ XVII вѣкѣ, въ Новгородѣ мѣхъ бѣличій хребтовой стоилъ около 2 р., а черевій — около 40 алтынъ (4). Во Фландріи тысяча русскихъ бѣлокъ стоила отъ 25 до 40 р. При Алексѣѣ Михайловичѣ тысяча бѣлокъ стоила отъ 23 до 30 р. (5). Хребтовая бѣличья шуба, покрытая краснымъ сукномъ, стоила 8 р. (6), а крытая бархателью — 5, непокрытая до 3 р. 20 алт. 4 д.; шуба изъ бѣличьихъ черевъ — двумя рублями ниже хребтовой.

Изъ другимъ пушныхъ звѣрей въ торговлѣ были употребительны мѣха — горностаевъ, песцовъ, медвѣдей, лосей, рысей, россомахъ, зайцевъ и выхухолей. Лучшіе горностаи были сибирскіе, но они сдѣлались рѣдкостью въ Москвѣ, ибо китайцы во множествѣ вывозили ихъ изъ Сибири. Горностаи цѣнились по своей бѣлизнѣ. Въ началѣ XVI вѣка можно было купить горностая по 3 или 4 деньги за штуку (7). Въ половинѣ XVI вѣка 14 горностаевъ стоили 8 алтынъ 2 д. (8); въ концѣ XVI вѣка горностаи продавались сотнями по 3 р. за сотню, а во Фландріи сотня русскихъ горностаевъ стоила 5 р. Они вывозились за-границу и шли болѣе всего въ Испанію. Авторъ

(1) Herberst. 41. (2) С. Г. Гр. II. 139. (3) Торг. кн. З. А. О. I. (4) Оп. Им: Тат. 6. Врем. VIII. (5) Кильбург. 26. (6) А. И. IV. 162. (7) Herberst. 40. (8) Раф. Барбер.

Торговой книги совѣтуетъ подряжаться съ иноземными купцами на пятьсотъ штукъ (1). Нагольная горностаевая шуба стоила 17 р. (2). Песцы были бѣлые, черные и голубые. Черные въ концѣ XVI вѣка продавались по 5 алтынъ за штуку, бѣлые стоили, кажется, вдвое. Въ мѣновой торговлѣ вообще они продавались десятками. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подряжаться съ иностранцами на 500 штукъ (3). Въ XVII вѣкѣ они очень вздорожали. Медвѣди были черные, бѣлые и бурые. Въ концѣ XVI вѣка медвѣжья шкура бурыхъ и черныхъ стоила 20 алтынъ, шкура молодыхъ медвѣжатъ 10 алтынъ. Ихъ вывозили, вѣроятно, не въ большомъ количествѣ, ибо въ Торговой книгѣ совѣтуютъ подряжаться только на 40 или 50 (4). Шкура бѣлаго медвѣдя въ XVII вѣкѣ стоила въ Москвѣ отъ $2^1/_2$ до 3 р. (5). Медвѣди употреблялись на шубы, на полости и на рукавицы. Барсуки употреблялись не въ большомъ количествѣ на обивки сундуковъ и на хомуты. Волки въ концѣ XVI вѣка продавались у Двинскаго порта и авторъ Торговой книги совѣтуетъ подряжаться съ иноземцами на 5000. Цѣна волка была 3 ефимка — отъ 1 р. 3 алт. 2 д. до 1 р. 11 алт. 1 д.;— во Фландріи русскій волкъ стоилъ 4 ефимка. При Алексѣѣ Михайловичѣ русскіе волки продавались по 80 к. или 23 алт. 2 деньги, сибирскіе — отъ 90 к. или 30 алт. до 1 р., а черные сибирскіе, отличавшіеся мягкостію и длинотою шерсти, —до 4 р. (6). Россомахи служили предметомъ вывоза и отправлялись болѣе всего къ англичанамъ, которые сбывали ихъ въ Австрію. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подряжаться на 8000. У Двинскаго порта россомаха стоила 1 р. 3 алт. 2 деньги, а въ Англіи продавалась отъ 3 до 4 р. Въ началѣ XVII в. россомачьи рукавицы стоили 4 алтына. Въ началѣ XVII

(1) Торг. кн. 133. (2) Доп. I. 205. (3) Торг. кн. 132. (4) Торг. кн. 133. (5) Кильбург. 29. (6) Тамъ же.

вѣка цѣна россомахи была отъ 90 к. до 1 р. съ полтиною и болѣе. Кошки черныя въ XVI вѣкѣ въ Холмогорахъ продавались по 2 алт. за штуку и отправлялись къ фландрійцамъ, которые сбывали ихъ во Францію и Италію; во Фландріи русская кошка стоила 4 руб. за сорокъ. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ сговариваться на сто тысячъ ([1]). При Алексѣѣ Михайловичѣ черная кошка продавалась отъ 30 до 36 к. или отъ 10 до 12 алтынъ за штуку ([2]). Лучшіе зайцы ловились въ степяхъ, прилегающихъ къ Крыму и назывались русаками. Они были свѣтлосѣраго цвѣта. Въ XVII вѣкѣ зайцы продавались по полтинѣ за десятокъ. Авторъ торговой книги совѣтуевъ подражаться съ иностранцами на тысячу мѣховъ. Въ XVII вѣкѣ заячій мѣхъ на шубу стоилъ отъ 1 р. до 1 р. 3 алт. 2 д. Выхухоль продавалась отъ гроша до алтына за штуку. Въ Крымскихъ степяхъ ловились кабарги, изъ которыхъ добывался мускусъ. Кабарги продавались отъ 1 р. до 1 р. съ полтиною и до 4 р. за штуку, ибо были рѣдки. Фунтъ мускуса стоилъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ отъ 12 до 15 р., а кабаргинской струи 8 р. ([3]). Кильбургеръ упоминаетъ объ одномъ степномъ звѣрѣ, называемомъ перевозчикъ; онъ былъ величиною съ крысу, цвѣта пестраго, желтаго, чернаго и бѣлаго; онъ сшивался въ мѣха. Сайгачьи шкуры и рога были предметомъ торговали: изъ роговъ дѣлались набалдашники для тростей и разныя токарныя вещи.

Не смотря на богатство Россіи звѣрьми, въ XVII вѣкѣ русскіе получали мѣха изъ за-границы. Въ Россію привозились, кромѣ французскихъ лисицъ, какъ было сказано выше, еще выдры и ильки. По извѣстію Кильбургера въ 1673 году ввезено французскихъ лисицъ черезъ Архангельскъ 330, а черезъ Нар-

---

([1]) Торг. кн. 132. ([2]) Кильбург. 29. ([3]) Кильбург. 40.

ву 180 штукъ, ильковъ до 40 сороковъ: ильки всѣ шли по Волгѣ въ Персію (1).

При Θеодорѣ Іоанновичѣ вывозилось изъ Россіи мѣховъ на 500,000 рублей (2), а о вывозѣ мѣховъ при Алексѣѣ Михайловичѣ можно приблизительно судить по извѣстіямъ, сообщаемымъ Кильбургеромъ. Такъ въ одно лѣто отпущено изъ Архангельска соболей 579 сороковъ, собольихъ хвостовъ 18,742 штуки, собольихъ опушекъ 598, собольихъ кончиковъ 15,550, лисицъ 15,970 штукъ разныхъ сортовъ, куницъ 300 сороковъ, звѣрей, называемыхъ иностранцами minken (?) 281 сороковъ, горностаевъ 288 сороковъ, кошекъ 180,795 штукъ (3).

Лошади составляли важную вѣтвь внутренней торговли. Народъ русскій, находясь въ такомъ положеніи, что долженъ былъ всегда ожидать войны, необходимо дорожилъ лошадьми; притомъ самое обработываніе полей производилось лошадьми. Главный пунктъ конской торговли была Москва, ибо туда каждогодно разъ, а иногда и нѣсколько разъ, татары изъ Астрахани пригоняли большія партіи татарскихъ лошадей для продажи. Отправка конскаго базара или ордо-базарной станицы въ Москву происходила въ Астрахани. Воеводы призывали въ приказную избу нагайскихъ мурзъ и спрашивали ихъ, сколько они могутъ въ предстоящее лѣто отправить въ Москву лошадей; послѣ того табунные головы составляли росписи, въ которыхъ означали, сколько будетъ отправлено лошадей и съ кѣмъ именно. Для охраненія конопродавцевъ воеводы отряжали до двухъ сотъ человѣкъ стрѣльцовъ, подъ главнымъ предводительствомъ сотниковъ; вмѣстѣ съ ними выбирались распорядители всей компаніи — *станичники* изъ дѣтей боярскихъ, а при нихъ толмачъ. Наконецъ съ стрѣльцами отряжалось до 150 человѣкъ конныхъ вооруженныхъ татаръ. Съ станичниками былъ станичный вожь,

---

(1) **Кильбург. 75.** (2) **Fletch. 16.** (3) **Кильбург. 23. 39.**

знавшій примѣты степи, по которой имъ приходилось слѣдовать. При выступленіи изъ Астрахани лошади не подвергались оплатѣ пошлинами. Но за то татары не смѣли продавать лошадей на пути до Москвы. Вмѣстѣ съ этою ордообразною станицею отправлялись въ Москву купцы съ разными товарами (1), а по заключенному Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ съ калмыцкими тайшами договору къ татарамъ присоединялись и калмыки съ своими лошадьми (2). На урочищѣ Коровьи Луки станичники дѣлали смотръ людямъ, лошадямъ, и всѣхъ, кто оказывался лишнимъ противъ списка, составленнаго въ Астрахани, записывали особо; ибо эти лишніе люди не получали царскаго жалованья по прибытіи въ Москву. Одинъ экземпляръ составленной такимъ образомъ станичниками росписи отсылался обратно въ Астрахань, другой они везли съ собою въ Москву. Въ тоже время станичники отмѣчали аргамаковъ и вообще лучшихъ лошадей, которыя, по ихъ соображеніямъ, могли оказаться пригодны для царской конюшни. Послѣ этого смотра, станица слѣдовала до Царицына, гдѣ воевода давалъ имъ еще придаточный отрядъ стрѣльцовъ. Путь ихъ лежалъ на Тамбовъ и Шацкъ, но иногда они шли по берегу Волги черезъ Саратовъ. Во время пути, станичники не позволяли ни татарамъ, ни торговцамъ, ни стрѣльцамъ отлучаться изъ каравана, назначали караулы на станахъ, когда приходилось становиться на отдыхъ или на ночлегъ, наблюдали за согласіемъ между членами каравана, и въ случаѣ нападенія на караванъ калмыковъ должны были биться противъ нихъ вмѣстѣ съ охранявшими караванъ стрѣльцами и вооруженными татарами. Достигнувъ такимъ образомъ перваго украиннаго города Рязанской провинціи или жилыхъ мѣстъ, они снова производили смотръ всему каравану, посылали нѣсколькихъ стрѣльцовъ по окрестнымъ селамъ съ предостереженіемъ, чтобъ жители берегли свои

(1) А. И. IV, 217. (2) С. Г. Гр. IV, 348.

поля, а по возвращенiи разсыльныхъ отпускали назадъ конвойные отряды стрѣльцовъ и татаръ и ѣхали вплоть до Москвы съ торговцами и только девятью стрѣльцами. Достигнувъ столицы, станичники посылали въ казенный дворецъ извѣстить о своемъ прибытiи (1).

Торгъ происходилъ въ концѣ города на конской площади. Сначала воеводы выбирали лошадей для царской конюшни, пятнали ихъ и отсылали, а деньги за этихъ лошадей выдавались уже послѣ. Такихъ выбранныхъ для царскихъ конюшенъ лошадей бывало отъ 5000 до 8000 (2). Послѣ того позволялся свободный торгъ всѣмъ (3). Во время торга брали пятенныя деньги и деньги за записку въ книгу каждой продажной лошади. Эти деньги составляли доходъ конюшеннаго приказа. По окончанiи торга татарамъ и калмыкамъ дѣлали угощенiе: устроивали столъ на царскомъ дворѣ и, по окончанiи стола, дарили на платье (4). Возращаясь домой, они получали суда и проводниковъ до Казани безденежно. Количество пригоняемыхъ въ Москву татарскихъ лошадей каждогодно простиралось до 50,000 и болѣе (5), но въ концѣ XVII вѣка станицы перестали было приходить и правительство дознадось, что татары нашли для себя выгоднѣе сбывать лошадей въ Крымъ и Азовъ. Тогда запрещено было татарамъ подъ смертною казнью продавать лошадей мимо власти (6). Страшась подрыва своихъ интересовъ, власть запрещала русскимъ покупку лошадей въ Астрахани у татаръ. До 1625 года астраханскiе воеводы и приказные люди покупали у татаръ лошадей и отправляли въ свои имѣнiя въ Россiю, а за ними и торговые люди, прiѣзжавшiе въ Астрахань, покупали у татаръ лошадей и гоняли ихъ въ Россiю, но въ 1625 запрещена такая торговля (7). Равно и татарамъ воспрещалось гонять куда бы то ни было лошадей для продажи, кромѣ Мо-

(1) А. И. IV, 218—219. (2) Коших. 73. (3) А. И. IV, 219. (4) Коших. 73. (5) Коших. 73. (6) А. И. V, 419. (7) А. И. III. 215.

сквы (1). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ это правило наблюдалось во всей силѣ. Власть не хотѣла, чтобъ частные люди владѣли отличными лошадьми, достойными быть въ царской конюшнѣ. На этомъ основаніи, въ 1665 году, въ поволжскихъ городахъ у торговцевъ отбирали на царя лошадей, когда почитали ихъ достойными царской конюшни, платя хозяевамъ отъ 1 р. до 2 р. (2). Поэтому, такъ-какъ пригонъ татарскихъ лошадей въ Москву происходилъ только въ извѣстные сроки и какъ притомъ только въ Москвѣ совершался большой торгъ ногайскими лошадьми, то цѣны на этихъ лошадей очень поднимались: послѣ отхода станицы, барышники, скупая татарскихъ лошадей отъ 5 до 15 р. за лошадь, покормивъ ихъ съ мѣсяцъ, продавали за большія деньги (3). Въ Сибири торгъ лошадьми производился свободнѣе, ибо калмыкамъ позволялось пригонять лошадей въ Тобольскъ и другіе города и продавать безпрепятственно (4).

Впрочемъ, кромѣ лошадей, покупаемыхъ отъ татаръ и калмыковъ, русскіе покупали ихъ еще и отъ персіянъ, турковъ и дагестанцевъ (5). Наконецъ изъ Европы доставляли упряжныхъ лошадей, но уже къ концу XVII в. этотъ пригонъ прекратился. Русскіе имѣли и свои конскіе заводы. Еще Іоаннъ Васильевичъ считалъ необходимымъ улучшить породы домашнихъ лошадей (6). Торговля русскими лошадьми происходила повсемѣстно по одиначкѣ на конскихъ площадкахъ, которыя были почти въ каждомъ торговомъ городѣ и на сельскихъ торгахъ. Торговля лошадьми подлежала издавна пошлинѣ, извѣстной подъ именемъ пятенной и сопровождалась стѣснительными административными и юридическими обрядами. По судебнику, при покупкѣ лошадей, должно находиться пять или шесть свидѣтелей (7). Продавецъ лошади

---

(1) А. И. III, 210. (2) А. И. III. 109. (3) Коших. 3. (4) С. Г. Гр. III, 64. (5) Кильб. 81. (6) Барбер. 36. (7) А. И. I.

давалъ покупателю купчую или конскую запись, гдѣ обозначались лѣта и шерсть лошади; въ этой купчей продавецъ обязывался очищать покупателя отъ всякихъ убытковъ, могущихъ возникнуть отъ нечистой продажи и, въ такомъ случаѣ, платить проторы, какія покупатель заявитъ въ своей сказкѣ. Продавецъ долженъ былъ представить за себя поручителя, который бы могъ платить за него, въ случаѣ его несостоятельности (1). Брали пошлинъ съ рубля по 3 деньги, да сверхъ того съ записки, съ лѣтъ, съ шерсти, *почемъ уложено.* Не заплатившій пошлинъ и продавшій лошадь мимо этихъ формъ, равно какъ и купившій, подвергались пени по рублю съ человѣка. Эти пошлины доставляли царской казнѣ до 1000 руб. въ годъ доходу (2). Такая процедура установлена, какъ для увеличенія доходовъ власти, такъ равно и для предупрежденія конокрадства. Сборъ пошлинъ на конскихъ плащадкахъ отдавался иногда на откупъ (3).

Увеличеніе цѣнности лошадей указываетъ намъ сличеніе оцѣнки лошадей по поводу иска о покражахъ, составленной при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ и оцѣнки, составленной по тому же поводу при Михаилѣ Θеодоровичѣ. При Іоаннѣ Васильевичѣ положено взыскивать за коня (нагайскаго) 5 руб., за нагайскую кобылу — 3 р., за жеребенка конскаго (подростка) — 2 р., за мерина 2 р., за кобылу (русскую) — $1^1/_2$ р.; при Михаилѣ Θеодоровичѣ за коня 8 р. за нагайскую кобылу — 6 р., за жеребенка конскаго — 3 р., за мерица — 4 р. за кобылу— 3 р.; за жеребенка — $1^1/_2$ р. Но въ народной торговлѣ они были дороже, ибо въ Бѣлозерскѣ въ 1614 г. меринъ оцѣненъ въ 10 р. (4), а въ 1619 г. въ Шуѣ, меринъ цѣнился отъ $4^1/_2$ до 6 р., кобыла отъ $2^3/_4$ до 3 р. (5) При Алексѣѣ Михайловичѣ средственныя татарскія лошади цѣнились отъ 5 до 15 р.

---

(1) Оп. Г. Шуи. 401. (2) Коших. 66. (3) А. А. Э. II, 62 (4) Э. III. 85. (5) Опис. г. Шуи, 385.

въ Сибири меринъ стоилъ отъ 3 до 6 р. (1); въ Устюгѣ — отъ 1 до 10 р. (2). Въ Новгородской землѣ хорошій меринъ цѣнился отъ 4 до 5 р. (3). Въ Черномъ Яру лошадь можно было купить отъ 1 р. до 2 р. (4). Лошади боярскія, аргамаки, цѣнились значительно дороже. Въ началѣ XVII в. грузинскій аргамакъ оцѣненъ въ 65 р., другіе два отъ 30 до 40 р., боярскій меринъ отъ 12 до 16 р., лошади же людей боярскихъ отъ 2 до 10 р., старыя и больныя продавались отъ 20 до 40 алтынъ. Кобылы были дешевле. Въ Новгородѣ въ началѣ XVII века цѣнность лошади колебалась между $1^1/_2$ и 3 р. (5).

Скотъ и живность. Изобиліе даровъ природы, сравнительная многолюдность и недостатокъ сбыта производили при благопріятныхъ обстоятельствахъ дешевизну, удивлявшую иностранцевъ. Корова составляла *стягъ* и эта мѣра была сравнительною единицею для предметовъ живности. Говядина продавалась стягами, стягъ дѣлился на полоти и заключалъ въ себѣ иногда десять, иногда пять полотей ибо полоти были не ровны. Въ торговомъ быту стягъ равнялся десяти баранамъ, двадцати гусямъ и зайцамъ, тридцати поросятамъ, уткамъ и тетеревамъ, тридцати курамъ и тысячѣ яицъ (6). *Окорокъ* обыкновенно равнялся половинѣ полоти и раздѣлялся на *части.* Коровье масло продавалось *горшками* и *берестенями*, сало свиное *коровами*, молоко *ведрами* и *кувшинами* (7). Средняя цѣна стягу въ XVI и XVII вѣкѣ приводится около 2 р, но иногда спускалась до 1 р. Въ 1855 году въ Новгородѣ яловица цѣнилась въ 2 руб. (8). При царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ оцѣнка для иска о покражахъ составлена была такъ: корова и быкъ 1 р., коза 6 алт. 4 д., свинья и овца 1 гривна (9). Въ

(1) **А. И. III, 74, 167.** (2) **Доп. III, 100.** (3) **А. И. V, 62.** (4) **А. И. IV, 344.** (5) **Оп. Пм. Тат. 31, Врем. VIII. Новгор. Тамож. кн. 1613 г. въ Стокгол. Госу. Арх.** (6) **А. А. Э. I, 294, 295.** (7) **С. Г. Гр. II. 137. — А. А. Э. 1, 225. Врем. VIII. С.Г. Гр. I, 410.** (8) **Доп. I. 125, А. И. III, 301.** (9) **А. И. III, 301.**

1573 г. полоть мяса въ Новгородской землѣ оцѣнена въ 5 новгородскихъ денегъ (1). Въ 1582 г. цѣнились: баранъ живой гривна, полоть свинаго мяса гривна, гусь живой и битый 2 алт., 2 д., порося живое и битое 1 алт., 40 яицъ 2 д., гривенка масла коровьяго 1 деньга. При Θеодорѣ Іоанновичѣ въ Москвѣ часть говядины стоила 4 д., баранья туша безъ кожи—2 алт., курица—2 д., гусь—2 гроша, утка—4 д., ведро молока–6 д.(2). Мясо говяжье соленое, равно и соленое масло коровье составляли предметы вывоза. Въ концѣ XVI вѣка соленое говяжье мясо продавалось по 2 р. 10 алт. 2 д. за бочку въ 8 пудовъ, пудъ коровьяго масла, покупаемый иностранцами для суконныхъ красокъ—20 алт., а безменъ продавался среднею цѣною по одному алтыну и по 8 денегъ. Составитель Торговой книги совѣтуетъ подряжаться перваго на сто бочекъ, а послѣдняго на тысячу пудовъ. Цѣнность говяжьяго мяса въ Голландіи доходила до 7 ефим., или отъ $2^1/_2$ р. до 3 р. 5 алт., а масла пудъ продавался во Фландріи по рублю, въ Испаніи по 2 р.; свиное мясо, соленое по русски безъ копоти, оказывалось иностранцамъ не годнымъ для покупки и потому русскіе выучились его коптить, и составитель Торговой книги совѣтуетъ подряжаться съ иностранцами на сто полотей. Пудъ его обходился купцу 26 алт. 4 деньги, коровье масло соленое привозилось на продажу бочками. Въ Новгородѣ въ 1613 г. бочка масла въ 6 пудовъ съ половиною стоила 12 р., и вообще въ то время средняя цѣна пуду масла была $2^1/_2$ р. (3). При Михайлѣ Θеодоровичѣ оцѣнка по поводу исковъ о покражахъ поставлена такъ: за корову и быка 2 р., за козу 10 алт, за овцу и свинью 2 гривны (4), слѣдовательно вдвое противъ оцѣнки при царѣ Θеодорѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка мы находимъ цѣны: ягненокъ—10 к., кури-

(1) **А. И. I, 349.** (2) **Ст. Сп. Флетч.** (3) **Торг. кн. 134, З. Арх. О. I. Новгор. Тамож. кн. 1613 г., въ Стокгольмск. Госуд. Арх.** (4) **А. И. III, 301.**

ца—7 денегъ (1), небольшой, но жирный быкъ—1 р., баранъ и овца—3 алт. 2 д., а въ Ладогѣ овца отъ 12 до 18 к. (2). Въ Шуѣ, 1619 г., корова стоила 3 р., быкъ—2 р. овца—2 гривны (3), полоть ветчины—13 алт. (4), гусь—2 алт. съ деньгою. Въ 1633 по дорогѣ изъ Москвы яловица стоила отъ $1^1/_2$ до 2 р., баранъ отъ 5 алтынъ до 2 гривенъ, курица — отъ 4 до 6 д. (5). Въ первыхъ десяти годахъ царствованія Алексѣя Михайловича пудъ коровьяго масла продавался отъ 30 алтынъ до 1 р. 10 алт., а гривенками въ разницу по алтыну за гривенку, яицъ десятокъ 3 д., а сотня до 2 алт. 4 д., въ Вологдѣ 400 яицъ—11 алт. 2 деньги; за 120 красныхъ яицъ —5 алт. 2 д., за триста 10 алтынъ; ведро сметаны (въ Вологдѣ) 11 алт. 4 д., кувшинъ молока (въ Москвѣ)—8 денегъ, пудъ свинаго мяса—11 алт. (6). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, въ Москвѣ пудъ говядины стоилъ 9 алтынъ 2 д. (на наши теперешнія деньги 57 коп.), овца (около Новгорода)—отъ 4 алт. до 4 алт. 4 д. и (ближе къ Москвѣ) отъ 10 алт. (60 коп. сер. нашихъ) до 12 алтынъ, поросенокъ—отъ 1 алтына четырехъ денегъ до двухъ алтынъ (отъ 8 до 12 коп.), гусь—отъ 3 алтынъ (18 коп. нашихъ) до трехъ алтынъ двухъ денегъ, утка—1 алтынъ 4 д. (10 коп. сер. нашихъ) курица—1 алтынъ (нашихъ 6 коп.), пара цыплятъ и голубей 4 деньги, заяцъ отъ 1 алт. до 1 алт. 2 денегъ, тетеревъ отъ 2 алт. 4 денегъ до трехъ алтынъ (18 коп. нашихъ), рябчикъ 2 деньги; пудъ копченаго мяса и сала 13 алт. (нашихъ около 80 коп. сер.), коровьяго масла пудъ 1 р., а фунтъ отъ 5 алт. 2 д. до 6 алт (нашихъ 37 коп.), десятокъ яицъ 4 деньги (нашихъ 4 коп.), индѣйка отъ 5 алт. до 5 алтынъ 4 д. Эти припасы были всегда дешевле

---

(1) Маржер. 15. Olear. 151, 338. (2) О. г. Шуи. 386. (3) Ibid. 385. (4) Olear. Ibid. (5) Расх. кн. Ник. Врем. XIII (6) Кильб.

зимою, чѣмъ лѣтомъ, по удобству подвоза. Правительство строго приказывало наблюдать, чтобы не торговали больною скотиною.

Сало было однимъ изъ главныхъ предметовъ вывозной торговли. Русское сало, отпускаемое за-границу (не включая свинаго), было ворванье (китовое, моржовое и тюленье) и говяжье. Китоловничество производилось на Сѣверномъ и Бѣломъ морѣ. Каждогодно передъ заморозами китоловы отправлялись къ морю и оставляли тамъ суда свои до весны. Эти суда рѣдко принадлежали одному лицу, но почти всегда нѣсколькимъ, составлявшимъ артель или компанію. Такимъ образомъ, пять или шесть судовъ принадлежали такой компаніи. При появленіи весны, но прежде чѣмъ ледъ начнетъ таять, китоловы приходили къ своимъ судамъ и тянули ихъ въ открытое море по льду. Такой флотъ состоялъ обыкновенно изъ семнадцати судовъ; суда эти были большія и широкія, и служили имъ домами во время китоловнаго похода. Въ это весеннее время происходила самая дѣятельная китовая ловля, ибо тогда киты выходили изъ глубины моря и ложились на льдинахъ противъ солнца. Иногда ихъ было до 4000 и до 5000 на одной льдинѣ. Китоловныя судна плавали отрядами, подавая другъ другу сигналы, чтобъ не потерять между собою связи, и какъ только одному отряду удавалось завидѣть китовъ, онъ тотчасъ подавалъ сигналъ другимъ; всѣ спѣшили къ указанному мѣсту и нападали на китовъ съ баграми; иногда китамъ удавалось схватить богоръ, разломать льдину, обдавать своихъ враговъ водою и подвергать ихъ опасностямъ. Послѣ бойни китовъ, китоловы тянули ихъ, обдирали шкуру, извлекали сало, а тѣла покидали, и уходили съ добычею на берегъ, гдѣ немедленно принимались варить добытое сало (1). Сбытъ ворвани производился въ Холмогорахъ и на Двинѣ (2). Сверхъ того ворвань

---

(1) Fletch 19, 20 (2) Доп. III, 116. Гор. кн. врем. VIII.

привозилась на продажу въ Каргополь (1). Отсюда она вѣроятно шла въ Нарву, ибо часть сѣверной ворвани сбывалась и въ балтійскіе порты. Сало китовое отпускалось за-границу въ бочкахъ и шло во Фландрію и Испанію, гдѣ употреблялось на мыло и на разныя техническія работы. Правительство облагало этотъ промыселъ десятымъ процентомъ, какъ и рыбный (2). Въ XVII вѣкѣ, однако, китоловный промыселъ былъ очень стѣсненъ тѣмъ, что правительство, признавъ его своею собственностью, отдавало на откупъ, и предоставляло единственно откупщикамъ, а не другимъ, покупать ворвань у китоловов. Откупщики давали имъ какую угодно цѣну и тѣмъ принуждали покидать промыселъ. Эта откупная система вовсе не была полезна власти, потому что прежде казна получала съ китоловнаго промысла отъ 4000 до 5000 р., а откупъ могъ давать ей едва только 200 р. (3).

Говяжье сало вывозилось за-границу въ большомъ количествѣ, ибо русскіе не употребляли телятины, и откармливая подростковъ телковъ, убивали ихъ на сало. Купцы скупали его въ провинціяхъ: Казанской, Нижегородской, Московской, Ярославской, Тверской, въ Городецкѣ, Угличѣ, Смоленскѣ, въ Украинныхъ городахъ, и отправляли въ Архангельскъ, пользуясь водяными путями (4). Въ торговлѣ различалось бѣлое и желтое сало; первое было дороже послѣдняго; какъ то, такъ и другое было *черешеное* (вареное) и *сырое*. Первое было предпочтительнѣе другаго.

Вообще салотопные промыслы и отпуски сала за-границу были производимы въ большемъ размѣрѣ въ XVI вѣкѣ, чѣмъ послѣ того. Въ половинѣ XVI вѣка вывозилось за-границу до 100,000 пудовъ сала, а къ концѣ этого столѣтія только до

---

(1) С. Г. Гр. II, 141. (2) А. И. IV, 550. (3) А. А. Э. IV, 19
(4) Fletch. 18.—Кильбургъ. 36.

30,000 (¹). Въ Торговой книгѣ, составленной около того же времени, авторъ не совѣтуетъ подряжаться на количество, превышающее 1000 пудовъ (²). Въ XVII вѣкѣ этотъ упадокъ былъ значительнѣе. Причиною тому — стѣсненіе торговли отъ власти, дошедшее до того, что говяжье сало сдѣлалось исключительною монополіею казны (³), въ числѣ указныхъ шести товаровъ, никто не могъ продавать его иноземцамъ, а долженъ былъ представлять въ казну. Но уменьшенію вывоза способствовало и плутовство русскихъ при продажѣ сала иностранцамъ. Уже въ половинѣ XVI вѣка, англичане замѣтили, что русскіе мѣшали въ продаваемое сало часть чернаго и пригнилаго, а въ ворвань подливали воды (⁴). Тоже самое говорили о нашемъ салѣ иностранцы въ XVII вѣкѣ, прибавляя, что русскіе дѣлали нарочно для сала толстыя бочки, чтобъ прибавить вѣсу (⁵). Сверхъ того уменьшенію вывоза способствовало распространеніе сальныхъ свѣчь въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Прежде знатные употребляли восковыя свѣчи, а бѣдные довольствовались лучинами (⁶). Говяжье сало отправлялось въ Европу на дѣланіе свѣчь. Оно продавалось *бочками* и *коробьями*, но также и на вѣсъ, берковцами и пудами (⁷).

При Іоаннѣ Васильевичѣ пудъ сала въ Москвѣ стоилъ 9½ алтынъ (⁸). Въ 1557 г. англичане за центнеръ говяжьяго сала платили 16 шиллинговъ, а за тонну ворвани 9 ф. стерл. (⁹). Вскорѣ, по поводу требованія за-границу, цѣна сала поднялась. Сало говяжье обходилось купцамъ въ покупкѣ: бѣлое по 22 алтына (на наши деньги около 2 р. сер.), а желтое по 19 алтынъ 2 д. за пудъ; сами купцы поставляли сало иностранцамъ по 40 алтынъ, лучшее же и по 2 р. (¹⁰). Цѣнность его за-границею

(¹) Fletch. 18. (²) Торг. кн. 130, З. Арх. Общ. I. (³) Доп. IV, 281 (⁴) Lett of The Mosc. Comp. Hacl. 346. (⁵) Fletch, 18. (⁶) Fletch. 18. (⁷) Lett. of the Mosc. Comp. (⁸) Раф. Барбер. 56. (⁹) Killing. Hack. (¹⁰) Торг. кн.

простиралась: во Фландріи до 1 р., въ Испаніи до 2 р.—Ворвань продавалась въ бочкахъ отъ 1 р. 26 алт. до 2 р. 5 алт. за бочку, въ Голландіи—до 3 р. 32 алт., а во Фландріи—до 4 р. за бочку.

Въ половинѣ XVII вѣка въ Вологдѣ берковецъ сала стоилъ отъ 7½ до 10 руб. (1). Въ Москвѣ пудъ сала стоилъ около 7 алт. (2). Ворвань, привозимая на продажу иноземцамъ въ Архангельскъ, продавалась отъ 1 р. до 1½ р. за бочку и покупалась преимущественно бременцами, до 600 бочекъ въ годъ (3). Свѣчи продавались сотнями, полсотнями и десятками. Въ 1654 году сотня сальныхъ свѣчь стоила отъ 7 алтынъ (4) до 8 алтынъ.

Конскій волосъ, свиная щетина и гусиный пухъ закупались купцами въ разныхъ городахъ и селахъ и отправлялись за-границу. Въ концѣ XVI вѣка конскій волосъ продавался по 1 алтыну за фунтъ. Пухъ былъ сѣрый и бѣлый: сѣрый стоилъ 3 р., а бѣлый 6 р. за пудъ (5). Во второй половинѣ XVII вѣка пудъ лучшаго бѣлаго пуха стоилъ 8 руб., а сѣраго 4 руб. Свиная щетина при Алексѣѣ Михайловичѣ возилась за-границу въ количествѣ отъ 5000 до 6000 пудовъ, приблизительно по цѣнѣ отъ 4 до 4½ руб. за пудъ (6).

Кожи, составлявшія предметъ и внутренней и вывозной торговли, были яловичныя, оленьи, лошадиныя, лосинныя, буйволовыя, козлиныя и овечьи. Мѣстомъ закупа оленьихъ кожъ была Лампожня, гдѣ, какъ мы уже говорили, скупались онѣ у самоѣдовъ и оттуда отправлялись въ Холмогоры. Прочіе роды кожъ выдѣлывались въ разныхъ краяхъ Россіи. Въ Холмогорахъ занимались кожевничествомъ и Кандалакскій монастырь ежегодно отправлялъ туда оленьи и конскія кожи для обработки. Коже-

---

(1) Доп. III. 148. (2) Врем. XIII, 19. (3) Кильбург. 38. (4) Врем. III расх. кн. 18. (5) Торг. кн. 134, З. Арх. О. I. (6) Кильбург. 71.

венное производство наиболѣе процвѣтало въ областяхъ Казанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской, въ Бѣжецкомъ Верху ([1]), Новгородской и Псковской ([2]). Выдѣлкою лошадиныхъ и соленыхъ буйволовыхъ кожъ занимались въ Ростовѣ, Вологдѣ, Новгородѣ, Муромѣ, Перми; другими же кожами преимущественно въ Казани. Лошадиныя кожи дѣлались широкими, а яловичныя были узки и приготовлялись изъ маленькихъ телковъ ([3]). Яловичныя кожи окрашивались чернымъ цвѣтомъ и чѣмъ цвѣтъ кожи былъ чернѣе, тѣмъ она считалась выше достоинствомъ ([4]). Красная юфть выдѣлывалась въ областяхъ: Казанской, Новгородской, Псковской, въ Москвѣ, Костромѣ и Ярославлѣ. Лучшею юфтью считалась казанская и вообще восточныхъ провинцій, за нею по достоинству слѣдовала новгородская, а псковская была хуже ([5]). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ уже сказано, красная юфть была въ числѣ указныхъ шести товаровъ. Красная юфть продавалась въ оптовой торговлѣ кипами: 5000 кипъ заключали въ себѣ 225,000 паръ юфти. Вѣсомъ кипа была 1 до $1\frac{1}{2}$ пуда. Лосинныя кожи доставлялись изъ сѣверныхъ провинцій, къ югу отъ Двинскаго устья и изъ Сибири, были въ употребленіи въ Россіи, особенно на нижнюю одежду военныхъ и служили предметомъ вывоза ([6]). Въ 1634 году правительство дало одному нѣмцу привилегію на выдѣлку лосинныхъ кожъ, запрещая въ теченіе десяти лѣтъ русскимъ выдѣлывать лосинныя кожи въ разстояніи пятидесяти верстъ отъ завода ([7]). Овчины были простыя и нагайскія, послѣднія получались, между прочимъ, и изъ персидскихъ владѣній ([8]), Скупая ихъ въ сыромъ состояніи, купцы доставляли ихъ въ города, гдѣ занимались ихъ выдѣлкою ([9]). Между прочимъ въ Вологдѣ занимались этимъ промысломъ. Въ оптовой торговлѣ

---

(1) П. С. З. I, 230. (2) Кильбург. 34. (3) Fletch. 18. (4) Торг. кн. 131. (5) Кильбург. 43. (6) Кильб. 34. (7) С. Г. Гр. III, 350. (8) А. И. V, 421. (9) Расх. кн. Ник. 48.

овчины продавались портищами. Сафьяны вывозились къ намъ изъ Персіи и Турціи. Турецкіе считались по достоинству выше персидскихъ. По цвѣту они были зеленые, красные, синіе, черные; зеленые и красные считались лучшими и продавались дороже ([1]). Сафьяны въ оптовой торговлѣ продавались *сафьянами* и *бунтами* ([2]).

Содержатели кожевенныхъ заводовъ или сами скупали кожи въ деревняхъ, или закупали сырыя отъ купцовъ, а обдѣланныя кожи сбывали купцамъ, которые продавали ихъ частью въ большихъ городахъ, а частью отвозили большими партіями въ Архангельскъ. Въ Тотьмѣ и Вологдѣ ([3]) въ зимнее время былъ значительный складъ кожевеннаго товара, который съ весною отправлялся къ Двинскому порту. Запросъ на русскія кожи изъ за-границы былъ такъ великъ, что Московское государство не въ силахъ было удовлетворять его собственными произведеніями, и купцы закупали значительные запасы кожъ въ Ливоніи и Малороссіи ([4]), обыкновенно зимою. Эти сырыя кожи они сбывали по кожевеннымъ заведеніямъ. Но въ свою очередь, выдѣланныя въ Великой Россіи кожи, находили себѣ сбытъ въ Малороссіи.

Въ XVI вѣкѣ англичане обратили вниманіе на лошадиныя кожи преимущественно предъ другими кожевенными произведеніями и наблюдали, чтобъ, при скупѣ ихъ, онѣ были цѣлы и сухи ([5]). При Іоаннѣ IV въ Холмогоры вывозилось ихъ до 100,000 кожъ, а въ концѣ XVI вѣка количество вывоза упало до 30,000 ([6]). Въ половинѣ XVII вѣка вывозъ русскихъ кожъ увеличивался годъ отъ году. Около 1674 г. вывозилось въ годъ до 75,000 кипъ юфти; буйволовыхъ соленыхъ и козлиныхъ вывозилось въ Архангельскъ до 4500 штукъ, тюленьихъ около 30,000.

([1]) Кильбург. 129. ([2]) А. И. V, 46. ([3]) Доп. Ш, 106, — Кильбург. 43. ([4]) П. С. З. I, 535. ([5]) Lett. of the Mosc, Comp. Hacl. 342. ([6]) Fletch. 18.

Русскіе издавна славились искусствомъ выдѣлывать кожевенныя произведенія (1). Между прочимъ бичи нигдѣ не дѣлались такъ хорошо, какъ въ Россіи (2).

Цѣнность кожъ по Торговой книгѣ въ концѣ XVI вѣка означена такимъ образомъ: сырыя яловичныя кожи продавались по 2 р. 10 алт.; во Фландріи цѣна ихъ колебалась между 3 и 4 р.; въ Испаніи доходила до 5 р.; телячьи бѣлыя, покупаемыя на опушки платьевъ вмѣсто горностаевъ, продавались по 2 алт. 2 д.; кожа дубленая въ Вологдѣ стоила отъ 20 алтынъ до 23 алтынъ 2 денегъ; красная юфть стоила отъ 40 алтынъ до 2 р., желтая юфть продавалась по 4 алт. 2 д.; лосинныя кожи—по 27 алт. 3 д.; во Фландріи онѣ доходили до 2 р., а въ Испаніи — до 3 и до 4 р. Замша продавалась по 1 р. 10 алт. 4 д. Оленьи кожи —отъ 10 алт. до 1/2 р. (3). За выдѣлку кожъ платили въ XVI вѣкѣ по 6 алт. за кожу (4).

Въ XVII столѣтіи соленыя кожи стоили до 70 р. за сотню, буйволовыя до 50 р., козлиныя до 36 р., одна тюленья стоила 5 алт. Кожаныя рукавицы продавались отъ 3 алт. 2 денегъ до 4 алт. за пару и служили предметомъ вывоза за–границу. Въ 1673 г. въ Нарву отправлено было ихъ до 4300 паръ; онѣ продавались въ оптовой продажѣ отъ 5 до 8 р. за сотню (5). Въ Сибири русскія кожаныя рукавицы продавались дорогою цѣною. Сафьянъ голубой, желтый и красный стоилъ за пару отъ 26 алт. до 30 алтынъ, а турецкій зеленый—отъ 1 рубля 10 алт. до 1 рубля 13 алтынъ, бѣлый турецкій—до 4 р. (6). Въ 1678 году бунтъ сафьяна продавался въ 3 1/2 и 4 р.. Сапоги яловичные стоили 8 алтынъ, тимовые — 4 гривны; сафьянные — отъ 10 алт. до 14 алт., бахилы дѣтскіе — 6 алтынъ; сапоги красные телячьи—отъ 18 алт. до 22 алт., а за четверо дано

---

(1) Раф. Барбер. 34. (2) Кильбург. 51. (3) Торг. кн. 132. (4) Раф. Барб. 57. (5) Кильбург. 43. (6) Кильбург. 128.

1 р. 20 алт. Тулупъ овчинный стоилъ отъ 25 алт. до 1 р. бурка изъ войлока — 12 алт., а самый войлокъ — 8 алт. Сѣдло простое съ войлокомъ среднею цѣною — отъ полтины до 20 алт. и болѣе. Сафьянное сѣдло съ войлокомъ —около сорока алтынъ и болѣе, смотря по отдѣлкѣ и украшенію. Простая узда стоила около двухъ гривенъ; но узды, украшенныя серебромъ и бархатомъ, разумѣется, цѣнились по степени украшенія. Возжи въ Москвѣ стоили по 2 деньги за каждую; три хомута съ личными шлеями стоили 12 алт. 4 деньги. Патронташъ стоилъ отъ 24 до 80 к., кушакъ верблюжьей шерсти—отъ 25 до 36 к., кожаный кошелекъ кошечьей кожи —отъ 4 до 12 коп. кожаный стулъ — 1 алтынъ, тюфякъ красной кожи—отъ 20 алтынъ до 1½ р. (1).

Воскъ и *медъ*. Съ незапамятныхъ временъ Россія производила въ изобиліи воскъ и медъ (2): эти произведенія служили предметомъ торговли. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ пчеловодствомъ занимались преимущественно въ земляхъ Казанской, Нижегородской, Муромской, Сѣверской, Смоленской, около Дорогобужа и Вязьмы (3). Въ Рязанской землѣ издавна существовалъ пчелиный промыселъ (4). Въ Казанской и Нижегородской земляхъ имъ занимались инородцы: черемисы, чуваши и особенно мордва, доставлявшая самый лучшій сортъ меда (5). Находившіеся въ вѣдомствѣ Верхотурья татары и остяки сыльвинскіе и иренскіе занимались пчеловодствомъ и платили подати медомъ и воскомъ (6). Пчелы водились въ лѣсахъ и содержались въ бортяхъ; но подъ именемъ борти разумѣлось не только вмѣстилище пчелъ, но и цѣлое заведеніе. Люди, занимавшіеся пчеловодствомъ

---

(1) Расх. кн. Врем. XIII. 21 38, 41, 48, 60.-Оп. им. Тат. Врем. VIII, 9—15.—Оп. Шуи. 385.—Кильб. 78.— (2) Несторъ П. С. Р. Лѣт. I. (3) Fletch, 17. (4) С. г. гр. I, 397. (5) Кильбург. 61. (6) А. А. Э. III, 84,

назывались бортники. Въ нынѣшней Нижегородской губерніи цѣлыя села не занимались ничѣмъ другимъ, кромѣ пчелъ, и носили названіе бортниковъ ([1]). Часто бортники составляли особую корпорацію, какъ рыболовы и бобровники; такъ въ великокняжескихъ дворцовыхъ селахъ были бортники, обязанные доставлять медъ и воскъ для обихода двора ([2]).

Въ XVII вѣкѣ цари старались о поддержаніи пчелинаго промысла въ своихъ имѣніяхъ ([3]).

Торговлею воскомъ и медомъ занимались сами производители; они и крестьяне разныхъ вѣдомствъ привозили въ города медъ и воскъ большими массами. Такъ напр. жители с. Костры привозили въ Москву на продажу большое количество, такъ что однажды для патріарха куплено у нихъ 72 пуда, а въ другой разъ 113 пудовъ ([4]). Но также и купцы скупали въ разныхъ мѣстахъ медъ и воскъ отъ производителей и привозили на продажу въ большіе города и отправляли за-границу. Такъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ русскіе купцы дешево покупали медъ и воскъ у татаръ и остяковъ ([5]). Торговля этими произведеніями образовала между крестьянами классъ медовыхъ подвозчиковъ, которые подряжались везти медъ и воскъ по назначенію; медъ патокою продавался бочками. Въ Новгородѣ въ 1613 г. бочка меду патоки вѣсила 10 пудовъ и цѣнилась до 14 р. ([6]). Воскъ продавался кругами ([7]), медъ въ кадьяхъ; въ XVI вѣкѣ кадь заключала отъ 7 до 8 пудовъ, а въ XVII вѣкѣ около 4 п., или отъ 3 п. 8 гривенокъ до 3 пуд. 12 фунт. 34 золотн. ([8]). Въ древности воскъ продавался на капи ([9]). Но въ XVI и XVII столѣтіяхъ при оптовой продажѣ медъ и воскъ взвѣшивался на важняхъ ([10]) и продавался на берковцы, пуды, безмены и восчаныя четверти ибо пошлины взимались съ

([1]) А. И. II, 141. ([2]) С. г. гр. I, 397. ([3]) Доп. V, 327. ([4]) Расход. кн. 25,22,26. ([5]) А. А. Э. III, 84. Новгор. Тамож. кн. 1613 г. ([6]) А. Э. I, 321. ([7]) Расх. кн. 15. Врем. XIII. ([8]) С. г. гр. II, 4. ([9]) Расх. кн. 15, Врем. XIII. ([10]) Торг. кн. З. А. О. I.

вѣса. Продажа воска и меда издавна подвергалась высокимъ пошлинамъ и подчинялась строгимъ правиламъ. Въ Новгородѣ, между прочимъ, сообразно очень древнему установленію, воскъ могъ продаваться единственно у св. Ивана на Опокахъ.

Эти товары были у насъ старинными статьями вывоза. Въ удѣльныя времена воскъ вывозился въ Ригу въ XV вѣкѣ ливонцы покупали его у русскихъ и снабжали имъ цѣлую Европу (1). По открытіи бѣломорскаго пути воскъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ покупки для англичанъ. Въ царствованіе Грознаго они каждогодно вывозили изъ Россіи болѣе 50,000 пудовъ воска; но при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ число пудовъ вывозимаго ими воска упало до 10,000 (2). Иногда правительство налагало временныя запрещенія на выпускъ воска за-границу, или устанавливало особыя правила для торговли имъ. Такъ при Іоаннѣ Грозномъ въ 1555 г. послѣдовало запрещеніе вывозить воскъ (3), а при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ было позволено не иначе отдавать его иностранцамъ, какъ въ промѣнъ на сѣру. Правительство, какъ кажется, старалось сдерживать слишкомъ большой вывозъ воска, дабы онъ не вздорожалъ во внутренности государства: повсемѣстное употребленіе восковыхъ свѣчь въ церквахъ при богослуженіи и въ зажиточныхъ домахъ, требовало заботиться объ оставленіи въ Россіи значительнаго количества его. Въ XVII вѣкѣ каждогодно вывозили за-границу до 35,000 пудовъ воска (4).

Въ началѣ XV вѣка въ Новгородской землѣ берковецъ меда стоилъ 1 р. Въ половинѣ XVI в. цѣнность воска и меда была: перваго по 10 алтынъ, втораго по полтинѣ за пудъ. Въ 1557 г. англичанинъ цѣнилъ русскій медъ въ 4 ф. ст. за центнеръ. Къ исходу XVI в. пудъ воска стоилъ $4^1/_2$ р.; а

---

(1) Кампензе. 31, (2) Fletch. 17. (3) Доп. I, 124. (4) Кильбургъ. 74.

безменъ продавался до 10 алтынъ, позже цѣна его упала до 2 р. 10 алт. 2 д. за пудъ, а наконецъ до $1^1/_2$ р. и 20 денегъ за пудъ, такъ что составитель Торговой книги называетъ такую цѣнность *за посмѣхъ* дешевою. Безменъ меда продавался до 6 алт. 4 ден., средняя же цѣна его была 3 алт. 2 ден. а пудъ 3 р. 6 алт. 4 деньги, но позже она упала до 1 р. 20 алт. Во Фландріи нашъ воскъ продавался по 3 р., а въ Испаніи по 6 р. за пудъ. На количество вывоза его за-границу въ послѣдней половинѣ XVI в. приблизительно указываетъ составитель Торговой книги, совѣтуя договариваться съ иностранцами на сто берковцевъ воску ([1]). При Михаилѣ Ѳедоровичѣ пудъ воска стоилъ 3 р. 4 алт. 1 ден., а пять пудовъ меда оцѣнены въ $1^1/_4$ р. ([2]). Въ половинѣ XVII в. въ Москвѣ пудъ воска стоилъ 3 р. 25 алт., а пудъ меда отъ 22 алт. до 28 алт, пудъ патоки 26 алт. 4 ден. а въ другихъ городахъ, напримѣръ, въ Вологдѣ 25 ал., въ Холмогорахъ 28 алт. 2 ден. за фунтъ восковыхъ свѣчь въ Вологдѣ заплачено 4 9 алт. а въ Москвѣ 4 алт. 2 деньги. За сосканіе свѣчъ свѣчной мастеръ (свѣчникъ) бралъ задѣльной платы 1 алт. съ 30 гривенокъ или 15 фунтовъ ([3]).

4). Шерстяныя и шелковыя матеріи.

Русскіе не умѣли дѣлатъ суконъ и матерій, и потому должны были получать ихъ изъ за-границы, платя за нихъ туземными произведеніями ([4]). Впрочемъ въ нашихъ селахъ дѣлались простыя сукна, составлявшія предметъ потребленія для низшаго, преимущественно сельскаго класса; это были сукна сермяжныя, однорядочныя ([5]). По достоинству они различались на лучшія,

---

([1]) Торг. кн. З. А. О. I, 131. ([2]) А. А. Э. III, 90. ([3]) Расх. кн. Врем. XIII, 45,47,49. ([4]) Раф. Барб. 36. ([5]) А. А. IV, 327.

среднія и худшія и составляли предметъ торговли на сельскихъ торгахъ (1). Сермяжное сукно было бѣлое (2) и сѣрое: изъ послѣдняго дѣлались верхнія одежды или епанчи; зипунъ сермяжный въ половинѣ XVII вѣка стоилъ 20 алтынъ (3). Впрочемъ, въ половинѣ XVII вѣка, русскіе занимались и окраскою своихъ домашнихъ произведеній; такъ, тогда уже въ селѣ Тейковѣ (нынѣшней Владимірской губерніи) крестьяне занимались красильными работами (4). Кромѣ суконъ, русскіе дѣлали шерстяныя полсти и войлоки. Этимъ занимались преимущественно въ Калугѣ и вообще на берегахъ Оки. Войлоки употреблялись на сѣдла, на бурки и находили себѣ сбытъ за-границею (5). Въ 1584 г. полсть оцѣнена въ 6 алт. (6). Въ исходѣ XVI в. полсть шириною въ 2 аршина безъ 3 вершковъ и длиною $3^3/_4$ арш. продавалась по 1 р. (7). Войлочную бурку можно было купить за 12 алт. (8). Въ половинѣ XVII в. сѣрая суконная епанча стоила 13 алт. 2 деньги (9).

Уже Борисъ намѣревался ввести въ Россію фабричное суконное производство и поручалъ нѣмцу Бекману достать въ Любекѣ суконныхъ мастеровъ. Въ XVII вѣкѣ московскій купецъ иностраннаго происхожденія фонъ Шведенъ завелъ суконную фабрику, но получилъ убытокъ; между тѣмъ иностранцы замѣчали у насъ, что около Каспійскаго моря водятся довольно тонкорунныя овцы и полагали, что изъ шерсти русскихъ овецъ можно дѣлать даже такое сукно, какое въ тѣ времена выдѣлывалось въ Гамбургѣ (10). До открытія бѣломорскаго пути сукна и матеріи доходили къ намъ черезъ Ригу, Ревель и Польшу (11). Во время господства англичанъ надъ русскою торговлею, предки наши получали сукна и матеріи чрезъ ихъ руки и цари жаловали обыкновенно англійскими сукнами (12). Эта торговля приносила ан-

(1) А. А. Э. II, 64. (2) А. И. I. 285. (3) Расх. кн. 37. Врем. XII. — (4) Оп, Г. Шуи. 343. 385, (5) Кильб. 40. (6) Доп. I, 197. (7) Торг. кн. 3. А. О. I (8) Барберини. (9) Расх. кн. 37. П. А. (10) Кильб. 174. (11) Lett. of. the Mosc. Comp. (12) Матер. для истор. Иконоп.

гличанамъ большія выгоды: сорокъ процентовъ на сто не были необыкновеннымъ барышемъ (1).

Торговцы Любека и Гамбурга также привозили къ намъ мануфактурныя издѣлія Европы, а во второй половинѣ XVII вѣка ихъ доставляли намъ преимущественно голландцы (2). Кромѣ европейскихъ, намъ доставались восточныя ткани изъ Турціи (3), Персіи, Индіи черезъ руки персіянъ (4) и наконецъ отъ китайцевъ, когда возникли съ ними торговыя сношенія (5). Старые акты указываютъ на древній бытъ нашъ и сохраняютъ множество наименованій суконъ и матерій, изъ которыхъ многія объяснить трудно; русскіе давали имъ собственныя названія и употребляли иноземныя, но не уступали другимъ народамъ въ обыкновеніи коверкать чужестранныя названія суконъ. Обыкновенныя названія бывшія у насъ въ XVI и XVII вѣкахъ, есть слѣдующія: брюкишъ (брюгтское brüggisch), полубрюкишъ, облякишъ, аглинское, полуаглинское, лундышъ (лондонское), игское (ипрское), настрафиль, новоесское, рословское (рослагенское), свицкое (шведское), новогонское, колтырь, костришъ, трекунское, голландское, анбурское (гамбургское) шебединское, мехельнское, влосское (италіанское), гунглиненъ, лимбарское (лимбургское), брабантское, шарлатъ и скорлатъ (французскія сукна), муравское (моравское), четцкое (богемское), мышенское, лятчина или лѣтчина (употребляемое на одежды: *лѣтники*), еренга, гловское, пибарское, жеганское, утруфимъ (утрехтское): иные сорты назывались по цвѣту, напр. багрецъ, кармазинъ и пр. (6). Сукна въ торговлѣ продавались *кипами*, *половинками*, *поставами*, *портнищами*, *аршинами*, *локтями*, и просто *сукнами*. Кипа раз-

---

(1) Ж. М. Н. Пр. 1856. Февр, 96: (2) Кильб. (3) Оп. им. Грозн. 14 Врем. VII.—Врем. II, ст. 23. (4) А. И. П., 330. (5) Врем. VII, 8. (6) Торг. кн. Врем. VIII, З. А. Общ. I, Доп. I. 197. 199. 209,—С. г. гр. II, 139. — Доп. III, 186. 207. — Кильб. 87. 118.

дѣлялась на половинки. Кипы были разныя и заключали въ себѣ различное число половинокъ; такъ въ концѣ XVI вѣка въ кипѣ рословскаго сукна было 25, а въ кипѣ новоесскаго 57 половинокъ (1). Половинка заключала отъ 20 до 25 аршинъ. Предъ концемъ царствованія Іоанна Грознаго половинка сукна, данная въ золотую палату подъ образа, стоила 2 р., а въ другомъ мѣстѣ говорится, что сукно продавалось по гривнѣ аршинъ, а 23 аршина стоили 2 р. (2). Въ Торговой же книгѣ сказано, что въ кипѣ было 25 половинокъ, а изъ половинки выходило 25 аршинъ. Поставъ (3) былъ оптовая единица, равнозначительная нынѣшнему слову штука или кусокъ. Едва ли существовало опредѣленное правило относительное содержанія аршиновъ въ поставахъ, и когда говорилось, что такое-то сукно заключаетъ столько-то аршинъ, то подъ этимъ разумѣлся поставъ. Такъ въ Торговой книгѣ сказано, что мѣра сукну настрафилю отъ 32 до 40 аршинъ, а вслѣдъ затѣмъ прибавлено, что въ Ругодивѣ (Нарвѣ) поставъ покупаютъ за 40 ефимковъ (4); изъ другихъ же извѣстій (5) мы узнаемъ, что настрафиль продавался за аршинъ за $1/2$ р., что довольно приблизительно совпадаетъ съ цѣнностью ефимковъ въ отношеніи рублей, опредѣляемою тою же Торговою книгою. Поставы были въ 40, 30 и наконецъ 20 аршинъ, и такимъ образомъ часто означаютъ то же, что и половинка. При Алексѣѣ Михайловичѣ кусокъ привознаго сукна имѣлъ отъ 22 до 24 арш. (6). Но вообще оптовыя единицы суконныхъ товаровъ не могли означать опредѣленныхъ и постоянныхъ мѣръ, потому что сукна привозились къ намъ изъ разныхъ мѣстъ и оптовыя количества соображались съ тѣми мѣрами, которыя были въ употребленіи въ тѣхъ городахъ, гдѣ дѣлались сукна; а въ тотъ вѣкъ, какъ, извѣстно, въ Европѣ господствовало еще большее разнообразіе, чѣмъ теперь. Портище, какъ кажется, означало кусокъ сукна около

(1) Торг. кн. 118. (2) Доп. I, 92-93. (3) Доп. III. 207. (4) Торг. кн. 138. (5) Доп. I. 209 (6) Кильбург. 115.

четырехъ аршинъ, ибо мы находимъ указанія на подобное содержаніе этой единицы (1). Портище сукна давалось, какъ приблизительная мѣра на одежду человѣка, ибо четыре аршина считалось достаточнымъ для взрослаго; но такъ какъ одно сукно было шире, другое уже то, по этому, англійскаго сукна на одежду давалось 4 аршина, а гамбургскаго пять (2). Подобное значеніе имѣло неопредѣленное названіе *сукно,* когда давалась кому-нибудь на одежду пропорція сукна: такъ въ 1585 г. въ числѣ подарковъ, розданныхъ духовнымъ лицамъ и причту, пономарю дано сукно рословское, стоющее полтину, а въ другомъ мѣстѣ говорится, что аршинъ рословскаго сукна стоилъ гривну, слѣдовательно *сукно,* данное на одежду, заключало пять аршинъ, именно столько, сколько приблизительно могло быть потребно на одежду (3). Мы уже выше, при исчисленіи мѣръ, говорили объ отношеніяхъ аршина и локтя между собою. Русскіе мѣрили сукна аршинами и переводили на нихъ иностранныя мѣры. Торговая книга учитъ, что въ 52 локтяхъ самой употребительной тогда мѣры надобно считать 43 аршина (4). Ширина суконъ была различна, но вобще вращалась около двухъ аршинъ съ частями третьяго. Такимъ образомъ мехельнское сукно имѣло два аршина три четверти ширины, англійское — два аршина шесть вершковъ, настрафиль—два аршина съ четвертью, лятчина—два аршина съ двумя вершками. Поставы и половинки окаймлялись покромками различной ширины, которыя продавались особо и употреблялись на дѣланіе шатровъ (5).

Употребительнѣйшихъ цвѣтовъ сукна были: червчатыя, синія, темносинія, вишневыя, лазоревыя, желтыя, лимонныя, инбирныя свѣтлозеленыя, темнозеленыя, аспидныя, голубыя, мурамленыя. Въ нѣкоторыхъ видахъ суконъ одни изъ цвѣтовъ были дороже,

---

(1) Врем. VIII. Доп. I, 199. (2) Врем. VII. Матер. для Ист. Икон. 89. (3) Доп. I, 199. (4) Торг. кн. 118. — Врем. VIII. (5) Оп. Им. Татищ. 4.

другіе дешевле, такъ напримѣръ, въ новоесскомъ голубой, синій и лазоревый цвѣта были дороже, а въ настрафилѣ лазоревый, голубой и зеленый дешевле; въ лунскомъ — свѣтлозеленый дороже, въ брюкишѣ свѣтлозеленый и цѣнинный дешевле ([1]). Червчатый цвѣтъ и вообще красные отливы были въ большомъ употребленіи. Послѣ нихъ въ модѣ были голубые цвѣта; такъ въ XVI вѣкѣ изъ разныхъ цвѣтовъ дѣлаемыхъ въ Англіи каразей, называемыхъ русскими еренгою, доставлялись преимущественно голубыя ([2]). Черные цвѣта почти не употреблялись ([3]).

Лунское, англійское, багрецъ, скорлатъ были дорогими сортами, настрафиль—средній сортъ, сколько замѣтно, бывшій въ большомъ употребленіи; рословское, еренга, гамбургское, муравское, лимбургское были дешевые сорты. Когда напримѣръ, царь жаловалъ суквами, то особамъ первой статьи давались лунское и англійское, а второй и третьей статей — настрафиль и гамбурское. Лунское ([4]) сукно въ XVI вѣкѣ цѣнилось отъ 16 р. до 30 р. ([5]) за поставъ, смотря по относительной добротѣ его. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ аршинъ темнозеленаго лунскаго стоилъ 1½ руб. ([6]). Въ XVI вѣкѣ поставъ англійскаго червчатаго стоилъ 15 р. ([7]), но низшаго достоинства, или, какъ говорилось тогда, середней земли, можно было поставъ купить за 6 р. ([8]). При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ 62 постава англійскаго сукна оцѣнены въ 500 р. ([9]). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ аршинъ англійскаго вишневаго сукна оцѣненъ въ 31 алтынъ 4 д., а темнолимоннаго — въ 34 алтына 2 деньги ([10]). Въ концѣ XVI вѣка можно было пріобрѣсть однорядку краснаго лунскаго сукна за 13 р. 21 алтынъ 4 деньги ([11]). Въ XVII вѣкѣ однорядка англійскаго темносиняго сукна оцѣнена въ 5 р. ([12]). Аршинъ скорлата въ XVI вѣкѣ стоилъ 3 р. въ половинѣ XVII

([1]) Тор. кн. 118. ([2]) Ж. М. Н. Пр. 1856. II, 92. ([3]) Торг. Кн. З. А Общ. I. ([4]) Доп. I 199 ([5]) И. Г. Р. X. Прим. 462. ([6]) Врем. VII, Матер. для ист. иконоп. ([7]) Доп. 199. ([8]) И. Г. Рос. Прим. 462. Ст. Сп. Флетч: X 40. ([9]). Врем. VII. Матер. для ист. иконоп. 8. ([10]) Доп. I, 199. 4. ([11]) Оп. Г. Шуи. 453. ([12]) Доп. I, 991.

вѣка аршинъ кармазина 1 р. 10 алтынъ (1). Мехельнское высшаго сорта обходилось купцу за аршинъ отъ 2 р. до 1 р. 21 алт., а низшаго — отъ 1 р. 11 алт. съ деньгою до 1 р. 3 алт. съ деньгою (2). Настрафиль въ XVI вѣкѣ стоилъ полтину за аршинъ (3); на кораблѣ, привезшемъ въ Россію разные товары, поставъ настрафиля оцѣненъ въ 13 р. (4). Въ началѣ XVII вѣка аршинъ кострыша сизаго съ искрой оцѣненъ въ полуполтину, гунгилиненъ—30 алтынъ, стаметъ вишневый—12 алт., шебединское зеленое и вишневое — по гривнѣ за аршинъ (5). Рославское въ концѣ XVI вѣка продавалось по 1 р. 20 алтынъ за половинку въ 25 аршинъ, слѣдовательно по $12^{20}/_{25}$ денегъ за аршинъ, и по 1 р. за половинку или по 8 денегъ за аршинъ: первое называлось двоепечатное, второе однопечатное. Аршинъ новоесскаго приходился около двухъ алтынъ; колтырь, утрофимъ продовались за поставъ отъ 13 р. 13 алтынъ 2 денегъ до 10 р. 31 алт. 4 деньги. Каразеи или еренги были двухъ родовъ: англійскія и шотландскія. Первыя по русски назывались большою, а послѣднія малою еренгою. Первыя стоили за поставъ отъ 4 р. 12 алт. 4 д. до 5 р. 11 алтынъ 2 денегъ, а вторыя отъ 5 р. 15 алт. 5 денегъ до 6 р. 22 алт. 3 денегъ. Муравское отъ 5 р. 28 алтынъ до 7 р. 4 алт. за поставъ. Лимбургское было самое дешевое: отъ 2 р. 30 алт. 4 денегъ до 3 р. 18 алт. 4 денегъ (6). Вообще въ въ концѣ XVI и XVII вѣка одѣться порядочно, но не богато, въ суконное платье стоило около 2 р. Аршинъ порядочнаго краснаго сукна можно было купить отъ четырехъ гривенъ или 13 алтынъ 2 деньги (7) до 1 рубля (8). Въ половинѣ XVII вѣка шелковыя и бумажныя ткани вытѣсняли изъ употребленія сукна,

---

(1) А. И. V. 46. (2) Торг. Кн. З. Арх. Общ. I. (3) Доп. I, 192. (4) П. Г. Р. X. Прим. 462. (5) Оп. Им. Татищ. 4. Врем. VIII. (6) Торг. Кн. З. Арх. Общ. I, Врем, VIII. (7) Доп. I, 199. (8) Врем. XIII, Расх. Кн. Ник. 36.

и англійскія сукна падали въ цѣнѣ ([1]); но купцы жаловались, что англичане возвысили цѣну сукнамъ до того, что сукно, стоившее прежде 4 гривны и полтину за аршинъ, доходило до 40 алтынъ ([2]). Сверхъ того замѣчено, что англичане, вмѣсто хорошихъ суконъ, которыя находили себѣ сбытъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, удовлетворяли Россію худшими сортами, которые въ мочкѣ сбѣгали отъ 6 вершковъ до полуаршина въ портищѣ, тогда какъ въ сукнахъ, которыя они привозили прежде, сбѣгало въ портищѣ, не болѣе одного вершка или двухъ ([3]).

Въ 1671 году привезено было кармазиннаго сукна 22 кипы, 587 половинокъ, полукармазиннаго—8 кипъ, 248 половинокъ; въ 1672 г., кармазиннаго—47 половинокъ; въ 1673 г., кармазиннаго — 77 и полукармазиннаго — 12; въ 1671 году англійскаго—81 кипа, 64 половинки, голландскаго—9 кипъ, 22 половинки, гамбургскаго — 41 кипа и 267 половинокъ; въ 1672 г., англійскаго и голландскаго—9 половинокъ и 3 связки, голландскаго—13 половинокъ, гамбургскаго—294 половинки и 19 связокъ, въ 1673 г.—на тридцати корабляхъ — 13 гамбургскаго, 6 голландскаго и 1 англійскаго, на четырнадцати корабляхъ—21 половинка голландскаго, 13 гамбургскаго и 18 изъ сорта, называемаго vierlothen. Кромѣ суконъ привозили камлоты, трипъ, саржу, шерстяную камку ([4]) и ковры. Въ XVI вѣкѣ большой коверъ на бѣлой землѣ длиною 5 аршинъ и шириною 3 аршина стоилъ 10 р. ([5]).

Шелковыя матеріи, употреблявшіяся въ старину, были: бархатъ, камка, атласъ, óбъярь, тафта, мухояръ, дороги, зендень, зуфь, байберекъ, киндякъ, безинь, грогренъ. Но болѣе другихъ были употребительными: бархатъ, атласъ, камка, óбъярь и тафта. Онѣ, какъ мы уже говорили, привозились изъ Европы и также съ Востока и носили названія по мѣстамъ своей

([1]) Сам. Колл. 38. ([2]) А. А. Э. IV, 20. ([3]) А. А. Э. IV. 16. ([4]) Кильбург. 87. 117. ([5]) Торг. кн. 22. Врем. VIII.

обработки. Современный вкусъ любилъ матеріи вышитыя и вытканныя золотомъ и серебромъ, а потому, бархатъ, атласъ, камка и о́бъярь очень часто были *золотныя*. Фонъ матеріи назывался *землею*, а золотое или серебряное тканье или же цвѣты по фонду назывались травами. Цѣны ихъ были чрезвычайно различны, смотря по работѣ и по количеству золота.

Бархаты были венедицкіе, бурскіе, бурматные, литовскіе. Бурскій (изъ города Bourge) бархатъ былъ часто золотной, или же земля его была одноцвѣтная, а по ней травы выткапы шелкомъ другихъ цвѣтовъ, напримѣръ на червцѣ (на красномъ полѣ) шелкъ зеленъ съ золотомъ [1]. Малиновая земля была въ бо́льшемъ употребленіи у русскихъ. Цѣна бурскаго бархата въ XVI в. была отъ 40 алтынъ до 2 р. [2]. Венедицкій гладкій бархатъ одноцвѣтный продовался въ концѣ XVI вѣка по 1 руб. за аршинъ [3]. Между привезенными въ Россію товарами въ концѣ XVI вѣка бархатъ оцѣненъ въ $1^1/_2$ рубля за аршинъ [4]. При Алексѣѣ Михайловичѣ европейскій бархатъ цѣнился отъ $2^1/_4$ до $3^1/_4$ р. за аршинъ [5]. Литовскій косматый бархатъ былъ изъ низшихъ сортовъ и цѣнился въ началѣ XVII вѣка около 6 алтынъ за аршинъ [6]. Самый низшій сортъ бархата назывался бархатель [7] — родъ нынѣшняго плиса. Но самый высокій сортъ бархата былъ турецкій; онъ обыкновенно былъ малиноваго цвѣта съ золотыми, серебряными или разноцвѣтными шелковыми узорами [8].

Камка въ торговлѣ различалась: бурская, венедицкая [9], мисюрская [10] (очень старинный сортъ, употребительный еще въ XV вѣкѣ), куфтерь (очень толстая, плотная матерія), коломенка [11] кармазинная, адамашка (доеличная), есская, итальянская, амстердамская [12], такадская, кизильбашская [13], индійская,

(1) Доп. I, 197. (2) Доп. I, 209. (3) Доп. 123. (4) И. Г. Росс. Прим. 462. (5) Кильбург. 115. (6) Оп. Им. Тат. 5. Врем. VIII. (7) А. И. IV, 161. (8) Врем. II. См. 23. (9) Доп. I, 199. (10) С. Г. Гр. I, 303. 339. (11) Торг. Кн. 128. З. Арх Общ. (12) Кильбург. 115. (13) А. И. II. 17.

китайская (1). Эта шолковая матерія была самая употребительная въ старину и отличалась вообще плотностью и толщиною; чѣмъ камка толще, тѣмъ была цѣннѣе. Почти всегда камка была узорчатая; на иной былъ узоръ большой, на другой малый; чѣмъ больше узоръ, тѣмъ цѣннѣе считалась матерія. Земля или фонъ матеріи дѣлалась цвѣтовъ: краснаго, зеленаго, желтаго, рудожелтаго, бѣлаго, лазореваго, вишневаго, двоеличневаго (2), но чаще всего русскіе выбирали красный цвѣтъ, а узоры по ней были или золотые, или серебряные, или шелковые другихъ цвѣтовъ, отличныхъ отъ цвѣта земли, или шелковые вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ. Узоры изображали листья, деревья, травы, рѣки, горы и т. п. По величинѣ и расположенію узоровъ камка раздѣлялась на травчатую и мелкотравчатую. Камка была гораздо ýже сукна, напримѣръ: кармазинная въ аршинъ безъ четверти и безъ двухъ вершковъ, соломенка аршинъ съ двумя вершками или полутора вершкомъ (3), индійская вдвое менѣе англійскаго сукна (4). Камка была нѣсколько ýже бархату, ибо когда бархату нужно было на одежду 12 аршинъ, камки 13 аршинъ (5). На перину въ два аршина безъ двухъ вершковъ длиною и въ одинъ аршинъ съ четвертью шириною шло камки (червчатаго кармазина) 6 аршинъ и ширина ея равнялась ширинѣ тогдашняго тверскаго и троицкаго холста (6). Для женской одежды потребно было камки девять аршинъ: вѣроятно почти столько же достаточно было и для мужской, потому что мужская одежда въ то время также дѣлалась до пятъ (7). Вообще среднимъ выводомъ камка была въ полтора раза дороже сукна и немного не вдвое дешевле бархата, такъ что когда аршинъ бархата стоилъ 1 р., аршинъ камки соразмѣрнаго достоинства стоилъ отъ 18 до 19 алтынъ (8). Ве-

---

(1) А. И. V. 104 (2) Доп. III, 207. (3) Торг. Кн 128. З. Арх. Общ. I, (4) Врем. VII. Мат. для ист. Иконоп. 104. (5) Доп. I, 200. (6) Бытъ Русск. Цар. Забѣл. Ог. Зап. 1850. Іюль. (7) Доп. I. 199. (8) Доп. I. 197. 200.

недицкая камка цѣнилась въ XVI вѣкѣ въ 20 алтынъ за аршинъ (1); куфтерь была разныхъ родовъ и продавалась отъ 40 алт. до $1\frac{1}{2}$ р. а въ XVII в. въ Москвѣ камка-куфтерь продавалась по рублю (2) (вѣроятно пониже сортъ), адамашка продавалась отъ 20 алт. до $\frac{1}{2}$ р., коломенка—отъ 10 до 13 алтынъ, кармазинная—отъ 40 алт. до 1 рубл. (3). Но эти цѣны означены для оптовой продажи; въ розницу камка продавалась дороже. Камка бурская, часто вытканная золотомъ, цѣнилась выше другихъ сортовъ (4). Индійская камка при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ цѣнилась въ 20 алтынъ за аршинъ (5). При Алексѣѣ Михайловичѣ амстердамская камка цѣнилась отъ 11 алт. 4 д. до 18 алт. 2 д., итальянская отъ 25 алт. до 30 алт. (6).

Объярь была золотная, серебряная и шелковая. Первая составляла самые богатые наряды царей и вельможъ. Объярь была цвѣтовъ: желтаго, бѣлаго рудожелтаго, зеленаго, малиноваго. Ширина ея была различна. Золотная и серебряная объярь дѣлалась часто съ узорами и такъ, что по золотной землѣ выдѣлывались серебряные узоры, а на серебряной золотые. Венецейская объярь была безъ золота съ разноцвѣтными травами по бѣлой землѣ. Аршинъ золотной и серебряной объяри съ узорами цѣнился въ XVII в. отъ 10 до $11\frac{1}{2}$ р. и вообще принималось, что цѣнность аршина объяри приближалась къ цѣнѣ фунта серебра (7). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича объярь (вѣроятно шелковая) продавалась отъ 1 р. 6 алт. 4 денегъ до 2 р. за аршинъ (8). Шелковая объярь, употребляемая женщинами на ихъ тѣлогри и лѣтники, цѣнилась на равнѣ съ тафтой высшаго достоинства; напримѣръ въ описаніи приданаго княгини Лыковой объярь зеленая и алая тафта оцѣнены были въ 4 р. Но дороже считалась объярь, вышитая *вошью* (9).

---

(1) Доп. I, 199. (2) Врем. VII. Матер. для ист. иконоп. (3) Торг. кн. (4) Доп. I, 199. (5) Врем. VII, Матер. для ист. иконоп, 8. (6) Кильбург. 115, (7) Врем. II. См. 23. (8) Кильбург. 115. (9) Врем. V. смѣсь. 24.

Атласъ былъ не много ниже бархата въ цѣнѣ, но очень часто ткался съ золотомъ и серебромъ и потому цѣны на него были разнообразны. Въ XVI вѣкѣ аршинъ атласа стоилъ 40 атлынъ, въ XVII вѣкѣ, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что аршинъ алтаса стоилъ $2^1/_3$ и 4 алтына 2 деньги (1). Когда давали атласъ въ награду за службу, онъ стоилъ иногда 40 р. (2). Въ XVII вѣкѣ цвѣтной атласъ привозился изъ Голландіи и Италіи, и первый извѣстенъ былъ подъ названіемъ амстердамскаго, послѣдній болонскаго: первый былъ въ одной цѣнѣ съ амстердамскою, а второй съ итальянскою камкою. Атласы турецкіе дѣлались малиновые съ золотыми узорами. Высокаго достоинства была матерія *алтабасъ*, получаемый тоже изъ Турціи—золотной съ серебряными травами (3), но былъ и алтабасъ простой разныхъ цвѣтовъ; въ XVII вѣкѣ аршинъ зеленаго атласа стоилъ 30 алтынъ (4).

Тафта въ торговлѣ различалась: шамская, бурская, венецейская, нѣмецкая, такадская, лукская, китайка. Ширина этой матеріи была различна: шамская и бурская девяти вершковъ, венецейская полтора аршина. Иногда была тафта шириною равна сукну; такъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ давалось на платье сукна и тафты равное количество, четыре аршина, а напротивъ камки восемь аршинъ (5). Отъ ширины ея и отъ достоинствъ зависѣла разная цѣна: шамская стоила отъ 8 до 12 алтынъ, лучшею считалась червчатая; бурская отъ 3 до 5 алтынъ, венецейская широкая отъ 19 до 21 алтына, нѣмецкая отъ 3 до 5 алтынъ (6). При Михаилѣ Θеодоровичѣ аршинъ широкой тафты продавался отъ 22 до 28 алтынъ (7). При Алексѣѣ Михаиловичѣ лукская тафта продавалась отъ 20 до 26 алт. 4 денегъ, волнистая отъ 21 алтына до 30 алтынъ (8). При Θедо-

(1) Врем. VII. Матер. для ист. икон. 10. (2) Врем. VII. Смѣсь. 61. (3) Врем. II. См. 22-23. (4) Врем. VII, Матер. для ист. икон. 10. (5) Врем. VII. Матер. для ист. икон. 9. (6) Оп. им. Татищ. Врем. VIII. (7) Матер. для ист. иконоп. 10. (8) Кильбургъ. 115.

рѣ Алексѣевичѣ аршинъ узкой тафты можно было купить за 5 алтынъ (1). Худшіе сорты тафты были китайка и клеенка: первая продавалась отъ 2 до 3 алтынъ за аршинъ (2), а вторая отъ 8 до 12 денегъ (3).

Доро́ги—матерія старинная восточнаго произведенія, ибо между прочимъ славились доро́ги шлянскія и доро́ги канаваты. Эта матерія отличалась тѣмъ, что дѣлалась съ полосами, напримѣръ: зелеными, бѣлыми и вишневыми, или напр. съ бѣлыми, багровыми и червчатыми (4). Мухояръ былъ какъ шелковый, такъ и бумажный (5), и употреблялся преимущественно на покрышку шубъ и верхнихъ одеждъ. Зуфь, называемая костоманная, принадлежала къ болѣе простымъ шелковымъ матеріямъ, ибо три рубля можно было заплатить за такое количество зуфи, за какое камки слѣдовало заплатить 5 р. (6). Между шелковыми произведеніями, въ торговлѣ были въ большомъ употребленіи кушаки: изъ нихъ турецкіе были самаго высшаго достоинства; бѣлый атласный турецкій кушакъ длиною въ 5 аршинъ и 5 вершковъ, поперегъ 6 вершковъ, стоилъ 4 руб., червчатый съ золотомъ стоилъ отъ 1 р. до 2 р. (7), поясокъ шелковый простой стоилъ 3 алтына (8) Изъ Персіи вывозили къ намъ персидскіе шелковые платки, продаваемые въ оптовой торговлѣ топами (9). Матеріи продавались въ оптовой продажѣ косяками. Косякъ заключалъ въ себѣ разное число аршинъ, напримѣръ, иногда 81, иногда 37, иногда 25 и такъ далѣе (10). Косяки дѣлились еще на полукосяки и кондики Кондикъ по видимому равнялся полукосяку, ибо съ двухъ кондиковъ брали туже пошлину, какъ и съ одного косяка.

Шелкъ былъ исключительнымъ достояніемъ казны, которая вымѣнивала его у персіянъ; пудъ обходился казнѣ 30 р., а

---

(1) **А. И. V. 46,** (2) **Ист. Г. Росс. прил. 462.** (3) **Торг. кн. 128.** (4) **А. И. II, 18. А. И. V. 320** (5) **П. С. З II, 122.** (6) **Доп. I, 199.** (7) **Оп. м. Татищ.** (8) **Расх. Кн. 29.** (9) **А. И. V. 320.** (10) **Доп. III. 143.**

перепродавался 45 р. Эта торговля впослѣдствіи была разрѣшена подданнымъ, и въ 1674 году можно было доставать шелкъ и у частныхъ лицъ, какъ и въ казнѣ. Партія ахдахскаго шелку стоила 36 р., черный махнатый шелкъ былъ дешевле; сученый шелкъ привозился не изъ Персіи, но изъ Европы. Десять золотниковъ бурскаго шелку въ XVI вѣкѣ стоили 10 алтынъ (1). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича золотникъ сученаго чернаго шелку стоилъ 5 денегъ, а краснаго одинъ алтынъ двѣ деньги (2).

Количество привозимыхъ къ намъ въ годъ шелковыхъ издѣлій было неравномѣрно, какъ это видно изъ извѣстій о привозѣ и вывозѣ, сообщаемыхъ за три года 1671, 1672 и 1673. Въ 1671 г. было привезено объяри серебряной 32 куска, шелковой —84, атласа—342 куска, бриксъ-атласа — 34 куска, бархата —28 кусковъ, камки — 204 штукъ, тафты — 441 штукъ; въ 1672—объяри золотной и серебряной— 14 куск., шелковой — 43, атласа—192 куска, камки— 259, тафты—53; въ 1673 —золотной и серебряной объяри болѣе 10 кусковъ, шелковой —162 куска, атласа—212, бархата—20 куск., камки—378, тафты—977 (3). Вообще и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, Кильбургеровы извѣстія не ясны, отрывочны и могутъ только приблизительно служить для сужденія о ввозѣ, пока не отыщутся другія извѣстія.

Н. Костомаровъ.

(1) Доп. I. 197. (2) Кильбург. 127. (3) Кильбург. 87.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА I. . . . . 1.

ГВАВА II. . . . . 13.

ГЛАВА III. . . . . 63.

ГЛАВА IV. . . . . 128.

ГЛАВА V. . . . . 165.

ГЛАВА VI. . . . . 188.

